

УДК323(470+571)
ББК66.3(2Рос)
М 33

Исключительное право публикации книги О. Матвейчева «Суверенитет духа» принадлежит ООО «Издательство «Эксмо». Выпуск произведения или его части без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Дизайн переплета А. Ю Новикова

Книга издана при участии
ООО «Издатель Пудовкина Людмила»

Матвейчев О.

М 33 Суверенитет духа. — М.: Эксмо, 2009. — 448 с.
ISBN 978-5-699-39219-3

В какой стране мы живем сейчас и в какой будем жить завтра? Кто мы: нецивилизованная стая дикарей или авангардный отряд Европы? Может ли Россия вернуть себе титул сверхдержавы и нужно ли ей это?

В книге известного политолога Олега Матвейчева предлагается авторская разработка государственной идеологии и методы ее продвижения для становления России мировым духовным лидером. А также даются стратегический прогноз о судьбе нашей страны и народов, ее населяющих, и размышления о том, как остаться человеком в сложную кризисную эпоху слома экономической системы.

Книга дает повод для размышлений о том, как России обрести суверенитет духа, создать новую философию и стать законодательницей мод в сфере хай-тека и хай-хьюма.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-39219-3

© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие должно быть кратким, иначе его не прочтут. Поэтому скажу только, что книга не является монолитной монографией, последовательно разворачивающей какую-либо концепцию. Это сборник статей, написанных в 2004 и 2005 годах (хотя отдельные фрагменты некоторых статей писались с 1993 года в качестве заметок). В данном издании внесены редакторские правки и дополнения уже по свежим следам. В книге не даются ответы, а скорее ставятся вопросы, предлагаются гипотезы и рискованные размышления. Тем не менее, все материалы пронизаны рядом убеждений, которые можно представить в нескольких тезисах:

1. Россия, безусловно, неординарная страна. Мы часто не задумываемся об этом, но половина населения Земли вообще не знает о существовании, например, Италии, Франции, Германии. Про новые «государства» вроде Грузии и стран Балтии скромно умолчим. А вот о России слышали абсолютно все. Россия известна минимум как самая большая по территории и природным запасам страна. И это неслучайно. Каждая пядь этой земли была военным, культурным, цивилизационным, историческим подвигом наших предков. Пространства и богатства легко не даются. Абы кто такую страну создать бы не смог.

2. Россия имеет неоспоримые заслуги перед человечеством: спасение миллионов людей от фашизма, выход в космос, мирный атом и прочее. Она совершила ряд выдающихся военных побед, причем зачастую над силами всей Европы, то есть над превосходящим противником. Россия часто задавала повестку дня в мире. Даже проигрывая, она заставляла говорить о себе, заставляла реагировать, Россия определяла тренд, лидировала.

3. Все это невозможно без неких духовных основ. Военная победа, например, может быть основана только на превосходстве в духе. Равно как и другие победы, в том числе «материальные» и «экономические».

4. Тем не менее, эти духовные основы ДО СИХ ПОР не эксплицированы и не ясны ни нам самим, ни человечеству. Всякий раз мы прикрывались взятыми напрокат у Европы и Запада миссиями: то коммунизмом, то консерватизмом, то либерализмом с просвещением. И всякий раз выяснялось, что эти миссии были ширмой, не укоренялись глубоко и вообще отбрасывались, когда началась серьезная игра. Все попытки эксплицировать самобытные основания были неудачными как, например, в «русской философии» или «советском марксизме» при Сталине и после Сталина. Всякий раз мы после военных побед проигрывали «холодные» войны.

5. Запад на протяжении всей истории демонстрировал как раз гуманитарное лидерство, благодаря чему и стал тем, чем он является.

6. Сейчас в истории, пожалуй, единственный момент, когда Запад утратил и лидерство, и миссию, и не в состоянии предложить ничего ни себе, ни другим в духовном плане. Более того, прежние подходы и методы Запада перестают работать.

7. Но этот пробел можем заполнить мы, на основании решения задачи собственной идентификации, идентификации самобытной, не компаративистской, феноменологической и в то же время общечеловеческой, имеющей значение не только для нас, но для всех. Мы должны перехватить эстафету духовного лидерства! Мы имеем на это право! И мы обязаны это сделать, хотя бы для собственного выживания.

8. Решив проблему собственного выживания, мы одновременно решаем проблему всего человечества¹.

¹ Данная книга — это 2-е издание, исправленное и дополненное тремя главами и новыми эпизодами интернет-полемики (глава «Электронные полемики»).

ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ... ЕВРОПА

Прощай, немытая Россия! Существует обширная литературоведческая дискуссия о принадлежности этих строк перу Лермонтова. Но кто бы ни оказался истинным автором, важно, что после него эту формулу повторили и повторяют все русофобы, от прибалтов, поляков и так называемых «украинцев» до самых далеких заатлантических друзей, которые и Россию-то видели только в голливудских боевиках. Ярлык грязи, немытости по отношению к русским приклеен достаточно прочно. Он, конечно же, является синонимом нецивилизованности и культурной отсталости.

Казалось бы, в наше «толерантное» и «политкорректное» время те или иные гигиенические традиции различных народов должны списываться на так называемую «культурную специфику». Ну и что с того, что «немытая»? Что это за расизм и тоталитаризм такой, всех под одну гребенку чесать? Негры вон вообще черные, а арабы и индусы — смуглые. У каждого свои нравы, свой, как принято говорить, менталитет! Навязывать свои стандарты непolitкорректно и нецивилизованно! Надо говорить не «немытые», а «народы с альтернативной гигиеной», например!

Но прежде чем перейти непосредственно к русским и понять, являются ли они народом с «альтернативной гигиеной», остановимся коротко на проблеме связи между цивилизованностью и чистотой. Равенство между чистотой и культурой, равно как и вырастающий из этого равенства расизм (превосходство именно арийской, белой, то есть чистой расы), — весьма существенное и глубокое убеждение, поэтому и спекуляция на тему немытости имеет большой эффект. Немытость вызывает физиологическую, психологическую иррациональную брезгливость, которая сама по себе — мощное оружие в информационной войне.

М. Эпштейн написал любопытное эссе «Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры», наблюдая за

мухой. Муха, которая на всех плакатах, во всех больницах и учебниках является переносчиком заразы, оказывается, большую часть времени занята ни чем иным как чисткой себя. Она скребет лапкой о лапку, «моет голову». Этим же занимаются и другие насекомые и, тем более, высшие животные. По замечанию зоологов, бабуины и шимпанзе посвящают взаимной чистке одну пятую часть своего времени. Первое, что делает самка после родов — вылизывает детенышей.

Обязательной чистке животное подвергает себя после еды и совокупления. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что самоочищение направлено на отделение организма от среды и повышение его упорядоченности по сравнению со средой. Именно поэтому самоочищение происходит после контакта со средой, с чем-то внешним. Самоочищение символизирует возвращение к самому себе, концентрацию на себе, выделение себя из окружающего мира.

Именно по степени развитости способности к самоочищению выстраиваются градации в животном мире, а также в человеческой культуре. Переход от животного к человеку связан, по мнению известного антрополога Данбара, с новым применением языка. Если у животного язык служит для вылизывания, то у человека — для разговора. С помощью языка члены группы сплетничают, обсуждают друг друга: кто плохой, кто с кем дружит, кто кому нравится. Язык — это способ перемывать косточки ближним, дешевая и сверхэффективная форма взаимочищения.

Можно выстраивать целые иерархии все более чистых форм культуры. Так, например, гигиена — это способ человека отделять себя от природы ради самой природы, то есть ради здоровья своего тела. Более высокая форма — чувство собственности, на котором держится экономика, — одна из примитивных форм отделения своих вещей от чужих. Выше экономики — политика, которая держится на отделении своей группы, своего общества от чужого. Далее идет эстетика, которая строится на прин-

ципе красоты, но быть красивым значит быть вполне собой, отделить от себя все не свое. Можно вспомнить слова Родена о том, что он создает статуи из мрамора, просто отсекая все лишнее. Этика и религия — следующая ступень, в основе их лежит табу, запрет на прикосновение и на все телесное и природное. Священное — это максимально чистое и духовное. Недаром все религии содержат обряды омовения. Ну, а принцип философии вообще только в том и состоит, что любой идеальный феномен должен постигаться из самого себя: то есть и здесь не должно быть ничего внешнего.

Можно строить иные генеалогии культуры, и данная концепция с ними не полемизирует, но исходя из других оснований: например, Фрейд говорит о несовместимости нечистоплотности с культурой. Теогонические концепции происхождения культуры также отводили существенную роль чистоте и белизне в генезисе культуры. Если выше идет эскалация самоочищения, то есть от все более грязного мы возвышаемся к все более чистому, то там наоборот: некое изначально более чистое, падая, деградируя и загрязняясь, создает весь видимый мир. В любом случае создается некая напряженность между полюсами: на одном находится максимально чистое и упорядоченное, на другом — наиболее смешанное и грязное.

Это отступление сделано специально, чтобы продемонстрировать: проблема чистоты и немытости — не какой-то частный вопрос о культуре и цивилизованности того или иного народа. Этот вопрос завязан на всю западную антропологию, которой не одно тысячелетие! И просто так, с помощью глупых политкорректных формулировок, проблему расизма, например, не решить. Придется пересматривать всю западную гуманитарную науку, что уже и делают постмодернисты. Но сейчас не об этом...

Действительно ли Россия выглядит такой уж немытой в сравнении с более чистыми и светлыми соседями и особенно европейцами?

Первое упоминание о славянах, которое дают западные историки, отмечает как важную особенность именно славянских племен то, что они «льют воду»: то есть моются в проточной воде, тогда как остальные народы Европы мылись в кадюшках, тазах, ваннах. Поразительно, но славянина по происхождению даже сейчас, спустя полторы тысячи лет, можно узнать по этой привычке. Недавно пришлось наблюдать за семьей русской эмигрантки, вышедшей за канадца. Их сын, который даже не говорит по-русски, моет руки под открытым краном как мама, тогда как папа затыкает раковину пробкой и плещется в собственной же грязной пене.

Мытье под струей русским кажется настолько естественным, что мы всерьез не подозреваем, что были чуть ли не единственным (во всяком случае, одним из немногих) народом в мире, который поступал именно так. Советские люди в 1960-х годах, когда на экранах появились первые буржуазные фильмы, были в шоке, увидев, как красивая французская актриса вставала из ванны и надевала халат, не смыв с себя пену. Фу!

Но поистине животный ужас русские массово испытывали, когда стали выезжать за границу в 1990-х, ходить в гости и наблюдать, как хозяйка после обеда затыкает раковину пробкой, кладут в нее грязную посуду, наливают жидкое мыло, а потом из этой раковины, кишашей помоями и нечистотами, просто вытаскивают тарелки и, не ополоснув под струей воды (!!!), ставят на сушилку! У некоторых возникал рвотный рефлекс, ведь сразу представлялось, что все ранее съеденное лежало на такой же грязной (!!!) тарелке. Когда об этом рассказывали знакомым в России, люди просто отказывались верить. Считали, что это какой-то особый случай нечистоплотности отдельной европейской семьи.

Обычай «лить воду» отличал раньше в Европе именно славян, был закреплен именно за ними в качестве отличительного признака, который явно имел религиозный древний смысл. Кстати, самоидентификация славян также напоминает о связи с самоочищением. Выше было

сказано, что язык, слово есть высшая форма человеческого самоочищения. Самоназвание «славяне» происходит от «слава» и «слово. То есть это означает народ, обладающий словом, языком — тот, кто умеет говорить. Тогда как отличные от славян люди есть «немцы» — немые, не понимающие.

Есть обоснованное предположение, что славян как единую группу своими нашествиями разбудили к истории именно готы. С тех пор название «немцев» закреплено преимущественно за германцами, хотя раньше, наверное, имело более широкий смысл. Славяне исключали, выделяли себя как тех, кто обладает словом. Кстати, русское слово «чистый» происходит от «цедтый», от глагола «цедить», чистый — процеженный, отфильтрованный¹.

Ну, а теперь давайте посмотрим на Европу тех веков. С падением Римской империи всякое понятие о чистоте и чистоплотности исчезло. Если в Риме для людей в достатке еще были термы (бани), то Европа этот обычай не унаследовала.

ВНИМАНИЕ! С V по XII век, то есть 700 лет, Европа не мылась вообще! Этот факт отмечают многие историки. Мылись два раза в жизни — после рождения и перед смертью. Монархи мылись перед праздниками в большой деревянной бочке, в собственной грязи и пене. Чтобы не греть воду десять раз, после монарха в бочку по очереди

¹ Указание на схожесть слов slave (раб) и «славянин», которым часто злоупотребляют ненавистники славян, видящие в этом «рабскую природу, отразившуюся даже в самоназвании», имеет объяснение. Военственные германцы часто брали славян в плен и обращали их в рабство (поскольку славяне — самые близкие соседи). Постепенно слово из имени собственно превратилось для германцев в имя нарицательное, так же как мы сейчас называем ксероксами все копируемые аппараты, а памперсами — все виды подгузников. Видеть некую рабскую природу одного народа на основании того, что у другого народа название ассоциируется с рабством так же нелепо, как видеть природу немцев в немоте и непонимании только на основании того, что у славян используется именно такое для них обозначение.

залезала и вся придворная свита! Русская княжна Анна, ставшая французской королевой, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте.

Некий Дионисий Фабриций, настоятель кирхи в Феллине, в изданном им сборнике об истории Ливонии поместил рассказ, связанный с монахами монастыря Фалькенау под Дерптом (ныне Тарту), сюжет которого восходит к XIII веку. Монахи недавно основанного доминиканского монастыря добивались от Рима денежных субсидий, а просьбу подкрепляли описанием своего аскетического времяпрепровождения: каждый день, собравшись в специально выстроенном помещении, они разжигают печь так сильно, как только можно терпеть жар, после чего раздеваются, хлещут себя прутьями, а затем обливаются ледяной водой. Так они борются с искушающими их плотскими страстями. Из Рима послан был итальянец, чтобы проверить истинность описанного. Во время подобной банной процедуры он едва не отдал Богу душу и поскорее убрался в Рим, засвидетельствовав там истинность добровольного мученичества монахов, которые получили просимую дотацию.

Если бы не крестовые походы, Европа не мылась бы еще дольше. Крестоносцы поразили и арабов и византийцев тем, что от них разило «как от бомжей», как бы сказали сейчас. Запад предстал для Востока синонимом дикости, грязи и варварства. Да он и был этим варварством.

Вернувшиеся в Европу пилигримы попытались внедрить подсмотренный обычай мыться в бане, но не тут-то было! С XIII века бани официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы (!!!). Так что галантные рыцари и трубадуры той эпохи источали вонь на несколько метров вокруг себя. Не лучше были и дамы. До сих пор можно увидеть в музеях изготовленные из дорогого дерева и слоновой кости чесалки для спины и блохоловки...

XIV век был, наверное, одним из самых страшных в истории Европы. Ни одна гражданская, межрелигиозная или мировая война не принесла столько бедствий, сколько эпидемия чумы. Италия, Англия потеряли половину (!!!) населения, Германия, Франция, Испания — более трети (!!!). Сколько потерял Восток достоверно не известно, но известно, что чума пришла из Индии и Китая через Турцию и Балканы... Она обошла только Россию и остановилась на ее границах, как раз там, где были распространены... бани. Вот такая биологическая война тех лет.

То, что русские и славянство вообще до сих пор являются одной из самых многочисленных в мире этнических групп, несмотря на то, что больше всех в истории воевали и подвергались геноциду, это не из-за какой-то особой славянской плодовитости, а благодаря чистоплотности и здоровью. Нас всегда обходили стороной или мало затрагивали все эпидемии чумы, холеры, оспы...

Еще Геродот в V веке до н. э. говорит о жителях степей северо-востока, что они льют воду на камни и парятся в хижинах. По разным преданиям в I веке баней славяне встретили Андрея Первозванного. Но это легенды. А вот что точно известно, так это повеление князя Владимира строить бани как «заведения для немогущих» (больных). Ведь баня — это не только чистота, но и здоровье, гипоксическая терапия, массаж, прогрев и проч. Тогда, кстати, Владимир привез новшество из Новгорода. И сами бани назывались «новгородскими». Возможно, русские подсмотрели этот обычай у финно-угров, но главное, что переняли, а не откинули как дикий.

После ополячивания Галиции и Волыни бани там исчезли, так же как русский язык превратился в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о стольном Киев-граде (как можно до сих пор еще слышать в архангельских и вологодских деревнях, за тысячи километров от Киева), а о ксендзах и хитрых крестьянах (типично польские сказки). После великого переселения Руси на северо-восток в XI—XII веках

вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией и названием народа из Червонной и Малой Руси ушли и бани.

Россия и баня неразделимы. Одним из обвинений, предъявленных Лжедмитрию I, было то, что он не мылся в бане, хотя ему готовили ее каждый день. Ополячился, набрался европейской культуры... В изданной в 1644 году в Европе книге «Законы французской вежливости» советовали каждый день мыть руки, а лицо «почти столь же часто». А еще в культурной Европе в это время специально ставили блюда на стол, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в «варварской» России блюдец не ставили, но не по скудоумию, а просто потому, что надобности не было — не было вшей. И. Солоневич также сообщает, что в XVII веке в Версальском дворце галантные дамы и кавалеры отправляли естественные надобности прямо в коридорах. Собственно новый дворец короли строили всякий раз, чтобы покинуть старый, который вместе с окрестностями представлял собой сортир для многочисленной дворни. Чтобы такое происходило в палатах Московского царя, трудно даже помыслить.

Длиннополые плащи и широкие шляпы мушкетеров тоже не просто дань моде, а необходимость. Дело в том, что жители городов, не стесняясь, выливали помой прямо из окон на голову прохожих. Было это настолько часто, что даже повлияло на моду, причем на столетие. А еще столетия понадобились европейским городам, чтобы наконец-то приучить горожан не выливать нечистоты на улицах и ввести коммунальные службы. В разных городах они впервые появились только в XVIII—XIX веках! До этого города с цивилизованными горожанами распространяли вонь на несколько верст вокруг. Путники сначала чувляли запах города, а уже по мере приближения начинали видеть его строения.

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло: благодаря европейской нечистоплотности и «вонюче-

сти» появилась потребность в парфюмерии, которая и стала настоящей отраслью промышленности.

Может быть, монархист и славянофил Солоневич на-
праслину возводит? Но тогда послушаем современного
писателя П. Зюскинда, славного тем, что всегда до мель-
чайших подробностей воспроизводит детали быта опи-
сываемой эпохи. Вот описание главного города Европы,
Парижа, в самый расцвет XVIII века, прозванного веком
галантных: «Улицы провоняли дерьмом, задние дворы
воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим де-
ревом и крысиным пометом, кухни — порченым углем
и бараньим жиром; непроветриваемые комнаты воняли
затхлой пылью, спальни — жирными простынями, сы-
рыми пружинными матрасами и едким сладковатым за-
пахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из
кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен
воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и не-
стиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из
их животов — луковым супом, а от тел, если они уже не
были достаточно молоды, старым сыром и кислым мо-
локом, и онкологическими болезнями. Воняли реки, во-
няли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во
дворцах. Крестьянин вонял как и священник, ученик ре-
месленника — как жена мастера, воняло все дворянство,
и даже король вонял, как дикое животное, королева, как
старая коза, и летом, и зимой... И в самом Париже опять-
таки было одно место, в котором вонь господствовала с
особой inferнальностью, а именно Кладбище Невин-
ных. На протяжении 800 лет сюда привозили десятки
трупов и сбрасывали в длинные ямы... и позднее накану-
не Французской революции, после того, как некоторые
ямы опасно провалились и вонь переполненного клад-
бища вынуждала жителей не просто к протестам, а к вос-
станиям, оно, наконец, было закрыто и заброшено... а на
его месте был сооружен рынок съестных товаров» (!!!).

Иностранцы, приезжающие в Россию, наоборот, под-
черкивали чистоту и аккуратность русских городов. Здесь
дома не лепились друг к другу, а стояли широко, были

просторные, проветриваемые дворы. Люди жили общинами, миром, а это значит, куски улиц были «общими» и поэтому никто, как в Париже, не мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом частная собственность, а на остальное наплевать!

Единственный город в России, который был мерзок и вонюч, именно не на площадях и проспектах, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлели Некрасов в стихах и Достоевский в «Преступлении и наказании». Но это было уже в XIX веке.

Может быть, в Европе XIX век что-то изменил? Да, но благодаря русским, которые вошли в Европу и привезли с собой походные бани. Но потребовалось еще почти 100 лет, чтобы, например, в Германии началось массовое строительство общих бань и немцы приучились мыться каждую неделю. Без шуток, в 1889 году «Немецкое общество народных бань» зазывало граждан в бани и писало рекламные объявления: «каждому немцу баня раз в неделю». И то на всю Германию в начале XX века насчитывалось всего 224 бани.

Все века европейцы по традиции мылись в купальнях, больших бочках или тазах, в своей же пене или грязи, и делали это не чаще, чем раз в месяц или перед важными праздниками или событиями. Но может, это только простой народ в Европе был немыт, а знать могла себе позволить жить в чистоте? Нет, гигиенические привычки распространялись на всех, независимо от сословий. Вот Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века, удивляется на русскую чистоплотность, вот Уэллслей, английский военный атташе при Александре II, удивляется еженедельному мытью русских...

Вообще очень полезно прочитать всем книжку «Россия это сама жизнь», изданную Сретенским Монастырем в 2004 году. У книги более двухсот авторов, все это иностранцы, которые побывали в России с XIV по XX век и оставили свои заметки и впечатления. Такую подборку надо было издать уже давно, ведь действительно в Рос-

сию приезжали миллионы иностранцев! И, конечно, они оставляли воспоминания. Но у нас на все случаи жизни привыкли цитировать одного только маркиза де Кюстина. Его феномен именно в том, что он единственный из миллионов иностранцев, побывавших в России (в том числе в плену), оставил о ней негативные тенденциозные впечатления. Тогда, перед Крымской войной, в Европе нужен был такой автор, там как раз нагнеталась антироссийская истерия перед будущими схватками. Оттого и был он десятки раз переиздан в Европе, а затем и в СССР в «демшизоидном» 1990-м году аж три раза, аж 700-тысячным тиражом!!! То, что написанное Кюстином зачастую банальная клевета и невежество, прекрасно показали В. Кожин и К. Мяло.

Миллионными тиражами должны быть изданы мемуары десятков послов в России, пленных, политических деятелей, путешественников. Практически все написанное ими может быть подытожено одной фразой: «Все иностранцы ехали в Россию русофобами, а возвращались русофилами».

Есть масса курьезных фактов. Например, всем известно, что фашистская пропаганда научила немцев воспринимать русских не иначе как «русшиш швайн», свиней. Но немногие знают, что во вторую мировую войну для ведомства Геббельса встала серьезная проблема, что делать: от сотен тысяч немцев, у которых в услужении были угнанные в рабство славяне, шли письма и отзывы на тему того, что официальной пропаганде нет доверия, ведь «русские оказались более чем людьми», а вовсе не свиньями. Прочитайте воспоминания немецких военнопленных, в мозг которых не вмещалось, как это русские женщины, мужей которых они убивали на войне, дети которых гибли под бомбами, приходили на стройки и брали у немцев на дом вещи для стирки...

Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани, хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью. В России же и в советские

времена культ чистоты и гигиены поддерживался с особой настойчивостью. Кто не помнит строки из стихотворения Маяковского про мальчика, который любит мыло и зубной порошок? Кто не знает «Мойдодыр» К. Чуковского? Кто не знает песню про то, что «от всех болезней нам полезней солнце, воздух и вода»? Кто из советских людей не видел плакатов «Чистота — залог здоровья» и «Мойте руки перед едой»? Кстати, вопрос русских: «А где тут у вас можно вымыть руки?» до сих пор удивляет иностранцев. Те руки перед едой не моют, если они не очевидно грязные.

Что касается бань, то в России до сих пор это поголовная любимая народная традиция. Даже урбанизированные городские жители выбирают на дачи или к старикам в деревню, где баня есть обязательно, если не у себя, то у друзей или соседей. Это отличительная черта русского образа жизни, не имеющая аналогов в мире — банька на природе. Но русские любят и общественные бани, как герои фильма «Ирония судьбы, или с легким паром».

Общаясь с эмигрантами, покинувшими Россию в последние 30 лет, можно действительно сделать вывод, что впервые за тысячелетнюю историю Запад превзошел Россию в вопросах чистоты и гигиены. Действительно, сейчас на Западе есть и ванны, и душ, и биде, и джакузи в огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие достижения «культуры». Но и здесь бизнес, производство этих средств гигиены и косметики, и реклама сделали свое черное дело: перебор! Современный западный человек живет как под стеклянным колпаком: ему недоступны даже полезные бактерии и микробы, он не имеет иммунитета против элементарных заболеваний, шкафы его полны лекарствами, без которых он, как наркоман, уже не может обойтись даже при самой безобидной простуде.

В гигиене, как и во всем, нужна мера. Впрочем, если захотеть, можно найти массу цифр, которые бы свиде-

тельствовали о том, что и до меры там далеко. Например, во Франции вши до сих пор нормальное явление, мази в аптеках от них продают. В Англии в частных школах от вшей стригут детей коротко, а моют по пять штук в одной ванной. В Японии 95 % детей больны аскаридозом. И так далее, и тому подобное.

Недаром наша нация была и остается одной из самых здоровых наций мира. Здоровью и физической красоте русских иностранцы поражались во все времена. Можно пройтись по улицам и понять это, посмотрев на русских женщин. А ведь это не просто местная специфика, данная природой. Женщины — хранители элитного генофонда. Как утверждают генетики, мужской набор генов всегда экспериментален, и большая часть генного набора мужчин — это генетический мусор, не прошедший эксперимент. Только то, что оказалось полезным и прошло обкатку, передается женщине на одно поколение позже. По красоте и здоровью женщин можно судить о генофонде. И тут не европейцам и американцам нас судить.

Уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков проводилось в 193 странах мира американскими учеными по заказу общественной организации March of Dimes, занимающейся помощью детям с врожденными недугами. В исследованиях учитывались врожденные пороки генетической или частично генетической природы, в том числе пороки сердца, пороки медуллярной (мозговой) трубки, талассемия и серповидно-клеточная анемия (болезни крови, связанные с нарушением структуры гемоглобина), синдром Дауна.

Общие выводы специалистов March of Dimes были неутешительными: в целом по миру каждый 16-й новорожденный имеет серьезные генетические отклонения. Основная причина — плохая экология, вредные химические вещества или некоторые виды инфекции, попадающие в организм будущей матери, а также кровнородственные браки и поздние роды.

Результаты исследования показали: генетическое здоровье нации в России до сих пор остается одним из лучших в мире. Число врожденных дефектов на 1000 детей, появившихся на свет в нашей стране, оказалось равным примерно 42,9. Мы занимаем пятое место в мире по уровню генетического здоровья. В конце списка оказались Бенин, Саудовская Аравия и Судан с показателями от 77,9 до 82,0. Среди постсоветских стран худшие показатели у Таджикистана (75,2) и Киргизии (73,5). Примечательно, что США с их хваленой медициной и модой на здоровый образ жизни оказались лишь на 20-м месте, уступив своей южной соседке Кубе.

«Исследование подтверждает, что в наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это — основа здоровья, — говорит заместитель директора медико-генетического центра РАМН по науке профессор Александр Чеботарев. — В целом их данные вполне сопоставимы с теми, что мы получаем в выборочных исследованиях. Важно, чтобы люди понимали: в наших силах преумножить здоровье будущих поколений, а не бездумно растрачивать то, что досталось от дедов и прадедов».

Итак, слухи о том, что российская нация вымрет не позднее чем к следующему вторнику, в очередной раз не подтвердились. Как и тот «непреложный факт», что генетическое здоровье нации напрямую зависит от «уровня развития демократии» в той или иной стране. Впрочем, то, что американцы уступают нам целых 15 позиций в грустном реестре, почему-то не удивляет. Достаточно пересмотреть фильм «Двойная порция» Моргана Сперлока, чтобы понять, какая участь ожидает в перспективе нацию, придумавшую быстрое питание в картонных пакетах. Мы же, не женатые на кузинах, в отличие от президента Рузвельта и писателя Эдгара По, предпочитающие растворяющей медяки кока-коле домашний квас и пиво без консервантов, не боящиеся ни свирепых морозов, ни социальных потрясений, все детство проводившие на футбольных полях, а не в душных квартирах за плей-

стейшеном, имеем все шансы остаться нормальными и здоровыми.

Да, средняя продолжительность жизни в России в последнее время резко упала, но это временное явление, возникшее по причине мягкого геноцида, называемого «перестройкой» и «демократическими реформами». Но с тысячелетним здоровым генетическим заделом все легко восстановится, как только Россия окончательно вылечится от демшизы.

На этом можно было бы поставить точку, но один демшизоид, которому я приводил уже вышеизложенные аргументы в сходном споре, продемонстрировал своего рода лазейку, которую мне хотелось бы закрыть. Дескать, когда говорят о «российской немытости», имеют в виду не личную гигиену, а грязь в быту, мусор на улицах, засанные лифты и слово из трех букв на заборах.

Не знаю... Да, иной раз у самого сердце сжимается, когда проезжаешь российскую деревню. Покосившиеся некрашенные заборы, заросшие палисадники... Но это же просто бедность! Это смерть деревни, урбанизация. Трудно что-то требовать от оставшихся в деревне стариков, доживающих последние годики, и от безработных спивающихся бывших «знатных хлеборобов и механизаторов». Однако если зайти к старикам в дом, там все чисто и прибрано, каждая вещь на своем месте.

Вспоминаю молодость и студенческие общежития: самые грязные, кишасшие тараканами комнаты всегда были у иностранных студентов. Наши же, особенно девчачьи, всегда были чистыми и уютными.

И вот еще что. Одна из отличительных традиций. Всегда и везде в России на пороге люди снимают обувь. Как, помнится, восторгалась наша демшизоидная интеллигенция тем, что за границей туфли никто не снимает. Как удобно! Но чистота на самом деле всегда связана с жертвами в ее пользу. Не мыться месяцами тоже «удобно». А ведь вход с улицы в обуви — это грязь, пыль, настоящее свинство. Ведь в доме играют дети, если маленькие, то они ползают по полу.. Большинство квартир

иностранцев, в которых я побывал, напоминали либо общежития, либо номера гостиниц, прежде всего из-за грязного от уличной обуви пола. Кстати, сейчас все больше распространяется обычай по всему миру все же снимать уличную обувь и пользоваться тапочками. У них только распространяется, а у нас всегда было так!

О виде наших городов и поселений в прошлом уже говорилось выше. Что касается настоящего, то действительно, есть места на земном шаре, где подобных явлений крайне мало. Какая-нибудь новая Англия, Санта-Барбара, маленькие городки Германии, Италии или Фландрии. Но в Англии есть свой Ливерпуль, в Италии — довольно дурно пахнущая Венеция. Даже в Германии есть такие города-монстры как Белефельд, например. В нем жить нельзя. Говоря про Америку, нужно помнить о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. Надо помнить о фавелах всех городов Южной Америки, о восточных гетто. В Китае даже посреди самых современных небоскребов Шанхая и Пекина есть хутуны — страшные нагромождения каморок размером с купе, где живут сотни миллионов человек. В Каире, столице Египта, нищие тысячами живут прямо на кладбищах!

Я уже говорил, что являюсь заядлым путешественником и побывал во многих странах. В отличие от большинства знакомых, я никогда не выезжал «по путевке», через турфирму или по линии политического туризма — во всех этих случаях показывают «витрину». Я всегда ездил абсолютно самостоятельно и смотрел что хотел и сколько хотел.

Граффити и засанные подъезды я видел абсолютно во всех больших городах. В Париже несколько раз в течение дня наступил в собачье дерьмо, в самом центре города. Видел клошаров, валяющихся на тротуарах в собственной моче. Но самый большой аргумент моя двухчасовая видеокассета из центра Европы — из Брюсселя. Там более-менее приемлем для человеческого взгляда только центр, остальное — мрачные каменные джунгли, разби-

тые стекла, изрисованные стены, горы мусора, грязи и ни одного белого лица вокруг.

Из этой «столицы цивилизованной Европы» нам диктуют, как жить. Эти люди учат нас не ковыряться в носу! Когда мы с дочкой прилетели прямо из Брюсселя в Москву, она сказала: «Папа, как здесь чисто!». Это про Москву-то, которая для всех россиян отнюдь не является образцом чистого города!

Прошу прощения, если доставил кому-то несколько неприятных минут, но таков уж предмет разговора, не мы его начали, а ненавистники России. Если же от неприятного чувства вы хотите поскорей избавиться и обрести «истинную свежесть», не советую новый гель или антиперсперант. По русской традиции вымойте руки, а еще лучше — сходите в баньку, с венчиком, с березовым... Прекрасное средство от западного грязного пиара...

ПРОЕКТ И УРОК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С приходом к власти «питерской» команды многие аналитики всерьез заговорили о возможной реставрации в России так называемого «петровского проекта». Но поскольку в первый срок президентства В. Путина внятной идеологии и стратегии развития России так и не было озвучено, разговоры стихли. Но потом, в связи с активизацией творцов и интерпретаторов национальной идеи, а также в связи с необходимостью идеологии для «преемника», разговоры о проекте «Петр Великий — перезагрузка» участились. К тому же, в 2009 году в Санкт-Петербурге планируется большой «Конгресс петровских городов», и личность Петра Великого будет популяризироваться всеми центральными СМИ. Между тем, еще далеко не ясно, что означал в свое время сам проект Петра Великого. И что значит Петр для нашей истории. Попытаемся осмыслить это феномен.

Личность Петра I волновала и волнует умы всех исследователей истории России. Пожалуй, нет фигуры в

русской истории более противоречивой, неоднозначной и подверженной диаметрально противоположным оценкам.

Эпоха Петра — своего рода переломная точка между «старой» и «новой» Россией. Недаром советский фильм про петровскую Россию назвали «Россия молодая», как будто не было предшествующей почти тысячелетней истории, как будто все началось с нуля.

Характеристики Петра самые противоположные. Он и государь, «вернувший Россию на путь цивилизации», совершивший славные победы, расширивший территорию России, превративший ее в Империю, «прорубивший окно в Европу», давший начала наукам и Просвещению, основавший промышленность. И он же душегуб, и палач, и пьяница, столкнувший Россию с великого собственного пути, подражатель европейцам, гонитель Православия, уничтоживший патриаршество, антихрист, исторический неудачник, так как дело его и мечты оказались непрочными и нереализованными.

Чтобы понять логику Петра и то, что он сделал, надо напомнить, какой он застал Россию, какую миссию она тогда несла, какой кризис поразил страну и почему ему требовалось срочно искать новый путь. Только так мы сможем понять, «абсурдные» и самоедские ли были действия первого русского Императора.

На первый взгляд, деяния Петра иначе как предательством не назовешь. Ведь он упразднил патриаршество, ущемил в правах православную церковь, которая была сердцем и организатором борьбы с монгольским игом, вела миссионеров на Восток и расширяла пределы России. Церковь дала миссию, идеологию Московскому царству, которое внушило уважение и страх всей Европе. Церковь была организатором ополчения против панской Польши, силы которой вдвое превосходили силы России. Наконец, церковь поставила на престол самих Романовых. И вот что получила вместо благодарности! За это многие славянофилы ненавидят Петра и повторяют вслед за современниками, что он антихрист. Кто как не

антихрист мог сгубить «Святую Русь», как теперь принято называть Русь допетровских времен.

Россия как носительница «истинной православной веры», Святая Русь, действительно существовала, если не со времени принятия христианства, то уж точно со времени начала монгольского ига, которое спровоцировало процесс усиленной самоидентификации. Россия в XII—XV веках, образно говоря, покрылась сетью церквей и монастырей, стала страной с невиданной духовной концентрацией, давшей десятки, сотни святых в короткий период, что сопоставимо со временами гонений на церковь в Римской империи. Процесс этот шел и дальше: и после преподобного Сергия Радонежского, и после избавления от ига, и после провозглашения Патриаршества.

Чем объяснить столь невиданный духовный подъем? Французский философ Ж. П. Сартр, участник Сопротивления, произнес когда-то парадоксальную фразу: «Никогда Франция не была более свободной, чем в период фашистской оккупации». Он ухватил единый феномен, иногда возникающий в истории великих народов: феномен спровоцированной самоидентификации. Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего. Известна, например, история вавилонского плена, в который попал народ Израиля. Плен длился 70 лет. За это время израильтяне, которые не были в плену, забыли свои традиции, женились на иноверках... Но вот вернулись те, кто все 70 лет хранили верность религии отцов и дедов. Вернулись фанатики, которые стали наводить порядок. Строжайше соблюдали заповеди, даже жен-инородок прогнали... Как знать, может, если бы не плен, не было бы сейчас никакого мирового еврейства...

На Россию монгольское иго (что бы под ним ни подразумевалось) подействовало как вавилонский плен на Израиль. Она вышла из него верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости, так, что Иван Грозный на предложение «давай жить как в Европе»

от Андрея Курбского ответил: «Россия не есть Европа, Россия есть Израиль!». Это означало провозглашение гораздо более высокого статуса: мы, подобно Израилю, избранный народ, а не какая-то там окраина Европы! Инок Филофей создавал концепцию «Москва — третий Рим». Иван III, памятуя о роли церкви, делает единственной своей программой защиту «старины и Православия». И действительно, при нем Россия достигает небывалых вершин могущества. Памятник Ивану Великому уже давно просится в самый центр столицы!

Но уже при Иване Грозном произошел серьезный сбой. С чем же он связан? Почему так уверен был в «старине и Православии» Иван III и так колебался Иван IV? Иван Грозный, пытаясь решить проблему выхода к Балтийскому морю, осознал: *насколько успешны были наши походы на Восток и несение «истинной религии» диким народам Урала и Сибири, настолько неуспешны были наши войны на Западе.*

Россия постепенно начала играть роль прокладки, занимая своего рода промежуточное положение между цивилизованной Европой и дикой Азией. Православие как миссия годилось для наступления в одну сторону и не годилось для наступления в другую. Оно годилось для защиты и не годилось для экспансии. Православие может быть национальной религией России и средством покорения язычников, но не может быть чем-то сверхценным для европейцев, которые имеют свое христианство. На уровне идеологии мы можем в лучшем случае полемизировать, но у нас нет идеологии выше европейской. Более того, Европа начинает показывать и некое гуманитарное превосходство: появляются новые невиданные ранее социальные концепции и идеи. Поэтому Иван Грозный начинает смотреть в сторону Европы и изучать ее опыт.

Иван Грозный, вопреки мнению многих историков, видящих в нем типично азиатское явление, наоборот, был в значительной мере заражен «европейскостью». После неудачных ливонских войн он впадает в кризис и всерьез думает о европейском, по сути, проекте перехода

от теократической монархии к светской. Он страдает раздвоением личности. Он еще в споре с Курбским твердо придерживался мнения, что «Россия есть Израиль, а не Европа», но в то же время учреждает опричнину. Ведь постановка себя над Церковью и жестокие казни — сугубо европейское, невиданное ранее на Руси дело.

Иван Грозный во всем (даже в брачной жизни) брал пример со старшего современника англичанина Генриха VIII. Генрих, а также испанские короли Карл V, Филипп II, французский король Карл IX казнили своих подданных сотнями тысяч, так что 3000—4000 жертв Ивана Грозного — просто невиданный «гуманизм и мягкотелость» в сравнении с «цивилизованной Европой». Но именно для России это и был шок, потому что такого зверства от своего государя, от отца, по отношению к своим же православным она не ожидала.

Сам Грозный бесконечно кается, вновь возвращается к казням и кается опять. Эта маятниковость, маята в «голове» России во сто крат увеличенной отразилась в теле государства: Россия пошла вразнос. Царь сам показал пример, как можно убивать митрополита, лгать, казнить, нарушать все заповеди, а уж если это позволено царю, с которого больший спрос у Бога, то что ждать от слабых простых людей.

Все стало разрешено, все позволено... Началось смутное время, упадок, прежде всего духовный, череда предательств, толкотни возле трона и проч. Смута спровоцировала поляков к агрессии, а градус русофобии в Европе и так был за предшествующие 100 лет поднят достаточно... Россия теряет суверенитет, прерывается 600-летняя династия, в Кремле сидят марионетки иностранных государств, чего не было уже целый век. Польша в два раза больше России по населению, богаче, превосходит науками и просвещением, превосходит в военном отношении... Все безнадежно.

Но Россия победила. Ее спас собственный народ, а не предательская элита. Был возвращен суверенитет, на Соборе с молитвами учреждена новая династия, истин-

ное Православие торжествует над неистинным католичеством. Чего же еще? Все теперь понятно: в выборе между «европейскостью» и «израилевостью» должна однозначно побеждать концепция России как богоизбранного народа.

Вот, говорили в элите, вспомните смуту: царь Иоанн заколебался в вере, мы пришли в смятение и чуть не погибли, а Бог и православный люд спасли Россию. Теперь очевидно, что Православие должно быть и вечно оставаться нашей миссией. Причем, раз оно нас спасло, то мы должны всерьез заняться им, отдать ему дань; мы должны найти истину внутри истины, суть внутри сути и ответить на вопрос: что делает истинное Православие истинным и православным?

Патриарх Никон берется за эту проблему, ведомый миссией России как Израиля. В Подмосковье он основывает новый Израиль, новый Иерусалим (Новоиерусалимский монастырь). Здесь течет новый Иордан (переименованная р. Истра), здесь теперь будет всемирная Мекка Православия, здесь будет наш Ватикан, и миллионы паломников должны будут устремиться сюда со всего мира.

Фигура Никона в нашей истории выдающаяся. В нем так и не увидели главного. Он, на исторической развилке, направил Россию на определенный путь, а именно: не на путь исключения и культивирования в себе своей особенности и инаковости, а на путь включения в большой мир, в большее пространство. Если бы мы, упиваясь своей спецификой, сохранили в себе отличия нашей обрядовости от других, то мы бы лишили себя шанса жить в гармонии со всем великим православным миром, а значит, лишили бы себя шанса в будущем объединить его под собой, стать центром Православия.

Никон хотел стать православным Папой, мечтал, чтобы хоть в будущем Россия как духовное пространство превосходила свою политическую величину, а не равнялась ей. Светские государи были бы лишь орудием в

руках духовной власти, поэтому логика требовала, чтобы Никон был не меньше царя.

Невиданный религиозный подъем и общественная дискуссия вокруг Православия, однако, спровоцировали ужасный раскол. Концепция «избранничества» вообще потенциально чревата расколами. Она хороша, когда не-избранные, неверные и неистинные нападают на нас, избранных, и мы защищаемся, мы умеем выживать. Стоит лишь внешнему прессингу прекратиться, внутри начинается дискуссия, кто более избран из избранных, так как логика избранничества требует продолжения избирания, отделения все более лучших от все более лучших, овец от козлиц, зерен от плевел, зерен и овец элитных от просто овец и зерен, и так до тех пор, пока не останется самая суть, самая избранная избранность, вытяжка высшей пробы.

Собственно Церковь (по-гречески: эк-клезиа) означает не собрание и соборность, как это часто переводят, а именно избранность (в противном случае была бы не эк-клезиа, а су-клезиа), а глагол эк-клею означает исключаю.

Половина тогдашней России ушла в раскол. Не так принципиально, кто в этом случае прав, кто виноват. Действительно ли надо было переписывать богослужебные книги по греческим образцам и креститься тремя перстами. Важно то, что было понятно: царство, «разделившееся в себе не устоит». И царь Алексей Михайлович, который раньше готов был к теократии, вынужден показать Никону на его место — НИЖЕ себя и стать арбитром между раскольниками. Он вынужден был возвращать протопопа Аввакума, мирить всех, наказывать и казнить тех, кто не захотел замирения (опять же, раскольников).

Прошло 100 лет, а возникла та же проблема, что и перед Иоанном Грозным. И опять стало очевидно: Православие хорошо для защиты, для колонизации язычников (территория России за это время, между прочим, утроилась), которые не считают себя избранными, но не годится для наступления, для прорыва в Европу, которая

тоже имеет христианское мировоззрение и считает его не менее истинным, чем Православие.

Оставлять все как есть тоже нельзя — возникает саморазложение и самораскол. Хочешь — не хочешь, царь вынужден становиться светским государем и вставать над церковью. А ведь в Европе начинается расцвет наук и ремесел, что лично увидел молодой Петр, прибыв в протестантский Амстердам, столицу тогдашнего Запада, перехвативший этот статус у католических Венеции и Генуи.

России требовались выходы к морям — мир богател только за счет торговли, коммуникаций и транзакций. Очевидно, что протестантизм виделся Петру высшей гуманитарной практикой в сравнении с «архаичными» Православием и католичеством. Более того, настоящей религией для Петра становятся «наука и техника», которые выглядят идеологически и религиозно нейтральными и, тем самым, универсальными. А это значит, что успехи в науке и технике будут способствовать экспансии, будут помогать покорять и язычников, и православных, и католиков, и протестантов. Наука и техника есть передовая идеология, с ней можно идти в любую сторону. Это будущее Европы, в которое надлежит прыгнуть раньше самой Европы, пока она, разрозненная, еще борется с собственными «пережитками прошлого».

Вот такая Россия досталась Петру I. И он, решая аналогичную «проблему Европы и Запада», уже ни минуты, в отличие от Ивана Грозного, не колебался. Он стал «грозным» не в конце жизни, а в начале, когда сам сек головы стрельцам, сам участвовал в пытках. При Петре погибло гораздо больше народа, чем при Иване IV. Он завершил начавшийся уже процесс полного перехода к светскому государству, упразднил патриаршество, закрыл часовни, повелел «мощей не являть и чудес не выдумывать», запретил жечь свечи вне церкви, писать иконы на дереве... Он брил бороды, заставлял носить европейское платье, менял календари и алфавиты. И это была принципиаль-

ная позиция, заключающаяся в ставке на мимесис, подражание.

Философ Лейбниц, «главный» в то время, высказал Петру сомнения относительно долговечности его преобразований, поскольку они поверхностны, не выросли из народного духа, из сущности, а привнесены извне и довольно быстро и радикально. Петр ответил философу так же, как Ленин позже отвечал Плеханову: «Вы говорите, что в России не развиты производительные силы, чтобы на их основе развивались соответствующие производственные отношения? Вы говорите, что социалистическая революция может быть только в развитых капиталистических странах? А я отвечаю, что мы сначала создадим соответствующую надстройку, и она потянет за собой базис!»

«Народный дух создается привычкой, — говорит Петр Лейбницу, — а не привычки вырастают из духа, поэтому мы меняем привычки, и у нас появятся новый дух и новый народ». По сути здесь воспроизводится спор того же Лейбница с Локком, который утверждал, что сознание есть «чистая доска», на которой опыт пишет все, что угодно. Сам же Лейбниц ратовал за уникальность каждого духа, за разнообразие духов, и считал, что нужно развивать свое мировоззрение из себя самого. Петр не услышал этого. Нет никакой предзаданной сущности, в сознании народа есть только текущий исторический опыт и привычки.

Петр был первым «большевиком». Но чего он добивался? Простого превращения русского народа в типичный европейский? Нет, за этим ВНЕШНИМ подражанием Европе стоял совершенно другой проект!

Чтобы понять логику Петра, душу Петра, надо сделать небольшое отступление. Дело в том, что на изломе истории, в период перехода от феодализма к капитализму, стали враждовать две принципиальные парадигмы. Средневековье подчинялось закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал свое место в обществе благодаря своему

благородству, он приходил «на все готовое». Человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный путь, стать селфмэйдменом, он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус. Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью — настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился. Не будем сейчас спорить, насколько это верно, важно то, что Петр получил власть в борьбе с династическими группировками, а не естественным образом, и он, очевидно, был склонен придерживаться новой логики и новой парадигмы.

Кроме того, новая парадигма породила логику маргинализма. В чем она состоит? Человек, родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некоей культуры, подобен старому аристократу — он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некоей культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу».

Этот феномен известен нам не только на примере корсиканца Наполеона, мы и сейчас свидетели того, что вся московская, например, элита — не «коренные москвичи», которые видят в москвичах сонных мух. Одним словом, гении рождаются в провинции, а умирают в столице. Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюдечке с голубой каемочкой. Важно еще и вот что: живущий в провинции постоянно сталкивается с чужим, с иной культурой, он находится в экстремальной ситуации, когда вынужден постоянно балансировать на грани своего и чужого, упорно защищать свое. Тот, кто живет в центре, находится под защитой окраин и с чужим не имеет дела. Более того, он даже толком не умеет отделять свое от чужого, не имеет представления о чужом, часто путает свое и чужое и, главное, часто соблазняется

чужим, как чем-то далеким, интересным, экзотичным. Поэтому для провинциала «столичные фрукты» не только сонные мухи, но и предатели, которые вместо защиты своего и его развития постоянно увлекаются чужим, предают свою провинцию.

Все экстремисты вырастают из провинциалов. Из современных примеров — Жириновский, родившийся в Средней Азии в семье «юриста» и ставший главным русским националистом.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее. Эта логика позже прекрасно будет интегрирована, например, в марксизм. «Посмотрите, — говорит Маркс, — пролетариат — это класс, вытолкнутый на обочину общества, но именно поэтому он может видеть целое этого общества со стороны и именно поэтому может из вне преобразовывать это общество».

Маргинальный класс является и самым передовым. Ленин продолжает Маркса: «В капиталистическом мире, — говорит он, — маргинальной является Россия, это “слабое звено”, именно поэтому она может видеть его стороны и перевернуть его, именно поэтому революция произойдет не в передовых странах, а в России...»

Безусловно, не все, живущие на границе, так жестко цепляются за свое. Много тех, кто в этой экстремальной ситуации наоборот, соскальзывает в другую сторону, присягает чужой культуре. Это бывает особенно часто, когда чуждая цивилизация демонстрирует какие-то успехи на фоне упадка своей.

Пограничье часто переходит в другую цивилизацию и становится окраиной чужой культуры, хотя недавно она была окраиной культуры своей. И там тоже возникают рьяные патриоты, но уже чужой культуры, потому что факт предательства требует внутреннего самооправда-

ния, доказательств того, что тот, кого ты предал, был достоин этого, а тот, кому ты присягнул, требует действительного подтверждения предательства.

Таким пограничьем в те века (да и сейчас) была Украина. Украинская проблема стояла перед Петром в широчайшем масштабе.

Украина как государство тогда не существовала. Люди, которые жили там, называли себя русскими, а вся территория называлась Малой Русью. Малороссией. «Малый» не значит «маленький», а значит — «исконный», подобно тому, как в русских городах «Малый Кремль» (детинец) — это начальный исконный Кремль, от которого рос потом город.

Украиной (ограиной) презрительно называли эту землю поляки и литовцы, да и то не в смысле самоназвания, а в прямом смысле «приграничья».

Слово «украинец» было фактически не распространено, и даже когда употреблялось, означало не национальную принадлежность, а географическую, как например, «поморец», «сибиряк», «уралец». Нацию из украинцев стали «делать» уже в XIX—XX веках на деньги австро-венгров и поляков, переписывая русских и русин как «украинцев».

В эпоху Смутного времени «украинцы», входившие в состав Речи Посполитой, выступали на стороне Польши и фактически на треть усиливали ее потенциал, борясь с русскими братьями по крови, религии, языку, культуре. Во время русско-польских войн XVII века «украинская элита» умудрилась трижды продать свою страну трем соседним государствам: то есть объявляла о своем вхождении в них.

В 1654 году Хмельницкий воссоединил Украину с Россией на Переяславской Раде. В 1658 году гетман И. Выговский заключил Гадячский договор о возвращении Малой Руси в польское подданство. Примечательно, что в тексте договора были такие слова: «Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем...». Гетман Дорошенко для борьбы с гетманом Брюховецким активно привлекавший

татар, в 1669 году вообще от имени всех казаков присягнул турецкому султану, который объявил всю Малую Россию своею. По Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру 1686 года территория Малой России была разделена между Московским царством и Речью Посполитой, однако гетманские измены, влекшие за собой нарушение суверенных прав Москвы, переходы казаков на польскую сторону продолжались на протяжении всего XVII и начала XVIII веков. В свою очередь, московское правительство шло на уступки гетманам и казачьей аристократии, узурпировавшим власть и установившим крепостное закабаление малороссийских крестьян. Оно фактически устранилось от управления этими землями, разрешило оставлять в гетманской казне все доходы с городов и сел Малороссии. Многие российские государственные деятели высказывались за лишение Украины русского подданства, что, впрочем, не находило поддержки у глубоко религиозного царя Алексея Михайловича (1645—1676), не желавшего отдавать православный народ под власть католиков или мусульман.

Постоянное метание между разными государствами и цивилизациями, метание между трех огней, отразилось на характере украинской элиты: постоянные раздоры, недоверие себе и другим, предательство союзников.

Поговорка «где два хохла — там сразу три гетмана» родилась не вчера. Иван Мазепа, ставший гетманом в 1687 году, прошел большой жизненный путь: он бывал и при русском дворе, и при польском. Его логика — логика типичного маргинала. Он видел две цивилизации и разрывающееся между ними пограничье и должен был либо на всю жизнь присягнуть одной из них, либо, как прежние гетманы, постоянно сидеть на всех стульях, интриговать и предавать. Душой и воспитанием он был с поляками, но сами поляки считали его человеком второго сорта — Мазепа ведь был русским.

Его знакомство с Петром I стало настоящей находкой. Он увидел в увлеченном Европой Петре единомышленника и с радостью присягнул ему, целовал крест. Мазепа

опирался на Петра и в борьбе с казачьими атаманами, поклонниками старины и Православия. Те по старинке «стучали» на него в Москву и обвиняли в русофобии, Петр с чистой душой сдавал их Мазепе, а тот расправлялся с противниками европеизации.

Сам Петр мыслил тоже в маргиналистической парадигме. Однако он был царь, и он не рассматривал Россию как иную цивилизацию в сравнении с Европой, как это делал Мазепа. Для Петра сама Россия (а не Украина) была своего рода границей Европы, и Петр, как классический «провинциал», решил «покорить столицу».

Мазепа и Петр подружились и видели друг в друге единомышленников на почве западничества. Но каким разным было это западничество!!! Мы уже почти 200 лет делим нашу интеллигенцию на западников и славянофилов, но не подозреваем, что есть два принципиально разных вида западников: одни одержимы комплексом неполноценности и готовы служить Западу, другие хотят рулить самим Западом как центром мира.

Оттого и разная судьба постигла Петра и Мазепу. Кажется, расчет Мазепы был точен, он нашел четвертую силу (вместо прежних Польши, России, Турции), а именно Швецию. Самую могущественную страну той эпохи. Передовую в техническом, военном и научном отношении.

Карл покорил половину Европы, и его армия превосходила российскую по всем параметрам: это доказало и поражение русских под Нарвой. Карл покорил Данию и Польшу, перед ним заискивали французы и англичане. Саксонский король, союзник Петра, тайно подписал с Карлом мирный договор. От того, на чью сторону встанет Мазепа, зависел дальнейший расклад сил. И Мазепа, по старой гетманской привычке, предал Петра, взяв жовто-блокитный шведский флаг (нынешний флаг Украины).

Это было катастрофой, нельзя описать все переживания Петра. Под Полтавой его могло спасти только чудо, но оно случилось. Мазепа бежал и кончил так же, как многие гетманы до него — стал символом позора и пре-

дательства. А Петр победил не кого-нибудь, а саму Европу в ее тогдашнем наивысшем проявлении (как позже мы победили высшее проявление Европы — Наполеона, высшее проявление и покорителя Европы — Гитлера).

Нельзя видеть в Петре просто жалкого подражателя и марионетку Запада, какого-нибудь саакашвили или ющенко тех времен. Уже то, что Петр не пошел за влиятельнейшим католичеством, а выбрал для подражания протестантские страны, говорит о многом.

Если для западников счастье — быть последними в Европе, то проект Петра состоял в том, чтобы стать в Европе ПЕРВЫМ.

О том, что его народ предназначен только для лидерства, Петр заявляет в разговоре с Лейбницем. Концепция «избранности» России осталась от отцов и дедов, но теперь она переформулирована так, что Россия, как партизан и шпион, сначала маскируется под Европу, перенимает у нее все лучшее, а потом внезапно становится тем, к чему давно стремилась, — лидером. Россия должна была не просто победить Запад, а стать центром западного мира и центром Европы вообще!

Подобно тому, как Патриарх Никон в порыве реализации идеи «Россия — Израиль» всерьез создавал под Москвой Палестину (с Иорданом, Голгофой, Сионом, Вифлеемом, Новым Иерусалимом, Назаретом и проч.), Петр Великий хотел создать в России новую столицу, Санкт-Петербург, которая была бы большей Европой, чем сама Европа.

Ярчайший представитель «Святой Руси» св. князь Александр Невский сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча же и погибнет!». У Петра речь шла о том, чтобы победить Запад его же оружием: науками, духом, идеями, просвещением. Так, оказывается, наше «западничество» вытекает из нашего «славянофильства»!

Именно поэтому Петр начинает перекачку мозгов, встречается с главным философом того времени Лейбницем, делает ставку на флот как основу тогдашнего могущества.

Интересен и такой факт: мы употребляем слова «Европа» и «Азия», часто не задумываясь, откуда они взялись и на каком основании те или иные территории были отнесены туда или сюда и кто это сделал. А сделал это, то есть провел границу Европы по Уралу, картограф Страленберг по подсказке «птенца гнезда Петрова» В. Татищева! И теперь, согласно всем картам, Санкт-Петербург оказывается как раз самым центром, столицей Европы!

О духовном лидерстве в Европе, а «не токмо» о географическом, мечтает еще один «петровец» — Михайло Ломоносов, который говорит о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах», которые вот-вот появятся в России и сделают ее духовной и научной империей мира.

Иностранцев ко двору русских князей в большом количестве начал приглашать еще Иван III, но это все были узкие специалисты: архитекторы, живописцы, пушкар-и. При Петре началась настоящая перекачка мозгов на все возможные должности для того, чтобы в следующем поколении научившиеся русские могли превзойти учителей, как сам Петр превзошел своего военного учителя короля Карла под Полтавой.

Но уже в этом крылся подвох. Одно дело — снять сливки с западной культуры и науки, так, чтобы этот плодородный слой дал учеников, действительно превосходящих западный уровень, другое дело — приглашать ловцов счастья, денег и чинов, космополитов третьей свежести, которые могли дать таких же серых бездарных учеников и обеспечивали не превосходство над Западом, а наоборот — постоянное отставание от него.

К тому же, западные серость и чванство действительно стали душить самородные русские таланты, появившиеся в результате энергичного порыва нового проекта. На это справедливо жаловался уже Ломоносов.

Возникло как бы две России. Одна, народная, все еще была православной, традиционной, допетровской

(пугачевщину, кстати, можно интерпретировать как попытку бунта против либеральной элиты и возвращению к старым порядкам, с настоящим царем). Другая, Россия дворянская, была европейской. Постепенно она даже полностью перешла на другой язык. Голландцев и немцев сменили англичане, а потом французы.

Тонкий слой элиты жил европейской жизнью. Дворцовые перевороты, балы, красавицы, лакеи, юнкера... Россия, к тому же, считает своим долгом участвовать во всех европейских делах, в том числе в политике. Россию использует как союзника то одна держава, то другая. Льется русская кровь, но ощутимых выгод России это не приносит. Наоборот, ее презирают те, кому удалось ее использовать, и боятся и ненавидят те, у кого это не получилось.

Но все победы России, военные победы, делались народом на основе прежней, православной, миссии. Народ воевал за спасение души, православного Бога, православного Царя и православное Отечество, а не за либеральную свободу или геополитические интересы. Все великие полководцы использовали Православие для поднятия духа войск. Ушаков уже канонизирован, Суворов обязательно будет канонизирован, как человек, живший православной жизнью и прививавший в войсках Православие. Кутузов позже приказывал обнести иконой Божьей Матери войска перед любой битвой.

Величие и авторитет России опять держался на воинской славе, на штыке. Россию в Европе боятся, но ею не соблазняются. Она опять предстает страной чуть обузданных варваров. За европейским лоском найдешь азиата — говорят о России. Пока Екатерина гордится собой, что переписывается с самым модным философом Европы — Вольтером, сам Вольтер использует переписку в качестве пиар-акции для реализации часов фирмы, в которой он акционер.

Эта огромная проблема, проблема превосходства европейцев в деле просвещения, сознавалась Петром III.

Указ о дворянской вольности, об освобождении дворян от службы, должен был решить именно этот вопрос. Он вовсе не ставил задачу увеличить эксплуатацию крестьян, как пишут в либеральных и марксистских лубочных учебниках истории. Просто картина маслом какая-то: сидят Петр III и Екатерина Великая и думают, как бы им побольше закабалить крестьян и наплодить паразитов... На самом деле они понимали то, чего не понимает обыватель, чего не понимали элиты впоследствии и до сих пор не понимают в руководстве России.

Дворянство было освобождено от службы только для того, чтобы в обществе появился огромный слой людей, чьей каждодневной обязанностью будет производство духовных ценностей (искусства, философии, науки...). А это, в свою очередь, возникло из понимания, что духовное служение, служение науке, искусствам, просвещению дает государству больше, чем служение военное!!! С точки зрения стратегической безопасности и увеличения суверенности, лучше, чтобы в стране было больше философов, художников, поэтов, архитекторов, литераторов, религиозных деятелей и проч., чем военных, потому что все они обеспечивают духовное лидерство страны и ее духовный суверенитет, они делают страну любимой другими, а не страшной, как это делают военные.

100 лет — достаточный срок, чтобы подвести итоги и сказать, смогли ли мы догнать и перегнать Европу. И вот Петр Чаадаев в «Философических письмах» диагностирует: Россия, дескать, ничем себя не проявила, и уже, похоже, не проявит, она призвана явить миру урок беспольности. Россия всего лишь окраина Европы, ее бездарная ученица. Проект Петра утонул в подражательстве и низкопоклонстве перед Европой. У нас, может быть, и лучшие в мире балерины, но не мы создали балет, у нас, возможно, и отличные художники, но не мы создали живопись. Да что там виды искусств, мы не создали даже стилей! У нас могли быть шедевры романтизма и классицизма, но не мы создали романтизм или классицизм как

стили. Россия не породила ни одного философа уровня Платона и ни одного ученого уровня Ньютона, вопреки пророчествам Ломоносова. Наверное, это и невозможно было вообще. Грубо говоря: ты можешь проигрывать или выигрывать в футбол, но в обоих случаях ты играешь в футбол, а не в лапту, и это льет воду на мельницу Англии, «раскручивает» Англию, которая футбол породила. И так во всем.

Безумнейшее и головокружительное упоение Европой дало только первенство в светской жизни — таких роскошных балов и салонов, как в Петербурге, не было нигде! Оказывается, обеспечение «материального базиса», материальной независимости, наличие свободного времени, освобождение от нужды не только недостаточное условие для духовного творчества, но и вовсе не необходимое. А, возможно, даже и вредное. Выращенный на всем готовом, воспитанный французским гувернером барчук, как дрессированная обезьяна, мог только имитировать и симулировать некий привнесенный усредненный образец «культурного европейца». Набор необходимых качеств был незатейлив: чтобы пройти тест на культурность и европейскость надо было... «по-французски изъясняться совершенно и писать, легко мазурку танцевать и кланяться непринужденно... чего ж вам больше?» (Пушкин). Зато сколько пафоса, чванства, высокомерия по отношению к холопу, не овладевшему культурной нормой, сколько презрения к «Ваньке»!

Уже поход Наполеона привел нашу проевропейскую элиту в смятение: она не могла понять, как Европа может вообще напасть на Россию? Ведь мы по сути такие же как они, состоим в одних и тех же масонских обществах, посещаем одни и те же салоны, танцуем одни и те же мазурки... После победы над объединенной Европой (а у Наполеона служили все), он стал воплощением всего Запада, а мы его победили. Никто не задался вопросом: как это вообще было возможно? Каким духом?

Парадоксально, но слова Чаадаева о России как самой бездарной и никчемной стране были написаны после победы над Наполеоном, который был воплощением Европы, гением европейского духа, человеком, которому Европа покорилась и служила как в духовном, так и военном смысле. Поэтому когда Чаадаев отправил свои письма на рецензию Пушкину, тот их просто потерял...

Существует довольно смешная переписка, в которой Чаадаев просит Пушкина вернуть рукописи, а тот игнорирует просьбы. Впрочем, потом Пушкин все же отозвался в том духе, что не знает ни одной страны с более интересной историей, чем российская, и ни в коей мере не желал бы переменить Отечество.

Пушкина привыкли рассматривать как веселого поэта, а саму поэзию родом развлечения. Но на самом деле не бывает великих поэтов, которые при этом не были бы великими мыслителями.

Пушкин не считал, что проект Петра не удался. Напротив, и он, и его молодые друзья, и те же декабристы есть те самые плоды дворянской вольности, то самое поколение творцов, которое не просто учится у европейцев, но и превосходит их. В наших школьных учебниках вот уже полтора столетия пишут форменную клевету на поколение Пушкина вообще и на декабристов в частности. Их представляют какими-то западниками и чуть ли не социалистами. На самом деле движение декабристов было реакцией на бездумную либеральную и прозападную масонскую политику Александра I. Другое дело, что сама форма их выступления была якобинской... Но когда Николай I прочел стихи Кондратия Рылеева, он высказал сожаление, что казнил истинного патриота и большого поэта.

Пушкин был из этого же поколения. Он отнюдь не западник, но и не представитель славянофильства, которое появилось как альтернатива западничеству. Славянофилы, отвергая западническую миссию России, не создавали никакой новой, не изобретали, а просто брали ее из

допетровских времен: «Россия, Святая Русь — страна истинного Православия, носительница настоящей веры, в этом были уверены наши далекие предки, и неудачные эксперименты по заигрыванию с Европой, начавшиеся с Петра, это еще раз подтвердили».

С западниками тоже все понятно, хотя, к чести многих из них, можно отметить, что их творчество было своего рода выдающимся вкладом в европейскую культуру. Будем честными: вся «русская культура», которой мы привыкли гордиться, которая признана как мировая культура, это XIX век, это эффект (со столетним запозданием) того освобождения дворянства, эффект петровского проекта.

Пушкин же придерживался некоей третьей линии. Впервые, он не считал прежнюю российскую историю бессмысленной, как западники. Но он и не считал возможным вернуться в допетровские времена, потому что с его точки зрения петровский, европейский, проект оказался неудачным. По Пушкину, петровский проект оказался выполненным и перевыполненным: Петр хотел, чтобы Россия стала первой в Европе — она ею стала. Ведь Европа сама не представляла из себя уже ничего больше, чем балы, салоны, развлечения и тот же милитаризм, получивший законченное выражение у Фридриха Прусского и Наполеона. Что касается лозунгов «свобода, равенство и братство», столь пленительных когда-то, весь мир имел возможность увидеть, чем это все закончилось. Вершина всей европейской культуры — немецкая классическая философия, которая, в свою очередь, достигла кульминации в Гегеле, его устами же заявила, что Наполеон это воплощение абсолютного духа на Земле, и дальнейшая история человечества вообще закончена.

Но Россия-то победила Наполеона! Россия победила высшее порождение Европы! Победила саму Европу в ее высшем проявлении! Победила того, кого вся Европа считала гением и кому поклонилась! Что это должно означать? Это означает, что мы не должны следовать за европейским духом не потому, что мы «другие», или не

потому, что этот европейский дух такой великий и нам за ним не угнаться, а потому что мы попросту... превзошли его.

Проект Петра закончен не в связи с неудачей, а в связи с его исчерпанностью. Мы превзошли Европу не потому, что стали просвещеннее или свободнее ее, просто она сама себя исчерпала, не дождавшись, пока Россия ее превзойдет. Уже ранний Пушкин в поэме «Граф Нулин» высмеял Европу.

По сюжету этот «европеец» Нулин (говорящая фамилия) останавливается проездом в доме у русской дворянки. Он снисходительно рассказывает о парижских модах и даже льстит хозяйке, что она де не очень отстала от Парижа. Ночью граф вообразил, что он настолько покори́л провинциалку, что в праве рассчитывать на что-то большее, но был с позором изгнан из чужой спальни.

В то же время Пушкин показывает в образе хозяйки не просто жену, верную «традиционному и патриархальному мужу»: она изменяет, но с неким молодым Лидиным, образ которого совершенно не ясен. Но это очевидно не «западник» Нулин и не «славянофил» муж. В образе хозяйки читается сама Россия, которая соблазняет Европу кажущейся доступностью и якобы устремленностью к ней. На самом деле она идет за другим, причем не за своим старым, а за чем-то молодым, новым, неведомым, смеющимся...

Стремиться за Европой, по Пушкину, теперь бессмысленно просто потому, что Европа уже кончилась, осталась в прошлом. Она умирает, катится в бездну. Зачем же бежать за ней или впереди нее?..

Россия как бы осталась одна в чистом поле, без поводыря и идеала впереди, с невозможностью вернуться назад. Ей нужно было породить свою миссию из себя самой, без оглядки на свое прошлое, без оглядки по сторонам. Ей нужно было решиться стать самостоятельной, взрослой. Сделать шаг, который бы выделил ее из всех и благодаря которому уже другие пошли бы за ней как за лидером.

Геополитические предпосылки были налицо. В это время и так в мире без согласия России «ни одна пушка не стреляла». Оставалось решить только духовно-творческую задачу.

Победа над Наполеоном не военное событие и даже не геополитическое. Это культурно-историческое событие, победа более высокого духа над более низким. Могут возразить, что Пушкин писал о чем угодно, но не о Наполеоне и победе над французами, и дескать, для его творчества эта тема маргинальна... Нет. Именно эта победа создала Пушкина. Известно, например, что у Александра Сергеевича был брат Лев, который, по общему признанию, считался гораздо одареннее. Но дар брата не реализовался, потому что на его молодость не выпало великого исторического события, которое бы пронизывало и увлекало, делая неразделимыми собственную судьбу поэта и историческую судьбу России.

Пушкин понимал, что победа была одержана благодаря народу и вопреки элите. Величие Пушкина в том и состоит, что он, воспитанный в деревне простыми русскими людьми, понял, что там, в народе, источник роста и силы государства, его потенции, духовной мощи, а «в свете» — только мертвая форма. Он «лиру посвятил народу своему». И за это был убит светом. Именно убит, причем сознательно.

Интрига против Пушкина — не банальная ревность, а геополитический конфликт, если угодно, схватка в информационной войне, которую затеяли связанные с европейскими дворами противники России (Нессельроде и К°).

В начале XIX века в Европе стало утверждаться мнение, что народный дух является источником позднейших успехов элиты. В конце XVIII века ученая Европа перешла с латыни на языки народные. Этого требования всецело придерживались романтики. Поэтому русофобы уже делали четкую ставку на недопущение свободного развития творческих сил в России. Страна должна была

оставаться вечной ученицей Европы. Никаких собственных гениев в ней появляться не должно.

Убийство Пушкина в расцвете лет было сознательной акцией, последствия которой несоизмеримо более тяжкие, чем военное поражение в каком-нибудь региональном конфликте. Пушкин не написал главных своих произведений, а если бы это случилось, то он был бы отнюдь не главным российским поэтом, как сейчас, он мог бы стать и «Платоном и Невтоном» в одном лице, поэтом, чье всемирное историческое значение превзошло бы значение Гомера, и Шекспира. Пушкин прошел либеральную и романтическую стадии творчества, как раз перед самым убийством он стал зрелым консерваторм, чрезвычайно сблизился с «реакционным» царем Николаем I и претендовал на роль его главного советника.

Поскольку Пушкин, по словам Аполлона Григорьева, это «наше все», то получилось, что «наше все» прервалось на самом интересном месте, оно застряло в вечной молодости, чуть дойдя до зрелости. Поскольку Пушкин это наша культурная матрица, то все, что штамповалось потом с этой матрицы, так же оказалось недоросшим, недоделанным, прерванным на полуслове вечно молодым и вечно пьяным. Эта матрица начала штамповать либералов и социалистов в таком количестве, что уже через полвека они переполнили Россию и убили царя, а дальше взяли курс на революцию.

Можно смело утверждать: если бы не Дантес и стоявшие за ним, то в России не было бы 1917 года. Наоборот, если бы Пушкин написал свои зрелые и старческие произведения, Россия бы впервые стала задавать тон в Европе, возглавила бы интеллектуальную моду на консерватизм, который тогда был в зачатке. Это поставило бы суверенитет России не на военную, а на духовную основу! Более того, Пушкин мог выдать что-то более интересное, чем консерватизм.

Последняя поэма Пушкина «Медный всадник», посвященная делам Петра Великого, поэма, не напечатанная при жизни Александра Сергеевича, поэма — своего

рода продолжение «Евгения Онегина» — заглядывает в такие дали, что до сих пор вызывает диаметрально противоположные и в целом довольно беспомощные и бестолковые интерпретации. Эта поэма — бездна, из которой становится понятным безумие величайших интеллектуалов Европы — Гельдерлина, Ницше, Ван Гога, Стриндберга и др.

«Медного всадника» Пушкин написал в пику не по заслугам прославленному и пошлому «либералу» А. Мицкевичу, с которым как с писаной торбой носилась вся прогрессивная Европа того времени. Для многих в России вообще было непонятно, как это можно посметь что-то там лепетать русскому против европейских знаменитостей! Мы можем только благоговежно вздыхать, восхищаться и учиться... Пушкин же четко знал, что Европа нас ничему не может больше научить.

Убийство Пушкина европейским ловеласом и проходцем символично и потрясающе по глубине выводов, которые можно сделать. Ведь в этом просвечивает форма, с помощью которой Запад убивает Россию. Об это говорит грядущий конфликт между экзистенциальной самостью и Das Man, о чем только через век напишет Хайдеггер. Сам факт возможности гибели великого поэта по нелепой случайности намекает на то, что Бог не печется о поэтах, что возможно, он ушел или даже умер (Ницше). Достоевский в своей «пушкинской речи» назовет Пушкина «всечеловеком» и будет применять диалогический полифонический метод для создания своих произведений. Это потом хорошо покажет М. Бахтин. Но Бахтин считается праотцом постмодернизма. Следовательно, Пушкин был своего рода первым постмодернистом, если постмодернизм понимать как антиэдиповскую позицию (манифест постмодернизма, написанный Ж. Делезом, так и назывался: «Анти-Эдип»), позицию, отрицающую борьбу с прошлым.

Пушкин видел свои корни как в русской культуре, так и в греческой и в итальянской. Он не шел за Западом, как западники, и не противопоставлял Западу русское,

как славянофилы. Это «всеединство» будет позже поднимать на щит русский философ Соловьев, и это даст импульс к рождению русской философии конца XIX века, которая оказалась в целом довольно конкурентоспособной уже в XX столетии.

Редактор «Литературного прибавления... А. А. Краевский опубликовал некролог о смерти Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..» Царский чиновник, даром что министр просвещения и президент Академии наук, С. С. Уваров потом выговаривал: «Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? “Солнце поэзии”! Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался в середине своего великого поприща”! Какое это поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стихи не значит еще проходить великое поприще!..»

Это рок российской власти: не понимать, что поэзия скрепляет народ и завоевывает бескровно любовь народов других стран больше, чем все полководцы вместе взятые!

Эстафету Пушкина позже подхватят Гоголь, Достоевский, Леонтьев... Но поздно. Умиравшая Европа, в прежнем модернистском духе, стала бредить коммунизмом и Марксом, которые провозглашали новую эру человечества и новый обновленный европейский дух. И у нашей интеллигенции не хватило ума увидеть в марксизме не нечто новое, а просто сам фермент разложения и упадка. Наоборот, в марксизм поверили как в новую религию и опять, совершенно по-петровски, решили стать в Европе ПЕРВЫМИ. Мы решили стать больше коммунистами, чем сами коммунисты, больше марксистами, чем сами марксисты (о чем с иронией писал и сам Маркс). Недаром выше подчеркивалось родство Петра с большевиками: потому что большевики действовали по матрице Петра.

Ничего, что марксизм не вырос из народного духа! Ничего, что Россия не является еще промышленной капиталистической страной! Мы форсированно симулируем капитализм, создадим новый класс, новые привычки, а они создадут и нравы. Мы обгоним Европу на повороте! Она только готовится к революциям, а мы их уже делаем, мы станем авангардом, лидером, мы всех поведем за собой!

Поразительно, но в чистейшем западнике Ленин горит этот славянофильский огонь! Вся реформа марксизма, которую он произвел, сводится только к доказательству того, что социалистическая революция должна случиться не в передовых странах, а в «слабом звене» — в России, и именно тут после революции будет шанс построить по-настоящему передовое государство мира. Мы видим ту же логику маргинализма, о которой сказано выше.

Но поскольку модернистский марксизм есть фермент упадка (это ясно видел еще Ницше), то благодаря реализации марксистских идей в эпоху революции и гражданской войны, мы и пали ниже всех. Мы пали раньше Европы, мы обогнали Европу на пути в пропасть.

Из этого следует очень важный вывод: то, что случилось с нами в конце XX века, — это то, что еще случится с Европой в будущем!

Более того, уже при Сталине начался серьезный отказ от модернистской логики на основе «возврата к прошлому» и использования его ресурсов. В сталинском проекте коммунистического общества просматривается монашеский, монастырский, православный жизненный уклад. Собственно ему-то мы и обязаны своими победами.

Прорыв в космос также был осуществлен на почве идей русского космизма. Гагарин наследовал Королеву, тот — Циолковскому, а тот был поклонником русского философа Н. Федорова, уважаемого Ф. Достоевским. Но эта линия задохнулась после Хрущева, когда мы окончательно перешли на западные рельсы, когда присягнули

«обществу потребления» и когда западная мысль только дошла до постмодернизма.

С нашей стороны глупо сейчас подражать Европе, поскольку она-то как раз двигалась и двигается по пути Советского Союза, только медленнее. Всем известно, что в Европе последние 30 лет «социализм и застой», и всем известно, что Россия за 1990-е годы, после форсированной индустриализации начала века, прошла столь же форсированную постиндустриализацию.

Некоторые политики пытаются заставить Россию вновь индустриализироваться и модернизироваться. Подражать себе прежней или Европе прежней. Но нельзя дважды войти в одну и ту же реку, надо создавать что-то совершенно оригинальное. Причем, за нас это никто не сделает. Европа нам не помощник, она доживает свой социалистический век, свой застой, ей еще предстоит наш упадок и наш «беспредел девяностых». У европейцев масса своих проблем, а мы находимся в авангарде истории и должны сами думать, что делать дальше. Проект «Петр Великий — перезагрузка» сейчас для нас невозможен потому, что нам нечему подражать в Европе, чему мы еще не подражали, у нее нет новой миссии, нет даже упаднической миссии на манер марксизма.

Поскольку у нас самый большой опыт постиндустриализации, вплоть до полного разрушения индустрии, то никто, кроме нас, не заглянул дальше — за границы постмодернизма. А раз так, то нам и предстоит придумать новый «изм», тот, что придет после постмодернизма, тот, что станет будущей европейской и мировой модой. Можно, конечно, остановиться и ждать, пока Европа придет к концу и сама придумает «новое начало», новую миссию, а потом опять подражать ей... Но на этом пути ожидания можно и не дожидаться...

Вопрос о будущей миссии — отдельный. Сейчас Россия находится, конечно, не в положении Петра Великого, а в положении, когда его проект был исчерпан. Если уже для Пушкина была очевидна смерть Европы (на 50 лет раньше Ницше и почти на 100 лет раньше Шпенглера),

то сейчас, чтобы учуять ее трупный запах, не надо быть гением. Европа прошла «точку невозврата», ее уже ничто не спасет от реконкисты, она лишена воли к сопротивлению, ее культура не превосходит соседние, а наоборот, является самой отсталой. Европа консервирует «демократическую риторику и либеральные ценности» 200-летней давности, настаивает на том, что уже давно не работают ни практика ни теория. Европа утратила духовное лидерство, ее презирают, ей никто не хочет подражать, никто не хочет в нее вливаться, ассимилироваться.

Сейчас надо быть конченным некрофилом, чтобы делать «европейский выбор» по примеру Грузии и Украины. Это имело для них смысл 300 лет назад, во времена Мазепы, но сейчас это просто смешно. Все с ярмарки, а они на ярмарку. До провинции, до окраины (украины) все доходит поздно. Провинциалам подсунили «европейскую демократию» — товар третьего сорта и третьей свежести, и они заплатили за него самую дорогую цену.

Россия, слава Богу, такой выбор не сделала, но, к сожалению, и позитивного проекта исторической миссии наша духовная элита публике еще не представила.

СТРАНА ГОСПОД

В течение тысячелетий философы, политические мыслители задавались вопросом: кто достоин управлять, кто достоин иметь власть? Давались разные ответы. Ну, например, достоин тот, кто самый знатный, чей род состоял из лучших людей. Да, это, конечно, страховка, что и дальше будут лучшие получаться, но управляет-то конкретный человек, а не умерший уже род, тогда как единственный представитель рода может быть и дегенератом.

Или другой ответ: управлять должен богатый. Ведь на него и так все работают. Но оказывалось, что богач — заложник своего богатства, он склонен откупаться в случае нападения завоевателей, и в споре между златом и мечом выигрывал меч.

Тогда, может быть, управлять должен самый сильный, тот, который с мечом? Да, но... оказывалось, мягко говоря, что в здоровом теле не всегда самый здоровый дух, то есть разум, а управление без разума, тем более при избытке силы, — это тирания. Тогда, возможно, самый мудрый? Но у него может не хватить воли и твердости в случае чего. Да даже если они есть, советы и действия мудреца трудно объяснить массам, им все время кажется, что происходит что-то непостижимое для их ума, ведь мудрец видит на 10 шагов вперед, а они на один. А раз что-то непонятно, то такое управление тоже своего рода деспотизм.

Тогда, может, править должен тот, кто умеет нравиться толпе, в состоянии объяснять свои действия, слышать, что хочет народ, и выражать его интересы? Да, но мнение народа переменчиво, и очень часто народ хочет то, что ему же вредно. Народ, как маленький ребенок, может хотеть потрогать огонь, не подозревая, что обожжется. Иногда для пользы народа надо идти против него: как врач, делая операцию, причиняет пациенту больно, но для его же здоровья.

Дискуссии нет конца. Различные философы выдвигали различные теории власти и идеалы, пока, наконец, великий Г. В. Ф. Гегель не сказал, что философия не должна довольствоваться творением пустых идеалов и мечтаний. Если философы изучают сущность всего сущего, то уж наверняка эта сущность не настолько бессильна, чтобы просто витать где-то в воздухе и никак не воплощаться в действительность. Идея не есть простое благое пожелание или требование «как должно всему быть», идея есть сущность, а сущность себя являет! Следовательно, если мы хотим, например, найти сущность власти, то мы не должны городить химерические идеальные общества, утопии, теории, в которых все счастливы, а потом сравнивать действительность с этими утопиями и брюзжать, что такая-сякая действительность теориям, видите ли, не соответствует. Если мы хотим найти сущность власти, мы должны посмотреть: а кто и как действительно господ-

ствует и получает власть? Кто это делает и почему? Что оказывается решающим, какое качество помогает? Найдя это, мы найдем и сущность господства. Кто имеет это искомое качество, тот и должен быть господином.

И вот представим себе, говорит Гегель, двух свободных людей, чьи интересы пересеклись по поводу завладения какой-то вещью, или они по какому-либо вопросу имеют разное мнение. Кто настоит на своем, а кто уступит? Самый богатый, самый умный, самый сильный, самый знатный? Нет, тот, кто готов идти до конца, кто готов отдать жизнь, тот, кто за свое убеждение или амбицию готов пойти на смерть, тот, кто ценит свою волю выше жизни, тот, кто может даже и умереть, но умрет свободным, то есть самостоятельным, желающим, чтобы верх взяла его воля.

В конце концов, что такое свобода, если не демонстрация независимости духа от тела и возможность при необходимости этим телом пожертвовать? Так кто же властвует и достоин властвовать? Ответ таков: самый брутальный, тот, кто готов рисковать, кто готов играть на самую большую ставку в игре, кто играет со смертью. Он, играющий со смертью, неуязвим, потому что его невозможно напугать. Считается, что нет ничего страшнее смерти, но ее-то он и не боится.

Кто становится рабом? Тот, кто говорит «я — пас», тот, кто не готов поднять ставку до уровня игры на жизнь, кто считает, что жизнь дороже, чем та или иная вещь, за которую идет спор, или то или иное убеждение. Проигрывает тот, кто в конце концов считает, что жизнь дороже воли, самости, той или иной собственной амбиции. Кто считает, что лучше уступить, не стоит убеждение или вещь того, чтобы за нее так рисковать. Тот, кто не готов заплатить жизнью за свободу, тот ее и не достоин, а значит, он пользуется свободой ровно до первого господина и в тех границах, которые господин ему отведет. Или уж пусть сам становится господином, или гибнет.

В своей первой серьезной работе «Феноменологии духа» (и конечно, в других работах) Гегель специально посвящает целый раздел диалектике взаимоотношений

господина и раба, ибо все, что описано выше, это только слишком абстрактный взгляд на проблему. Давайте и мы проследим все хитросплетения отношений во всех подробностях.

1. Итак, некий свободный встречается с другим свободным. Уже это удвоение отрицает мою свободу, потому что на самом деле если хочешь уничтожить вещь — удвой ее, утрой, умножь, и она потеряется, перестанет быть уникальной, личностной, оригинальной. Поэтому тот, кто противостоит мне, должен признать мою свободу, я хочу быть признанным в качестве свободного. Но вот в чем шутка: точно такие же «чувства» испытывает и противоположный мне свободный. Чтобы доказать свою свободу, каждый хочет снять свободу другого. Это способ и убрать соперника, и проверить на прочность себя, удостовериться в себе, доказать, что свобода не призрак, раз она может разделаться с иной свободой. Вот вам и поединок. Двигаемся дальше.

2. Ну, вот ты решил рискнуть жизнью, пошел на смерть за свою свободу и ты... убит. Поэтому твоя свобода кончилась, не успев начаться. Рабом ты не стал, но и свободным тоже, ибо трудно назвать свободным коченеющий труп. Это открывает нам, что само по себе бестолковое и бесшабашное поведение, связанное с риском для жизни, не есть еще проявление свободы. Эдак можно всех самоубийц записывать в герои. Но герой и самоубийца, очевидно, разные люди. Даже полностью противоположные, ибо самоубийство часто как раз трусость. Герой идет на риск там, где есть шанс на выживание и победу, самоубийца, наоборот, не оставляет выживанию шанса, отдается на волю случая, судьбы, снимает с себя ответственность, бежит от невыносимости тяжелой ситуации. «В этой жизни помереть нетрудно, сделать жизнь значительно трудней», — как сказал поэт... Как от великого до смешного один шаг, так и от трусости до мужества расстояние не больше. Они могут быть очень похожи внешне, но бесконечно далеки по сути. Но идем дальше.

3. Теперь рассмотрим вариант, когда ты рискуешь жизнью за свободу, так же рискует другой, но на этот раз везет тебе, и ты убиваешь соперника. С чем же ты остаешься? Ты ничего не доказал, потому что твой визави умер свободно, как герой, и получается, что ты убил героя. К тому же твоя свобода осталась не подтверждена и не признана. Ее некому признавать. То есть все вернулось к тому, с чего начиналось, только на новом этапе. Поэтому поединок, который заканчивается убийством, — не цель. Важно понять, насколько две суверенные воли готовы постоять за себя и пойти до конца.

Коли такое удалось продемонстрировать, убийство и не нужно. Наоборот, возникает момент взаимного признания. Стороны с уважением расходятся, и каждый остается при своей территории. Они могут заключать договора чести, дарить друг другу подарки, идти на демонстративные уступки, показывая уважение а заодно и власть над вещами, давая понять, что не в той или иной амбиции было дело, а в самом принципе. Вежливым считается отвечать на уступку уступкой и на подарок подарком. Так не возникает зависимости. Тот, кто не может отдариться, должен идти и воевать, чтобы забрать себе то, что принадлежало убитым. Поэтому поединки смертельные, хоть они и не самоцель, будут возникать, пока есть на Земле суверены духа.

4. Совсем иное дело, когда из двух вступивших в поединок кто-то, в конце концов, покоряется, то есть демонстрирует, что может идти только до определенного предела, не готов за себя постоять. Один идет на смерть до конца, до упора, другой испытывает страх смерти, говорит себе, что он не самоубийца, что смертью лично себе свободу не купишь и... сдается. На милость победителя. Итак, возникли господин и раб. Отныне раб не имеет собственных цели и ценностей, он всецело принадлежит воле господина.

5. Но на что можно употребить раба? Воевать вместо себя не пошлешь, ведь он потому и стал рабом, что дорожил жизнью, трусил. Следовательно, первый же по-

павшийся господин просто заберет его себе, а раб с радостью сбежит. Нет, воевать и рисковать жизнью дальше остается делом господина. Раб же занимается обеспечением жизнедеятельности господина. Он холит лошадей, носит и делает оружие, растит хлеб и доит коз, трудится, обрабатывает сырой материал природы. Весь продукт его труда полностью принадлежит господину. Господин сам решает, сколько оставить рабу, это его право. Как правило, остается столько, сколько нужно для воспроизводства жизни раба и поддержания его здоровья. Остальное потребляется господином.

6. Дело господина — война, риск жизнью, защита уже имеющихся рабов от других господ, покровительство рабам, суд над ними, разбор их проблем, а также завоевание новых рабов. В промежутках между всем этим — потребление произведенного продукта труда рабов. Поэтому только господам, а не рабам, разрешается носить оружие, только господам, а не рабам, разрешается служить (до какой степени падения надо дойти, чтобы от права воевать, которое принадлежит только господам, люди отказываются — «косят» от армии!).

7. Раб, как мы видели, создается страхом. Но страх содрогает личность и приводит в движение дух, а движение духа — начало мудрости. Тот, кто заглянул в Ничто, способен сопоставить Ничто и Сущее, положить их на разные чаши весов, а значит, задать вопрос: «Почему вообще есть Сущее, а не Ничто, ведь могло бы ничего не быть, ведь Ничто легче и проще?». Тот, кто задал этот вопрос о «почему», об основании сущего, получает выход к сущему-в-целом, объемлет его. Отвечая на этот вопрос, он получает мировоззрение. Причем мировоззрение, непоколебимое никакими событиями внутри сущего, ведь вопрос о сущем-в-целом так глубок, что охватывает и будущее, и бывшее, и величайшее, и мельчайшее. Мировоззрения могут быть различны, но все они универсальны, применимы ко всему, объясняют все.

8. Далее, раб трудится, то есть формирует материю природы. Каждая природная вещь имеет две стороны:

с одной стороны, она нечто самостоятельное, с другой стороны, дух может, приложив усилия, сделать ее тем, чем хочет. Раб сталкивается с самостоятельностью вещи, перерабатывает ее, а господин сталкивается уже с не-самостоятельной стороной вещи, он преимущественно потребляет. Переработка вещи отсрочивает потребление, раб научается терпеть отсрочку между желанием и удовлетворением. Кроме того, постоянно подчиняя себя воле господина, он научается господствовать над своими вожделениями и желаниями, он копирует господина, интериоризует его. Постепенно раб сам становится господином, пока еще только господином себя.

9. Наоборот, господин, который все меньше воюет и все больше потребляет, избаловывается. Он капризен, получает всегда все готовое, не терпит отсрочек в удовольствиях. Он не снимает форму вещи, обрабатывая ее в труде и, следовательно, не умеет ничего делать, так как умение и есть владение техниками, то есть снятыми формами. Он становится всецело зависимым от раба. Более того, само его господство держится, по большому счету, только на том, что у него есть рабы. Он называется господином только в противоположность рабам. Убери противоположность, вместе с ней уберется и другая, если убрать ночь, не будет и дня. То есть господство, основанное на рабстве, не самостоятельно, оно не самодостаточно. Господство не независимо, а наоборот, зависимо. Оно само есть рабство. Мы видим, как господин и раб поменялись местами. Раб, обрабатывая вещи природы, научается господствовать, господин, деградируя, все больше зависит от раба, попадает в рабство к рабу.

10. Раб почувствовавший себя господином, видит господина только с той стороны, которой тот к нему повернут, со стороны потребления, он представляется всего лишь паразитом. О военной стороне дела, о риске жизнью, об охране жизни раба речи не идет, это «само собой разумеющаяся услуга». Поэтому раб все больше презирает господина и стремится избавиться от его господства. Но он пока не умеет держать оружия, он труслив. По-

этому сила в количестве. Рабы побеждают, потому что их больше.

Восстания, как правило, случаются в минуту слабости и неготовности господина. Бунты и заговоры никогда не бывают честным вызовом на поединок, они всегда предательские, всегда подлые, всегда исподтишка.

Вообще путь к свободе всегда путь неблагодарности, ведь господин есть тот, кто дает. В частности, он дал рабу самое большое, что раб ценит — жизнь, но раб платит восстанием. Чего иного можно ждать от раба? У него нет чести и славы, он не приобретал ее в поединках и не защищал ее, он не знает что это.

Возможен другой вариант освобождения: господин умирает сам внезапно от чрезмерного потребления, либо поверженный другим господином. Тогда этот другой воспринимается как освободитель. Наконец, третий вариант освобождения: господин может сам освободить раба. В любом случае для раба все кончается свободой.

11. Для господина тоже все кончается свободой. Господин, в конце концов, осознает, что его признание господином со стороны раба не есть истинное признание, в этом признании нет никакой чести. Настоящее признание господин может обрести, если его признает другой господин. Тот, кто не признан другим господином, сам еще не вполне господин. Более того, только тот, кто не имеет рабов и не зависит от них, может быть признан настоящим господином. Настоящий господин самодостаточен и не зависит от обслуживающего класса. Таким образом, настоящий господин есть господин, признанный другим господином, и оба они, будучи самодостаточными, уже не имеют рабов. Это один из главных факторов, толкающий господ к освобождению рабов.

12. Раб, который видел господина только с потребляющей и господствующей стороны, не имеющий опыта господства, становясь свободным либо в результате освобождения своим господином, либо чужим, либо в результате бунта, первым делом пытается воспроизводить внешнюю неистинную сторону господства, а имен-

но: сам пытается вести себя как господин, как это он себе представляет. Он, прежде всего, пытается завести себе рабов (сладко, если это будет прежний господин), заставить других трудиться, и начинает потреблять. Это может затянуться достаточно надолго, пока не потребуется нового освобождения и понимания всеми сторонами, что настоящее господство есть взаимная признанность господами, а не рабами, что настоящее господство — это самодостаточность и самообеспеченность, самостоятельность и независимость от рабов.

13. Что написано в пунктах с 1 по 5, есть, по Гегелю, принадлежность к дикому «естественному состоянию». Что написано в пунктах с 5 по 10, мы привыкли называть «феодализмом». То, к чему мы приходим в самом конце, а именно: взаимной признанности всех господ господами, без всякого рабства, это новая история и «современное государство».

В «современном государстве» изначально человек признан в качестве свободной личности, он имеет права, в его отношении действуют законы и проч. Если восточная деспотия знала свободу Одного Господина, а все остальные были рабами, если античный и средневековый мир знал свободу Некоторых Господ, и его государства все же держались на рабстве, то новый мир и новые государства — это государства, где каждый гражданин есть господин, где каждый есть князь, где все господа. Это государства, состоящие из одних только «монархов», которые тем более свободны, чем более самодостаточны, поскольку у них нет рабов. Но всем воздаются «королевские почести»: то есть все друг с другом вежливы, все принимают участие в управлении государством и его жизни, включены в него через профессии, сословия и проч. Ежели кто ведет себя еще как в диком состоянии, то есть не видит в других гражданах свободных людей (например, преступники), то и в нем отказываются видеть свободного и либо приводят его существование в согласие с его сущностью (лишают свободы), либо уничтожают. Он рискует жизнью, хочет умереть за свою незрелую неис-

тинную свободу? Пожалуйста, вот ему эта возможность! Поэтому Гегель признает смертную казнь.

14. Есть еще одна проблема: нельзя сразу оказаться в ситуации свободы и господства. Свобода не дается от природы, она завоевывается. Поэтому весь описанный путь был необходим. Было важно, говорит Гегель, чтобы Афины, например, получили сначала законы от Солона, а потом тиран Писистрат принуждал их исполнить. Тот, кто не научился повиноваться — не умеет властвовать. Этап рабства обязателен. Только через подчинение и рабство, через труд и образование, через страх и творение мировоззрения человек идет к истинной свободе.

15. Но как же быть в современных обществах, где правовые государства уже созданы? Мы не можем с каждым поколением разрушать их и воссоздавать заново, чтобы новые граждане набрались истинно «господских» добродетелей. Для воспитания свободным гражданином, по Гегелю, человек в онтогенезе должен повторять филогенез, в воспитании должна быть пройдена история рода, человечества, в скором, свернутом виде. Для этого только и существуют воспитание и образование.

Дети, рождаясь, живут как в «естественном состоянии», причем на положении, если так можно выразиться, «рабов», то есть тех, кто учится подчиняться и чьи цели определяются взрослыми. Дети обязаны родителям и жизнью, и поддержанием оной, и защитой, и целями. В своей теории воспитания Гегель является жестким «антигуманистом»: ребенок от рождения зол, то есть имеет дурную произвольную, а не свободную волю, ему еще только надлежит стать свободным через умение подчинять себя разуму. Лишь по достижении совершеннолетия ребенок обретает права свободного гражданина. Он, конечно, может бунтовать в «переходном возрасте», показывая свою «взрослость» и копируя у взрослых то, что ему кажется признаком взрослости, но этот этап юношеского бунта важен так же, как революции в истории, а взрослая жизнь постепенно его поправит.

16. Казалось бы, все: совершенная система. Но остается вопрос: что происходит с этим «современным государством», если оно сталкивается на международной арене с другим государством? Нанесение оскорбления одному члену государства есть нанесение оскорбления всему государству. Здесь действует принцип «один за всех, все за одного». А оскорбления могут быть нанесены легко, ведь противное государство может быть еще из феодальной эпохи или незрелое, ищущее рабов. А может, это другое «свободное государство свободных граждан», и тогда мы возвращаемся к пункту 1, с которого начался разбор, то есть к поединку между двумя свободными не на жизнь, а на смерть. Только теперь мы имеем дело не с отдельными личностями, а с целыми государствами. А судьбы над ними нет, все межгосударственные институты именно межгосударственные, а не надгосударственные, то есть существуют, пока сами государства их признают.

Итак, в этом заключается громадная проблема. Мы бы с радостью могли решить ее, если бы просто для государств повторили бы ту же историю, ту же диалектику, что и для личностей, и заявили бы, что в итоге, дескать, на Земле должно существовать некое «государство государств», в котором все государства будут признаны, наделены правами, будут нести свою функцию... Но...

17. Однако, государства окончательно самодостаточны и «не нуждаются в признании, как в нем не нуждается Солнце» (так Наполеон сказал о Франции), никакое международное право не в силах ничего сделать... И слава Богу. Гегель говорит, что если бы не этот факт, не было бы войн, а ведь только войны позволяют умирать за свободу и защищать ее. Без войн государства бы упали духом, подобно тому, как озеро зарастает тиной, превращается в болото без ветра. А кто кого победит, кто исчезнет с лица Земли и из истории, кто останется — это дело Абсолютного Духа, то есть Бога, а не человежье, это судьба народов в их истории.

18. Впрочем, сама история уже закончилась, утверждает Гегель. Что означает эта загадочная фраза? А то, что

диалектика господства и рабства, которая описана выше, просто не имеет продолжения, она закончена. Нет ничего иного, кроме как встречи двух свободных, их столкновения, превращения в господина и раба, деградации господина, освобождения раба, создания государств и войн «свободных государств» между собой. Все, дальше мысли развивать некуда.

Чем же человечество будет заниматься в дальнейшем? Гегель далек был от мысли представлять «конец истории» как некий обрыв. А всю дальнейшую историю все народы, которые еще считаются дикими, то есть находятся в «естественном состоянии», будут подтягиваться к народам, находящимся в авангарде (немцам, французам, англичанам). Эти дикие народы, проходя через стадии рабства и господства, будут наконец-то совершать свои освободительные революции, и, в конце концов, превращаться в «свободные государства свободных граждан», которые периодически будут воевать. А поскольку нецивилизованных народов много, процесс подтягивания арьергарда к авангарду может занять несколько столетий. Главное, что сам авангард уже никуда не двинется. Совершеннее и лучше современного свободного суверенного государства свободных граждан все равно уже ничего нет.

Подтягивать дикарей до высокого уровня силой Гегель тоже не рекомендует. Наполеон уже давал конституцию испанцам, те не смогли принять ее, хотя она была лучше, чем то, что они имели раньше. Нужно, чтобы законы вырастали из народных нравов медленно и верно. А это процесс долгий. Значит и окончание истории — процесс тоже долгий.

19. Отдельно стоит сказать о России, которая, по Гегелю, осталась вне истории. Когда-то авангардом был Восток, там впервые произошла великая революция, то есть переход от «естественного состояния» к государству. Потом лидером истории были античные народы, понявшие, что свободен не один, а многие, и придумавшие демократические и правовые институты общения свободных

между собой. Потом лидерами истории стали европейские и, прежде всего, германские народы, усвоившие истину христианства о свободе каждого и перенесшие ее в политику. А поскольку дальше ничего не будет происходить кроме подтягивания отставших народов к передовым, то Россия, равно как и Африка и проч., никогда не будет «исторической», то есть «делающей историю» страной.

Когда состязание закончено и финишная лента сорвана, неважно кто прибежит вторым, десятым или тридцатым. Наполеон уже прибежал. Остальные обречены на то, чтобы его копировать. Копии могут быть лучше оригинала, даже обязаны быть лучше, так как они уже имеют возможность не впадать в ошибки предшественников, учитывать их уроки и все делать совершенным образом, но все равно это будут копии.

Казалось бы, Россия, в отличие от Африки, где и господа и рабы изнежены, где бананы растут на деревьях и не надо трудиться, наоборот, через труд должна была одной из первых прийти к всеобщему господству и освобождению. Множество войн и нашествий так же должны дать много людей духа. Но, видимо, во всем нужна мера: слишком тяжелые условия столь же не хороши, как и слишком мягкие. Россия оказалась так же привязана к своему антиматериалистическому, господскому духу, как Африка к своему рабскому и телесно-материальному.

В истории было много мыслителей, которые утверждали, что африканцы являются рабами «от природы». Особенно таких «доказательств» было много в период XVIII—XIX веков, когда поднималась мощная волна движения за отмену рабства. Противники такой отмены много говорили о рабских качествах африканцев, их предназначении служить белым господам, и обосновывали это в том числе климатом. Однако Россия, как самая северная страна мира, должна была стать в центр дискуссии о том, что в ней «от природы все господа», но такой дискуссии в такой форме не возникло.

Да, было много написано о «природной агрессивности русских», о воинском доблестном духе, об извечных имперских амбициях России, о том, что русские «ленивы» и их, в отличие от негров, нельзя заставить работать даже на себя. Но назвать вещи своими именами, а именно сказать, что русские таковы потому, что они все природные господа, никто не догадался. Западу эта тема невыгодна, а сами наши публицисты лишь повторяли западные клише о себе. Кроме того, западный образ господина, как **ИНДИВИДУАЛЬНОЙ** личности, противоречит русской форме общезжития.

Суровые условия в России вынуждают жить общинами, чтобы умножать силы за счет интегрального эффекта, поэтому идея самостоятельности в смысле независимости ни от кого здесь не прошла.

Россия не смогла перейти к обществу, где единицами будут свободные личности. Но ведь община существует во взаимной признанности ее членов. И это ничуть не противоречит модели современных обществ и государств.

Гегель умер раньше и не имел возможности прочитать наших народников. Но даже если бы он их прочел, скорее всего, сказал бы, что народ, «состоящий из одних господ», так же неистинен, как народ, состоящий из одних рабов, потому что истинный господин самодостаточен и не имеет рабов, а «русские господа», являясь конечно, господами, одновременно являются и рабами самим себе, рабами друг другу, и поэтому замкнуты друг на друга, не в силах разорвать связь и стать самодостаточными личностями, истинно современными господами.

Если в Африке все рабы, и даже тот, кто управляет — раб, то в России все господа, и даже тот, кто подчиняется — господин. Получается, что в России произошло отрицание схемы «господства — рабства», но без «снятия», если использовать гегелевский термин. Противоположности не воплотились в двух разных классах, а интериоризовались в каждого члена общества, и при этом экстеризовались так, что сущностью человека стал не

«абстракт, присущий отдельному индивиду, а совокупность общественных отношений» (как скажет Маркс в одном из «тезисов о Фейербахе»). Для Гегеля же дух всегда воплощается только в личность, и именно личность он видит вершиной прогресса. Пафос разочарования в России как стране, которая уже не войдет в историю, унаследовал и обучавшийся в Германии Чаадаев. Зато наши народники прекрасно дополняли гегельянцев-марксистов.

20. Все это Гегель в общем и целом в разных работах изложил чуть меньше 200 лет назад. Будь он жив, то взирая на бурные XIX и XX века, сказал бы, что ничего выходящего за рамки его метафизики не произошло. Все революции, освободительные и национально-освободительные войны и есть процессы избавления рабов от рабства, становления их свободными. Другие конфликты — это конфликты суверенных свободных государств, обычная толкотня локтями. Не случилось ничего нового!

Вот, скажем, переход человечества от природного состояния «войны всех против всех» к феодальному (эпохе господства и рабства) — была революция, революция нешуточная! Или переход от состояния господства и рабства (деградация господ и освобождение рабов и их взаимное признание друг друга свободными) это тоже была революция ого-го! Целый этап в истории! А сейчас что случилось? Где переход к чему-то новому? К какой-то новой форме? Как и предсказывалось, основное содержание эпохи — это продолжающийся последний этап, то есть продолжающееся освобождение человечества, продолжающаяся эмансипация... Особенно бы порадовала Гегеля американская гражданская война, война за то, чтобы вопреки экономической эффективности люди освобождались от владения рабами только потому, что **ИМЕТЬ РАБОВ НЕДОСТОЙНО ГОСПОДИНА**. Гегель, скорее всего, приветствовал бы и революцию в России, если бы она была просто избавлением от сословий, настаиванием на господском положении всех.

21. Недаром все гегельянцы XX века поддерживали тезис о «конце истории», хотя и делились на лагеря. Те, кто выделял у Гегеля тему, связанную с суверенитетом государства, с его независимостью от международного права, с оправданием войн, смертной казни и жесткого воспитания, такие как Джентиле, Кроче, Ильин, Кро-нер, Глокнер, Шмидт, были патерналистами, вплоть до поддержки фашизма. Те, кто настаивал на темах, свя-занных со свободой, эмансипацией: Кожев, Батай, Ко-лингвуд, Ипполит, Фукуяма были в разной степени «ли-бералами». Недаром Фукуяма написал свою знаменитую статью «Конец истории», где по сути повторил сказанное Гегелем: в истории ничего нового больше не произойдет, только подтягивание арьергарда к авангарду — совре-менным эмансипированным обществам.

Надо обладать тупостью, пошлостью и бездарностью Поппера, чтобы считать Гегеля неким прислужником власти. На самом деле Гегель всю жизнь был настоящим последовательным либералом (то есть тем, кто считает сущностью человека свободу и на этом строит все со-циальные теории и историософию). Он даже приезжал специально позвать руку умирающему наполеоновскому генералу.

В 1808 году Гегель был одним из немногих немцев, кто приветствовал приход Наполеона. В патриотическом угаре его голос звучал как голос «диссидента», «пятой ко-лонны», «предателя», «западника», «вольтерьянца».

Бог свободен, значит истинный либерал должен ве-рить в Бога. Государство возникло как свобода одного, развивалось далее как свобода некоторых (Греция, Рим) и пришло к тому, что служит защите прав и свободы всех. Значит, истинный либерал должен быть государственным.

Собственность есть проявление свободной воли и власти человека как свободного существа над вещью природы, собственность делает свободным. Значит, ис-тинный либерал должен быть за собственность, против всяких коммунизмов.

Так что и либералы и государственники одинаково являются «гегельянцами», часто сами того не зная, равно как и многие «прогрессисты» с «консерваторами». И от того-то так трудно классифицировать самого Гегеля. Его, который объедает целое, стараются сделать частью себя же самого: то либералом объявят, то фашистом, то коммунистом. А он просто все это вместе взятое. Ведь главный принцип его диалектики в том, чтобы признавать истину за всем сущим, только понимать и устанавливать границы. Все люди правы, но в кругу определенных феноменов, когда какой-то принцип начинает вылезать в чуждые ему сферы, он из истинного превращается в ложный.

22. Особо, в связи с большими историческими заслугами, надо отметить Маркса, который, безусловно, также был гегельянцем. Маркс признает тот же взгляд на историю человечества, что был изложен выше, но последний этап, государство свободных личностей, называет коммунистическим, так как там все люди не только господа, но и братья, так как нет рабов и господ, нет и экономической эксплуатации, хоть прямой, хоть денежной. Ведь, по Марксу, дело в том, что Гегель поторопился объявить современные ему общества свободными. Господство политическое сменилось господством экономическим. Закрепощенные рабы сменились экономическими рабами-пролетариями. Вот когда не будет хозяев и наемных, а все будут акционерами единого хозяйственного механизма, тогда уже можно говорить об истинно современном обществе.

Маркс говорит, что сами термины «господин» и «раб» имели смысл, когда была их противоположность. Когда диалектика закончена, и свободные личности признают друг друга, возникают братство и товарищество свободных коммунаров. Когда процессы эмансипации человечества будут доведены до конца, то войн не будет, так как все свободные народы признают свободу других.

Маркс отказывается говорить о «конце истории». Начиная с середины XIX века классический либерализм и

сам начинает впадать в кризис. Да, конечно, молодежь и интеллигенция стремились быть «прогрессивными» и «современными» в плане политических свобод и разного рода эмансипаций, но гораздо моднее и современнее было быть... социалистом или коммунистом.

Весь мир видел успехи капитализма, весь мир видел успехи науки и промышленности, весь мир понимал, что прогресс неумолим, и весь мир стал понимать, что и капитализм так же уйдет, как ушел мир, который был до капитализма. Тот, кто первым покажет, что это будет за мир, кто нарисует призрак будущего, кто заполнит вакантное место могильщика капитализма, тот обречен на великую любовь всех прогрессивных людей.

К. Маркс прекрасно составил свой «Манифест». Он спекулировал на том, что совсем недавно видели все вокруг — как буржуазия расправилась с феодализмом. И показывал, что абсолютно та же судьба ждет буржуазию. Пролетариат не придумывает ничего нового, он просто продолжает дело, начатое буржуазией, и уже скоро без нее.

То, что пролетариат берет с буржуазии пример во всем, сквозит в каждой строчке «Манифеста». Ничто не вечно, не вечно и нынешнее состояние истории. Наоборот, говорит Маркс, только теперь начинается самое интересное, только теперь человечество вступит в «царство свободы». История прежде развивалась принудительно, как судьба, согласно изложенной выше «диалектике господина и раба». Теперь кончилась эта диалектика вместе с господством и рабством, кончилась история как рок, началась история, в которой человечество само себе хозяин, само делает себя. Человечество за время своей истории показало все, на что способно. Методом проб и ошибок оно нащупало правильный путь, теперь будущее поколение избавлено от необходимости искать самому, можно взять готовые «методы» (по-гречески, методос — дорога-колея), готовые «техники» (технэ по-гречески — искусственность, опыт, которому можно научить, который можно алгоритмизировать).

Собственно прогресс свободы и эмансипации в истории и определяется тем, насколько тот или иной народ или человек уже способен мыслить технологически и методологически. Кадры и техника есть производительные силы — базис общества, все остальное — надстройка. Сам Маркс, вслед за Гегелем, говорил о «естественном состоянии», а вот состояние «господства — рабства» для него было разнообразным. Признавались азиатская, наиболее откровенная форма «господства — рабства», чуть более прогрессивная античная форма, еще более продвинутая феодальная, европейская форма, и... современная капиталистическая форма, которая все еще есть господско-рабская модификация, правда замаскированная.

Гегель поторопился назвать современные ему государство и общество обществом свободных людей. Кроме политической эксплуатации и политического «рабства — господства» надо убрать экономическую эксплуатацию. А сделать это способен нынешний современный раб, пролетарий, который трудясь, становится свободным, в отличие от капиталиста-господина, который деградирует, потребляя. Вот когда процесс настоящей эмансипации закончится, тогда и будет всеобщее счастье, коммунизм.

Тут, кстати, появляется шанс для России еще успеть войти в историю. Коль скоро современные государства — это еще не конец, еще господско-рабская форма, то мы можем скакнуть в царство свободы, обойдя Запад на повороте.

Сам Маркс поначалу скептически к этому относился, но в конце жизни русские марксисты его скепсис поколебали. Чем черт не шутит? Действительно, русские общины (правда, не феодальные, а уже освобожденные) могут соответствовать коммунистическому идеалу.

Итак, мы можем видеть, что марксизм просто вариация гегельянства, поэтому то, что XIX и XX века прошли под знаком марксизма, только укрепило бы Гегеля, будь он жив, во мнении, что он видит предсказанное им же долгое окончание истории, понятой как прогресс свободы.

Когда какой-нибудь невежда услышит сегодня о том, что какой-то Гегель 200 лет назад что-то там говорил про «конец истории», то единственное, что мелькает в его голове, так это что «Гегель — сумасшедший маразматик, считающий, будто знает абсолютную истину, одержимый манией величия... вон же она история, за окном... как можно нести бред про какой-то конец истории...». Тем не менее, этот парень, верящий в США как образец для подражания, борющийся за права человека (или же другой парень, верящий в Маркса и эмансипацию, или же третий парень, верящий в геополитику и государственный суверенитет и проч.), сам не зная того, и является, в гегелевском смысле, типичным продуктом этого «конца истории».

Понадобилось несколько страниц, чтобы наполнить смыслом тезис о «конце истории» и, надеюсь, все, кто прочитал, понимают, что Гегель хотя бы «в рамках своих представлений» имел право так говорить (не будем пока требовать от публики большего и доказывать, что философ потому и философ, что вообще не имеет «своих представлений», а глаголет истину, которая не считается чем-то далеким, а носится человеком с собой; собственно истина и делает человека человеком, иные существа на истину не способны). Гегелю же для разъяснений того, о чем он говорит, понадобилось не несколько страниц, а десятки томов. Поэтому философ М. Мамардашвили говорил о «презумпции ума» при подходе к великим. Если я слышу, что Великий Философ, Святой или Поэт «несет какой-то бред» и «порет какую-то чушь», я просто обязан хлопнуть себя по затылку и сказать: «я, червь, чего-то не понимаю», если конечно, я не желаю быть самодовольным болваном, судящим и рядящим всех и вся в соответствии со своим скудным умишком. Для «шарикова», плебея и хама не существует ничего великого, он обо всем судит по своей низкой мерке и отвергает все, что в его узколобое мировоззрение не вмещается. Зачастую некая «образованность и начитанность» только усиливают хамство, так как плебей считает, что уж теперь-то, по-

лучив два образования или даже кандидатский диплом, он точно имеет право вершить свой скорый и смешной суд над Великим.

Я это к тому, что сами великие философы воспринимали великих философов всерьез. Ницше, в отличие от своего куда менее великого учителя Шопенгауэра, только по молодости позволял себе хамские замечания в отношении Гегеля. Чем старше и мудрее он становился, тем больше понимал, насколько серьезен «конец истории» и как непросто самому стать «утренней зарей», то есть началом нового этапа. У Ницше тоже, как и у Гегеля, есть фраза, которую посредством считают «бредом сумасшедшего, одержимого манией величия»: «То, что я пишу, есть история ближайших двух будущих столетий».

Философское мышление — это мышление в пределе. То есть Гегель, например, понимал прекрасно, что «конец истории» может длиться дольше, чем сама предшествующая история, но поскольку он ее всю схватил и определил, дальше она была ему уже не интересна. Так же рассуждает и Ницше. Он допускает, что Гегель прав, он принимает эстафетную палочку там, где Гегель ее оставил. Ницше тоже, в отличие от Маркса, уже не интересны процессы эмансипации человечества, процесс окончания истории, процесс подтягивания арьергарда к авангарду, диких народов к цивилизации, эксплуатируемых к эксплуататорам... В принципе, понятно, как и сколько это будет происходить и к чему придет. Но что будет дальше и есть ли это «дальше», возможно ли оно? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вглядываться в зародыши тех процессов, которые уже идут в «авангардных обществах», в развитых странах Европы. А главное, надо еще раз более тщательно исследовать проблемы диалектики господства и рабства на предмет обнаружения там непомысленного, незамеченной проблемы, которая может стать определяющей в будущем.

Чтобы понять, как Ницше размежевывается с Гегелем (и в его лице со всей предшествующей метафизикой), мы должны увидеть подрыв логики, которая вела Гегеля, а

для этого Гегель специально был изложен «по пунктам». Конечно, если вы уже все знаете в этой жизни и просто развлекаетесь, почитывая «умные» статьи для того, чтобы самому себя поощрять «умным», в чем-то соглашаться, а с чем-то поспорить, если ваша цель — некое самоудовлетворение, а не желание разобраться в сути, нет необходимости возвращаться к гегелевским пунктам и перечитывать их параллельно с тем, что будет ниже говориться о Ницше. Если же вас интересует именно суть дела, а не времяпрепровождение в клубе умников посредством чтения чего-то умного, которое только подчеркивает статус «члена клуба» и не более того, то лучше возвращаться к началу и сравнивать позиции Гегеля и Ницше.

Пункты 1—6, пожалуй, идентичны. Здесь Ницше не видит причин расходиться с Гегелем. Свободный и раб тестируются в смертельном поединке. И для Гегеля, и для Ницше это банальность, общее место. Это свидетельствует о принадлежности Ницше к западной метафизике, вопреки мнению слишком яростных его поклонников, которые утверждают, что Ницше «все преодолел и все перевернул», он, дескать, абсолютно новая страница. Истина — такое серьезное дело, что тут любое отклонение в интерпретации уже революционно, поэтому не надо оказывать Ницше медвежью услугу, преувеличивая и без того великие заслуги.

Пункты 7—9. Здесь уже есть серьезные расхождения. Хотя Ницше говорит, что «против поединка можно сказать то, что он делает победителя глупцом, а проигравшего — злобным», он не заикливается, как Гегель, на носителях господского и рабского сознания и на том, как они меняются местами. Да, наверное, раб может стать господином, возможно, и господин может опуститься на уровень раба, мы часто такое видели в истории. Но это все эмпирия, опыт, который для философа не значим.

Гегель подошел к вопросу социологически. Глядя на деградацию господ и эмансипацию рабов, он обосновал практику логикой, тогда как настоящая философия, на-

оборот, опережает практику (и с этим вынужден был бы согласиться и сам Гегель, ведь он говорил, что «если факт не соответствует истине, тем хуже для факта»).

Ницше интересует само предельное продолжение логики господства и рабства. И вот, вопрошает Ницше, чем должна быть предельная, бесконечная, абсолютная воля, та самая, что помогает победить в поединке? Предельная абсолютная воля есть воля, которая волит саму себя и ничего больше. В противном случае надо будет признать: то, к чему стремится воля — выше воли, а значит, воля не будет абсолютной.

Такая воля, волящая саму себя, называется волей-к-власти. Власть здесь не некая цель, а просто команда воли самой себе: будь выше, сильнее, быстрее, будь самовозрастающей волей. Что мешает воле возрастать? Естественно, некая противостоящая воля. Поэтому воля всегда сталкивается в поединке с другой волей. Но здесь, опять же, можно вслед за Гегелем изображать, что будет после столкновения волей, и подходить к вопросу эмпирически, а можно заглянуть дальше, за предел, и представить, что есть некая воля, которая, допустим, уже победила всех. Что будет мешать самовозрастанию такой воли? Ведь она должна продолжать расти, она же есть постоянный саморост.

Ответ Ницше прост: мешать росту воли может только она сама. А когда воля мешает себе расти? Только когда она направлена против себя, направлена на самоотрицание, когда борется с собой. Но когда она борется с собой? Когда она борется со своим прошлым, с формами себя прежней и несовершенной, когда занимается «мстью». То есть пытается стереть следы прошлых ошибок, неудач и т.п.

Следовательно, утверждает Ницше, совершенная воля есть воля, которая избавлена от духа мести, воля благородная, воля, которая наоборот, желает повторения прошлого, именно так, как оно было, и никакого другого прошлого ей не надо. Воля, желающая повторения прошлого, предполагает такое устройство мира, когда все

повторяется и все возвращается. Воля-к-власти рождает «вечное повторение одного и того же».

Но мир, в котором все повторяется, лишается любого внешнего смысла, он бессмыслен. Понимание этого ужасно, и этот ужас сквозит в философии учителя Ницше — Шопенгаэура. Но Ницше открывает и позитив в этом ужасе. Коль скоро нет целей, ценностей и истин, которые нас определяют, мы сами можем творить цели, ценности и истины. Настоящий господин, который обладает абсолютной волей, только потому и господствует, что дает истины, ценности и цели рабам. Господин устремлен в будущее, а рабы следуют за ним, служа намеченным целям, ценностям и истинам, подчиняя свою маленькую волю им. Зная бессмысленность мира, господин не страшится и смерти, потому что сама бессмысленность ужаснее смерти, да и смерть ничего не способна сделать с господином, он вернется еще вечное количество раз.

Гегель настаивал, что ужас, который потрясает того, кто рискует жизнью, кто в поединке идет на смерть, должен быть максимально глубоким. Но у Гегеля ужасается и страшится раб, тогда как господин бесшабашен. Ницше наоборот, считает, что ужас, далекое заступание в смерть до предела, пронзает господина, а вот раб не доходит до предела, он боится ужаса и останавливается на страхе.

Ницше верит в великую силу ужаса, которая пробуждает в человеке текучесть мышления, содрогает его существо. Ницше поэтому считает, что текучее мышление есть полное отражение текучести самого Бытия, а значит, нет и не может быть никаких раз и навсегда данных мировоззрений, ценностей, истин, идеалов, богов. Тот, кто понял смертность всего, в том числе и богов, сам становится выше богов, ценностей, идеалов, его сердце теперь бьется в согласии с самим Бытием, он сделал сутью себя саму суть Бытия. Он называется сверхчеловеком, в отличие от всего лишь человека, который боится ужаса и от страха придумывает себе уютные непротиворечивые миры, иллюзии, истины, ценности, методы, которые

должны страховать его, внушать иллюзию стабильности, вечности, какого-то порядка, что-то ему гарантировать... Жизнь бесцельна и бессмысленна, только это понимание и позволяет рисковать жизнью. Вот что открывает ужас, и что само ужасает еще больше.

Грек знал ужас Бытия — говорит Ницше уже в «Рождении трагедии». Греки были для Ницше господским народом. Рисковать жизнью и испытывать этот ужас обязательно, и это как раз дело господина. А вот раб испытывает не ужас, а страх. Страх есть способ избежать ужаса, есть реакция на ужас, есть его извращенная форма. Страх есть способ избежать содрогания. Поэтому вся мораль и философия, родившиеся из страха, философия поклонения собственным же иллюзиям, есть мораль и философия рабов, а это и есть, по Ницше, вся предшествующая мораль и философия.

Господин мог бы убить труса, но дарит ему жизнь, трус всю жизнь отработывает «долг». Вот отсюда и берется понятие «должного», центральное и матричное для всей морали. Из морали вырастает и религия с ее должными «ритуалами и культурами». Из морали вырастает и наука с ее должными «правилами» и «методами», с ее принудительностью. А сейчас методы и правила погубили и саму науку, ибо в первой науке еще была поэзия, еще был смелый бросок в истину, сейчас же эта истина свелась к безошибочности. Боязнь ошибки, желание гарантированно получить истину через соблюдение всех процедур есть бюрократизация и смерть духа исследования.

Рабское мышление, выросшее из страха, из «долга», кончается бюрократической моралью, бюрократической наукой и бюрократической политикой. Раб не становится господином, по Ницше, через терпение и труд. Терпение и труд только закрепляют рабскость мышления, превращая его в «мудрость» терпения и всепрощения, в жизнь по «принципу реальности», как позже скажет Фрейд. С вечной отсрочкой, вечным «откладыванием на потом», откладыванием до «загробной жизни», с пониманием своих границ, с делением всего по категори-

ям (границам), с невозможностью преступить границы, рискнуть, пойти в неведомое.

Рабское мышление систематично, господское мышление, которое соответствует сути текучего Бытия, само текуче, оно поэтично. Рабское мышление не учредительно, оно не знает господского «хочу», хочу сейчас, именно сейчас, в данное мгновение, того, что тот же Фрейд называл «принципом удовольствия». Наоборот, господская жизнь настоящим, а не отсроченным, жизнь мгновением есть основа новой «морали», если так можно выразиться. Принцип этой морали таков: живи так, чтобы ты хотел повторить бесконечное количество раз каждое прожитое мгновение (учение о вечном возвращении одного и того же). Задавай себе вопрос: а достойно ли то мгновение, которое я сейчас переживаю, того, чтобы бесконечное количество раз повторяться? Если нет, то это «плохое мгновение» и надо искать иного.

Ницше как гетевский Фауст ищет мгновение, которое было бы достойно того, чтобы его остановить. Господин ищет удовольствий, но эти удовольствия не удовольствия рабов. Поскольку господин много их испытал, он знает в них толк, он не прельстится первыми попавшимися, грубыми. Раб трудится, чтобы потом отдохнуть, предавшись безобразным грубым удовольствиям. Господин находит удовольствие в творчестве, от которого не требуется отдыха, так как тут нет противоположности труда и отдыха. А вот труд и творчество принципиально различны. Труд есть формирование природного сущего по неким формам, а творчество есть производство самих форм, ценностей и смыслов. Труд есть преобразование природы, творчество — преобразование культуры, творение целей и ценностей.

Вот тут и становится понятно, что господин никак не может зависеть от раба, потому что формы для формирования цели и ценностей ставит и предоставляет рабу он. Он определяет его дух, все его сознание, его, если так можно выразиться, «культуру», все человеческое в нем. Ведь не может быть копий без оригинала, а значит,

не может быть рабов без господина. Сам же господин не нуждается в рабах с материальной стороны, он аскет, он довольствуется немногим, он способен обслужить сам себя, он одинок.

Напрасно Гегель говорит о пресыщении и деградации господина. Настоящий господин ищет новых и новых опасностей, он повышает ставку в игре, его девиз: больше власти, еще больше власти. Воля, которая приказывает себе расти и расти, и есть воля-к-власти, она только и есть настоящая воля. Воля, которая перестает расти, уже перестает быть волей. Да, господин может пасть и стать рабом, но это не необходимая судьба, а случайная, необходимым же является бесконечный и бесцельный рост воли.

Пункты 10—14. Раб не способен сам освободиться, считает Ницше. Его освобождает господин, свой или чужой — неважно. Все революции и бунты, по Ницше, смешны. Ты называешь себя свободным? Тогда ты должен открыть новую истину, должен уметь повести за собой, похитить меня. Если ты не можешь, значит, ты и не освободился, и лучше бы тебе оставаться в рабстве, так ты хоть имеешь истины и ценности от своего господина.

Собственно господство в том и заключается, что оно есть постоянное освобождение раба! Господство над рабом держится не на силе и страхе смерти, а на том, что господин все время освобождает раба, все время его эмансипирует, все время дозированно облегчает его участь. Раб хочет жить легче и проще, господин дает ему это, давая смысл его жизни, ставя новые цели и открывая новые горизонты и возможности. Раб не умеет творить цели и идеалы, господин дает ему их. Без целей и идеалов жизнь раба была бы невыносима. Он постоянно боится ужаса бессмысленности существования. Он бежит от Истины, которая заключается в том, что мир бессмыслен, бежит в поисках смысла, ценностей, идеалов. Эти идеалы, эти ценности и образцы для подражания предоставляет господин, и раб боготворит его за это.

Какая-нибудь звезда спорта или топ-модель потому и являются звездой и моделью, что они есть образец, некий новый стиль, новая форма, в подражание которой раб уже начинает формировать свою природу. Сам же господин природу не формирует, он ее раскрепощает, освобождает. Господин вообще освобождает все, к чему прикасается. Он раскрывает внутренние потенции, стремится реализовать все, что возможно. Он хочет пойти во все уголки, где еще никто не ходил, пересекает все границы, нарушает все правила, он пробует все. Но делает это не для «проб и ошибок», а просто потому, что все возможное должно осуществиться, чтобы было изобилие и богатство путей и возможностей! Чтобы из них был выбор. Чтобы этот богатейший выбор увеличивал степени и пространства свободы.

Рабы постоянно нуждаются в увеличении выбора идеалов, путей, ценностей, истин и образцов. Если кто-то им их не предоставляет, они начинают воить Ничто, то есть разрушать, бунтовать. Поэтому, если господин деградирует, сам становится рабом, его воля-к-власти не растет постоянно, не предоставляет новых степеней свободы, то рабы свергают этого господина на основании того, что он уже не господин, а раб, то есть такой же как они. И они ищут себе нового господина, того, кто будет ставить им новые цели, вдохновлять новыми идеалами.

Только рабы бунтуют, революция не есть признак свободы, а полное доказательство рабства. Рабы переменчивы, их бунт постоянен, он закрепляется в таких политических формах как выборная демократия, которая есть упорядоченный бунт. Бунты есть симптом того, что рабы хотят новых идеалов, а их растущая воля голодна. Это значит, что господа не дают им новых форм, целей и смыслов. А значит, в обществе есть дефицит господ.

Для Ницше нет ничего отвратительней выборной демократии, этого общества рабов без господ. Господин и аристократ всегда волк-одиночка, все истинно великое и подлинное редко, только копии и подражания бесконечны и представлены во множестве. И вот эта множествен-

ная убогость, эта рабская масса выбирает себе господ, вырабатывает критерии хорошего и плохого, доброго и злого, истинного и ложного. Но как низшее может судить о высшем? Все дело в том, что историческое преобразование в современную демократию стало возможным благодаря тому, что есть иллюзия, что современный раб более свободен, чем прежний господин. Ведь современный раб якобы знает больше, владеет огромным количеством методов и образов, техник и наук, идеалов и норм, его степени свободы и выбора значительно превосходят возможности древних.

Прежний господин кажется ребенком в сравнении с любым нынешним заурядным человеком! Это ли не прогресс? Нет, отвечает Ницше, это только кажимость, и современное общество есть общество декадентское. Господин способен к творчеству и риску, нынешний раб, пусть он знает и умеет больше, на самом деле пользуется плодами, произведенными не им, а другими господами. Он слишком много знает, ему надо научиться забывать. Он знает много целей, ценностей, методов, у него огромный арсенал возможностей, но он не умеет их сам творить. Самое обидное, что таких, кто может творить, все меньше и меньше.

История есть не прогресс, а сплошной упадок, торжество декаданса, нигилизма, геноцид господ. Видимо, она эмансипация, так как прежние господа дали много целей и ценностей, но по сути, она — закабаление, так как в момент, когда господа исчезнут и ценностей никто уже дать не сможет, история завершится и превратится в постоянный бунт, в постоянное требование новых горизонтов, без всякой возможности их удовлетворить. Этот бунт, перманентная революция, и будет замыканием круга бытия, вечным «сизифовым трудом», бессмысленным кручением и вечным возвращением одного и того же без возможности разорвать круг.

Если в «естественном состоянии» люди жили полноценной жизнью, здоровыми инстинктами, встречали смерть, радовались жизни, то уже переход к государству

есть некий упадок. Законы придумали слабые для защиты от сильных, какие-то нормы и категории уже есть уступка толпе. Преступников же, тех, кто шагает за горизонт, переступает прежние нормы и ценности, то есть людей с прежней дикой волей, хваткой господ, это бюрократическое скучное государство перемалывает.

Но и в феодализме есть еще своя прелесть. Есть иерархия, то есть понимание, что существуют верх и низ, есть культура аристократии, великие идеи, безумства, великие страсти и великие дела. Есть войны, основания и разрушения царств, творения целых языков, миров и мифов, великие подвиги и великие предательства.

Но современное государство — это государство рабов и для рабов. Современные люди не способны ни на что великое, они думают только о комфорте и здоровье, у них не страсти, а страстишки, у них не грехи, а грешки. Их пугает война, и даже малые жертвы вызывают ужас и толки. Их мышление зашорено «методами». Их государство бюрократизировано и скучно. Они уже не способны ничего породить, это стадо без пастыря, бредущее неизвестно куда, колышущееся, блуждающее и обреченное на медленное умирание. Из этой массы уже не родится господин, а если и родится, то будет неузнан и затоптан.

Главное, что происходит — отказ от иерархии, высшего и низшего, а значит, воля уже не понимает, что она может быть совершенной или несовершенной, она не растет. Без тех людей, кто не понимает разницу между великой волей и слабой волей, то есть без людей, которые делают рост своей сущностью, общество лишается тех, кто преодолевает современное состояние, а значит, творит новые цели и идеалы. А без новых целей, ценностей и идеалов масса рабов постепенно деградирует. В процессе истории рабы постепенно подрубили сук, на котором сидели. Борясь с господами, эмансипируясь, они в итоге убили и творческие силы истории.

Мир кончится не взрывом, а всхлипом, как скажет позже Элиот. Поразительно, как в истории воспроизводится одна и та же матрица! В прежней Церкви, напри-

мер, были священники, которые имели возможность читать писание, отпускать грехи, иметь на себе святой дух, и была толпа, которая за всем этим обращалась к священникам. В реформацию происходит так, что все по сути становятся священниками, то есть получают возможность читать писание, быть самому себе совестью, отпускать грехи, общаться с Богом без посредников, причащаться под обоими видами (как сказал остроумно Маркс: «Лютер превратил попов в мирян, превратив мирян в попов»).

Надолго ли рабы стали господами? Нет, скоро, все опустились до уровня рабов, до полного атеизма. Ровно то же самое повторилось с переходом от феодального строя к капитализму. Сначала все рабы получили привилегии господ: право выбирать власть, право носить оружие, право называть себя господами. Надолго ли? Скоро общество господ деградировало до общества рабов. Так происходит всегда, когда уничтожается высокая планка. Устранение различий привело не к тому, что низшие стали тянуться к высшим, а к тому, что высшие опустились до низших.

Пункты 15—18. Современное воспитание не создает господина, наоборот, все оно только и заточено под создание раба. Везде стандарт, везде уничтожение индивидуального и творческого, обучение умению следовать образцу, а не создавать его, бесконечные упражнения в повторении, а не в неповторимом. Воспитание скучно, оно заражено «немецкостью», муштрой.

Действительно, история индивида в воспитании повторяет историю рода, но только в смысле деградации, упадка. Ребенок от рождения благороден, он свободный Маугли. Его детство — это война всех против всех, это опыт героизма и предательства. В юности он познает риск и страсть, лелеет идеалы, мечтает изменить мир, любит и ненавидит. Проходит школу и университет, ломается и причесывается, и превращается в скучного филистера, чеховского персонажа, который больше ни на что не претендует.

Так что воспитание — не школа господина. Что еще остается из гегелевского арсенала, придуманного, чтобы все-таки как-то сделать свободу не естественным качеством, а качеством, за которое борются? Войны государств? Они все более редки и менее кровопролитны, к тому же это войны трусов. Это не поединок, где все решала доблесть рыцаря. Современные войны ведутся оружием, а оно таково, что победа достается не самому смелому, а многочисленной или вооруженной армии. Трус с пулеметом эффективнее героя с мечом. Так что нынешняя война не способствует росту количества героев и господ, она способствует прогрессу оружия и техники. А прогресс подгоняется трусами в очках, которые его производят, чтобы иметь возможность не встречаться с опасностью лицом к лицу.

Современные государства типа Англии или Германии, граждан которых Ницше сравнивает с быдлом, с коровами или осликами, обречены. Это действительно конец истории, и это ее тупик. Нет, эти государства не умрут завтра, они будут гнить еще 300 лет, не меньше, отравляя вокруг все действительно свободное и творческое. История не будет, как этого хотел Гегель, подтягиванием арьергарда к авангарду. Поскольку авангард зашел в тупик и деградирует, он станет легкой добычей тех, кто еще не успел деградировать, кто шел следом за авангардом.

Граждане цивилизованных стран — идеальные рабы, все их добродетели — это добродетели рабов. Точность, аккуратность, законопослушность... Кто же откажется от таких подданных? Вектор сменился, история не просто кончилась, она потекла вспять. Последние станут первыми, а первые последними!

В этой связи Ницше видит довольно большие перспективы у страстных и игривых романцев (итальянцев, испанцев, французов), у авантюристов и аферистов — американцев, у отважных brutальных исламских народов, у благородных арийцев иранцев-зороастрийцев, у разделенных до сих пор на касты, хранящих чистоту индусов, у пылких природных африканцев, у монголо-

идных упрямых азиатов, у евреев, умеющих выживать без государства, все еще хранящих родовые привычки, и конечно, у русских, с их открытой широкой господской, казаческой, свободной преступной душой.

История началась где-то в Азии, на Востоке, дошла через античность до современной Европы, потом медленно начнет проходить тот же путь с Запада, опять на Восток, через новое средневековье к смерти государства как такового, к «естественному состоянию». Так будет свершен круг Бытия.

Пункт 19. О русских подробнее. Из предыдущего пункта мы видим, что Ницше «приговорил» к смерти в первую очередь протестантские страны, те, что Гегель считал авангардом истории. Протестантизм, из которого вышли капитализм и демократия, есть, согласно Ницше, особое искаженное христианство, христианство подлых жрецов — Лютера и ап. Павла, религия рабов. Католицизм (которого держатся романские народы), а тем более Православие, гораздо лучше. Так как в католицизме живет римское, а в Православии — еще более благородное греческое. Это великое античное, хотя оно уже есть начало конца, начало заката-захода-запада, начало конца истории, но все-таки не в таких декадентских формах как современность. Поэтому ближайшие эпохи будут отданы именно этим странам.

У Ницше много учеников французов, его пленяют итальянцы и испанцы, но славян, и особенно русских, Ницше просто боготворит. Он сочиняет себе легенду о том, что сам принадлежит к потомкам польского аристократического рода Ницких. Он влюбляется в русскую авантюристку Лу Андреас-Саломе, он встречается и переписывается с Мальвидой Амалией фон Мейзенбург — воспитательницей дочерей А. Герцена, которая, кстати, сватала одну из дочек Герцена за Ницше.

Ранний Ницше с упоением читает позднего Герцена, некоторые исследователи даже находят в ранних работах Ницше плагиат. Ницше восторгается Достоевским, называет его самым тонким психологом, превосходящим

его самого, у Тургенева заимствует слово «нигилизм» и делает одним из центральных в своей метафизике.

Если культурная Европа видит в русских недочеловеков, за дикость и нецивилизованность, видит, говоря словами Гегеля, народ, состоящий еще из несознательных господ, то Ницше как раз эта дикость и восхищает. Только русские, если верить разбросанным там и сям по различным афоризмам характеристикам, выступают для Ницше народом сверхчеловеков, страной господ! Ницше восхищен русской внутренней свободой, благородством, воинственностью, имперскостью, сексуальностью, решимостью, капризностью, широтой, буйством, игрой, преступностью, аморализмом, витальностью, казачеством, авантюризмом, музыкальностью, поэтичностью.

История России — это история освоения огромных, самых больших в мире, северных пространств, самых диких и суровых. По любимой Ницше легенде, здесь в северной стране живут гиперборейцы — сверхчеловеки, самые сильные духом.

История России — это история бесконечных войн. Никто не воевал так часто и так блистательно, как русские. Если война — дело господ, то все бесстрашные русские — господа. Безусловно, большее количество войн и набегов, пережитых Россией, воспитывает огромное количество людей, которые не боятся смерти, которые готовы идти на смерть, что является основным условием господства. Русские бесстрашны, они не дрожат за свое тело и вообще не дорожат материальным. Ведь на своем веку каждый из них не раз видел все разрушенным, то суровой погодой и природой, то нашествиями и войнами.

Тщета всякого уютного мещанского мирка настолько призрачна, что в России никогда надолго не может прижиться ничто низкое и мещанское. Война, голод и холод — это повседневность, они не страшны, поэтому у русских и нет рабского страха и вырастающей из него декадентской философии и морали Запада.

Казалось бы, суровые условия хозяйствования в России и постоянное напряжение сил для борьбы с захватчи-

ками должны давать не только господскую, но и рабскую психологию, психологию, устроенную по принципу реальности, психологию того, кто в работе подчиняет себя предмету. Но дело в том, что именно разрушение от войн, голода или холода, неурожая показывает обитателям этой страны бессмысленность и бесполезность усилий, работы. А это и есть открытие тайны Бытия.

Она, бессмысленность сущего, знакома русским. Поэтому они не работают, как немцы, не стараются выучить и запомнить все формы, методы, техники. Русские не сильны профессорами, зато сильны учеными-первооткрывателями, путешественниками, писателями, композиторами, поэтами, полководцами, святыми, подвижниками.

Даже знаменитая русская лень есть признак того, что народ не способен к кропотливой изнурительной работе по «принципу реальности», по которому живут рабы. Всякая работа для русского слишком мелка: ему бы державами править, а тут предлагают забор красить. От ремонта забора или сидения на службе, без великого, русский начинает пить, а когда пьет, то наружу выходит все его широкое господское, непроявленное, загнанное внутрь бессознательное.

Водка заменяет русским искусство, ведь единственное предназначение искусства, по Ницше, — пьянить, разрушать границы, делать все зыбким и текучим, как само Бытие, поднимать над самим собой. В пьяном веселье хлещет через край сама жизнь, режется последний огурец, дух торжествует над материальными благами.

В нормальной стране соотношение господ и рабов нормальное: господ мало, а рабов большинство. В России это соотношения явно нарушено: тут каждый второй «Аятолла и даже Хомейни», как пел Высоцкий. Россия должна куда-то девать избыток господ. Иначе внутри скапливается большое количество «преступников». Эта любовь к блатной романтике в России тоже свидетельство господской сущности ее народа. Какое-то время

проблема избытка господ решалось за счет колонизации, казачества. Поэтому Россия и освоила гигантские пространства. Какое-то время проблема решалась за счет эмиграции культурной, творческой элиты. Иногда помогали войны и катаклизмы. Но они решали проблему временно, каждый раз давая новое поколение не боящихся смерти. Война только и может постоянно решать и порождать эту проблему, снова решать и снова порождать, поэтому война — рок русских.

Пункты 20—21. В отличие от Гегеля, который уже в расцвете лет был назначен «главным немецким философом» (для немцев XIX века это то же самое, что главный футболист для бразильцев, главный хоккеист для канадцев, самый богатый человек для американцев), Ницше не был признан при жизни. Лишь умирая, он получил известие о том, что в разных европейских странах появились первые ученики, пропагандирующие его философию. «Они нашли меня, теперь их проблемой будет как меня потерять...».

Первые ученики Ницше восприняли его предельно вульгарно, как всего лишь очередного бунтаря против господствующих укладов, очередного модного либертинианца, очередного «фармазона». Не было в Европе в начале века негодяя, который не называл бы себя ницшеанцем, вспоминал Ясперс.

Бога нет, значит, все позволено. Раз все позволено, то бей, круши, эпатируй. Такие «сверхчеловеки» квалифицировались бы самим Ницше как рабы, поскольку они не творят новых форм и ценностей, а бунтуют по старым сценариям или в творческом бессилии волят Ничто, разрушают. Настоящий сверхчеловек не находится в конфликте с прошлым, он жаждет и волит его.

Да, примитивная воля-к-власти на ранних стадиях брыкается и не хочет быть определяема ничем, и прежде всего, прошлым. Почему я не выбирал страну и время, где мне родиться, язык, родителей, религию? Все это мне досталось из вне, и я этим определен, стеснен. Я сам хочу выбрать религию, страну проживания, друзей и врагов.

Даже тело, даже пол я должен уметь создать себе сам, не говоря уж про конструирование духа.

Но борьба с прошлым, со временем, с «это было и это не изменить» есть некая противоволя внутри воли. Такая воля будет не чистой и не абсолютной, такая воля мешает себе расти. Это хамская воля, воля раба (Хам, как мы знаем по Ветхому Завету, это сын Ноя, который смеялся над своим отцом). Наоборот, настоящая воля желает, чтобы прошлое было еще раз, настоящая воля относится к приданному, как к корням, а чем они больше и глубже, тем выше дерево. Рост в высоту постоянно сопровождается возвратом к истоку, питанием корней, чтобы они проникали глубже. Так постепенно оказывается, что определенность своих места и времени рождения преодолевается за счет того, что родиной становится весь мир и вся история, свои корни находят во всех религиях, свой пол — в каждом поле и каждом теле.

Высокая воля не выбирает, она волит все зараз. Где есть выбор, там еще нет свободы, где есть выбор, там еще есть не выбор, а значит, вина и нечистая совесть, стремление вернуться в точку развилки и выбора, чтобы переиначить. Поскольку же истинная воля не выбирала, а волила все как есть, она и не мучается виной за не выбор, прошлое ее совершенно, ей не нужно другого. Говорил ведь раньше «всечеловек» (по признанию Достоевского) А. Пушкин: «не желал бы переменить ни судьбу, ни отечество».

Разница между примитивной волей (с ее желанием все основывать на себе и пропускать через себя, с ее борьбой с прошлым и самоконструированием) и совершенной волей (с ее всежеланием, принятием прошлого и превращением его в ресурс) и есть разница между тем, что во второй половине XX века будут называть «модернизмом» и «постмодернизмом».

Именно 100 лет понадобилось, чтобы важнейшие интенции мысли Ницше были поняты и начали усваиваться человечеством. До этого Ницше просто считали очередным бунтарем, эмансипатором и эпатирующим

художником в череде таких же «оригиналов». Понадобилось 100 лет, чтобы ницшевские слова о том, что «искусство выше истины», что «истина род заблуждения» превратились в действительность через мир рекламы и виртуальные цифровые миры. Потребовалось 100 лет, чтобы стала действительностью ницшевская теория избыточной разнообразной жизни-хаоса, она стала действительностью через социальные технологии управляемого хаоса и производственные технологии добычи газа (газ искусственное слово, состоящее из слов «хаос» и «гейст», по-немецки — дух). Как нефтяники и газовики добывают энергию природы, и она питает весь материальный мир человечества, так пиарщики и политики добывают энергию масс и культуры, чтобы она наполняла социальные институты и двигала историю.

Современный мир газовых войн, топ-моделей и интернета, пиара и мультикультурности — это мир Ницше. Настоящие революционные творческие мысли, настоящие вещи, которые изменяют мир, приходят тихо, на голубиных лапках, задолго до признания, говорит Ницше. В этом смысле его, как и Гегеля, так же не удивил бы XX век. Ницше тоже увидел бы в нем свою сбывшуюся философию. Естественно, как и всякая великая философия, ницшевская требовала своих интерпретаторов и вульгаризаторов.

Как было гегельянство, так было и ницшеанство. Ницшеанцем был Оскар Уайльд и его герои-эстеты, художники и аристократы, ницшеанцем был Горький со своим Данко, вынимающим сердце, ницшеанцем был и модный в начале XX века у нас Арцыбашев со своим сексуальным Саниным.

Первые ницшеанцы (а это, как правило, культурная богема Европы) видели своих «сверхчеловеков» именно такими. Потом пришел железный век, и возник вопрос: а может, настоящий ницшеанец — это Мартин Иден из одноименного романа Джека Лондона, или коммунист Губанов из фильма «Коммунист»? А может, эсэсовец, ни одна струнка души которого не дрогнет, когда он от-

правляет детей в газовую камеру? А может, араб, направляющий самолет на Всемирный торговый центр? Все это настоящие «белокурые бестии», все это настоящие суверены в соответствии с теорией суверенитета, разработанной ницшеанцем Ж. Батаем. Может, наоборот, ставящий на традицию эзотерик, герой Элиаде, Генона и Эволы?

Но вот пришла гуманная виртуальная послевоенная эпоха. И может быть, настоящие сверхчеловеки — мирные герои виртуальной вселенной, сделавшие себя сами, звезды Шварценеггер и Майкл Джексон? Может быть, спрашивали представители второй волны ницшеанства, постмодернисты (Барт, Делез, Фуко и др.) — это борцы за политкорректность, модные художники и литераторы?

Вся эта галерея «сверхчеловеков», имея в себе те или иные черты того, о чем говорил Ницше, тем не менее не удовлетворяет краткому определению сверхчеловека: «Цезарь с душой Христа». Что означает это определение? Это совершенная, абсолютная воля (Цезарь) и избавленность от духа мести (Христос). Но разве не есть это вместе с тем лучшее определение традиционного русского человека? Например, А. Суворова, не знающего поражений и благородно прощающего всех своих врагов? Разве не есть это Пушкин, отважно идущий на дуэль и который «не желал бы переменить ни судьбу, ни отечество»? Может, это шизоидный Достоевский, воплощающийся во всех своих персонажах? Может, сверхчеловек — это «диалогичный карнавальный человек» Бахтина? А может, простые русские женщины, дети которых воевали на фронте, но которые (что несказанно потрясло немцев) перевязывали раненых немецких солдат и голосили над убитыми? Может, это русский солдат И. Масалов, памятник которому стоит в Трептов-парке, спасший немецкую девочку? Разве это не «Цезарь с душой Христа»? Впрочем, похоже, настоящий тип нам еще не явлен, да и прошло только 100 лет из тех 200, что Ницше определил как сферу господства своей философии. Вероятно, потенциалы ницшеанства еще не раскрыты.

Пункт 22. Об отношении к Марксу надо сказать отдельно, не только потому, что в этом пункте выяснялось его отношение к Гегелю, но и потому, что марксизм сыграл не последнюю роль в судьбе нашей Родины.

Ницше не читал Маркса, потому как с предубеждением относился ко всякому социализму и экономизму. Сама идея, что материальные потребности правят миром, могла бы показаться ему чудовищной глупостью. Материальное интересует только глупого раба, который, естественно, ничем не правит. Все решения принимает элита, а элиту материальное, которого у нее в избытке, волнует меньше всего. Указание на то, что мелкие людишки, желающие материального, объединяются в классы и массы, а это уже сила, вызвало бы у Ницше возражение: это и есть тот самый нигилизм и упадок, о котором он все время говорит.

Вульгарный марксизм, таким образом, — религия рабов, симптом и выражение мирового заката, декаданса, самая низкая и опустившаяся форма христианства, которая уже даже обходится без Христа. В идеалах коммунизма господствует рабочий, рабский принцип реальности, отсрочка, откладывание на потом ради идеала, сказки, фикции. Забывается истина этого мира о том, что все идеалы и ценности полагаются волей и служат ей. Мир идеалов, которым надо служить, придумывают жрецы, всякие Платоны, ап. Павлы и Лютеры, эти полугоспода, живущие за счет «продажи» своих ценностей и идеалов рабам, питающие их сладким ядом, дающим забвенье от реальности.

Честная политика состоит в том, чтобы толкнуть падающего, а не помогать ему социальными программами и сказками о будущем рае. Ницше пророчил, что в XX веке человечество содрогнется от мировых войн, которые будут вестись не за материальные блага, а за жизненное пространство и новые ценности. Миллионы будущих жертв его не пугают, все великое рождается из крови и судорог старого мира. «Любовь к ближнему» Ницше предлагает заменить на «любовь к дальнему», к тому сверхчеловеку,

что придет после окончания эпохи нигилизма и декаданса. После окончания европейских демократий и социализмов с коммунизмами.

Сравнив две позиции, Гегеля и Ницше, по разным вопросам, касающимся власти, современности, истории, мы не можем не обнаружить некую неувязку. Она касается России и марксизма.

С точки зрения и Гегеля, и Ницше, а в первых пунктах они согласны друг с другом, Россия — страна, состоящая из господ. В самом деле государственность ее идет от викингов, которые по профессии были воинами. Как ни одна другая страна мира, Россия чаще всего отстаивала свой суверенитет в смертельных поединках. Даже период монгольского ига (хотя многие ученые склонны называть это скорее геополитическим союзом, так как Орда развивала коммуникации, защищала границы, в то же время не уничтожала Церковь, государственную княжескую власть: в пересчете на нынешние деньги и дань-то была смешной — два доллара с человека в год) можно трактовать как период юности России, когда учение и подчинение (без слома) полезно будущему господину.

Тяжелые условия северной жизни, частый голод и холод воспитывали тех, кто постепенно, через работу овладевал предметом и становился господином. Отсюда постоянные пассионарные толчки, колонизация земель, вольнолюбивое казачество и проч. Одним словом, если прав Гегель, и путь к господству лежит через рабство, то Россия была бы идеальной страной, в которой первой должен был произойти переход к «современному государству» с точки зрения Гегеля. Однако этого не произошло. Она так и осталась страной социальной, то есть страной, где господа завязаны друг на друга и являются рабами друг друга.

С другой стороны, если прав Ницше, и именно русские сохранили в себе феодализм и свойственные ему аристократичность и первозданную дикость, то гниющая Европа должна была стать добычей славян. А Рос-

сия впала в коммунизм, что наверняка бы разочаровало Ницше, доживи он до этого дня.

Поразительно вот еще что: Россия не только обманула ожидания и теории двух великих философов, но и выиграла две войны. Одну у Наполеона, которого Гегель считал воплощением и идеалом своей философии, другую у Гитлера, который, как ни крути, был довольно ярким воплощением ницшеанской воли-к-власти и таким же, как Ницше, ненавистником коммунизма.

Впрочем, можно ли считать наш русский коммунизм вульгарным материализмом? Не было ли это маской, прикрытием чего-то совершенно другого? Древнегреческий оратор Исократ посвятил большую речь («Панегирик») восхвалению Афин, победивших персов. Он задался вопросом: а почему греки победили, хотя должны были проиграть по всем раскладам? Длинная речь резюмируется тезисом: побеждает всегда более свободный народ. Но Россия-то победила Гитлера, на которого работала вся Европа. И это при том, что всевозможные Дании, Бельгии, Чехии и Польши, эти «цивилизованные, свободные страны» сдались Гитлеру за несколько недель! Брестская крепость сопротивлялась Гитлеру дольше, чем вся могущественная Франция! Точно так же было и в других войнах в нашей истории (с Наполеоном, Карлом и проч.). Можно ли вообще после этого всерьез слушать речи про «Россию страну рабов»? Не являются ли записными рабами как раз всевозможные прибалты и мелкие европейские государства, с удовольствием лежащие под первого попавшегося завоевателя или «сверхдержаву»?

Можно ли всерьез представить, что это «рабы», одержимые «материальными потребностями», которые, дескать, являются «базисом общества», бросались под танки, шли на пулеметы и воздушные тараны? А может быть, А. Стаханов совершал свои трудовые подвиги для повышения зарплаты? А выход в космос, выдающиеся достижения в математике, физике послевоенных лет? Это что,

тоже делали ученые, инженеры, одержимые деньгами и карьерой?

Нет, рабская психология и вульгарный коммунизм тут ни при чем. СССР в лучшие годы был не страной рабов, а «страной героев, страной мечтателей, страной ученых» (как пелось в знаменитом «Марше энтузиастов»).

Если уж СССР и превратился в социалистическую страну рабов и потребителей материальных благ, то уже в 1970-е и 1980-е, под влиянием западной доктрины «общества потребления». Чем все кончилось в 1990-е, известно. Но даже в это смутное время были и остаются феномены, которые показывают «господскую сущность» народа. И дело даже не в brutальных парнях в малиновых пиджаках, которые правили бал в 1990-х. Все гораздо не-приметнее и шире.

Один известный сценарист как-то поделился своим наблюдением. Дескать, его потрясло в Японии, как точно и быстро японская девушка кассирша продавала билеты на поезд. Нет у нее очередей, все предельно вежливо, и она целиком сосредоточена на своих функциях. А у нас? Точно такая же девушка создала в кассе очередь, а у самой в ящичке под столом лежит какая-то книжка, куда она время от времени заглядывает. Безобразие! «Может быть, хватит? — витийствует сценарист, — хватит читать книжки, займемся своими прямыми обязанностями? Тогда и жить будет комфортнее и легче и страна наша наконец-то станет “нормальной”»?

Еще пример. Две автомастерские стоят в 100 километрах друг от друга. Одна эстонская, другая русская, в Псковской области. В эстонской ремонт дешевле, и если болт не закручивается, то эстонец выкрутит его, смажет и будет аккуратно закручивать обратно. Наша фирма дороже, и аналогичный капризный болт просто забьют молотком... Вот какие эстонцы молодцы, какие цивилизованные! Не повезло нам с народом! Были бы мы как эстонцы, у нас бы сразу настала демократия и повысилось благосостояние!

Или вот еще одна узнаваемая сценка: я купил сборный мангал для шашлыка. Начинаю собирать его на даче и обнаруживаю, что в мешочке вместо четырех гаек и четырех болтов лежат восемь болтов и две гайки. Как это по-русски! Но я представил себе рабочего, который укомплектовывал мангал. Он просто взял горсть каких-то болтов и гаек, запихнул в мешочек, и в голове его пронеслась мыслишка: «Что я их считать что ли буду?».

Вот именно: не царское это дело! Вот если блоху аглицкую подковать, этот рабочий ночами бы не спал, вот если бы звездолет невиданный построить, он бы все винтики собственными руками выточил!

В самом ли деле мы хотим, чтобы эти люди, с их полным отсутствием именно рабской психологии, превратились в «нормальных и цивилизованных» эстонцев и японцев? Проект превращения России в страну лавочников и машиноподобных менеджеров и исполнителей изначально был обречен на неудачу. Тут никто не будет с охотой делать то, что уже делалось, делается и что возможно делать. Тут надо ставить целью сотворить невозможное! Только такая цель соответствует требующей постоянного самовозрастания воле.

А «русский сервис»? Ненавязчивый насколько возможно. Сервис прекрасно удается японцам, китайцам, арабам, всем азиатам. С ним неплохо справляются и дрессированные европейцы. Есть только один народ в мире, органически неспособный к сервису — русские. Потому что «серв» означает «слуга», а мы не способны быть слугами.

Определение России как «страны господ» — это определение в терминах западных, в гегелевских и ницшевских. На самом деле вместе с отрицанием рабства должно отрицаться не только господство, но и сама противоположность обоих понятий. Должна возникнуть новая оппозиция, которая иначе опишет реальность. В прежних терминах описать реальность сущности российского общества невозможно, для Запада она загадочна и страшна.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

(Александр Блок)

Вот уж поистине Россию «аршином общим не измерить» (Тютчев). Нет, какие-то феномены, безусловно, и Гегель, и Ницше объясняют. Истины (а их теории — это истины) всегда так. Можно сказать, что человек — «двухногое и бесперое существо», и это будет истина. Можно сказать, что человек «единственный примат, имеющий мочку уха». Это тоже истина, и она верна. Но ни то ни другое не схватывает сути. Что-то очень важное пропускается этими теориями. В таких случаях феноменология предписывает взять сам исключительный феномен за основу и развивать соответствующую теорию из него. Возможно, тогда через российский опыт ученые объяснят не только отечественную историю, но и историю других стран.

ГУМАНИТАРНОЕ ЛИДЕРСТВО ЗАПАДА В ИСТОРИИ

«Россия отличается от Запада тем, что она более субъективна, человечна, душевна, эмоциональна, идеалистична, романтична... Вот Запад, тот да, рационален, механистичен, научен, прагматичен, насквозь материален. Если надо разум, расчет, науку, технику, машину, то это на Запад, а если песню, душу, человечность, то это в Россию». Это убеждение, которое разделяют и элита и широкие слои общественности в России, вредное по своей сути и по воздействию на умы. Оно было оформлено в конце XIX — начале XX века плеядой русских философов

и историков, а именно Хомякова, Аксакова, Соловьева, Ключевского, Бердяева, Франка, Булгакова и других.

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может, спаяно железом лишь и кровью».
Но мы попробуем спаять его любовью
А там посмотрим — что прочней.

Тютчев писал эти строки в противовес Западу и четко фиксировал, что на нашей стороне любовь, а на их стороне — насилие. Однако это опус из серии «поучи жену щи варить», потому что Запад всегда был силен именно в гуманитарной сфере, а насилие («жандарм Европы») воплощала тогда Россия. Сам Тютчев предпочитал жить на Западе. Да и красивые слова о любви, которая везде и во всем, он почерпнул у своего любимого философа Шеллинга — философа опять же западного. Шеллингом восхищались и Соловьев, и Бердяев и все творцы «русской идеи».

Эти мыслители, начиная с П. Чаадаева (его «Философические письма») задались вопросом: «А для чего вообще Россия существует в мире? Зачем Бог ее создал? В чем ее призвание, миссия?». Естественно, «самобытность» стали искать с помощью сравнения с другими (прежде всего с Европой). А поскольку все названные товарищи были европейски образованны, знали по нескольку языков, учились у немецких профессоров и проч., то и сравнивали они Россию с Западом с помощью терминологии, которую в этих университетах усвоили, и в том отношении, в каком сама Европа себя с кем-либо сравнивала.

Например, есть в европейской философии противоположности субъективного и объективного, разума и эмоций, знания и веры. Сама Европа предписывает себе ориентацию на объективное познание с помощью разума. Русские «искатели самобытности» тут же объявляют, что оставшиеся бесхозными вера, субъективность и эмоции принадлежат России. Причем, принадлежат давно, и они лучше, чем знание, разум и объективность. Вот и весь фокус.

Никто из них даже и не задумался над тем, что прилагают к России «европейский метр» вместо того, чтобы, наоборот, попытаться Европу измерить «российским аршином». А для этого нужно породить сам «аршин», то есть собственную систему категорий, и сформировать ее на основе осмысления Бытия. А это и есть работа настоящих философов, которой наши «философы» как раз и пренебрегли.

Гораздо легче взять уже готовое западное учение и по принципу «баба Яга против» объявить своим все, что сам Запад оставил «на столе» недоеденным. Только теперь уже объедки объявляются настоящим блюдом, а все западная пища, напротив, — помоями. Короче, все с противоположным знаком! Вы, дескать, на Западе, говорите, что эмоции — пена на поверхности океана познания, а мы, русские, говорим, что эмоции — это океан, на котором ваши знания — пена! Кто прав — неизвестно, но у нас «своя точка зрения». И нам льстит, если появляется кто-то и говорит, что, скорее всего, «истина посередине», скорее всего, «правы и те, и те» и «надо друг друга дополнять». Более того, у нас и появляются эти «объединители» (см. например, «Философию всеединства» Соловьева). Постановка нас на одну доску с ними выглядит внушительно. Дескать, вот западная философия — у нее одна точка зрения, а вот русская — у нее другая. Они минимум «равновелики», «дополняют друг друга», «видят две стороны одной истины». Ай, Моська, знать она сильна!..

Несколько лет назад в одном гуманитарном журнале была опубликована статья «величайшего современного африканского философа»: кажется, Сенгора (имя не потрудился запомнить по той же причине, по какой никто в мире не «нагружает» себя запоминанием имен русских философов, в отличие от имен Платона, Канта, Гегеля и проч.). В предисловии говорилось, что философ этот представляет «голос Африки», которая раньше была «угнетаема колониализмом». А теперь, дескать, благодаря таким людям как этот «все стали понимать, что Африка — целый континент со своей культурой». Что она

самобытна, а «самобытность надо беречь», что это «иной мир», «альтернативный Западу», «со своей точкой зрения»... За эти вот взгляды африканцы безумно любят своего первого великого философа.

Что же такого интересного было в статье? Естественно, пассажи типа «в отличие от белых, негры не рациональны, а эмоциональны»... «Они не такие объективные, как белые, но зато очень субъективны, что тоже очень важно». В неграх, в отличие от белых, «развита интуиция»... Если «белые материальны, прагматичны, то африканец очень духовен, он ставит веру выше разума...», что «белые и негры друг друга дополняют». И прочее. Такое ощущение, будто читаешь книгу Бердяева «Русская идея». Только заменили «негров» на «русских» и все. Абыдно, да?!

Так что же, негр от русского не отличается? Отличается. Мы все знаем это абсолютно точно. Но дело как раз в том, что самобытность, как России, так и Африки, исчезает именно потому, что эти сенгоры и бердяевы, все эти «славянофилы» и «негрофилы» вместо того, чтобы действительно выражать самобытность самобытно, используют чуждую этим самобытностям европейскую категориальную сетку, в которой для всех не-европейцев заготовлено общее прокрустово ложе.

Для европейца действительно все русские, негры, турки и прочие — на одно лицо (эмоциональны, с большой душой, неразумны и проч.). А то, что именно так же выходит и у славянофилов с негрофилами — говорит только об одном: сами они типичные европейцы, которые решили противопоставить себя Западу внутри западно-европейского мышления и с его же помощью.

Но чему себя противопоставляешь — от того и зависишь. Ты несамостоятелен, ты никто без этого противопоставления, отбери у тебя язык, на котором ты противоречишь, и ты вообще останешься нем, перестанешь существовать.

Понятно, почему самым большим спросом в России в начале XX века пользовались западные же ненавистники Запада. Семена упали на подготовленную почву. Такие

как Маркс, Фрейд, Шпенглер и другие критики западного образа жизни, культуры, философии воспринимались здесь как «свои», их идеи, в целом довольно эпигонские, возникшие из западной традиции и, безусловно, зависимые от нее, воспринимались как то, «о чем мы тут в России давно уже говорим». В свою очередь сами антизападники внутри Запада в поисках паствы указывали на Россию как на страну, адекватную их идеям. Так и стала Россия в XX веке «негативом» Запада. Реализовала его «свое иное». Надо только помнить, что «негатив» и «позитив» — одна и та же фотография, созданная западным фотографом. Потом Запад пошел дальше, а мы стали подражать ему, теперь уже позитивному, но позавчерашнему, якобы «возвращаясь на столбовую дорогу цивилизации после коммунистического эксперимента».

Поэтому, вопреки возникшей в постсоветском духовном пространстве ностальгической моде на «русские идеи», вопреки восторженному экстазу по поводу «великой русской философии» и ее духовности, вопреки трепетному придыханию, с которым произносятся имена Бердяева, Лосского, Булгакова и прочих, нужно твердо сказать: тот приступ русского мышления, тот урок был в целом неудачен, он был неадекватен российскому бытию, он не возвеличил, а маргинализировал и «африканизировал» Россию, он добился прямо противоположных результатов, чем те, которых пытался достичь (вместо выражения самобытности ее затемнил и извратил, вместо обоснования самостоятельности делал зависимым от противопоставления Западу). Все достижения этого урока чисто отрицательные (мы теперь знаем, как не надо мыслить), все популярные в интеллектуальных кругах идеи, имеющие корни в так называемой «русской философии», должны быть подвергнуты ревизии.

Настоящий патриот не тот, кто гордится собой, исподтишка показывая кукиш сильному, не тот, кто как моська лает на слона и тихонько лелеет мечту дожидаться, когда у врага случатся неприятности, чтобы «толкнуть слабого». Настоящий патриот должен сознавать всю серьезность и

масштабность проблемы мирового лидерства и, прежде всего, правильно ее ставить.

Одним из самых прочно укорененных предрассудков нашей патриотической интеллигенции является предрассудок о чуждости материалистическому Западу всей гуманитарной проблематики.

Как только ни называют западную культуру: и бездуховной, и потребительской, и механистической... Запад рассматривается как античеловеческая, антигуманистическая цивилизация, воплощающая все самое низкое, топящая в себе все высокие устремления, ценности, идеалы. Говорят, что Запад навязывает всем свои низкие стандарты, приводит к деградации всего, кроме тела и низших потребностей — спекулируя на них, он и обеспечивает территориальную, планетарную и историческую экспансию. Вниз всегда идти легче, чем вверх, вот все человечество постепенно и увлекается Западом в пропасть. Недаром он и называется Запад — закат. Все хорошее рождалось на Востоке, а гибло на Западе, с Востока свет, с Запада — тьма. Говорят также, что залог могущества Запада в том же, в чем залог могущества зла и сатаны. Чтобы следовать им, не нужны духовные усилия, надо максимально освободить себя от всех обязательств и ответственности. Запад навязывал себя миру через экономические и потребительские стандарты, в крайнем случае, когда сопротивление духа бывает велико — через физическую силу. Кто не будет соблазнен золотым тельцом — будет изнасилован, но в любом случае — покорен....

Эти предрассудки не имеют никакого отношения к действительности. Все разговоры о том, что Запад господствует благодаря экономической мощи, что соблазняет всех потребительской, изобильной материальной жизнью основаны на желании польстить себе и не соответствуют историческим фактам. Вплоть до XVIII века Восток в целом был БОГАЧЕ Запада. Именно там, по преданию, находился библейский рай и правили могущественные цари, фараоны и императоры. Именно

восточный дворец был синонимом роскоши и разврата, а восточный рынок — синонимом «рыночной экономики». Именно на Востоке пролегали великие шелковые и иные торговые пути. Как греки были бедными в сравнении с Персией, так и позже Европа времен крестовых походов была нищей в сравнении с Византией, Османской империей, Индией, Китаем.

Мнение о том, что величие Запада основано на военной силе, тоже легко опровергается историческими данными. Восток был зачастую сильнее Запада. Но Запад не захватывался и не разорялся Востоком только потому, что в нем видели дикую нищую и ненужную страну, в отличие от обильного и солнечного Востока. Во всяком случае, войны велись постоянно и с переменным успехом, о каком-то неизменном превосходстве, раз и навсегда захваченной инициативе говорить не приходится. И так вплоть до XVI—XIX веков, веков колонизации.

А вот о духовном лидерстве Запада как раз имеет смысл говорить с момента его рождения, в Греции, и с эпохи Возрождения в Европе. Именно дух обеспечил Греции победу над Персией. Именно греческий дух вел Александра Македонского и через него был распространен на всю ойкумену.

Именно греческая ученость была образцом для римлян. Именно наследниками эллинистического мира и Рима видела себя Византия. Именно от греков набирались мудрости и арабы, через которых потом Европа заново познакомилась со своими же истоками после крестовых походов.

Именно на основе возрождения прежней греко-римской философии стали возможны научные открытия Нового времени, успехи в технике, научно-техническая революция, вслед за ней военное и экономическое господство над всем миром, продолжающееся по сей день.

Господство Запада (и Америки как квинтэссенции Запада) над планетой имеет исключительно духовные, гуманитарные основания. Всякий, кто говорит о «бездуховности Запада», извращает дело с точностью до наоборот, и

будет всегда заблуждаться насчет своих возможностей. Кто упорствует в этом заблуждении, не сумеет ни поставить проблему Запада и России, ни решить ее.

Мы хотим правильно поставить проблему, а значит, для начала, должны вернуться к точке размежевания Востока и Запада и понять, как Запад действительно себя идентифицировал.

Впервые Запад осознал себя Западом после победы Греции в войне с Персией. Военное поражение, нанесенное Персии, было на самом деле чудом. Ведь Персия покорила почти всю известную тогда грекам вселенную, ойкумену, уже одно это должно было сломить дух. Персидская армия была единой, а греческие полисы раздроблены, Персия была богаче, в ее распоряжении имелись и все людские ресурсы покоренных стран. Тем не менее, несколько побед греков над персами всерьез заставили задуматься о причинах превосходства.

Почитайте «Панегирик» афинского оратора Исократ. Для него, как и для его слушателей, ясно, что «кадры решают все». Основным различием между греками и персами было различие в качестве «человеческого материала», в гуманитарном превосходстве греков (причем не просто греков, а именно афинян, а не спартанцев с их жесткими антигуманитарными и антигуманистическими законами).

Разделение на «западную свободу и восточное деспотическое рабство», появившееся две с половиной тысячи лет назад, стало матрицей, в которую до сих пор упаковывают и политику, и идеологию, и науку, и искусство в самых различных масштабах.

Что, однако, означают эти «свобода» и «рабство»? Какие процессы предшествовали греческой победе? Что происходило в Греции в течение 300 лет, когда создавался невиданный качественный «человеческий материал», в результате чего каждый грек стал «стоять» сотен и даже тысяч персов?

У нас привыкли воспринимать слово «свобода» как нечто простое и легкое, как нечто естественное. То есть

человек свободен от рождения, а дальше, в процессе жизни, его свобода может либо сохраняться (в лучшем случае), либо убывать и ограничиваться. Если ограничения существуют, то с ними надо бороться и возвращать себе свободу. На самом деле, конечно, никакой свободы от рождения у человека нет. С тем, что есть от природы, от рождения, человек даже выжить больше, чем несколько часов, не может. Все человеческое в человеке обеспечивается семьей, обществом и т.д. Свобода как высшее проявление духа тем более далека от природы максимально и существует скорее как исключение, нежели как правило. Даже у отдельных личностей она проявляется в редкие моменты жизни, а как общественный феномен существует в результате долгого духовного труда нескольких поколений, как и было в случае с древними греками.

Пространство свободы каждого из них обреталось через освобождение своего духа для самого духа, то есть для самого важного, что у духа есть. Когда восточный факир (или как их называли — гимнасофист), а ими была наводнена древняя Эллада, отрезал себе палец и усилием духа за несколько часов заживлял рану, это означало для грека, что дух используется не по назначению, что это подобно стрельбе из пушки по воробьям, что негоже тратить годы жизни на соответствующие тренировки по заживлению пальца, когда лучше просто приложить к ране какую-нибудь траву и забыть про болячку, а сэкономленное время потратить на то, что более достойно духа — то есть на сам дух. А вот сегодня, спустя две с половиной тысячи лет, глядя на индийского гуру, который путем десятилетних тренировок научается за час заживлять на себе раны или не чувствовать боль, современный человек приходит в восторг и даже отрекается от западной цивилизации в пользу «восточной духовности».

Но на самом деле подлинные чудеса демонстрирует как раз западная цивилизация: она может не только заживлять раны или спасать от гангрены, она победила холеру и чуму. Никакой индийский йог не может встать посреди Лондона, а через пять часов оказаться в Дели.

Но западный человек с помощью самолета запросто это делает. Многие гуру хвастаются, что разговаривают с духами и видят их (правда, этих разговоров никто не слышит), на зато все люди западной цивилизации на расстоянии в несколько тысяч километров видят и слышат друг друга с помощью телевизоров и телефонов.

Парадокс, но именно нынешний западный человек, имея за спиной очевидные преимущества «чудес техники» над чудесами восточных факиров, идет в «паломничество на Восток». А вот древний грек, который еще не имел возможности увидеть, что вырастет из «западного духа», который не мог еще предъяснить восточному йогу ни телевизоров, ни самолетов, ни мобильных телефонов, тем не менее, уже тогда ощущал себя более свободным, более исторически правым, более благородным, более высоким духовно.

Конечно, все это ни исчерпывает сложный комплекс феноменов, присущих специфическому греческому (западному) духу. Взять, например, такой феномен как язык, слово, логос. Для восточного человека слова — сотрясание воздуха, нечто мимолетное, «всего лишь слова». Слова и речи используются для того, чтобы что-то скрыть, запутать, польстить, получить временное ситуативное преимущество. Слова могут применяться для восхваления и соблазнения, для просьб и приказов, но в любом случае роль языка — подчиненная.

Совсем иное отношение к слову было у греков. Как ни парадоксально, для них логос — это самое стабильное, что есть в хаотическом мире. Все меняется, логос остается. Поэтому человек должен быть послушен логосу, если хочет быть мужественным, должен не манипулировать словами, а держать слово. Держание слова, в свою очередь, запускает механизм подтверждения взаимных ожиданий, включает положительную обратную связь и увеличивает взаимное доверие членов общества, что сказывается и на политике, и на экономике.

В «Лекциях по Йенской реальной философии» Г. В. Ф. Гегель специально анализирует проблему «признания» свободного человека со стороны других свободных. Всякий человек в обществе из-за разделения труда и присущего индивидууму опыта имеет в своем сознании огромное количество хаотических впечатлений. Однако нужные друг другу люди вступают в отношения, в договор, и этот договор, это слово, этот логос есть вынесенная во вне сущность и всего сообщества и человека вообще. Тот, кто это признает, признается и членом сообщества. И он должен отвечать за свои слова.

У нас часто говорят, что из свободы вытекает ответственность. На самом деле мы видим другое: только из ответственности вытекает свобода. Только тот, кто может держать слово, и признается свободным, равным членом сообщества. А тот, кто не держит слово, — либо «принуждается к свободе», к держанию слова, либо исключается из общения, не признается свободным и человеком вообще. На него не распространяются права человека.

Свобода есть не от рождения, а там, где она признана. А где есть это признание, возникает и мультиплицированное усилие свободных в общении, в логосе. Запускаются механизмы общественного доверия, вплоть до современных юридической системы и фондовой биржи (см. экономиста Э. де Сото о секрете западного богатства). По Гегелю, такая постановка вопроса стала возможна только у греков, поскольку они впервые поняли, что свободными могут быть многие люди и разработали систему отношений между ними. На Востоке, где свободен только один (фараон, император и проч.) такая система возникнуть и не могла — за ненужностью.

Но главное в логосе — его способность не путать и скрывать, а способность открывать. Для грека логос — то, что открывает все сущие вещи. Интерпретация логоса как открывающего, как дара нацеливает грека на познание всего сущего «так-как-оно-есть-на-самом-деле». Между человеком и сущим нет искажающих преград. Точнее, есть, но они преодолимы. Важно, что принци-

пиально человек есть тот, кто может знать истину. Истина интерпретируется как открытость, откровенность. Открытость всего сущего для человека и откровенность человека по отношению к сущему и к другому человеку.

Это бесконечно далеко от восточных хитростей и дипломатий, от восточных лести и наущничества. Это бесконечно далеко от восточного представления о том, что мир лежит во зле и что вместо истины нам дана сплошная кажимость. Поэтому понятно, что на Востоке может быть бесконечное количество мудростей и мудрецов, ведь каждый из них — автор новой иллюзии, нового обмана.

Для греков впервые во всей истории это оказалось неприемлемо, и они первыми выдвинули идеал, если так можно выразиться, «объективного познания». Восточных гуру называли мудрецами, софос. Греческие же мыслители называли себя философос — любителями мудрости. Различие здесь примерно такое же, как между пьяницей и ценителем вин. Один вливает в себя все подряд без разбора и ценит не вино, а опьянение. Другой дегустирует, выстраивает иерархию относительно соответствия данного напитка сущности вина.

Коль скоро феномен можно познавать так, как он есть, из него самого (теория), коль скоро можно выстраивать иерархию знания в зависимости от того, насколько нечто не есть оно само, возникает возможность упорядочивания и трансляции порядка другому человеку через открывающий логос. М. Фуко в «Герменевтике субъекта» утверждает: все культуры признают, что к истине надо прийти неким путем. Но для Запада приоритетным является путь познания, тогда как для Востока в истину можно попасть и через некие телесные практики. Но преимущество западного человека здесь очевидно: если восточный мудрец был просто опытным и свои практические умения, свой опыт мог передать разве что заставляя учеников пройти тем же изнурительным путем, что прошел сам, то западный ученый мог передать ученику посредством логоса готовый результат вместе с кратчай-

шим путем (метод по-гречески — путь) к нему. Это называлось технэ — техника.

Наука и техника исконно есть греческое и западное, в любой науке шагу нельзя ступить без греческих терминов, равно как и в методологии науки. Но все, что называется научно-техническим прогрессом, базировалось на освобождении себя для сущего-как-оно-есть, на истине как открытости, на независимом от практических потребностей созерцании (теории), на открывающем логосе. В основе «технического» лежало, как говорят, «гуманитарное», в основе «физики» — «лирика», а если быть более точным, — метафизика.

Можно услышать возражение: техника появилась в доисторические времена и совсем не на Западе. Но одно дело механические приспособления, когда одно колесо цепляется за другое, что-то давит на рычаг и толкает какой-то поршень или цапфу, и совсем иное дело техника, созданная на основе теории и вещей невидимых. Вот мобильный телефон: он ловит и распространяет волны, которые ни за что бы никто не увидел и не зацепил. Такой телефон возможен только на основе целого мира, который помыслен определенным образом, в рамках западной науки. Древняя техника и восточная механика никак не интегрировала невидимый метафизический мир в технику.

Слово «идея» когда-то было непривычным для греческого уха. Греческий знал слово «эйдос» — вид. Платон намеренно ввел неологизм, чтобы обратить на него внимание как на центральный для своего мышления. Со временем, по выражению В. Маяковского, слово «затерлось», вошло в привычку, изветшало «как платье». Сегодня трудно представить себе даже очень необразованного человека, который бы вообще мог обойтись без слова «идея». Даже глупые американские подростки говорят: «У меня есть идея», и если бы это слово вдруг было табуировано, они бы чувствовали себя как без рук.

Кажется, идея — нечто общее для неких вещей. Например, идея стола есть все общее, что есть у всех сто-

лов. Естественно, никто никогда не имел в восприятии все столы и не имел возможности сравнивать их. Общее есть сразу и в одном. Столы могут быть оловянными, деревянными, стеклянными, круглыми, квадратными и проч., но главное, они есть рудимент или икона алтаря для предложения пищи человеку, так же как на алтаре пища приносится Богу.

Главное в вещи ее функциональность, ее для-чего. Все для-чего отсылают друг к другу (все для чего-то: трава для коровы, корова для молока, молоко для здоровья...). Мир идей, мир сцеплений всех для-чего образует койнон (единое) идей. А над всеми идеями высится Идея Блага, Агафон, то есть собственно идея длячегойности, полезности, удобства (недаром слово «добро» стоит в родстве со словом у-добно, доб-ротнo). От этой Идеи Блага Платона через всю западную философию идет путь к понятию «ценности», центральном для Ницше и неокантианства, модных в начале XX века.

Превращение полезности в значимость — отдельная тема, важно же, что слово ценность — западного происхождения. Поэтому когда многие говорят об общечеловеческих, исламских или христианских ценностях, то они уже перетолковывают все на западный манер и смотрят на все с западной колокольни. Когда в XX веке началась культурологическая война в защиту «ценностей разных культур» против западных ценностей, в этом не было и нет ничего, кроме недоразумения. То же самое можно сказать и обо всех других случаях использования западного дискурса для войны с самим Западом.

Например, когда говорят, что «Запад объективен, а не субъективен», то забывают или не знают, что слово «субъект» было создано Декартом, теории субъективности прорабатывались затем Спинозой, Лейбницем, Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем, Ницше. И все это представляет единую традицию, в том числе и Ницше, несмотря, а скорее даже благодаря переворачиванию и радикализации проблематики Декарта. Термин «суб-ъект» (подлежащее) был призван зафиксировать уникальное поло-

жение человека, человека — хозяина всего сущего. Это ли не западная установка?

Когда говорят, что «Запад рационален, а не эмоционален», то забывают или не знают, что все «психологии» и «теории души» были проработаны уже у Аристотеля. Что теория аффектов была проработана у Спинозы, теория эмоций — в английской философии, а «новаторство» Фрейда, Юнга и весь расцвет психологической проблематики в XX веке — это прежде всего западное явление!

Когда ищут, например, «призвание России» и «русскую идею», тоже забывают или не знают, что концепция «призвания» была рождена в протестантской теологии Лютера, конститутивной для Запада, если верить Веберу. А слово «идея», как уже было сказано, выдумано Платоном — одним из отцов-основателей всего западноевропейского мира. Об этом надлежит вспоминать всякий раз, когда кто-то ругает Запад за его «материализм», а Россию называет «идеократической цивилизацией». Да, слово «материя» тоже западное (из Аристотеля), но это не отменяет того факта, что идеализм — вообще сущность Запада.

Когда Запад ругают за антигуманизм, то забывают или не знают, что слово «гуманизм» было создано в древнем Риме, возродилось в эпоху Возрождения и с тех пор неустанно наполнялось новыми смыслами, вплоть до марксистской, экзистенциалистской и постмодернистской интерпретации гуманизма.

Учение Маркса, западное по происхождению и по сути, возможно, самое западное, поскольку ставит развитие всей культуры (надстройки) общества в зависимость от развития техники (производительных сил), захватило не только Запад, но и Россию, Китай, Корею, Индию, Африку, Южную Америку. Там марксизм был знаменем антизападных, антиамериканских движений. В другом виде марксизм остался и на самом Западе. Это социализм, тред-юнионизм, левизна всех видов, это интернационализм, мода на политкорректность.

Все разговоры о том, что каждый имеет право на свой голос, и негр, и гей, и солдат, и моряк, и сумасшедший, и заключенный, и женщина, и чеченец, и любой представитель любого меньшинства, все эти разговоры — западное явление. Когда Э. Саид дерзко в книге «Ориентализм» писал о том, что Запад не понимает Востока и репрессировал его уже на уровне дискурса, это придумал не сам Восток. Э. Саид начитался западных постмодернистов. Этот постмодернизм создавал Деррида и другие французские интеллектуалы в Париже, да и сам Саид больше промышлял по американским университетам, чем жил в родных палестинах.

Мы мыслим на языке Запада, все человечество мыслит на западном языке. Нет, каждый может коммуницировать на арабском, японском и даже мумбу-юмбу. Но когда он начинает коммуницировать по поводу коммуникации, то переходит на метаязык, язык западный. Каждый может познавать на своем урду или хинди, но когда начинает познавать познание, когда начинает объяснять, он переходит на категории, на понятия, на метаязык — на западный язык. Но то, как ты мыслишь, тобой и владеет. Запад владеет миром через дискурс, через правила и категории.

Разве язык экономики во всем мире с ее инвестициями, прибылями, стоимостями и инфляциями не западный? Другого нет. А язык политики с ее демократиями, разделениями властей, выборами, тоталитаризмами и феодализмами? Западные концепции, и других нет. И так в каждой, хоть гуманитарной, хоть естественной, а тем более в технической дисциплине!

Но и это еще не все. Запад ненавязчиво правит миром через самую используемую технику. Абсолютная глупость считать, что техника — только средство, которое де можно использовать как во благо, так и во зло, что она инструмент, она нейтральна. Техника родилась в особом мире и требует для себя особой онтологии, которую и воспроизводит.

Китайцы когда-то провозгласили лозунг «модернизация без вестернизации!», но не ответили на вопрос как

это возможно. Возьмем такое нейтральное «средство» как газета. Можно, не подумав, сказать, что написанное в ней, ее контент, может быть западным и восточным, а сама она «нейтральное средство», просто бумага (хотя, конечно, это не так: как показал Маклюэн, газета модернизирует зрение, другие чувства, мышление и проч.). Но например, про такое техническое «средство» (ха-ха!!!) как интернет вообще никто не рискнет сказать, что это нечто «нейтральное» и никак не изменяющее человека. Тем не менее, интернет — главное оружие и средство коммуникации всех сетевых структур арабских террористов, воюющих с США — родиной интернета. И дело не в том, что они взяли оружие у врага и повернули против него же, себе на пользу, а в том, что именно тогда, когда они взяли оружие врага, они уже стали западными людьми и **УЖЕ ПРОИГРАЛИ**.

Хорошо, что по миру прошел блокбастер «Властелин колец», он помогает объяснять сущность техники вообще. «Кольцо всевластия» не только управляет всеми кольцами, которые раздали разной живности, оно принадлежит своему господину и все время стремится к нему. Им нельзя владеть, хотя это самое сильное искушение. Только оно владеет тобой, пока ты им «владеешь». И владея тобой, оно изменяет тебя, ведет к тому миру, в котором было порождено.

Техника завладевает человеком, когда он ее использует. Человек не только освобождается с помощью нее, чтобы потом, если его лишить техники, резко почувствовать несвободу на контрасте (попробуйте отобрать на один день у бизнесмена мобильник: он почувствует себя инвалидом, а ведь несколько лет назад делал бизнес без него). Этот глоток свободы, предлагаемой техникой — как доза героина, от дозы трудно отказаться, ломка чудовишна. И люди работают изо всех сил, чтобы приобретать новые машины, дивайсы, апгрейд.

Техника подсаживает на «свободу». Техника изменяет сознание, более того, создает само сознание как особый орган (ибо сознание не нечто натуральное, то, что в го-

лове, а просто особый философский конструкт). Техника учит с собой обращаться. Человек сначала становится придатком техники, потом сам делается чем-то техническим. Ему необходим ремонт, лечение химическими препаратами: сначала у него искусственные зубы, искусственная пища, потом искусственная иммунная система, сейчас в некоторых фирмах уже начали практиковать вживление чипов в голову, пока добровольно. Кто-то уже меняет пол, пересаживает органы, скоро будут выбирать себе генетику, обслуживаться «умными бактериями»...

Все это Запад. Но люди при этом будут молиться Будде или Шишиге и гордиться тем, что «сохраняют самобытную культуру» или «религию» (кстати, и «культура» и «религия» — западные слова).

Вот что говорит ведущий американский фантаст, интеллеktуал и сознательный западофил Ральф Петерс: «Наше культурное могущество нанесет ущерб тем культурам, которые не сможет подорвать. Не существует “достойного соперника” в культурной (или военной) области. Наша культурная империя привлекает все больше мужчин и женщин повсюду. И они платят за привилегию потери иллюзий. Американская культура подвергается критике за непостоянство, за свою “одноразовую” продукцию. Но в этом ее сила. Все предыдущие культуры пытались найти идеал, достигнув которого, можно было бы пребывать в состоянии статического совершенства. Американская культура есть культура средств, а не цели, — динамический процесс, который создает, разрушает и опять создает. Если неустойчивы наши труды, то таковыми являются и величайшие дары жизни — страсть, красота, прозрачность света в зимний полдень, да даже и сама жизнь. Американская культура — живая. Яркость, жизненность находят отражение в нашей военной силе; мы не ищем ультимативных решений — только постоянное улучшение. Все предшествующие культуры как в общем так и в военном плане стремились достигнуть идеальной формы жизни и зацементировать ее. Американцы, как в форме так и без, всегда предпо-

читали перемены (отдельные индивидуумы им противились, и их консерватизм был здоровым ограничением национальных крайностей и излишеств). Американская культура есть культура бесстрашных. Наша культура также является первой, действующей на включение, а не на исключение... Свобода — работает! У нашей военной мощи — культурная основа. Враги не смогут соперничать с нами, не став нами. Мудрые соперники не будут даже пытаться победить нас нашими средствами. Вместо этого они будут стремиться уйти от военной конфронтации и перейти к террору и нетрадиционным формам атаки на наше национальное единство. В военной сфере будет невозможно превзойти и даже приблизиться к возможностям сил на информационной основе, потому что они есть по сути своей продукт нашей культуры. Наша информационно оснащенная Армия будет использовать множество великолепных средств, но основой ее силы будет солдат, а не машина, и наши солдаты будут обладать навыками, которые другие культуры не способны реплицировать. Разведывательные аналитики, избегая сложности человека, любят оценивать силу противника теми средствами, которые он способен приобрести. Но приобретать или производить материалы недостаточно. Это не работало у Саддама Хусейна, не будет работать и у Пекина. Сложную систему взаимоотношений человек — машина, разработанную в американских ВС, невозможно продублировать за границей, так как ни одна страна не сможет воспроизвести у себя информационные способности наших солдат и офицеров. Несмотря на все жалобы — во многом оправданные — на нашу систему общественного образования, целостная и синергетическая природа образования в нашем обществе и культуре наделяет будущих солдат и морпехов естественным восприятием технологии и такой способностью сортировать и ассимилировать огромные количества разнообразной информации, которой никогда не достигнуть другим народам. Информационные способности нашего среднего мидлклассового ребенка приводят в остолбенение любо-

го, рожденного ранее 1970 г. Наши компьютерные дети функционируют на уровне, недоступном даже для иностранных элит, и этим они в равной степени обязаны как школе, так и телерекламе, CD-ROM и видеоиграм. Мы превзошли нашу систему образования XIX века так же, как превзошли пилотируемый бомбардировщик. Тем временем наши дети проходят дарвиновский естественный отбор, поглощая такие дозы информации, которые отпугивают многих взрослых. Эти дети станут техно-воинами...».

Цитата довольно длинная, но она оставлена такой, чтобы можно было увидеть, как в американце спустя две с половиной тысячи лет говорит грек. Именно эти чувства когда-то испытывали победители персов, победители Востока.

Вывод из вышесказанного однозначен: Запад — это серьезно. Смешно заниматься патриотическим шапкозакидательством и пытаться противопоставить себя ему с помощью политических угроз, политической борьбы, конкуренции на рынке, с помощью технических новинок в вооружениях...

Если мы хотим хотя бы встать вровень с Западом, надо создавать новый невиданный «дискурс», новую невиданную «культуру» (вот эти западные понятия уже не подходят!). Надо создавать такую «культуру», которая сможет как пожар, как эпидемия распространиться по миру, так как у мира не будет антител, так как иммунная система каждой культуры «пропустит» наш культурный вирус, как сейчас пропускает западные вирусы в виде дискурса и техники.

Понятно, что миру должна быть предложена отнюдь не новая цель. Не стоит вступать в конкуренцию целей. Это вызовет массу столкновений и это не тот вирус, который пройдет через иммунную систему. Так же неудачна будет и попытка предложить некое новое «средство», якобы пригодное для разных целей, якобы независимое от той или иной культуры. Здесь также начеку культурные иммунные системы. Возможно, должно быть пред-

ложено что-то, отвечающее глубинной сущности человека, что-то близкое, что все люди на Земле носят с собой, но что еще никем не эксплицировано.

Но почему мы вообще решили, что можем соперничать с Западом? Почему мы не есть обреченные на некое умирание, модернизацию и вестернизацию так же как и все?

Ответ тот же: мы 60 лет назад победили страну и культуру, бывшую в то время квинтэссенцией западного мира. Как когда-то греки победили персов. И мы тоже победили каким-то духом. Но в отличие от греков, мы не стали спрашивать: каким? Мы не рефлектировали, не эксплицировали условия своей победы, и после горячей войны проиграли войну холодную или, как минимум, битву в войне. Задача, которую мы не выполнили тогда, осталась и зовет нас.

КТО ВИНОВАТ?

В отличие от большинства, я считаю, что во всем виноват не Чубайс, а Хрущев. Почему Хрущев? Потому что с ним связана узловая точка нашей истории, точка, в которой должны были решиться (но не были решены) определенные задачи. Эти задачи ни в коем случае не остались где-то в прошлом. Они, нерешенные, так и стоят перед нами и призывают к решению. Со смертью Сталина и во времена Хрущева Россия потеряла некие возможности, некое будущее. Возможно, именно на ту развилку истории нам придется вернуться, чтобы обрести это будущее вновь.

Поэтому сначала мы должны проанализировать, что оставил Хрущеву в наследство Сталин. Без Сталина понять Хрущева невозможно. Вся его политика определялась не проблемами, стоящими перед страной, а простым «подростковым» протестом против Сталина, желанием сделать «лишь бы наперекор», независимо от того, к чему этот «перекор» приведет.

Уникальность и непостижимость сталинского СССР

В начале XX века Россия впадала в мировой кризис раньше, чем остальные страны. Этот кризис был неминуем везде, где к власти прорвалось «отмороженное поколение», «загоняющее клячу истории» — левачье поколение, основные ценности которого секс, наркотики, джаз, водка, прогресс, перманентная революция, война всему мещанскому, прошлому, свобода от всех религиозных и моральных норм (в том числе и в бизнесе, что особенно актуально для США). В России это поколение сделало две революции и гражданскую войну. В Европе это привело к первой и второй мировым войнам. В США позже этот же кризис выразился в крушении фондового рынка и в великой депрессии. Доказательство, что все эти явления одного порядка и одного всемирного процесса — отдельный вопрос.

Важно, что Россия вступила в этот период раньше других, но она же и раньше стала из него выходить. Причем, методами, которые неминуемо должны были быть противны предшественникам.

Л. Троцкий, признанный мировой вождь «поколения бурных 1920-х», недаром назвал свою книгу о Сталине «Преданная революция». Он видел в Сталине реставратора царской России. Видел в нем национального провинциала, мечтающего быть частью чего-то большего, а значит — империалиста. Видел в нем бывшего семинариста, а значит — скрытого клерикала.

Чем для Сталина были репрессии 1930-х? Уничтожением «старой гвардии», всех, кто ходил в кожаных куртках и, нанюхавшись кокаина, стрелял из маузера контру без суда и следствия. Кстати, именно Сталин восстановил суды и следствия, и даже сделал их показательными, в отличие от революционных времен, когда «в расход» пускали всех буржуев, попов и кулаков за один только внешний вид. В 1930-х было восстановлено элементарное делопроизводство. Террор, в сравнении с

революционным, уменьшился примерно в десятки раз. Это, казалось бы, явно консервативная и реакционная политика. В то же время в СССР воплотились в жизнь самые светлые мечты либералов — всеобщее избирательное право, равенство полов, отсутствие препятствий для социальной мобильности (любой, независимо от сословия и происхождения, мог стать «всемирным»), отсутствие давления на образование и жизнь феодальных институтов типа Церкви. В короткое время 80 миллионов безграмотных крестьян были обучены грамоте — это ли не триумф Просвещения?

Московское метро и высотки описывали как чудеса света. Великие стройки, по тем временам самые современные, вызвали ощущение сбывшегося фантастического будущего. Рост промышленного производства по своим темпам до сих пор не превзойден ни одной страной мира. Это к вопросу о «неэффективности экономики социализма» — тезису, который успешно внедрен в мозги большинства на Земле и, прежде всего, в стране, где эта эффективность была продемонстрирована. После войны восхищались японским чудом, сейчас китайским, но всех чудеснее было первое чудо — советское (с которого японцы и китайцы, кстати, все и срисовали). Такие темпы — явно левацкое и прогрессистское явление. Недаром критик Сталина — Волкогонов считал, что уничтожив Троцкого, Сталин полностью воплотил все его мечты. Итак, Сталин одновременно и левак, и реакционер, и либерал...

В этой связи интересен спор «об уклонах», имевший место в партии. Какой уклон лучше: правый или левый? Левый предполагал, например, не просто колхозы, а коммуны — кибуцы, где все общее, «и портки, и детишки», а правый уклон предполагал, что крестьянство будет развиваться «естественным путем», без подтягивания к историческому авангарду. После экспериментов и перегибов было решено, что «оба уклона хуже». Что происходило? То ли в СССР осуществлялась консервативная политика под прикрытием левой коммунистической

идеологии? То ли осуществлялись коммунистические цели консервативными методами?

Может, это историческое недоразумение, но для мировой элиты во всяком случае, все, что происходило в СССР, было продолжением левого сценария. И интеллигенция винила свои правительства за то, что они испугались и развернули историю обратно, в консерватизм и фашизм. Надо было, по мнению «прогрессивной общестственности», как СССР, не боясь трудностей и жертв, идти вперед!

В 1930-е годы весь капиталистический мир впал в депрессию. Выстраиваются огромные очереди безработных, стреляются банкроты-банкиры, свирепствует туберкулез... А в это время приезжающие из СССР в США туристы смотрят на капиталистический мир свысока: «Какой-то дооктябрьский Елец аль Конотоп!», «одноэтажная Америка» какая-то.

Наоборот, те, кто побывал в России или хорошо был знаком с тем, что там происходило, рассказывали удивительные вещи. Г. Уэллс, и Б. Шоу, Р. Ролан, и А. Барбюс, Л. Арагон, и Т. Драйзер, Э. Хемингуэй и Л. Фейхтвангер, Р. Тагор и Д. Неру — все эти самые модные, самые «продвинутые» деятели тогдашней элиты побывали в СССР и написали эссе и книги, полные непомерного восхищения, иногда открытого, иногда скрываемого.

Если с середины XIX века либерализм находился в кризисе так сказать теоретически, то есть коммунизм и социализм были просто модными идеями, с позиций которых интеллигенция обличала все и вся, то с 1930-х годов ситуация резко изменилась. Коммунизм, как казалось, на практике доказывал свое огромное превосходство. Идеал обрел плоть. Различные страны сотрясали забастовки на тему «Хотим как в Советах!». Интеллигенция бредила всем русским. Недаром НКВД так легко вербовал самых высших чинов и самых лучших ученых — на идейной почве! История с «кембриджской четверкой» была бы невозможна без коммунистической пропитки передовой западной интеллигенции.

Ситуация усугубилась после победы СССР над Германией.

С точки зрения «мировой прогрессивной общественности», во Второй мировой войне столкнулись две силы: одна воплощала все модное и прогрессивное, что тогда было, а именно коммунизм, вторая — все самое реакционное, антиглобалистское, националистическое до расизма, феодальное и отсталое — фашизм. Настал момент истины для всех, кто так и не решил, с кем ему быть.

Соответственно победа СССР в этой войне означала принципиальное торжество прогресса, свободы, науки, техники, равенства людей, скорую смерть сословий, эксплуатации, колониализма, мракобесия и проч.

Когда СССР победил (а победил именно СССР, тогда в этом не сомневались), «всему прогрессивному человечеству» стало понятно, на чьей стороне правда истории, на чьей стороне будущее. Все эти Польша, прибалты, венгры и чехи сами бежали к СССР. Во Франции и Италии коммунистические партии всерьез приходили к власти. А что творилось на мировых национальных окраинах? Прочитайте, что пишет о будущем торжестве коммунизма и его заслугах перед человечеством Дж. Неру своей дочке Индире Ганди. За СССР — будущее, «коммунизм это молодость мира».

Дальнейшие успехи Сталина только подтверждали это мнение.

Европа восстанавливается при помощи США и огромных заимствований (план Маршалла). Медленно. У нас уже всю снижают цены, а Англия на несколько лет позже СССР отменила карточки! В Европе огромные очереди, мусор, нищета, гиперинфляция, дорогие образование и медицина (это всего лишь полвека назад).

А в СССР в это время и атомная бомба, и первый в мире атомный реактор, и первая в мире атомная станция, а чуть позже первый синхрофазотрон, и первый спутник, а потом и первый человек в космосе...

Успехи СССР шокировали истеблишмент и вызывали восхищение у интеллигенции, «людей труда» и в

развивающемся мире. Даже Хрущев говорил, что попытки американцев критиковать коммунизм напоминают брюзжание стариков против молодых, но рок неизбежен, капиталистические старики умрут, а коммунизм победит.

По сути интерпретация М. Хайдеггера итогов войны, сделанная им в узком кругу в 1945 году, была «гласом вопиющего в пустыне». Его единственного не обманул тот факт, что идеология в СССР называется коммунизмом. Старый почвенник ни на минуту не мог считать никакой коммунизм реальностью, а следовательно, и движущей силой победы. Если СССР победил, то это говорит только об одном: он был более изначален, более почвенен, более укоренен в сущности истории.

Через русскую мистику, Византию, к Греции ведет нить русского: «Субстанциальная сущность духа в теологически-философской спекуляции христианской церкви была продумана в [догмате] триединства Бога; для западной римской церкви основополагающим стал труд Августина «De trinitate»; в восточной церкви осуществилось другое развитие; так, в России, в русском (Russentum) получило распространение учение о священной Софии. Оно и сегодня живет в русской мистике, принимая такие формы, которые нам трудно даже представить. Действие духа как всепроникающей силы просветления и мудрости (Софии) «магично». Сущность магического столь же темна, как и сущность пневматического... Поэтому отнюдь не будет преувеличением, если я скажу: то, что сегодня недальновидно и недостаточно продуманно рассматривают только как нечто «политическое», даже грубо — политическое и называют русским коммунизмом, пришло из духовного мира, о котором мы почти ничего не знаем, не говоря уже о том, что мы забываем подумать, в каком смысле даже *грубый* материализм, внешняя сторона коммунизма, есть не нечто материальное, но спиритуальное; мы не думаем о том, что он — некий духовный мир, и понять его, как и принять решение о его истин-

ности или неистинности, можно только в духе и исходя из духа».

В самом деле, как можно не увидеть очевидное: что «материализм» с его ставкой на потребности, на эгоизм, с его отрицанием любого духовного порыва никак не может быть основанием для духа воинственности и победы? Как может материалист идти на смерть? То же касается и трудовых подвигов. Нормативы на заводах у нас были общие с мировыми, они не были завышены или занижены, а были рассчитаны по рациональной системе организации труда, по системе Тейлора, и завезены в 1930-е годы американскими инженерами. Но люди умудрялись выдавать по 10, 15, 150 норм в сутки! В старину про это говорили «Бог помогает», да и свидетели сравнивали энтузиазм «стахановского» труда с исступлением молитвы, в котором человек оказывается в другом измерении, где время течет медленнее и вмещает больше. В подобное же состояние входит и идеализируемый Православием воин-монах, каковыми являются многие русские святые. Этот так же необъяснимо с точки зрения «сознания», как движения каратиста, находящегося в состоянии медитации во время боя: таким образом из-за полной включенности в происходящее он может более чем автоматически реагировать на мельчайшие изменения ситуации. Некоторые ошибочно считают, что автоматизм возникает от долгих тренировок, но на самом деле ситуация каждый раз непредсказуема и нова, и автоматизм как автоматизм всегда бы «не попадал», мешал. Здесь мы имеем дело с совершенно другим феноменом.

Все разговоры о рабском труде при социализме противоречивы. Публицисты убили много времени и угробили гору бумаги, пытаясь доказать, что свободный капиталистический труд эффективнее рабского социалистического. А потом столько же времени и бумаги потратили на то, чтобы доказать, что успехи сталинского СССР основаны на рабском труде. Требовать, чтобы две мысли были согласны там, где нет ни одной, было бы с нашей стороны по отношению к этим господам чрезмерным.

Наши деды рассказывают о «духе мая 1945-го» как о совершенно неповторимом феномене: энтузиазм, взаимопомощь, непривязанность к вещам (какая может быть привязанность к тому, в бренности чего за время войны пришлось убедиться, все 10 раз приобрета и потеряв?). Казалось, каждый стремится ежечасно совершать «подвиг», то есть превосхождение себя, собственной лени, усталости, потребностей. Для этого используется любой повод, нужда или страдание ближнего, выдвигаемые руководством трудные задачи и проч.

Воспроизведение победы над собой, над обстоятельствами, над внешним и внутренним врагом каждый момент жизни. Главное — стяжать и удержать дух победы. Внезапно открылось, что дух победы — это дух радости, а не напряжения. Внезапно открылось, что это дух благодарности и прощения, а не дух мести (кстати, поэтому забылись и простились все репрессии, тяжесть коллективизации, индустриализации: как справедливо отмечали многие, народ абсолютно любил власть). Известный телеведущий сегодня сидит и удивляется: его тетка, отсидевшая в сталинских лагерях 10 лет, специально на крыше вагона ехала на похороны к Сталину и проливала слезы!

Сталин, единственный из руководства, как показали дальнейшие события, трезво оценивал ситуацию. Он довольно смело взялся за критику марксизма и материализма, с одной стороны, и начал оказывать всемерную поддержку Православии с другой стороны. Троцкий перевернулся бы в гробу, узнав, что Сталин всерьез разрабатывал и осуществлял проект по задариванию православных патриархов, с тем, чтобы они на Вселенском соборе, который должен был пройти в Москве, передали титул «Вселенского патриарха» от Константинопольского Патриарха — Московскому.

Самое главное — это новации в сфере экономики. Если экономика при капитализме — наука выживания в условиях рынка (макроэкономика), то экономическая наука при социализме по сути наука управления кор-

порацией (микроэкономика). Сталин хотел превратить страну в корпорацию, где все граждане были бы акционерами (товарищами), а правительство — менеджментом (партию предполагалось полностью устранить от власти).

Согласно аксиомам капитализма цель корпорации — благо акционеров. Так и здесь, в сформулированном Сталиным «основном экономическом законе социализма», целью являлось «удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей... на базе высшей техники». Или как бы сказали сейчас: «на базе хай-тек»! Понятно, почему в тяжелое время Сталин находил возможным тратить на образование до 15 % бюджета. Предполагалось, что мы станем ведущей хай-тек державой. Страна-корпорация работает, инвестирует прибыль в производство передовых средств производства в первую очередь, то есть создает капитал, капитализируется, и только оставшееся потребляет (принцип, по которому живет каждый капиталист).

«Дивиденды акционеров» будут выдаваться не в денежной форме, а путем снижения платы за жилье, бесплатного обучения, бесплатной медицины, снижения цен на основные, а потом и вообще на все продукты, и, наконец, через сокращение рабочего дня!!! Рабочий день должен был быть сокращен до четырех часов, чтобы не было безработицы, а свободное время — главное богатство человека (на Западе оно доступно только капиталисту, но у нас капиталистами в перспективе должны были стать все) — шло бы на научное, творческое, культурное и спортивное развитие нации.

Этим планам Сталина не суждено было сбыться, планы отстранения партии от власти и борьба вокруг трона, обострившаяся из-за понимания того, что в скором времени кто-то должен стать наследником, привели к возне, инспирированию заговоров, «дел врачей», к «борьбе с космополитизмом». В конечном итоге, возможно, сам Сталин также пал жертвой одной из интриг.

Были ли сталинские реформы правоконсервативными? Да. Были ли они ультралевыми — прогрессистскими? Безусловно. Были ли они капиталистическими? Очевидно. Были ли они социалистическими? Без всякого сомнения. Но что это, однако, значит? Это значит, что *понятия традиционной политологической и политэкономической науки промахиваются мимо цели! Они не могут постичь феномен, а это значит, что традиционная наука должна быть подвергнута серьезнейшей ревизии, должна быть изменена в своих основаниях.*

Задачи советской гуманитарной интеллигенции

После смерти Сталина советская элита столкнулась с несколькими важнейшими проблемами, для решения которых требовались мужество и видение исторической перспективы.

1. Необходимо было удержать и укрепить роль мирового авангарда, а для этого противопоставить консервативной геополитике Запада привлекательную во всем мире идеологию. Конечно, хорошо, когда Пальмерстон говорит о «вечных интересах Британии», этим можно даже покорить сердца британцев, но не сердца африканских негров, китайских крестьян, латиноамериканских гаучо или рафинированных европейцев. На геополитике империи не строятся. Либерализм обращался к каждому человеку с идеей свободы, коммунизм обращался к каждому в мире с идеей свободы и справедливости. Это пока работало, но, как «нельзя обманывать всех все время», так нельзя и говорить «истину» всем все время. Требовалась кардинальная реформа марксизма, это было ясно уже Сталину. Это задача для философов, а значит, нужна как минимум свобода философских дискуссий с привлечением зарубежного и, прежде всего, отечественного опыта мысли. В отличие от производства, где 90 % продукции должно соответствовать стандарту, и лишь 10 % отводится на брак, в творческой лаборатории, лишь 10 % отводится под возможную великую идею, все остальное — пустая

порода. Мы победили в войне. Надо было ответить: каким духом? И главное, каким духом возможны будущие победы, какая эпоха нас ждет?

2. Аналогичная задача для политологов, обществоведов и пропагандистов. Старые формы и методы пропаганды, действовавшие на безграмотное крестьянство и рабочий класс, явно отживали свое. На смену шло поколение грамотных людей, шел мощный средний класс. Вероятно, нужно было отказаться от понятия и от института партии, как принадлежащего старой науке и практике. Такие мысли были у Сталина еще до войны. Существуют даже избирательные бюллетени для выборов на альтернативной основе. От них пришлось отказаться, так как партийная верхушка запугала Сталина потерей контроля. Уже в ходе войны стало очевидно, что партия является пятым колесом в телеге, и она полностью была выключена из системы принятия решений. Институт традиционных комиссаров и политинформаторов также себя изжил, из-за чего его и отменили. Революционную агитацию, рекламу и пропаганду должен был заменить мягкий пиар, да и сама идеология должна была стать более глубокой, многомерной, изощренной, подходящей возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова.

3. Своя задача стояла и перед экономистами. Категории политэкономии в рамках старой парадигмы не понимают общество, которое возникло и вырвалось на передовые позиции в мире. Не понимать не значит быть в недоумении и молчании. Гораздо чаще это значит подвергаться иллюзии полного понимания, а на самом деле коряво и поверхностно перетолковывать происходящее в чуждых и неподходящих терминах новое общество, не правое, не левое, не либеральное, не социалистическое, не консервативное. Нужно было все осмыслить, категоризировать в новых понятиях. Нужно было сознательно теперь уже использовать эти понятия как в политической практике, так и в экономическом хозяйственном

менеджменте. Возможно, надо было отказаться от понятия стоимости и прибыли в денежных формах, отказаться от налогов всех видов как категорий и институтов старой политэкономии, и вспомнить о категории «свободного времени» как мерила истинного богатства и многого другого. Намеки на это так же были в последних работах и действиях Сталина.

4. Перед гуманитарной интеллигенцией стояла задача творческая: нужен был новый стиль, новый образ жизни, новая поэзия, живопись, новая архитектура, новый театр, новое кино, новая музыка, новый промышленный и другой дизайн. Все это должно было и могло стать модным во всем мире.

Сейчас трудно представить, но в 1950-х годах США вовсе не были законодателями мод в массовой культуре. Да, работал Голливуд, но советские картины были конкурентоспособны, был интерес к советской и русской литературе, поэзии, искусству, вообще ко всему русскому и советскому.

Что касается музыки, то на мировом рынке звучали все языки и мелодии (и русская популярная музыка особенно часто). Никому в голову не приходило, что язык популярной музыки должен быть английским. До «Битлз», и в этом их заслуга и феномен, рынок шоу-бизнеса был ничей! Он, и вообще рынок массовой культуры, подлежал захвату. С новыми инструментами, мелодиями, ритмами. Нам трудно вообразить, что могло быть как-то иначе, чем было, но реально раскрутке поддается все на свете. Китайцы, а их больше миллиарда, до сих пор предпочитают русские мелодии и русский язык в песнях — английским. Кстати, огромный китайский рынок поп-музыки русские могут захватить и сейчас.

5. Отдельная тема — переход из индустриальной эпохи в постиндустриальную, о которой тогда еще никто не говорил. Но постиндустриализм с его экологизмом, энергосбережением, деурбанизацией наступал неминуемо. Европа и Америка в 1970-е стали переселяться в таунхаузы на природу, а у нас возникло движение экологов-

КСПэшников и деревенщиков. Можно было уже тогда, в пятидесятые, начать отдавать долги селу. Ведь именно за счет крестьян была провернута индустриализация и выиграна война.

Удержание народа на селе, создание условий для нормальной жизни не только бы сохранило культурную самобытность России (ведь в селе корни народа), но и решило бы проблемы демографии (в селе ребенок помощник, а не обуза), дефицита продовольствия (в селе всегда есть свое подсобное хозяйство) и так далее.

Россия должна была покрыться сетью наукоградов и благоустроенных коттеджных поселков, где люди бы творили хай-тек и хай-хьюм, а все производства (не работающие без маленькой детальки, производимой в России) могли быть вынесены в развивающиеся страны, тем более, от русских их там ждали. Население России должно было быть расселено равномерно по всей стране, по сетевому, а не централизованному принципу. Это позволило бы заселить Сибирь и Дальний Восток и навсегда отодвинуть потенциальную китайскую угрозу.

Мы должны были также вырастить и воспитать класс гуманитарных маркетологов, менеджеров, которые бы продавали инновации, внедряли и продвигали их.

Наша система образования плодила инноваторов и изобретателей, которые не находили применения своим силам и возможностям. Их изобретения до сих пор лежат под спудом, просто потому что плановая система не могла внедрять новое, пока не «отбились» прежние инвестиции. Но все равно производство средств производства было приоритетом. Много строилось заново, но должно было строиться по-настоящему новое, а не копии старого. Мы скопировали «Фиат» у итальянцев и построили город-завод. Просто никто не разбирался, а нет ли у нас технологий и предложений лучше. Их можно было найти, сделать проекты и внедрять, задавая мировую моду, выходя с инновациями на внешние рынки.

Одним словом, СССР должен был стать локомотивом истории, он должен был ТВОРИТЬ историю не по

каким-то уже известным рецептам, а сам, поскольку все, что он делал, делалось бы впервые! Он должен был действовать, а остальные — идти в фарватере, подражать или реагировать. Этот вопрос о вредном подражательстве в науке уже поставил Капица в письмах к Сталину. Сталин его услышал, и реформы в науке действительно создали мощнейший, мирового уровня технический задел. Впервые не мы, а нам стали подражать в атомной энергетике, в авиации, в космосе, в математике, в отдельных отраслях физики... Но то же самое должно было произойти в гуманитарных науках и искусстве!

Приходится констатировать: со всеми означенными задачами наша гуманитарная элита не справилась и даже не осознала их. В нашей гуманитарной среде распространено вреднейшее убеждение, что Запад механистичен, бездуховен, бесчеловечен и проч. На самом деле главное оружие Запада — гуманитарное. Мы выиграли гонку в технике, но проиграли в конце XX века в гуманитарных технологиях, мы проиграли гуманитарную войну. И проиграли ее именно потому, что не осознали вышеописанные проблемы и не решили их.

Это, однако, не является только вопросом истории. Задачи никуда не делись, их невозможно обойти, их в любом случае предстоит решать, если, конечно, Россия собирается быть.

Реформы Хрущева

То, что сделал Хрущев, было прямо противоположным во всех отношениях. Самое главное — его установка на борьбу с прошлым, со Сталиным и всем, что с ним связано, а не озабоченность будущим. Хрущев был реакционером в худшем смысле этого слова.

Хрущев был малообразованный, в отличие от Сталина, человек, сформировавшийся как политический деятель в Донбассе, где всегда были сильны троцкистские настроения. Он был откровенным материалистом и реально заблуждался насчет роли материализма в победе и

вообще в идеологии. Хрущев откровенно презирал дух, Церковь, философию, гуманитарную проблематику и все, что с ней связано. Поэтому он даже не ставил задачу быть в духовном авангарде мира, он поставил задачу «перегнать Америку по молоку и мясу». Сама постановка Америки как образца и ориентира, сама ставка на материальные потребности, на потребление, на «живот» была заранее проигрышна и, главное, резко снижала, профанировала «дух победы».

В СССР тогда были десятки миллионов людей, готовых в «сотню солнц мартенами воспламенять Сибирь» (Маяковский), лететь к звездам, освобождать человечество, а им предложили повышать яйценоскость, надои и удои.

Отказ от принципа опережающего развития средств производства и переориентация на «товары потребления» означал ставку на проедание капитала, а не на капитализацию. Такая политика всегда может быть только временной или ведущей к краху. Что касается гуманитарной сферы, она была без боя сдана врагу. Именно при Хрущеве в Москву зачастили всевозможные кумиры зарубежной эстрады, оркестры, театры и певцы, которые в итоге создали уверенность в элитах (это выражали появившиеся тогда стилиаги), что «модное и западное — одно и то же». На базе этой «ценности» потом детонируют основные информационные бомбы холодной войны.

В международной политике он сделал то, за что ему должны были поставить памятник все мировые антикоммунисты и реакционные круги. Своим стучанием ботинком по трибуне ООН и криками «Мы вас похороним!» он оттолкнул очень большую часть элиты и народа от СССР.

Симпатии, даже среди простого народа буржуазных стран Европы, были вполне естественны: СССР избавил мир от газовых камер и других зверств, которые все увидели на Нюрнбергском процессе. Бояться «советов» не было резона, ведь это была страна вдов и инвалидов.

И верить, что она собирается покорять весь мир, ни у кого не было причин. Поэтому поначалу и Трумэн, и Черчилль с их речами воспринимались как бесноватые, как люди, потерявшие связь с реальностью, как бьющийся в агонии старый мир. А. Эйнштейн смеялся над фултонской речью Черчилля. Страна, которая потеряла более 20 миллионов граждан, и скоро идейно и так завоюет весь мир, никому не может угрожать... Какой железный занавес? Зачем?

Но Хрущев сделал то, что не могла сделать вся антисоветская пропаганда — он заставил бояться СССР. Другим «успехом» в международной политике была ссора с Китаем, который смотрел СССР в рот в течение полувека и готов был идти в фарватере наших реформ, что сразу же обеспечило бы нам господство над большей частью земного шара. Китай ушел в объятия Америки. По сути он стал производственным цехом США, тогда как сама Америка сосредоточилась на производстве нематериальных активов (долларов, музыки, программного обеспечения, образа жизни, фильмов, брендов, безопасности, хай-тека). А ведь Китай мог стать нашим производственным цехом, освобождающим нас для роста в хай-тек и хай-хьюм.

Хрущев подписал бестолковую декларацию с Японией, пообещав ей Курильские острова после заключения мирного договора. С тех пор у нас нет договора и нормальных отношений с третьей экономикой мира. Тут еще много можно привести примеров: тот же неуместный «Карибский кризис», показавший психологическую слабость Хрущева.

Вернемся к политике внутренней. Вместо того, чтобы вообще отказаться от принципа партийности или хотя бы снизить роль партии, Хрущев ее поднимает на запредельную высоту. Он заявляет совершенную неправду, а именно: что война была выиграна под руководством партии.

Самой большой акцией по поднятию роли КПСС стал XX съезд и доклад о культе личности. Доклад дал

старт многочисленным фальсификациям истории относительно репрессий, масштабы которых завышались в сотни раз. Доклад дал старт уничтожению части драгоценных архивов, а главное, он поднял забытую и ушедшую в прошлое тему. Даже крестьяне, больше всех пострадавшие от коллективизации, и то, повоював бок о бок с «городскими» и увидев, как коммунисты первыми шли в атаку и умирали (было выбито три состава партии за время войны), все простили властям.

Май 1945-го объединил страну, перевернул страницу истории, но Хрущев, не боясь известной поговорки, решил «помянуть старое». Результат — смещение в элите, чувство, что «победа оплевана», нет ничего святого, чувство, что тебя предали. Те, кто вчера были героями, сегодня вынуждены прятать глаза, в обществе главными эмоциями стали не оптимизм и радость, а недоверие и смущение.

Дело не в том, что людям было стыдно за себя, сами-то они ни в чем не виноваты. Просто еще вчера всем казалось: знаем, куда идти, все хвалили Сталина, плакали на похоронах, громко защищали сталинскую точку зрения, а сегодня... Раз, и все оказалось не так, или просто сомнительно, и ты выглядишь дураком перед близкими, перед подчиненными, ты подставлен... Как же так? Что делать? Куда идти? Вопросы остались без ответа. Поколение победителей стало прятаться и стесняться. Один раз почувствовав себя преданным, человек теряет доверие.

По мысли Хрущева, разговор о репрессиях должен был улучшить взаимопонимание между властью и народом, на самом деле он вбил огромный клин: «Неизвестно, что завтра опять выкинет власть, сегодня разоблачили, завтра обратно воскурят фимиам, молчи, не высовывайся — за умного сойдешь» — вот что стало итогом.

Съезд имел и международный резонанс: например, число членов французской коммунистической партии сократилось в 10 раз, от СССР отвернулся Китай, который не считал Сталина виноватым и проч. Авторитет СССР стал серьезно падать.

Хрущевский период окрестили «оттепелью», но на самом деле именно при Хрущеве возник волюнтаристский стиль управления. Не вникая в систему принятия решения при Сталине, Хрущев воображал, что генеральный секретарь — царь и бог, который ни с кем не считается. В действительности при Сталине были и острые разногласия, и кулуарная борьба, и партийные дискуссии, и совещания со специалистами. Не всегда победителем в различных вопросах выходил Сталин. Иногда вопреки Сталину побеждала точка зрения какой-то группировки в руководстве, и Сталин подчинялся.

Хрущев же принимал решения в соответствии с минутным капризом. Понравилась ему в Америке кукуруза и стоячие кафе, он тут же приказал всю страну уставить кафетериями и засеять кукурузой. В сельском хозяйстве некомпетентность и волюнтаризм проявились особо рельефно. Еще в 1957 году Хрущев выдвинул лозунг: «В течение трех—четырёх лет догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения». Для обеспечения видимости роста на мясокомбинаты отправляли значительную часть основного стада и молочных коров, отбирали под фиктивные расписки скот у частных владельцев. Пришлось, как во времена раскулачивания, вырезать всю «лишнюю» скотину. Недостаток кормов для скота усугублялся «кукурузной догмой» Хрущева: в отличие от многолетних трав, кукуруза не вызревала в большинстве регионов страны, и даже при неплохом урожае давала в три раза более дорогие корма.

В 1958 году Хрущев объявил о реорганизации машинно-тракторных станций (МТС) и продаже их техники колхозам. Непредвиденные расходы разоряли колхозы, они были вынуждены отложить другие проекты, сократить оплату труда колхозников. Десятки тысяч трактористов и комбайнеров ушли в город.

Вместо отдачи долгов селу, урбанизация усилилась. Сокращалось производство сельскохозяйственных машин, покупать которые колхозы теперь не имели возможности. Колоссальный вред сельскому хозяйству на-

несло и стремление Хрущева к сокращению доли чистых паров, важнейшей части научно обоснованного севооборота в большинстве зон страны. Если в 1953 году пары занимали в СССР 15,8 % пашни, то в 1958 году — 10,9 %, а в 1962 году — 3,3 %.

Несоблюдение севооборотов стало одной из главных причин (наряду с невниманием к проблеме эрозии почв) провала целинного проекта. К 1963 году на Целине было повреждено или уничтожено до шести миллионов гектар пахотной земли. В том же году Хрущев впервые в истории страны пошел на закупку зерна за границей: было завезено 10 миллионов тонн пшеницы.

Убыточность земледелия и животноводства привела к значительному повышению цен на мясные и молочные продукты, что повлекло за собой негодование масс. Наиболее трагически окончилось выступление рабочих в г. Новочеркасске (1962), где были расстреляны войсками десятки людей, в том числе дети. Испытывая постоянную нехватку средств, Хрущев отменил надбавки к зарплате, которые получали жители Сибири и Дальнего Востока, что послужило оттоку населения из Сибири в европейскую часть СССР.

Казалось бы, Хрущев, как «либерал» в сравнении со Сталиным, должен был попустительствовать всякой творческой интеллигенции. И если бы он так сделал, в его активе появился бы хоть один плюс. Но феномен Хрущева в том, что он был либералом там, где не надо, а там где надо, был тупым тираном.

Именно он устроил на выставке в Манеже разнос Э. Неизвестному и всем авангардистам-формалистам, которые, понимаешь ли, творят непонятное народу искусство...

Не свидетельствуют в пользу «либерализма» Хрущева и начатые им бессмысленные гонения на православную церковь, поддерживаемую «поздним» Сталиным, когда было восстановлено патриаршество, начался процесс возвращения храмов церкви, открытие духовных учебных заведений и т.д.

Начало гонений на РПЦ приходится на 1958 год, когда ЦК принял постановление о начале пропагандистского и административного наступления на «религиозные пережитки». Одним из результатов стало массовое закрытие (и разрушение!) церквей и упразднение монастырей. Из 63 действовавших на 1958 год монастырей в 1959 году осталось лишь 44, а в 1964 году — всего 18.

В 1958 году Хрущев запустил реформу системы народного образования, предполагавшую упразднение общеобразовательной средней школы: после получения 7—8-летнего образования детей обязывали идти в школы фабрично-заводского обучения или получать профессию на селе. В результате советской системе образования, не без основания считавшейся одной из лучших в мире, был нанесен непоправимый урон. В целом бюджетные траты на образование были снижены Хрущевым до 3 % (при Сталине они составляли 15 %).

«Экономность» Хрущева проявлялась и в сокращении финансирования ВПК, образования и науки, снижении зарплат для ученых и технической интеллигенции, лишении льгот сотрудников силовых ведомств. Хрущев действовал как явный троцкист, «шариков», с его «Академиев не кончал, в семи комнатах не жил» и «Что тут думать? Взять все и поделить».

При Сталине профессора и инженеры считались элитой общества, получали большие квартиры с несколькими комнатами под мастерские и библиотеки, имели приличную зарплату. Хрущев уравнил всех, чтобы пролетариат не завидовал. В то же время именно «либеральный» Хрущев, впервые со времен Ленина и Троцкого, силой подавил волнения в Новочеркасске.

Если после войны все жили с ощущением себя как «хозяина в собственной стране», было чувство полной нераздельности народа и власти, то после Новочеркасска появилась трещина между властью и народом, и она с тех пор все более разрасталась.

Наконец, Хрущев передал власть в стране номенклатуре. При Сталине в промышленности процветало «про-

ектное командование». Надо создавать атомное оружие? Под эту задачу, за которую отвечает конкретный человек, формируются структуры, собираются команды, коллективы, выделяются средства, производственные мощности. Проект закончен — ответственному слава и почет, а люди и мощности переводятся на другой проект. При Хрущеве аккордная система была разрушена, а создана функциональная система министерств и ведомств, в которой никто ни за что конкретно не отвечал, но отвечал за отдельные, свои, участки работы по специальности в разных проектах. Отсюда возникали конфликты интересов, что и для кого делать в первую очередь.

Коль скоро все завязано на все, это требовало координации, и Хрущев создает Совнархозы, в которые по территориальному признаку входило все руководство региона. Если раньше внутри министерств и ведомств формировались своя этика, свой дух, даже соперничество с другими (что необходимо, так как каждый играет свою роль: например, судьи должны культивировать в себе судебную этику, прокуроры — прокурорскую, адвокаты — адвокатскую и в процессе суда состязаться, биться за честь мундира, отчего выигрывает в итоге правосудие), то теперь все друг с другом были в сговоре, все знакомы, все решалось в кулуарах.

От Хрущева и пошли всевозможные территориальные кланы: ставропольский, ленинградский, свердловский. Права территорий, особенно национальных республик, были увеличены, начались возвращения «наказанных народов». В руководстве стали состязаться не проекты, не результаты, а территории.

Когда Хрущев передавал Крым Украине, к которой полуостров никакого исторического и хозяйственного отношения не имел, это был подарок украинскому клану за помощь в захвате власти. С Хрущева в народе пошли слухи и утвердилось мнение, что «правды нет, начальники все друг за друга, воевать с ними бесполезно».

Если человек сталинской закалки все еще по привычке ходил «качать права», спорить, называть хамова-

того бюрократа «врагом народа», то «человек оттепели» смиренно стоял в очереди и проглатывал любую обиду от серого человека в шляпе с портфелем.

Именно во времена Хрущева был создан бюрократический язык власти, разительно отличавшийся от сталинского стиля, когда даже в документах высших органов страны стояли простонародные, а иногда почти нецензурные слова. Хрущев заявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и что уже к 1980 году советское общество перейдет к распределению «по потребности».

Внедрение обывательских стандартов в мышление советских людей, дополненное проводимой Хрущевым политикой неприкосновенности номенклатурных кадров, давали возможность существовать в партии приспособленцам и карьеристам. С этого начался процесс усиленного разложения и перерождения правящей бюрократии. Их дети через престижные вузы, блат и кумовство делали быструю карьеру, и к 1980-м годам оказались у руля власти.

В 1962—1964 годах форсировалась пропагандистская кампания по восхвалению Хрущева. Портреты «великого ленинца» и «великого борца за мир» открывали страницы школьных учебников, почти ежедневно появлялись в газетах. Только за девять месяцев 1964 года они были 140 раз опубликованы в центральной прессе. Между тем, даже портреты Сталина печатались не более 10—15 раз в год.

Даже такое благое дело как расселение людей из коммуналок в отдельные квартиры было проведено бестолково. Люди должны жить отдельно — да, это замечательно! Но ведь попутно уничтожили то, что называется местным самоуправлением, которое было в коммуналках и которое наследовало крестьянскому общинному уникальному быту. Жилищную реформу можно было провести так, чтобы не рубить под корень дух взаимовыручки, социальную ответственность (например, через создание кондоминиумов, поселков). Потом мы удивляемся, по-

чему вдруг люди стали мочиться в подъездах, рисовать на стенах и плевать в лифтах. Потому что чистота стала не их делом, а делом коммунальных служб.

К личным заслугам Хрущева относили все достижения в стране: открытие в 1954 году в г. Обнинске первой в мире АЭС, спуск на воду в 1957 году первого атомного ледокола «Ленин», создание наукограда в Новосибирске, успехи в космосе. Но реально Хрущев присваивал плоды побед, которые были заложены еще в 1930-е годы.

Кто-то возразит: но ведь при Хрущеве стала лучше жизнь, хорошие темпы экономического роста. На это нужно ответить: 1930-е годы были годами после гражданской войны и разрухи и временем подготовки к новой войне (то, что война будет, было ясно еще в 1929 году, и смешны все разговоры, что «Сталин был не готов»). Жесткие темпы коллективизации и индустриализации объяснялись и оправдывались только грядущей войной. Интересно, кто построил танки и самолеты, кто обучил грамоте крестьян, которые смогли на этой технике потом воевать? И, наконец, послевоенные годы опять были восстановлением хозяйства.

Время Хрущева было мирным, сравнения тут некорректны. Но самое важное, что маховик успехов был запущен до него. Маховик, как известно, разгоняется медленно, но инерция так велика, что потом даже специально его не остановить. Сверхдержава, созданная Сталиным, развивалась по инерции и совершала успехи вплоть до середины 1970-х годов, только после этого пошел «обратный отсчет», мы стали терять позиции и окончательно вернулись к границам времен после первой мировой (которую Россия проиграла) к началу XXI века. В последние 20 лет вообще ничего не построено, все только проедалось и разворовывалось, и у нас еще что-то есть. Мы вернулись почти на 80 лет назад.

После знакомства с политикой Хрущева невольно задаешь себе вопрос: а не резидент ли он иностранных разведок? Как его упустили в знаменитом 1937 году, неужели репрессии были недостаточны? Но вот если бы не упусти-

ли, то можно себе представить, какие статьи писали бы в 1986—1991 годах какие-нибудь Л. Разгоны и Р. Медведевы: *«Кровавый вихрь неся по стране, а параноику-тирану все было мало... По оговору стукачей был расстрелян молодой подающий надежды руководитель, «верный ленинец» лидер московских коммунистов Н. С. Хрущев. К стандартным бредовым обвинениям в троцкизме, связях с иностранными разведками и заговоре с целью свержения Сталина, полученным на основе лживых доносов, иезуитская извращенная фантазия палачей, словно в издевку, добавила и совсем уж абсурдные обвинения: вынашивание планов засеять страну кукурузой и передать русский Крым Украине! Поистине жестокости, бесчеловечности и аморальности извергов-чекистов не было предела!»*

Только как знать, может, если бы его все-таки вычислили, то не было бы никаких статей Медведевых и Антоновых-Овсеенко, а аналогичные перестройке катастрофические процессы шли бы не у нас, а в Америке.

Я не сталинист в общепринятом смысле слова. Считаю, что Сталин был идеальным правителем, наиболее полно воплотившим дух СВОЕГО времени, и именно потому победившим. Но возвращение Сталина, его методов работы сейчас было бы так же нелепо, как и попытка поставить любого современного лидера на место Сталина в 1930—1950-е годы. И то и другое кончились бы катастрофой для России.

Время Хрущева до сих пор не кончилось, поэтому я и утверждаю, что во всем виноват он, а не Чубайс. До сих пор ВСЕ поголовно политики говорят, что целью их программ является «улучшение жизни народа». Расхождения только в методах достижения цели, в профессионализме и моральной чистоте.

На самом деле, подобно тому, как для индивидуума целью жизни НЕ ДОЛЖНО быть накопление ковров-люстр-квартир-дач-машин и проч., так и для народа в целом смыслом существования может быть не повышение ВВП или «улучшение жизни», а только историческое свершение! Тот политик, кто первым скажет, что целью

его деятельности НЕ является улучшение материального уровня жизни, кто сумеет убедить в этом и сам народ и мобилизовать на историческую задачу за счет ЖЕРТВОВАНИЯ комфортом, тот снимет с нашей истории «проклятие Хрущева» и собьет Россию с пути в историческое небытие, по которому она идет.

СУВЕРЕНИТЕТ ДУХА

Все, наверное, помнят одно из центральных событий последних лет: смерть Папы Римского — Иоанна-Павла II. В Ватикан съехались миллионы паломников. Миллиард католиков по всему миру ощутили, что произошло событие, касающееся их лично. Главы практически всех государств (в том числе мусульманских и вообще не имеющих в традиции авраамических, библейских традиций) лично прилетели проводить в последний путь человека, пользовавшегося в мире огромным авторитетом. На мой взгляд, умерший понтифик не заслуживал и тысячной доли выпавших ему почестей (он принес много вреда не только России, но главным образом, самому католицизму), тем более удивительно то, что происходило.

Ватикан не обладает экономической мощью, он живет на «пожертвования». Он владеет акциями, но вряд ли жизнь рантье — свидетельство экономического лидерства. Ватикан не обладает военной мощью, несколько сотен швейцарских гвардейцев явно не в счет. Ватикан не имеет атомной бомбы и так называемого «ядерного суверенитета», у него нет места в совете Безопасности ООН.

Политическая система Ватикана тоже не является эталоном цивилизованности. Всякому приличному государству полагается быть демократией, а Ватикан — абсолютная (даже не конституционная!!!) монархия. Однако никто не причисляет Ватикан к «Оси зла», к странам-изгоям, не грозит ему бомбежками, не разворачивает на его территории широкую сеть институтов и фондов, НГО и НКО. На Ватикан не транслируются передачи Радио

«Свобода» на латинском языке, не проводятся международные конференции под лозунгом «Последний диктаторский режим Европы». В отличие от Лукашенко, папу не дразнят «батькой», хотя ему бы эта кличка больше пошла.

Подобные «недружественные» действия, попытки хоть как-то воздействовать на суверенитет Ватикана, а тем более, лишить его суверенитета, сразу бы вызвали огромную реакцию по всему миру. Почти миллиард католиков, как минимум, взволновались бы, и уж среди них наверняка бы нашлось несколько миллионов готовых пожертвовать жизнью в войне с любым агрессором.

Кто-то может возразить, мол, никому в голову не придет лишать Ватикан суверенитета, ведь победитель не получит трофеев, да и само это государство весьма безобидное, ни на кого не покушающееся...

Это, безусловно, не так. Ватикан сыграл серьезную роль в разрушении СССР, а если углубляться дальше, в глубь веков, то мы обнаружим, что римские папы были одними из крупнейших геополитических игроков в истории. Минимум три нашествия, в результате которых Россия могла потерять суверенитет (поход Ливонского ордена, поход Мамай, польская интервенция), организовали в Ватикане. Что касается трофеев, то сокровищница Ватикана — самое большое в мире хранилище культурных и антикварных ценностей. Так что и повод, и причину для агрессии и лишения Ватикана суверенитета найти можно.

Но никто не лишает Ватикан суверенитета, более того, никому даже в голову не приходит столь безумная мысль. Мысль о завоевании богатой страны приходит часто. Мысль завоевать слабую страну тоже не редкость. Даже мысль о завоевании сильной страны не удивляет (минимум, из чувства безопасности, как игра на опережение), а вот по поводу Ватикана... Ни в одном генштабе мира не разработан план соответствующей операции.

В чем же дело? Получается, самый твердый, непробиваемый гарантированный суверенитет держится не на

силе, не на экономической мощи государства, не на атомной бомбе, а на духе. Суверенитет его держится только на том, что это центр католичества, мировой религии.

Напрасно кто-то думает, что речь идет только о Ватикане, как о чем-то из ряда вон выходящем, чем-то экзотическом. Сущность любого феномена не есть нечто абстрактно-всеобщее, витающее над всеми единичными представителями данной сущности. Существенное и всеобщее фигурирует, как правило, в качестве особенного, наряду с другими особенными. Мы не получим сущность суверенитета, взяв 150 государств и попытав путем отвлечения создать общее понятие. Напротив, взяв одно государство, которое выглядит как ИСКЛЮЧЕНИЕ из правила, мы поймем и само правило. Все, что сказано о Ватикане, не в меньшей, а в большей степени применимо к любой другой суверенной стране, и тем больше, чем более она суверенна.

Все, что сказано о Ватикане, относится, например, к Саудовской Аравии. США из соображений экономической безопасности, может быть, давно бы уже захватили весь арабийский полуостров, который хранит в себе 50 % запасов самой дешевой и качественной мировой нефти. Но не экономическая и военная мощь останавливает США. Мекка — центр мировой религии. Представьте, сколько «Боингов» полетит на всевозможные всемирные торговые центры, сколько пакетиков с порошком сибирской язвы отправится по почте в случае какого-либо военного поползновения! Мекка — залог нынешнего и будущего суверенитета арабов.

Точно так же и сам Вашингтон является «Ватиканом демократической религии» и он решает, что является демократией, а что ересью. Там находится «золотой эталон» демократии, как в палате мер и весов. И всякий, кто принял этот демократический дискурс, эти правила игры, уже не суверенен. Он может быть сколь угодно демократичным, но если Вашингтону что-то не понравится, «еретик» будет вынужден «идти в Каноссу».

Пока мы используем чужой дискурс, мы рабы того, кто этот дискурс создал или присвоил себе право гово-

рить от имени создателя. Поэтому «суверенная демократия», о которой сейчас много говорят, возможна только для Вашингтона.

Представьте: некто заявил, что в его стране «суверенное католичество», а потом объявил себя папой и сказал, что у него нет разногласий с Папой Римским по догматическим вопросам, нет различий в богослужении, но поскольку он «суверенный католик», то решения будет принимать сам... И как бы он выглядел в глазах всех католиков мира?

Да суть католичества как раз в том, что Папа Римский — главный католик. Поэтому католики всего мира, несмотря на отсутствие догматических разногласий и различий в богослужении, тут же объявят «суверенного католика» еретиком. Точно так же, Россию, будь она хоть в сотню раз демократичнее всех демократий мира, объявят НЕ-демократией, как только ее действия (именно действия, а не декларации) будут идти вразрез с повелениями Папы Вашингтонского. Что, собственно, и происходит.

Сейчас, правда, на звание центра «мировой демократической религии» претендует ЕС. Как такое возможно? Все проблемы Вашингтона и США начались с того, что они перестали быть духовным авторитетом для народов мира. Сколько бы США ни демонстрировали свою политкорректность, спецоперации ЦРУ, удары по Югославии, Афганистану и Ираку окончательно похоронили миф о том, что Америка — страна-освободительница. Новая империя — да, мировой жандарм — да, тот, кто берет силой, а не соблазном — да.

Америка пытается еще соблазнить, но ее фокусы сродни тем, что уже видели все на ярмарке. При слове «демократия» гордо выпячивают грудь только самые провинциальные и отсталые народы. Остальные хотят уже чего-то большего. И чем меньше Америка способна соблазнять, тем больше она пользуется насилием, а чем больше насилует, тем меньше способна соблазнять. Теряется духовный авторитет, теряется власть. Ведь на-

стоящая власть там, где не требуется насилие. Наоборот, применение силы говорит скорее о слабости.

Когда-то «Меккой и Ватиканом мирового коммунизма» была Москва и она решала: кто коммунист, а кто ренегат и ревизионист. Так было до тех пор, пока Москва не перестала быть духовным авторитетом и не сделала ставку на танки и ракеты. То в Венгрии, то в Чехословакии (нынешняя Чехия), то в Афганистане. Кто и когда решил, что сила государства зависит от его оружия и армии, а не от способности очаровывать, не от духовного влияния? Тот, кто это решил, тот и угробил СССР. Сейчас мы вообще играем по чужим правилам, и значит, мы не суверены.

Суверенитет — это именно и только духовный суверенитет. Такой суверенитет духа лучше всякой армии, атомной бомбы или экономики. Все разговоры о том, что атомное оружие гарантия суверенитета — ерунда. Если в стране, например, правит элита, хранящая деньги за рубежом, то она и не подумает воспользоваться оружием для удара по загранице, где лежат ее «кровные», в целях сохранения суверенитета собственного государства. А значит, если элита духовно живет в другом месте и духовно порабощена, любое оружие в ее руках бесполезно — это все равно что оружия нет.

Да что там деньги! При наличии атомной бомбы считайте, что никакой атомной бомбы нет, если нет человека, у которого хватит духа нажать на кнопку в случае чего. В России, например, уже лет 40 нет руководства, способного на такое. Горбачев, который сдал страну, просто был последователен: честно знал про себя, что никогда не нажмет ни на какую ядерную кнопку. Он был восхищен Западом, похищен им.

Как бы ни были велики наши военные победы, суверенитет, который держится силой оружия, недостаточен, нестойк, временен и является только предпосылкой подлинного духовного суверенитета. *Гарантированно суверенен только тот народ, чей суверенитет никто не только не может, но и не хочет поколебать. А это воз-*

можно только когда народ обладает ценностью в глазах других народов, когда он уникален, незаменим и неповторим, когда несет миссию, нужную другим народам. Когда он, говоря языком рынка, имеет «уникальное торговое предложение», «уникальное позиционирование» в духовном смысле.

Нам говорят, «Россия строит демократию». Зачем? Чтобы быть еще одним 125-м демократическим государством? Что в мире изменится, если одной «демократией» станет меньше или больше? То, что валяется на каждом углу, никто не ценит. Если мы повторяем вслед за Вашингтоном их же лозунги и заклинания, то почему хотим, чтобы Грузия и Украина повторяла их за нами? Они хотят первый сорт, поэтому будут слушать Америку. Другое дело, то, что говорят американцы, — уже не первый сорт, а тухлятина, а вот что-либо свежее в мире никто не предлагает.

Когда я однажды высказал эти соображения, один демократ мне тут же выставил остроумное, как ему казалось, возражение: демократия, дескать, как газ на кухне — просто условие жизни и поэтому тут не нужно «уникального торгового предложения». Ценности демократии вне конкуренции, это что-то общепризнанное и простое. Сравнение с газом на кухне тут явно некорректно, но даже если признать это сравнение, оно обернется не в пользу демократов. Ведь газ когда-то кончится! А если мы не будем искать альтернативные виды топлива и энергетики, то рискуем остаться без отопления. Как есть совершенствование в области энергетики, так тем более есть совершенствование в общественных науках и практике. Демократия есть устаревшая и, по большому счету, мало когда работавшая фикция.

Суверенность сегодня понимают часто как следование собственным интересам всегда и везде. Но на самом деле стратегия следования в политике принципам прагматизма разрушает государство, уничтожает суверенитет. Когда-то Пальмерстоун сказал, что у Англии нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы. Красиво сказа-

но. Но к чему привела эта логика? Великобритания была империей, «над которой не заходило солнце», которая значила для XIX века больше, чем США для XX века. А чем все кончилось? Великобритания стала одним из сотни «демократических государств». Страной, которая до сих пор не суверенна, страной, об исчезновении которой можно было бы пожалеть разве что в связи с рок-музыкой. Вот к чему ведут гениальные геополитики, следующие вечным интересам. К такому же финалу приведут США и нынешние игроки на мировых «шахматных досках» типа Бжезинского.

Отношения между государствами можно представить на примере отношений между знакомыми. Если кто-то вдруг заявит, что всегда и везде следует только собственным интересам, если на любую вашу просьбу станет отвечать вопросом: «А что я буду с этого иметь?», вряд ли такой человек будет вам другом. Вряд ли вы его полюбите и вряд ли пожалеете, если он пропадет с вашего горизонта. Конечно, вести себя, всегда исходя из собственных интересов, — его право. Но почему у того, кто пользуется этим правом, дурная репутация? Почему привычка «качать права» считается отвратительной, неблагородной, низкой?

Да неужели непонятно, что заявки о наших «национальных интересах» никому не интересны, кроме нас и, более того, провоцируют других сразу думать о своих национальных интересах в противовес нашим?

Как честность и откровенность вызывают ответные честность и откровенность, так и хитрый блеск в глазах собеседника провоцирует ответную хитрость: ты меня хочешь обмануть, значит, идешь на риск быть обманутым, ну и не обижайся, если я тебя обману!

В ситуации, когда каждый борется за себя, когда идет война всех против всех, никакой суверенитет не может быть устойчивым, никакая коалиция не вечна, все преимушества, силы и власть — временны.

Военная сила, материальные богатства — все это временный ресурс, а ставка на временное дает временные

преимущества. Если кто-то хочет непоколебимого суверенитета, он должен ставить на вечное, на Дух. *Тот, кто хочет быть сувереном, гарантированным сувереном, тот должен обеспечить себе такое место в мире, когда другие государства предпочтут умереть сами или нанести вред себе, нежели покуситься на того, кого считают воплощением некой духовной ценности.*

И не говорите, что так не бывает. Ющенко и Саакашвили идут против прагматических интересов только потому, что верят в западные ценности. Свежий пример: Украина теряет от блокады Приднестровья сотни миллионов долларов ежегодно, но поддерживает блокаду просто потому, что Х. Солана попросил об этом Ющенко. А разве прибалтийские государства мало потеряли от того, что транзит российских грузов пошел мимо них? Но они не следуют прагматическим интересам, они ставят выше них западные ценности. У нас Гайдар с Чубайсом разрушили полстраны, но ни одна буква из демократических догм не должна была пострадать!

Ценность в этом случае является неким источником, на который ориентируются, откуда черпают и собственную идентичность (как мусульмане, например, черпают ее в Мекке и Медине).

Источник — это ресурс, нечто, отдающее себя, расстрачивающееся. Поэтому для того, чтобы быть такой ценностью, надо отдавать, а не брать, надо жертвовать, а не накапливать.

Ж. Батай, пожалуй самый глубокий теоретик суверенности в XX веке, писал, что только там, где прерываются экономические отношения обмена по принципу «ты мне — я тебе», где возникает потлач, трата, безудержное раздаривание, жертвоприношение, демонстрирующее реальную независимость дарящего духа от даримой вещи, там и есть подлинная суверенность.

Немудрено поэтому, что суверенитет и победа в войне за суверенитет достается тому, кто приносит жертву, а не тому, кто накапливает. В этой связи уместно опровергнуть модное, но неслыханное и чудовищное для со-

временников мая 1945 года, отождествление фашизма и коммунизма. Для всего мира проект фашизма состоял в предельной геополитизации, в предельном желании превратить все нации мира в ресурс для одной. Проект же коммунизма состоял в противоположном: в жертвоприношении одной нации во имя всего мира, в своего рода антигеополитике.

Когда Украина или Грузия заявляет о «прагматичной политике», то это понятно, это удел маленькой, заурядной во всех смыслах, несuverенной страны. Прагматизм и права — дело плебеев. Ничего удивительного. Но когда мы заявляем о «прагматизме в отношениях», то становимся с ними на одну доску. Что позволено быку — не позволительно Юпитеру! Юпитер (солнце) дарит свет, а бык жрет и жиреет. Судьба их различна, Солнце будет светить миллиарды лет, а быка отведут на бойню, когда он наберет достаточно веса. Зачем мы мечтаем о судьбе быка?

Россия должна быть благороднее, наши культурные гены, наше великое суверенное прошлое должны противиться тому, чтобы вообще разговаривать (а не только вести переговоры!) с кем-то вроде Украины или стран Балтии, с вассалами других. О каком авторитете, лидерстве, суверенитете может говорить Россия, если она позволяет себе вступать в разборки базарных торговков, перекрикивающих друг друга, ищущих свою выгоду? На что рассчитывает она, неуклюже толкаясь локтями в борьбе за место под солнцем? Любой выигрыш здесь временный, а проигрыш рано или поздно неизбежен. Это гибельный путь. Хочешь переиграть другого — будь готов к тому, что с тобой будут играть так же, то есть рано или поздно тебя переиграют. *Надо не бороться за место под солнцем, а самому быть Солнцем, чтобы остальные боролись за место «под тобой».*

Надо быть среди тех, кто дает и жертвует. Но здесь очень важно подчеркнуть: давать надо не материальные ресурсы, а духовный свет. Одна из ошибок коммунизма, как и сторонников языческого потлача, состояла в том,

что они давали и жертвовали материальными, денежными и людскими ресурсами. Таким образом, демонстрировалась власть духа над материей. Но материя исчерпаема, даже Солнце когда-нибудь погаснет. Возникла отрицательная зависимость, в какой-то момент жертвующему уже нечем больше жертвовать. Значит, он уже несостоятелен, не может доказать свою суверенность. И тогда из категории «полезных» для всех реципиентов государство превращается в категорию «ненужных», а затем и «вредных».

Судьба редких животных показывает нам, что наибольшему истреблению со стороны как людей, так и других видов, подвергаются вредные и полезные. Причем, полезные даже больше. Если применять это к жизни государств, то Россия соединяет в себе эти качества худшим образом. С одной стороны, она потенциально полезна, так как богата ресурсами, с другой — вредна, поскольку сильна и опасна. Она первый кандидат на истребление со стороны других видов. Это доказывается многочисленными нашествиями. Недаром великий мудрец Лао Цзы говорил, что лучше быть не вредным и не полезным, а таким, о котором знают, «что он только существует». Надо вообще уйти от категорий вредности и полезности и рассмотреть себя со стороны материальных ресурсов, а также добиться, чтобы нас не рассматривали в этом контексте. Поэтому настоящий источник — это тот, который никогда не оскудевает, а возможно, становится тем больше, чем больше из него черпаешь, источник духовный.

Говорят, в Японии есть закон, согласно которому старые здания каждые 20 лет сносят, чтобы на их месте построить новые. Но есть исключения: никто не трогает здания, ставшие памятниками искусства. Нам надо создать такое государство, такой образ жизни, который станет своего рода памятником искусства, чтобы ни у кого на него не поднялась рука.

Только государство, несущее миру некий свет, не требуя ничего взамен, дарящее духовные ценности — обеспечивает себя истинным суверенитетом и обладает

настоящей духовной властью над одариваемыми и неспособными отдариться по причине нищеты духа. Одариваемые просто проникаются даруемым им духом, испытывают головокружительное чувство превосходства над собой прежними, и над теми, кто еще не вкусил ничего подобного. Они получают невиданное ранее удовольствие, которое не могут обеспечить сами, они подсаживаются на иглу духа и отдают все, что угодно (в том числе и материальные ценности и жизнь) за возможность еще раз припасть к истоку.

Этот исток нам надо создать, этот исток нам надо открыть. Исток, из которого на всех без разбора, на все расы и религии, на все сословия и народы прольется духовный свет, без которого они уже не будут представлять свою жизнь.

Суверенитет России не в руках экономистов и политиков, не в руках военных и ученых. Он в руках философов, святых, пророков и поэтов.

ПРИЧИНЫ РУСОФОБИИ

Одно из самых вредных и путающих суть дела заблуждений наших патриотов: «Россия — духовна, а Запад — бездуховен».

На самом деле Запад всегда заботился в первую очередь о духе. И это показывает нам пример различной судьбы Червонной и Великой Руси. Св. князь Александр Невский, как известно, предпочел мир с Востоком (монголо-татарами) и войну с Западом (ливонским орденом), а Даниил Галицкий, соблазнившись королевской короной и помощью в борьбе с татарами со стороны Папы Римского, выбрал союз с Западом. Вместо ратной помощи в Галицию пришли католические миссионеры, иезуиты, ксендзы и проч. Они начали не с захвата материальных ценностей, а с уничтожения православного духа. А духовный слом привел и к потере политического суверенитета, и к невиданной в истории экономической

эксплуатации крестьян, продлившейся несколько столетий, гораздо более тяжелой, чем, например, римское рабство.

Всякому епископу или боярину, переходившему в католичество, сулились дворянские привилегии и экономические блага, имения. Запад отдавал материальное, чтобы получить себе душу. Наоборот, Золотая Орда, подобно дикарям, соблазнялась бисером. Ей не было дела до православной церкви, истории, культуры, языка русских и даже до политической власти. Важны были материальные подношения и внешняя лояльность, например, в борьбе с метрополией — Монголией.

Александр Невский, пользуясь духовным превосходством, легко манипулировал ханами: дипломатическими интригами сначала отколол Золотую Орду от Монголии, а потом даже чуть не окрестил ее, чуть не сделал духовной колонией Руси. Победенный чуть было не «переварил» победителя. И все потому, что Восток, в отличие от Запада, за материальное готов был закрывать глаза на духовное — культура и религия в глазах Востока ничего не стоили.

Православие не было принято ханами, потому что в пост запрещалось пить кумыс, а вкусный кумыс, знамо дело, важнее всякого духа. Причем сами ханы, как люди уже понявшие культурное превосходство русских, возвысившиеся до них, готовы были отказаться от кумыса, но не представляли, как объяснить новшество большинству войска, простым степнякам.

Если на Руси 300 лет взращивался «комплекс превосходства» по отношению к налетчикам — «чуркам», то в Галиции все это время жили с «комплексом неполноценности», с ощущением того, что тут находится окраина (украина) Европы. Поэтому-то русские потом восстановили и политический суверенитет, и экономическую мощь, и на несколько столетий вперед поставили себя как величайшее государство мира, несколько раз били объединенные силы ВСЕЙ Европы, идущей на Россию.

А вот русские, ставшие так называемыми «украинцами», остались со сломленной душой, чужими среди своих, своими среди чужих. И до сих пор они являются предателями, янычарами Запада, воюющими против своих же братьев.

Они забыли свои предания, язык, обычаи, свою религию и даже свое имя — «русские». Они согласились отзываться на обидную польскую кличку — украинец, окраинец, что-то типа «дремучий провинциал». Вот как выгодны инвестиции в дух, которые сделал Ватикан! Уже более чем полтысячи лет как нет Орды и ее дани, а незаметное мягкое иго для русских «украинцев» все еще длится. Не внешнее, а внутреннее насилие оказалось страшнее.

На Россию так называемое иго подействовало как вавилонский плен на Израиль. Известно, что после 70-летнего плена в Израиль из Вавилона явился другой народ.

Так и Россия вышла из монгольской зависимости верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости. Инок Филофей создавал концепцию «Москва — третий Рим». Патриарх Никон строил Палестину под Москвой, старообрядцы, следуя логике хранения «истинного Православия», даже официальное Православие посчитали ересью, сжигали себя. Вот какое рвение было!

Долгое время нашей миссией было несение единственного истинного православного христианства. Не политический суверенитет нуждался в «обоснованиях, идеологии и миссии», а миссия только и способна была дать суверенитет! Во всех войнах с Азией или Европой, которые начинали всегда не мы, но мы всегда побеждали, солдаты бились не за суверенитет и «свободу», а за Бога, спасение души, за Царя как наместника Бога, и Отечество как «православное отечество». Это было даже в XVIII—XIX веках, когда «правительство было главным европейцем в России». Победы тех времен одерживались не благодаря просвещению, а благодаря старому доброму

Православию и вере в спасение души погибшего воина на поле брани. И даже в последнюю войну это было так, ведь существование СССР было светом надежды всему «трудовому человечеству», и мы удерживали (православная доктрина удерживающего!) мир от попадания в крошечный ад фашизма...

Но чем «плохо» Православие и подход к России как к «Израилю», к избранному народу? Достоинства здесь те же, что и в случае с Израилем: такая миссия помогает выживать. Евреи после любого плена и холокоста выходят только крепче. Даже веками не имея государства, они умудрялись размножаться, занимать высокое положение в обществе, являть собой мировую культурную и финансовую элиту. Достоинство в том, что такая миссия — хорошая защита, но трудность возникает в «наступлении». Концепция «избранности» провоцирует других на зависть, ревность, насмешки и проч. Она не дает возможности развернуться, ставит границу между собой и миром. Конечно, каждый может стать иудеем, но только на иудейских же условиях, то есть «давайте вы к нам, а не мы к вам».

Христианство решало эту проблему, проповедь истинного Бога должна была идти для всех народов. Но иудаизм ортодоксальный не принимает этого. Иудаизм видит в христианстве ересь, а в Христе — неудачливого претендента на роль Бога. Христианство считает иудаизм пройденным этапом, а ислам — шагом назад к ветхозаветному монотеизму еще не знающему о приходе Спасителя. Поэтому и у иудаизма, и у ислама уже нет шанса стать мировой религией — христианство на это никогда не пойдет. Для него оно само более ценно, а соперники — примитив, более низкая ступень, что бы они сами ни думали об этом.

Так же в случае с Православием, которое для католиков видится схизмой или ересью. Так же и для протестантов, которые видят и в католичестве, и в Православии слишком человеческие заблуждения. А представим теперь просвещенных атеистов или современных абсен-

теистов, которые во всех религиях видят рудимент средневековых и традиционных обществ!

Наш дух почти всегда касался нас самих. Он не был универсальным, он давал гарантию, что мы сами всегда победим, ЕСЛИ НА НАС НАПАДУТ, но не гарантировал ОТ САМИХ НАПАДЕНИЙ, более того, ПРОВОЦИРОВАЛ ИХ. Потому что в России видели то легкую добычу человеческих и природных ресурсов, то недоцивилизованных недочеловеков, то военную угрозу, то все вместе.

Ни одна страна в мире не пережила такое количество нашествий и нападений сколько Россия!

В XX веке Россия воевала 28 лет, (сюда я включаю и первую и вторую мировые войны, гражданскую войну, которая шла и с участием интервентов, и на их деньги и при их подстрекательстве, полноценные войны в Афганистане и Чечне, также разоженные «извне», японскую войну, но не включаю всякую мелочь типа Кореи, Испании, Вьетнама, помощь военных специалистов в Африке и на Ближнем Востоке).

В XIX веке Россия воевала 69 лет. Тут очень много мелких войн, зато они велись часто на два-три фронта одновременно. Например, с 1804 по 1813 годы Россия воевала и Турцией, и с Персией, и с Швецией, и с Наполеоном, притом что войны с Турцией, Персией и Швецией меркнут по сравнению с нашествием Наполеона, а по нынешним меркам рассматривались бы как серьезные геополитические сражения. Далее весь век шли кровопролитнейшие войны на Кавказе, в Средней Азии и т.д.

В XVIII веке Россия *не* воевала, дай Бог, лет 10—15 в совокупности. Войны идут по всему периметру: война со шведами, несколько раз война в Польше, с другими европейскими странами, несколько раз с Турцией, с Персией, даже с Китаем, а еще восстания Булавина, Пугачева, стрельцов, служилых людей, чеченцев...

В XVII веке Россия воевала 56 лет! Чаще всего в нескольких местах одновременно, причем речь шла о

спорных территориях на десятки тысяч квадратных километров. Это и Украина, и Юг, и Сибирь, и Дальний Восток.

В XVI веке Россия воевала 43 года.

С XIII по XV век Русь приняла более 160 нашествий, чуть ли не каждые полтора — два года!

И так дальше в глубь веков. Методики подсчета могут быть разными, но порядки останутся теми же. И надо заметить: регулярно, не менее чем раз в столетие, Россия подвергается опасности полного уничтожения либо долгосрочной потере суверенитета. В XX веке — это поход Гитлера, в XIX веке — поход Наполеона, веком ранее — поход Карла XII. Отступаем еще на век — польская интервенция, далее — походы крымских ханов, когда выжигались многие города и даже Москва, и погибли за все время сотни тысяч человек, десятая часть населения Руси на тот момент! XV век — стояние на Угре, XIV век — Куликовская битва, XIII век — Ледовое побоище.

Часто нам приходилось воевать не просто с завоевателями, а с теми, перед кем пали все силы Европы (как перед Гитлером, Наполеоном, Карлом), или все силы Азии, как перед монголами.

Ни одной страны мира с подобной военной историей нет. И наша страна не просто выжила, она еще и стала самой большой в мире!

Да по какому праву, в конце концов? Когда побеждают какие-нибудь гунны, викинги или монголы — это понятно, «пассионарный взрыв», он скоро пройдет и все это временно. Но Россия-то побеждает постоянно! Когда империи строят греки, римляне, англичане, арабы или американцы — это тоже понятно, они несут миру новую религию или новый мировой порядок или новые экономические отношения, право, культуру. Нет, тунгусам и корякам цивилизацию Россия тоже несла, но как Россия побеждала культурно и технически более развитых шведов, немцев, французов? Как? Вот что непонятно, прежде всего, самой Европе. Она ведь привыкла видеть

Россию в качестве своей границы, своего рода буфера, прокладки.

Именно так: Россия в представлении Европы не граница Азии с Европой, не страна между Европой и Азией, а именно принадлежащая Европе граница с не-европейским миром. Причем граница обширная. А что значит граница? Это значит, что, во-первых, мы несем цивилизаторскую миссию, то есть распространяем европейскую цивилизацию вовне, приобщаем к ней другие народы, расширяем ее ареал. Так же делала Македония, создав, по сути, эллинский мир. Во-вторых, мы играем роль фильтра (мембраны), который не допускает чужое влияние на Европу, а задерживает его все внутри себя. Если бы не Россия, закрывающая Европу от многих «сквозняков» с Востока, может, и Европы никакой бы уже не было.

По идее, Европа должна только и делать, что говорить России СПАСИБО, и не только за газ, а именно за то, что мы несем европейскую «культуру в массы» и охраняем Европу от всего чужого...

Но как бы не так! Именно благодаря нашей буферной роли Европа по-настоящему с чужим и не сталкивалась, и самое чужое, что она видела — так это сама Россия и есть!

Представьте, что Европа сама бы напрямую столкнулась, например, с чеченцами с их привычкой к разбойничьей жизни, с тейпово-мафиозными разборками, «крышами», фальшивыми авизо, торговлей наркотиками, работорговлей... Что было бы со старушкой Европой, какой бы вой поднялся! А сейчас они живут себе спокойно и представляют, что чеченцы — это такие милые робингуды, все сплошь «академики сахаровы», диссиденты, борцы за свободы и права, просто рафинированные европейцы, которых топчет азиатский русский сапог...

Европа живет под «стеклянным колпаком» и верит в сказки. Это страна стариков, которые впали в детство и ничего сложнее чем дважды два понять не могут. Русские

на улице плюются и бросают сигареты, значит они — мерзкие свиньи. Раз с этими свиньями кто-то борется, например чеченцы, значит чеченцы — культурные люди. Это же логично и элементарно!

Поскольку Россия защищала Европу от всего самого страшного, то ничего страшнее России Европа и не видела. В этой связи складывается вековое и совершенно иррациональное отношение к России — устойчиво негативное, лишь в короткие промежутки времени могущее быть позитивным (исключения подтверждают правило).

Я называю это отношение иррациональным, потому что оно не может быть изменено никакими фактами. Ну, например, Европа в 1813—1814 годах с ужасом ждала русских гусар, которые с медведями, пьяные придут вслед за бегущим Наполеоном, и, мародерствуя, сломают европейский уютный мирок. А в Париж вошли красавцы-офицеры со знанием нескольких европейских языков, в том числе французского.

В 1945-м Европа с ужасом ждала «красных полчищ», орков, которые растопчут своим мстительным сапогом все, что дорого европейскому сердцу. А пришли румяные парни, играющие на гармошках, угощающие всех кашей, да еще и делающие домашний ремонт тем, у кого временно квартировались. Один русский солдат вспоминает, как для разжигания костра отломил штакетину от немецкого забора — это было расценено как азиатское варварство. Немцы понятия не имели, как их солдаты сжигали дотла деревни, запирая в сараях женщин, стариков и детей. Только спустя 65 лет после того времени в Европе стали появляться клеветнические книжки о том, что русские в 1945-м занимались мародерством и насилием. Раньше писать такое было нельзя, были живы свидетели абсолютно корректного, гуманного поведения русских. В Трептов-парке в Берлине стоит не символический памятник советскому солдату с немецкой девочкой на руках, это памятник настоящему человеку, сибиряку сержанту Нико-

лаю Масалову, реально спасшему эту девочку, рискуя жизнью.

И что бы вы думали? Уже через пять лет вся Европа об этом забыла и легко поверила в абсурд, что страна вдов и инвалидов, с разрушенной экономикой, нуждающаяся в восстановлении жилого и промышленного фонда, собирается напасть на Европу, а, следовательно, срочно нужно создать «железный занавес». (Если кто запомнил, «железный занавес» по призыву Черчилля строили именно они, а не мы).

Абсурдность ситуации тем вопиюща, что Россия никогда за тысячи лет истории не вторгалась в Европу. Ситуации, когда наши отдельные части воевали на стороне одного, то другого европейского государства — это было. А так, чтобы пойти войной и все подряд покорять с целью завоевания «жизненного пространства» ни с того ни с сего... Нет, такого даже в мыслях ни у кого отродясь не бывало.

Зато Европа демонстрирует завидное постоянство в попытках, объединившись всем миром, свалить Россию. В Великой Отечественной войне и в первой мировой главная сила — Германия, в Крымскую войну заводилами были Англия и Франция, в 1812 году — наполеоновская Франция. Шведы — при Петре Великом, поляки — в Смутное время, и даже Мамай, как выяснилось, подбили на поход против Москвы базирующиеся в Крыму (где Мамай был наместником) итальянские купцы. Планировалось, что Мамай, став ханом, отделится от Орды, сядет вечно в Москве, станет основателем новой династии, уничтожит Православие, сам будет править центральной Россией, а западные области отдаст католикам. Так что и на Куликовом поле мы бились с Западом, а не с Востоком (на нашей стороне, кстати, были военные части законного ордынского хана). Шведы и немцы (опять-таки гонимые католиками) шли на нас в трудное время Александра Невского...

Короче, примеров, где нас пытались уничтожить как государство, а не просто повоевать, больше чем доста-

точно. И всегда выбирали самые тяжелые для нас времена. Мы тут бьемся с монголами, истекаем кровью, стоим на посту, охраняя дорогу в Европу, а «братья-европейцы» нам в спину ножи швыряют в виде ливонского ордена или Мамая, или Закаева.

Есть прогнозы, что скоро готовится опять нечто подобное, только с учетом новых технологий... Спустя века повторяется то же самое. Европа и так страдает от нашествия Азии, от турок, арабов, африканцев. Я был, например, в Брюсселе два раза с перерывом в шесть лет. В конце 1990-х это был обычный город. Сейчас я не встретил за полтора часа на улице (не считая центра) ни одного белого лица. Я не расист, просто дело в том, что приезжие местную историю не знают и не уважают, поскольку это не их история, а следовательно, плюют на нее, причем буквально. Брюссель загажен. Не хватало им еще и наших братьев с юга. И что, они нам спасибо говорят за то, от чего мы их ограждаем? Нет, они нас ругают за нарушение прав человека в Чечне!

История уже знает печальный пример убийства собственного часового: разорение крестоносцами Константинополя. Ведь Византия была не только культурным центром Восточной Европы, но и буфером между Европой и пассионарной Турцией. Когда Византия пала, европейцам пришлось общаться с турками напрямую, вести вековые кровопролитные войны собственными силами, и радости от этого не было никакой. На то, чтобы теперь уже Турцию сделать европейской, понадобилось несколько веков! До сих пор пожинаются плоды той победы над Константинополем. Некоторые европейские интеллектуалы называют тот штурм самой большой и трагической внешнеполитической и военной ошибкой Европы в истории. Но то интеллектуалы, а простые люди и политики готовы совершить подобную же ошибку с Россией, только гораздо более серьезного масштаба.

Если вместо России возникнет вторая Югославия, второе Косово или Босния-Герцеговина, Европу зато-

пят десятки миллионов эмигрантов, и тогда «старушке» конец. Европе нас надо холить и лелеять, беречь и охранять.

Вот США, те наоборот, всегда выигрывали войны на континенте! Вот столкнутся ненавистные русские с ненавистными арабами, убьют миллионов по 50 с каждой стороны, — и прекрасно, можно приходить и забирать природные ресурсы, да и проблема терроризма решится! Но вот зачем европейцам играть против себя в американские игры, разрушая русскую защиту? Европа до сих пор не обрела собственного голоса, она пляшет под дудку американских оккупантов.

Описанное выше отношение Европы к России — матрица, которую нельзя разрушить фактами. Европейцы и не желают признавать факты. И не только факты. Они не интересуются и нашей культурой. Любой русский сможет сходу назвать 5—10 великих представителей каждой европейской нации, но лишь образованный европеец назовет максимум троих великих представителей русской культуры.

Нашей политикой европейцы интересуются весьма своеобразно. Журналистом известной итальянской газеты в беседе со мной высказал желание вникнуть в то, что происходит в России с момента прихода к власти Путина. Через 20 минут я уже понял, что ничего понимать он не собирался, ему нужны сказки. Подобно детям, европейцы не любят слушать что-то новое, они любят, чтобы мамочка рассказывала одну и ту же сказку — про КГБ, про то, как тут все плохо, как всех зажимают и арестовывают, про отсутствие прав и свобод... Как мне объяснил один эмигрант, они, оказывается, так самоутверждаются!

Маленький ребенок в любой стране уверен: язык, на котором он говорит, — единственный в мире, его папа и мама — самые лучшие, а его страна — самая большая и прекрасная. Потом он, конечно, встречает иностранцев, слышит языки, но это не страшно, до тех пор, пока он не увидит глобус. Вот тут его ждет страшный удар, страшное

разочарование. Россия с ее территорией... Ведь дети наивно полагают, что самое лучшее и самое большое — это одно и то же. Глобус наносит страшный удар по нарциссизму. Можно сказать, в этот момент и рождается европеец, который всю жизнь лечит свою рану, свою душевную боль сладким бальзамом о том, что «лучше меньше — да лучше», «лучше быть цивилизованным, чем большим», но несет в себе подсознательную зависть и ненависть к России...

В России сложился целый институт сказочников, которые лечат душевную нарциссическую травму европейцев, начиная с Курбского, через Герцена, разночинцев, эмигрантов XX века целых трех волн, и кончая нынешними березовскими и гусинскими. Они выступают для Европы в роли психотерапевтов, называются «правозащитниками» и за неплохие гонорары от изданий и гранты от фондов регулярно снабжают европейских обывателей и интеллектуалов свежими порциями чернухи про то, как у нас в России медведи ходят по улицам.

Ну, это профессионалы. А есть просто любители. Вот журнал «Эксперт» несколько лет назад проводил опрос менеджеров: японцев, американцев, корейцев, шведов, работающих в России, мол, что они думают о русских. Те отмечали наши душевные и профессиональные качества, но все как один заявили: их удивляет, что «русские не любят свою страну». Видно, на корпоративных вечеринках стоны по поводу «этой страны» для того, чтобы понравиться иностранному начальству, — часть ритуала.

Я побывал в десятке европейских стран и у меня в запасе немало историй про Россию, рассказанных европейскими друзьями. Один меня спрашивал, как ему снять в Москве в предстоящей поездке «правильную проститутку», ведь в основном все представительницы древнейшей профессии — это, оказывается, сотрудницы КГБ... Другой утверждал, что все самолеты «Аэрофлота» — заразные... Откуда-то ведь они это взяли? А я догадываюсь откуда. Просто подвыпившая веселая

компания русских неплохо развлекалась, кошмаря развесившего уши гостя-европейца. В средние века рассказывали им про людей с песьими головами, обитающих в царстве пресвитера Иоанна, а теперь вот рассказывают, что в России каждый, перед тем как лечь спать, должен пожелать спокойной ночи товарищу майору прямо в розетку, иначе невежливо.

Самую замечательную историю я услышал в Бельгии от русского эмигранта, который лично знаком с парнем, главным героем этой печальной повести. В середине 1990-х юноша из Молдавии, еще с советским паспортом, решил подзаработать в Европе. Работал как раб (на цивилизованных европейцев, кстати), денег не получил, паспорт не отдали, «кинули»... Но отрок решил, что будет выживать на новом месте, в нищую «независимую Молдову» возвращаться не хотелось. Повкальывая чернорабочим, он скопил сумму, пришел к адвокатам, которые занимались получением вида на жительство. Политического беженца из него сделать было нельзя, так как нет следов диссидентской деятельности, а вот «пострадавшего по религиозным убеждениям» — запросто, благо чернявый... Из проволоки выгнули серп и молот, накалили в огне и прижгли парню ягодицы. Пока они заживали, чтобы принять вид давности, юноша учил основы еврейской культуры и бытовые фразы идиша. Через полгода у него уже был бессрочный вид на жительство. Рассказ, как «русские пытали его за то, что он еврей», с демонстрацией ягодиц в клеймах, имел успех. Сейчас эта «жертва холокоста» промышляет в курортный сезон на пляжах Остенде тем, что обслуживает стареющих, ищущих приключений дам. В самый пикантный момент старушки замечают шрамы и потом слышат душераздирающую историю о русском варварстве. Пожилые женские сердца тают, и плата за услуги возрастает. А ведь он уже рассказал свою историю сотням, а те — еще тысячам...

Россия всегда внушала ужас и трепет. Можно говорить о том, что русофобия возникает только как инструмент холодной войны, как искусственное порождение то

иезуитских, то польских, то английских, то немецких, то американских «спецслужб». И это будет правильно, и об этом написаны целые тома. Но! В русофобии есть и наша «вина», есть «объективные основания». Они такие же, как объективные основания антисемитизма: живучесть, некая военная непобедимость при наличии (с западной точки зрения) цивилизационной отсталости. По всем законам русские, как более примитивные, как менее приспособленные в естественном отборе, должны были бы исчезнуть или раствориться, а они побеждают более «высокое». Низкое не может побеждать высокое, а раз побеждает, значит оно выше. Но эта высота не продемонстрирована! Духовного лидерства Россия не несет!

Существует популярная точка зрения, что в войнах всегда побеждают примитивные, а культурные, наоборот, проигрывают. Но это не так. Например, и германцы, и гунны считали себя выше Рима, монголы видели себя выше русских. И реально они были выше, потому что Рим и Русь соответствующих времен морально разложились и впали в раздробленность. И сейчас мусульмане — это не «новые примитивные варвары», идущие против «цивилизованных США и Европы». Не стоит белым льстить себе. Цивилизация США и Европы построена не теми, кто сейчас живет в них. Она построена поколениями великих и сильных духом предшественников, против которых ни у каких мусульман и китайцев не было даже мысли воевать. Сталкиваясь же с нынешним европейцем или американцем, исламисты видят примитивную старую жвачную корову, которая, естественно, недостойна владеть ничем даже из того, что имеет сама, не говоря уж обо всем мире. Запад просто не хочет признать, что потерял всякое духовное лидерство, потерял важнейшую предпосылку суверенитета.

Но если Запад духовное лидерство потерял, то Россия его никогда, по мнению всего мира, и не имела (можно говорить разве что о кратком промежутке после Второй мировой войны, когда взгляды «мировой прогрессивной общественности» обратились к СССР, но ненадолго), по

крайней мере, длительный период истории. Суверенитет России всегда держался на ее оружии и только на нем. «У России нет иных друзей, кроме ее армии и флота», — сказал как-то государь Александр III, и он был совершенно прав.

Наш дух не считался ценностью у соседей, а считался ценностью только у нас. И даже у нас (вспомним уваровское о Пушкине: «Писать стишки не есть великое поприще!») полководец ценился много выше поэта и философа.

Но, как прекрасно сказал Н. Гараджа: «Невозможно построить Россию в отдельно взятой стране!». Это значит, что «Россия» должна быть построена в голове у каждого человека в мире. Именно построена, а не сложена стихийно, и построена именно нами, а не врагами. Нужно чтобы каждый немец, каждый американец, еврей, француз, испанец, китаец, индус, каждый негр престарелых лет, индеец, чукча и чеченец имел в голове построенный нами позитивный образ России, который был бы для него ценностью, с которой не только нельзя бороться, но которую нужно ЗАЩИЩАТЬ в случае, если найдется такой, кто эту ценность не разделяет!

Как и везде, реально наша независимость основывалась на духе, так как без духа вообще никакой суверенитет невозможен, без духа мы бы проиграли войну первому встречному или бы сами по собственной инициативе уже влились в какую-нибудь иную цивилизацию. Как бы ни были велики наши военные победы, суверенитет, который держится силой оружия, — недостаточен и является только предпосылкой или проявлением подлинного духовного суверенитета.

Причина русофобии в том, что Россия господствует, говоря словами Грамши, «без гегемонии», «без согласия», господствует без соблазна.

А господство без соблазна невозможно. Значит, мы не все знаем, причина господства скрыта где-то глубоко, в том числе и от нас самих. *Примечательно, что каждый раз после военной победы над Западом Россия как*

бы расслаблялась, запутывалась и проигрывала духовную борьбу, что оборачивалось неисчислимыми бедами для нее.

Был, правда, период, когда императоры опомнились от просвещенческого масонского дурмана (что было в моде и в порядке вещей при дворе Елизаветы, Екатерины, Павла, Александра) и стали уделять внимание «Православию и народности». Вспомнили про священный Царьград, когда часть элиты России (православные святители, религиозные публицисты, консервативно настроенные писатели, философы-славянофилы) начала робкие попытки поиска собственных духовных оснований. Но делалось это уже в западных формах и терминах, то есть заведомо бесперспективно. Все это уже заранее на Западе, а значит, и нашими западниками, было маркировано и заклеено как ре-акция, средневековое мракобесие, консервирование прогресса и проч. А сами «славянофилы» и «консерваторы» согласились с этими кличками, правда, поменяв оценки на противоположные. Раз опираясь на старину мы побеждаем, значит, она хороша, раз все, что несет прогресс — ведет к проигрышу, значит, история катится в ад. Если человечество летит в пропасть, то самое разумное — тормозить.

Возникла теория «подмораживания прогресса» и «удерживания» мира от падения в ад. Но это «подмораживание», как и подтвердила дальнейшая история, оказалось невозможным. И все концепции, придуманные так называемыми русскими философами, не получили мирового признания. Более того, если русские философы ставят сознательную цель — мешать прогрессу, то это только новый повод утвердиться в русофобии.

Так что же делать? Неужели все безнадежно? Неужели Европу не убедить, что мы не дикие варвары? А может, поднапрячься, может перестать плевать на улицах, научиться улыбаться в магазинах? Всего лишь немного дрессировки, и мы сможем... Или уступить в вопросе с Кавказом, с таможенными пошлинами? Вдруг они пой-

мут, что мы добрые и не хотим зла. У России еще есть, чем жертвовать, не все еще разбазарили...

На самом деле давно пора понять: пока мы смотрим на них снизу вверх, они будут смотреть на нас сверху вниз, пока мы отступаем, они будут наступать. Пока мы ищем одобрения и заискиваем, они будут презирать, пока мы будем тешить их байками о нашей неполноценности — они будут их слушать и верить. Пока мы не научимся себя уважать, они нас уважать не будут. Ни за какую работу для Европы, ни за какие уступки мы никогда не будем иметь благодарности. Нас ценили в те редкие моменты истории, когда мы действительно вырывались в авангард европейских и мировых процессов, когда выигрывали войны против ненавистных им же лидеров, когда полетели в космос, когда полвека были королями шахмат, когда опередили всех в физике и математике, в атомной промышленности.

Мы должны готовиться к информационным и гуманитарным войнам, ибо война в своей сущности — гуманитарная. Для чего вообще во все времена затевалась война? Чтобы уничтожить силы соперника? Нет. Его лучше обратить в раба и поставить себе на службу, если такое возможно. А не склоняется, — то голову с непокорной волей и мыслью о превосходстве, надо снести мечом. Но будь у полководцев способы менять волю и сознание, не было бы смысла рубить головы!

И военные кампании, и жестокие казни — лишь косвенный способ воздействия на сознание и способ сломить волю. Зачем сейчас такие сложности, когда есть СМИ и интернет? Когда мы можем непосредственно наносить информационные удары? И кто нам мешает воевать и иметь бюджет на гуманитарные войны, сопоставимый с военным? Кто мешает мобилизовывать в информационную армию и «информационные войска» миллионы молодых людей, чья служба бы состояла в том, чтобы в сети создавать сайты на разных языках, переводить для них материалы по истории России и истории этих стран? Кто мешает доносить нашу точку зрения о политических про-

цессах в мире, вести споры на форумах, в блогах и чатах и таким образом заражать информационными вирусами мировое массовое сознание? В таких «информационных войсках» служили бы миллионы наших молодых людей, никто бы не «косил» от армии. И эта армия точно была бы обречена на победу!

Русофобия ведь чрезвычайно уязвима, не выдерживает натиска первых же ударов, поскольку держится на тотальном невежестве. Так, например, один поляк полчаса растерянно хлопал глазами, когда ему поведали о том, что почти все кавказские народы были включены в Россию против желания русских властей, после многочисленных просьб на протяжении иногда столетий, и что Россия за все время «колониализма» ничего не имела от этих территорий, а только инвестировала в них, чуть ли не платила им дань. То же самое касается Сибири, Дальнего Востока...

Что оказывается, Россия — это анти-империя, так как империи высасывают все из колоний, а Россия, наоборот, высасывала себя ради развития «колоний».

То, что большинство американских школьников не умеет после пятого класса грамотно писать — не только и не столько проблема Америки, сколько наша проблема. Эти школьники потом будут служить в армии США, и у них не дрогнет рука запустить «Томагавки» по городам Золотого Кольца, по Кремлю, по Байкалу.. Для них — это цели на карте, а не культурные ценности. В Ираке они уничтожили памятники древнего Вавилона и даже не поняли, что сделали. Если бы Дантес, знал, КТО такой Пушкин, то и дуэли бы, возможно, не было. Но «он не мог понять, в тот миг кровавый, НА ЧТО он руку поднимал». То, что молодежь США не знает свою историю, для нас — позитивный шанс. Может быть, они нашу историю узнают и будут ценить больше, просто из тяги к экзотике. В 1968 году молодежь уже готова была променять все блага Запада на рассказы индийских гуру. Сегодня ситуация еще более благоприятная, но нам надо ею пользоваться. Надо рассылать бесплатно фотографии

наших древних городов, картины русских художников, популяризировать нашу музыку, наш образ жизни. Даже русский мат можно сделать популярным у молодежи во всем мире.

Кто-то из постмодернистов сказал: «Чужой есть тот, чью историю я не знаю». Пусть эта фраза неглубока и груба, но даже на этом уровне ясно, что нашей истории никто не знает, и мы — чужие для них. Почему во всем мире издают «Трех мушкетеров» Дюма и «Остров сокровищ» Стивенсона, которые пропагандируют славные поп-истории своих стран, а мы, с нашими силами, не можем завалить их книжный и кинорынок пусть даже третьесортными рассказами о нашей истории? Почему французские консульства раздают гранты по всему миру, чтобы творения французских интеллектуалов (даже второсортных) переводились и издавались во всех странах, а мы с нашими огромными возможностями и стабилизационными фондами не делаем этого?

Сейчас в Японии «русский бум»: «Братья Карамазовы» Достоевского проданы тиражом 1 миллион экземпляров! Это значит, если бы мы еще сами это продвигали, мы бы весь мир влюбили в себя и гуманитарно ушатали! Но мы ничего не делаем для этого...

Почему они продвигают свою моду, свой дизайн, культуру, а мы производим ракеты и «калашниковых»? Почему они ставят на соблазн, а мы на силу? «Слабых бьют!» — сказал президент после Беслана. Но это неверный урок. За просто слабых чаще заступаются! Бьют же не слабых, а подлых или трусливых, тупоупрямых или задиристых, злых или опасных, противопоставляющих себя всем, безосновательно амбициозных и проч. Но не просто слабых.

Как же мы хотим, чтобы не было русофобии, чтобы нас любили или уважали, если ничего не делаем для любви, уважения и соблазна, а только качаем мускулы и играем желваками? Население бывших республик СССР, где живут самые воинствующие русофобы, сопоставимо по населению с населением российских регионов и обла-

стей. На выборах губернаторов в этих регионах тратилось от 5 до 50 миллионов долларов (в зависимости от региона и силы конфликта). На этих выборах тотально манипулировали мозгами миллионов и внедряли им в головы все, что угодно.

Сейчас выборы губернаторов отменили. Без работы болтается огромное количество «офицеров» «информационных войск». Почему нельзя сэкономленные деньги, высвободившиеся силы бросить на СНГ? Да для какой-нибудь Молдавии эти миллионы, правильно вброшенные, — просто потоп. Там можно на эти деньги всех демократов за полгода сделать коммунистами, потом обратно демократами и еще не один раз это провернуть. Можно добиться, чтобы они объявили войну Румынии и сами добровольно присоединились к Приднестровью. Без шуток. Методы есть, и опыт есть работы на очень тонком уровне. Бизнесмен Успаских в Литве на 3 миллиона долларов избрал почти половину местного парламента. А если бы мы нашли не 3, а 30 миллионов? Никакая Америка бы ничего не сделала, у нее по всему миру забот хватает, а у нас таких проблем как Молдавия или Прибалтика — раз-два и обчелся. Всего-то надо несколько стран обработать! Для начала. А там можно и Европу гуманитарно покорять, и остальной мир.

Да, в России нет позитивной оценки логоса. Уже в детстве, если ребенок сочиняет красивую отмазку по поводу своего не очень хорошего поступка, его не слушают, а разоблачают. И он перестает совершенствоваться, просто оставляет неудачные попытки. Повзрослев, он «не верит», что словами можно чего-то добиться. Из таких не верящих в волшебные чары слова и состояла всегда наша власть. Мы должны поощрять иной подход.

Когда я учился на философском факультете, у нас ходила старая история. Двоечнику на экзамене попался билет с вопросом «Учение Ж.-Ж. Руссо о человеке». Отличник, уходящий отвечать, успел бросить двоечнику подсказку: «По Руссо, человек по природе добр». Двоечник плохо расслышал тезис, но схватился за соломинку

и через 20 минут подошел к экзаменатору. Полчаса рассказывал что-де долго шла человеческая мысль к учению Дарвина о том, что человек произошел от обезьяны. До этого разные мыслители предлагали других животных в качестве прародителей. Руссо, например, считал, что человек произошел от бобра. А что? Как и бобр, человек строит плотины, живет стаями и проч. Целую концепцию этот двоечник выстроил! И получил пятерку! За находчивость и творчество! А мог бы схлопотать двойку за то что «бобр» перепутал с «добр». Такой случай исключение, а надо, чтобы он стал правилом. Нам нужны люди, которые заболтают кого угодно и соблазнят всех.

Европа живет только потому, что рассказывает сказки, как Шахерезада. Реально, если бы не гуманитарное лидерство Европы и не соблазн, ее бы давно никто уже не пощадил: завоевали бы и уничтожили. Имелась масса сил, которые могли это сделать, но не делали, так как были гуманитарно покорены.

Я не противопоставляю радикально силу и соблазн, ведь сила сама может соблазнять. Именно на порнографический эффект голый силы сознательно ставили фашисты. Фашизм и сейчас продолжает соблазнять юные женоподобные души эстетикой силы. Прыщавые юнцы и стареющие депутаты-националисты смотрят на гитлеровские парады глазами самки — Ленни Риффеншталь. В моде на фашизм, парады, символику, бритые затылки, порядок, голую силу есть нечто откровенно бабье. А коль скоро этому подвержены мужчины, то глубоко гомосексуальное. Не случайно Платон, который преклонялся перед порядком и военщиной и предлагал изгнать поэтов из своего идеального «Государства», был педерастом.

Но фашизм плохо кончил. И это понятно. Никакая порнография и соблазн чистой силы не справятся с соблазнительной силой языка, силой историй, семейных саг, историй любви, со спокойной силой классической нравственности и романтической силой намеков и теней. Любовь сильнее страха. Чтобы перестать быть страшной, а стать любимой, Россия должна рассказывать истории!

ГУМАНИТАРНЫЙ «МАНХЭТТЕНСКИЙ ПРОЕКТ»

В многочисленной научной и публицистической литературе, посвященной цивилизационной специфике России, можно выделить шесть основных позиций:

1. **Россия — не Европа**, то есть Россия — страна с другим менталитетом, другими традициями и т.п. Их можно назвать азиатскими, а можно чем-то средним между Европой и Азией, или вообще сказать: Россия — нечто уникальное. Этой точки зрения придерживается большое количество ученых, пишущих на эту тему: славянофилов, евразийцев и либералов-изоляционистов.

2. **Россия — анти-Европа**. Это более жесткий вариант первой позиции. Он утверждает, что Россия сама всегда (со времен принятия восточного христианства) тяготела более к Востоку, чем к Западу, Запад не любила и старалась все делать в пику ему. Все войны, кроме татарского нашествия, шли на Россию с Запада. Россия стремилась всегда реализовать у себя все западные «концепции иного», чтобы все больше отделять себя от Европы. С другой стороны, и для Европы Россия была всегда источником опасности или угроз, «русским медведем» или «жандармом», чем-то иным. Этой позиции придерживались также некоторые из славянофилов, а сейчас придерживается ряд исследователей самых различных ориентаций: от Б. Гройса до З. Бжезинского и многие другие, практически все «антисоветчики» и «русофобы».

3. **Россия — квинтэссенция Европы**. Это означает, что Россия — больше Европа, чем сама Европа. Тут доводятся до предела все европейские противоречия, проблемы и достижения. Родоначальником такой позиции был А. С. Пушкин, отмечавший, что Петербург — не просто европейский город, а утрированно-европейский, тут эстетика европейского классицизма и его нравы доведены до абсурда. Этого же мнения придерживался и Достоевский, глядя уже на «буржуазный Петербург». В каком-то смысле о том же говорил Ленин в «Импе-

риализме как высшей стадии капитализма». Он считал, что Россия — слабое звено в капиталистическом порядке, именно здесь должна произойти революция, потому что капитализм тут развит до предела. Сейчас эта теория очень популярна, хотя есть коммунисты, утверждающие, что именно Россия сегодня должна решать проблемы, которые не мог решить Запад, что на Западе эти проблемы завуалированы, а у нас обнажены.

4. Россия — сверх-Европа. Это утрирование предыдущей позиции путем суждения, что Россия не просто обнажает проблемы Европы, но и решает их. Таким образом, оказывается, что Россия — это будущее Европы, а Европа и вообще Запад — вчерашний день России. Подобное воззрение было особенно популярно в начале XX века и прожило вплоть до 1970-х годов. Впрочем, с известными оговорками и иезуитской аргументацией, она встречается и сейчас.

Интеллектуалы на Западе в конце XIX века считали Россию страной более перспективной, чем Европа, так как Россия (ее интеллектуальная среда) достигла больших, чем Европа, успехов в женской эмансипации, в рабочем движении, в освобождении от национальных комплексов, в искусстве (авангард) и в прочих сферах. С этим соглашалась вся «левая» интеллигенция, вся «творческая интеллигенция» на Западе.

Но это же происходило и в России, особенно после революции, когда не только интеллектуальная среда стала считаться авангардом, но и сам государственный строй. Так считали в годы «успехов социалистического строительства», создания ядерного оружия и особенно когда Россия первая вышла в космос. Правда, в 1970-е годы симпатии к России ослабли, а вновь усилились на короткий срок в эпоху Горбачева, когда интеллектуалы заявили, что Россия опять впереди всех (хотя бы в идейном плане), ведь именно она первая предложила «новое мышление».

5. Россия — недо-Европа. Позиция, обратная предшествующей. Ее родоначальники — западники, видевшие в

Европе будущее России и образец для подражания. Наследниками позиции были все критики существующих российских порядков, диссиденты и т.п. Россия все время отстает от Запада и использует «догоняющую модель развития». На официальный уровень эта позиция продвигалась усилиями Сперанского, затем Витте и Столыпина, а сейчас ее во многом придерживаются так называемые «демократы» как в руководстве, так и в народе. Считается, что Запад почти по всем показателям далеко впереди России, и опять надо ставить задачу хотя бы «догнать» его. Имена публицистов из «демократического лагеря», высказывающихся и пишущих в подобном духе, просто невозможно перечислить.

6. И, наконец, последняя позиция. **Россия — это Европа.** Тот, кто в этом сомневается, говорят защитники этой точки зрения, пусть еще раз вспомнит про китайские иероглифы, японскую кухню, индийские религии, арабские обычаи... У нас с Европой похожи и языки, и религия, и искусство, и философия, и наука, и даже кухня. Да не просто похожи, а формировались в одном ареале, через взаимный культурный обмен в течение тысячелетий (исключения только подтверждают правило: да, у нас третья национальность по количеству в России — татары, они — мусульмане, но так и в Европе теперь есть Турция, Албания и проч.).

Кто-то скажет, что при всем при том Россия все же не похожа на Европу. А что понимается под Европой и похожа ли она на себя? Неужели между Грецией и Англией различий меньше, чем между Грецией и Россией? Или между Польшей и Испанией? Или между Швецией и Италией? Или между Германией и Турцией? Или между Болгарией и Португалией? Все европейские страны — специфичны, и Россия тоже. С кем-то у нас общая религия, с кем-то родственны язык, с кем-то культурные или экономические связи... Одним словом, всякие фанатики, настаивающие на огромной специфике России в сравнении с Европой, просто по миру мало ездили...

Очевидно, что все представленные позиции в их различных вариантах и интерпретациях так или иначе содержат долю истины. Каждая достаточно обоснованна, и невозможно выделить ту, которая была бы синтезирующей все остальные, или явно господствующей, или более глубокой. Если посмотреть на российскую историю, то каждая из позиций отражает воззрения различных групп или воззрения того или иного времени. И это время давало повод для таких размышлений. Ведь их правомерность подтверждалась не только нашими внутрироссийскими теориями, но и интеллектуалами всего мира. Если после революции Россия действительно виделась культурным авангардом, то ведь и до сих пор картины Малевича стоят баснословных денег. Если после победы над Германией, получения ядерного оружия, строительства первой атомной электростанции и атомного ледокола, запуска первого спутника и первого человека в космос во всем мире «быть интеллектуалом» в то же время означало «быть «левым» (то есть ориентироваться на Россию и СССР) — этот факт тоже не отменишь. Короче говоря, все вышеперечисленные позиции — не плод теоретической интерпретации некой неуловимой реальности, а отражение действительных процессов и культурно-исторических позиций России во времени или в сознании определенных классов.

Вторая особенность всех перечисленных теорий, и она буквально лезет в глаза, связана с тем, что все позиции так или иначе замкнуты на Европу. Даже позиция, поставленная первой, которая вроде никак динамически не цепляется к Европе, а просто формально-логически отделена от нее и, казалось бы, может быть описана без привлечения Европы, на самом деле не обходится без нее. Достаточно прочитать труды как прошлых, так и современных славянофилов и евразийцев, чтобы увидеть: большая часть их размышлений посвящена бичеванию Европы и попыткам размежевать ее с Россией. *Даже всем известное разделение на «славянофилов» и «за-*

падников», все же было именно таким разделением, а не делением, скажем, на «славянофилов» и «восточников». Европа — это зеркало России. Через Европу Россия самоидентифицируется.

Принимая во внимание два этих замечания, можно описать позицию России как страны, «танцующей» вокруг Европы. Подобно тому, как Македония танцевала вокруг Греции: то с ней, то под ней, то в ней, то над ней, то за ней, то перед ней, то против нее.

Собственно, если предположить, что Россия — это окраина Европы (Украина Европы), то сразу и наш менталитет оказывается «украинским», наше поведение по отношению к Европе — копирует (а может, они копируют) поведение украинцев по отношению к нам.

Как-то один украинский интеллектуал (ничего смешного!) поставил вопрос (естественно, копируя вопрос, поставленный Соловьевым о России): «Что думает Бог об Украине?». Подумав, я ответил: «Ничего, потому что мышление Бога очень отличается от мышления господ Кучмы и Ющенко, ведь только в воспаленном воображении этих людей и их последователей существует Украина как отдельная самостоятельная сущность. Бог же прекрасно знает то, что знает любой честный украинский историк: Украина — это выдумка, химера, смысл существования Украины состоит в противопоставлении себя России, поэтому без России она невозможна. Следовательно, ключ к судьбе и исторической миссии Украины надо искать в судьбе и миссии России».

Но ведь то же верно и в отношении России и Европы. Большой Европы. Хотя мы часто противопоставляем себя Европе (в узком смысле — как католической и протестантской), все равно не можем без нее. Мы брали в Европе христианство и противопоставляли себя Европе как более истинные христиане. Мы брали в Европе Маркса и становились большими марксистами, чем Маркс. Мы взяли в Европе демократию и показали такие чудеса демократизма, что до сих пор очухаться не можем. *В самодостаточном смысле понятия «русской*

культуры» не существует. Это понятие имеет такой же смысл как «итальянская культура», «французская» и проч. (то есть указание специфического отличия, тогда как само понятие культуры уже с головой выдает принадлежность к Европе!!!).

Что же означает признание общей судьбы для России и для Европы? В первую очередь — наличие единой культурной миссии (а уж затем экономическое, политическое, научно-техническое, военно-космическое и прочие соотрудничества, для которых много предпосылок).

Тогда вопрос: а какова миссия Европы? Не только русские философы вот уже не одно столетие ищут противоположную Европе «русскую идею» (правда, не осознавая, что сам поиск, равно как и слово «идея», с головой утягивает их в европейскую философию), но и в обыденном сознании россиянин (не только русский) не воспринимает себя как культуртрегера, как носителя европейской культуры и европейской миссии, как цивилизатора в окружении варваров. Он не культивирует в себе это чувство и соответствующую идеологию. А ведь настоящий европеец обязан, перефразируя Станиславского, «любоваться не собой в Европе, а Европой в себе».

Мы замечаем гипертрофированное чванство у поляков, прибалтов, чехов. Где бы ни находились они: дома, в Париже, а тем более в России, эти люди всегда сосредоточены на несении миссии, на несении гордого звания Европейца. Их легко понять: маленькие народы желают быть частью чего-то большего. Русские — народ большой и не испытывает подобных комплексов. Но это не значит, что он не европейский, потому что культуртрегерство отнюдь не единственная миссия европейца. Да, быть европейцем вообще значит сознательно культивировать в себе культуру, причем это может быть и чисто русская культура. (Так, все славянофилы, культурные, образованные, знающие историю и языки, в гораздо большей степени европейцы, нежели плохо говорящий даже по-русски невежественный, невоспитанный и бестактный западник Белинский).

Однако надо отдавать себе отчет: Европа — это не только и не столько «культура» (это неокантианская, поверхностная, хотя и распространенная интерпретация ее миссии), сколько воля-к-власти с ее постоянной переоценкой ценностей (эту миссию в Европе видел Ницше), Европа — это абсолютная идея свободы и духа (эту миссию в Европе видел Гегель), Европа — это глобальное, планетарное господство науки и техники (эту миссию в Европе видел Хайдеггер).

Вызывают смех разлагольствования наших ученых о «самостийности России» и попытки привести этому научные доказательства. Уже их научное бытие находится в кричащем противоречии с целями. Наука — не «общечеловеческая ценность», а сугубо европейская. Точнее так: думать, что наука есть общечеловеческая ценность — сугубо европейский подход. Однако эта последняя миссия Европы уже реализовывалась нами! Может быть наскоро, может быть по-ученически рьяно, но весь XX век русские показывали чудеса науки и техники!

Так в чем же сегодня миссия Европы, чтобы мы могли, по старой привычке, взять ее и реализовать на всю катушку, со всей дури так, чтобы Европа сама себя в нас не узнала? За что схватиться?

А все дело в том, что Европа сама бездомна! *Европа сама больше не несет никакой миссии!* Куцые попытки объединиться в Евросоюз, все эти до боли напоминающие XIX век завывания про европейские права и свободы, все это «культивирование культуры» в духе начала XX века... Все это повторение пройденного, подражание себе.

А вот Россия УЖЕ реализовала миссию Европы, которую та в последний раз себе ставила. Больше реализовывать нечего. Вся Европа — это СССР периода застоя, и ей еще предстоит наши перестройка, хаос и мрак запустения. Можно, конечно, подождать Европу на этом пути, а можно, коль мы уж оказались в авангарде истории, экспериментировать и творить историю, чтобы Европа на-

чала подражать нам. Не сейчас, а когда ей понадобится, через десяток — другой лет.

У России появляется шанс получить европейское и мировое признание! Она должна стать лидером Европы, предложив новую миссию Европы. Вот за что Европа будет ей благодарна! Не заниматься поисками «русских идей», которые невозможны в силу самопротиворечия, а всерьез предложить миссию Европы. Требуй невозможного — получишь максимум! Ставь надцель — и добьешься цели!

Такая задача по плечу только философам и поэтам и, если серьезно, в этом исконное призвание философов. Не идеологов, которые придумывают идеологии, а философов, что в феноменологическом опыте дают новую интерпретацию бытия, новую «онтологию». Пожалуй, нынешнее положение России, когда она поставлена на грани бытия и ей нечего больше терять и не спастись, подражая себе прошлой или кому-то со стороны, способствует тому, что ей ничего не остается сделать, как решиться на этот шаг.

До тех пор, пока мы считаемся и являемся окраиной Европы, отношение к нам будет как к окраине. *Лучший способ добиться признания Европы — сделать так, чтобы Россия сама стала центром Европы, а Европа — окраиной России.*

Как никогда актуальны слова Чаадаева из «Философических писем» о том, что Россия так до сих пор ничего и не предложила миру. Как никогда актуальны затасканные строчки Тютчева о том, что «в Россию можно только верить». На самом деле военные победы — только НАМЕК на что-то большее. Огромная территория, тысячелетнее выживание в северных условиях, где другие народы не живут, с учетом невиданного военного и культурного прессинга — это все исторический аванс, кредит. Россия есть не действительность, а возможность, то, во что можно только верить, как в некое многообещающее будущее.

Если кто-то думает, что наша миссия — несение стандартной демократии так называемым «нецивилизован-

ным» народам из Европы в Азию, попутно защищая Европу от варварства, то в этой неблагодарной и неблагодарной роли «прокладки» нас легко заменить кем угодно, и это не делает Россию необходимой.

Если кто-то считает, что наша функция — обеспечивать цивилизованные страны нефтью, газом, лесом и прочим сырьем и для этого достаточно несколько миллионов обслуживающего персонала, то я вообще не понимаю, чем такое положение «рабов цивилизации» отличается от того, что хотел Гитлер. И зачем мы его побуждали, если сейчас реализуем его планы?

Миссия России иная, и нам всем предстоит ее создать (а не воспринимать ту, которую навязывают), потом осознать и взять на себя.

Разговоры о том, что, дескать, никаких миссий быть не должно, мы существуем только в силу того, что существуем и этого достаточно — от недомыслия. Тут как в школьном учебнике по философии: что первично — материя или сознание? Если ты материалист и социал-дарвинист, то видишь смысл истории только в борьбе за существование народов. Вся история для тебя — толкучка локтями, кто оказался сильнее и наглей, кто выжил, тот и прав. Ты готов ради выживания убить другого? Будь готов, что и другой убьет тебя! Но если ставишь на витальные инстинкты, то будешь убит неминуемо, так же как звери бывают убиваемы человеком, несмотря на острые зубы и когти. Просто потому, что человек ставит на дух и выигрывает. Вот и в борьбе за существование ставка должна делаться на дух. В истории выигрывает тот, кто ведет всех за собой, духовно превосходит всех.

Нам нужен гуманитарный «манхэттенский проект»!

Как получается, что та или иная страна становится центром интеллектуальной моды? Есть традиция, завоеванная веками (как у Франции или Германии), есть перекачка мозгов (как у США). Очень часто качество мышления не играет роли. Века ты работаешь на имя, потом имя века работает на тебя.

Бунюэль говорил, что он лично знает десяток испаноязычных писателей, которые лучше, чем Стейнбек во всех отношениях (его вкусу можно доверять). Ну и что? Кто их узнает в их испанском, уругвайском, аргентинском, мексиканском захолустье? Так и у нас сейчас. В России есть минимум десяток мыслителей мирового уровня, но в мировой интеллектуальной элите даже не возникнет мысли прочесть или процитировать русских, а у издателей — перевести. Да что могут сделать эти нецивилизованные русские, бывшие марксисты и проч.?

Но при определенной раскрутке, то есть создании школы, переводе на языки, издании, распространении... мы резко впишемся в мировую гуманитарную тусовку. Интеллектуальная элита просто рот разинет, и это может стать сенсацией.

В отличие от рынка хай-тека или рынка мяса, рынок философский имеет малую капиталоемкость (три миллиона долларов, и можно на весь мир раскрутить даже лошадиный круп).

Какова же ситуация в мировой философии? Она чрезвычайно благоприятна.

Умерли корифеи постмодерна (Барт, Фуко, Лакан, Делез, Деррида, Рикер, Бодрийар). Наследников не осталось, только эпигоны.

Сейчас на весь мир пишут французские интеллектуалы типа М. Сюрера и Глюксмана. Но Сюрера — просто пижонистый юноша, а если во Франции Глюксман считается интеллектуалом, то мне стыдно за Францию и легко понять до чего страна докатилась! По сути кроме Вирильо и Нанси (ну может, еще Лаку-Лабара, Бурдые и Бадью) французам некого предьявить, а эти доживают свой век.

В США на сотый раз «заваривают чай» витгенштейнианства и философии языка. Был там раскрученный философ уровня «ясельной группы» — Рорти, и тот помер.

В Германии еще с войны разброд и шатания, они завязли в кибернетике и социологии. Хабермас — философское лицо Германии, как когда-то создал одну «тео-

рию коммуникативного разума», так с тех пор и отправил мозг на пенсию. В России по меньшей мере пяток людей во всех отношениях интересней Хабермаса. Да, есть еще Слотердайк, но этого мало для страны, которая раньше давала Канта, Шеллинга, Гегеля, Ницше и Хайдеггера.

Даже Славой Жижек или Хомский — наиболее популярные интеллектуалы на планете — просто публицисты и эпигоны.

Но главное в другом! Мир ждет новой философской моды! **Все ждут нового «ИЗМа»!**

Постмодернизм явно отходит в прошлое, что вместо него? Какой — новый «ИЗМ»? Вот это и есть великий шанс России, который будет преступлением упустить!

Если мы захватим этот рынок, раскрутим некий новый «изм», то мы станем самой модной страной: сначала в интеллектуальной элите, а потом и во всех слоях!

Задача в том, чтобы перестать вздыхать о судьбе России (это никому не интересно) а начать ставить «общечеловеческие вопросы», найти такие слова, которые могут объединить и Бен Ладена, и Буша, и китайского крестьянина, и немецкого бюргера, и наркобарона из Колумбии, и русского военного, и банкира с Уолл-стрит, и негра престарелых лет из Африки...

Кто-то скажет, что это невозможно, но еще 20 лет назад (хорошо или плохо это кончилось — отдельный вопрос) своим «новым мышлением» весь мир покорила Горбачев. Он сказал, что «все мы в одной лодке, мир может быть уничтожен ядерными арсеналами несколько раз и это может случиться в любой момент благодаря случайности». Он предложил отбросить нацеленное друг на друга оружие и сделал это первым. Раз кто-то должен принести жертву, чтобы спасти мир, то пусть это будет Россия. Мир оценил это, но ненадолго.

России необходим своего рода новый гуманитарный «манхэттенский проект». Как в свое время в США для создания оружия массового поражения были собраны лучшие физики, так и нам необходимо собрать все лучшие гуманитарные силы.

Реализовать проект не просто, а очень просто:

1. Собирается сотня самых наших головастых ребят, философов. Им выдаются гранты на три месяца 10—15 тысяч долларов каждому. Это железно позволяет философам с их уровнем доходов жить, не работая, а писать книгу. Сразу предупреждают, что книга пойдет потом на Запад.

Требования к книге:

1) Она должна изумить Запад: «Оказывается, в России не только медведи по улицам бегают!».

2) Она должна задать новую интеллектуальную моду: некий пост-постмодернизм, а лучше прото-изм.

3) Она должна быть критична по отношению к американизму и показать кризис традиционных моделей демократии и традиционной политической риторики, так что ее уже не возможно было бы просто так применять. Показать кризис двойных стандартов, симуляцию и импотенцию прежней политологии.

4) Она должна повышать имидж России, то есть иначе, чем они привыкли, объяснять и наши реформы, и нашу политику, и нашу ИСТОРИЮ.

5) Но главное, она должна быть посвящена проблемам Европы и мировым и предлагать совместный общий выход из кризисных ситуаций. Прежде всего, духовно-культурных апорий, а не политических или экономических.

2. Через три месяца у нас имеется минимум пара десятков книг. Далее, осуществляется перевод этих книг на английский, немецкий, французский, испанский, китайский, японский. Это минимум. Остальные потом сами переведут. Далее, специальный уполномоченный едет по издательствам, тем, что выпускают самую модную интеллектуальную литературу. Ведет переговоры, обещает пожизненные права на издание книг. Мы обещаем сами финансировать раскрутку, от них только издание и продажа, низкая цена и тираж не менее 20 000 каждой книги. Еще какие-то деньги будут нужны на пиар по философским кафе, по рецензиям в ведущих интеллектуальных

журналах, по поездкам с лекциями в ведущих университетах с обязательными презентациями книг и бесплатной раздачей студентам (иначе нищие студенты не купят, а так мы им мозг обрабатываем бесплатно).

Итог: формирование новой интеллектуальной моды!

Делать это надо срочно, потому что скоро кто-то и так придумает новый «изм», и тогда придется уже реагировать: идти в фарватере, а не быть лидером. Есть и другая причина: американцы, которые привыкли господствовать на всех рынках, пока не лезут в философию, потому что недооценивают ее, увлекшись раскруткой попсы типа Гарри Поттера. Но есть и тревожные звоночки: раскрутка интеллектуальной попсы вроде Дэна Брауна и Пауло Коэльо. Скоро доберутся и до настоящего хай-хьюма! И тогда вся мировая философия будет американской. Мы вынуждены будем обсуждать те проблемы, которые они ставят и именно так, как они ставят. Если вообще захотим попасть в мировую тусовку.

Мне говорят, никаких философов мирового уровня у нас нет. Что понимать под мировым уровнем. Я бывал во Франции и видел, как на всех телеканалах выступает Антри Глюксман, который является у них чем-то вроде национального философа. Этот человек публикует статьи в защиту Шамиля Басаева и объясняет всем, что Ходорковский — это современный Сахаров. Что, у нас нет философов такого уровня? Да, кивают, таких найдем, но, это, мол, не то... Подождите! Всякое благо — это именно определенное благо, а не совокупность всех благ вместе. Если мы раскрутим на Западе 10 своих «глюксманов» и заткнем рот местным «глюксманам», разве это плохо? Если не породим этим проектом нового Аристотеля, еще и не факт, то это не повод вообще от проекта отказываться. Я пока предлагаю срочно застолбить за собой сам рынок, а уже потом наращивать качество.

В долгосрочной же перспективе мы должны начать возвращать настоящую элиту мирового уровня. «Мировой уровень» не означает подтягивание местной элиты до лучших мировых образцов. Это значит, что весь мир должен подтягиваться до нашей элиты и подражать ей. Она

же не подражает никому. Мы должны поддержать фундаментальные отрасли. Фундаментальную естественную науку, фундаментальную гуманитарную науку. Мы должны дать возможность религии играть более серьезную роль в обществе. Мы должны дать волю и добиться того, чтобы российское искусство зазвучало на мировой арене. Хватит возиться с политикой и экономикой. Побеждает тот, кто побеждает в области абсолютного! И все должно быть подчинено вышеозначенной цели.

Чрезвычайно вредно выращивать элиту в английских частных школах, в Кембриджах, Йелях и Сорбоннах. Она должна учиться в России и читать не лекции глупых фукуям и хантингтонов, а мировое наследие: Лао Цзы и Гераклита, Аристотеля и Платона, восточных отцов Церкви и западных схоластов, Лейбница и Канта, Гегеля и Ницше, Витгенштейна и Хайдеггера. Когда молодежь будет воспитываться на первоисточниках и оригиналах, она сама станет первоисточником и оригиналом. Может быть, ей придется учить древние языки и выкапывать еще неиспользованные возможности истории, показывать те развилки и выборы, на которых человечество пошло налево, когда можно было бы и направо.

На всяком производстве есть конструкторское бюро и производственные цеха. В КБ ставят эксперименты и двигаются вперед методом проб и ошибок, рискуют, занимаются искусством (от слова искус — искушение, кусание, опробование на зуб, тестирование, то есть область, где происходят эксперименты, область, где движется авангард). В этой области разрешается на 100 попыток 90 случаев брака, тогда как в производственном цехе, наоборот, брак позволен в 10 случаях из 100. Производство штампует по готовым матрице и образцу. Наша же задача создавать матрицы и образцы, в противном случае будем вечно платить за уже отработанные матрицы и пресс-формы самую дорогую цену и вечно плестись в хвосте у тех, кто матрицы производит. Хватит подражать, нужно экспериментировать, создавать матрицы как в сфере хай-тека, так и в сфере хай-хьюма. В России же отсутствует сам институт,

аналогичный КБ. У нас все превращается в сборочное, от-
верточное производство. У нас бесхозны и находятся на
положении бомжей и искусство, и философия. Никто не
ждет от них решения российских проблем, тогда как это —
единственная область, в которой эти решения возможны!

НАСИЛИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Современные общества — более идеологические, чем
все предшествующие. Для широких слоев российской
общественности такое утверждение звучит революци-
онно. В самом деле, идеология, начиная с перестройки,
рассматривалась как принадлежность умирающего со-
ветского общества. Общество же современное, демокра-
тическое, якобы тем как раз и отличается, что свободно
от влияния идеологии. И вот, пожалуйста, все возвра-
щается на круги своя! Как тут не возопить: мол, новая
российская власть и «кровавый путинский гэбистский
режим» восстанавливают советские порядки, сейчас вот
идеологию реабилитируют, скоро цензуру введут!

Вспомним, однако, историю проблемы. На протя-
жении веков и политики, и народ, и мыслители счита-
ли, что власть держится на насилии или угрозе такового.
Спорили лишь о том, какое насилие является легитим-
ным, а какое — нет. В феодальных обществах, например,
считалось, что легитимным является насилие, освящен-
ное религией. Когда же религия сама утратила «легитим-
ность» под напором просвещения, то легитимным стали
признавать насилие, осуществляемое властью, избран-
ной в соответствии с процедурами, соответствующими
той или иной общественной теории. Различные идеа-
лы общественного устройства предлагали философы-
метафизики. Если раньше имелся один религиозный
идеал, то сейчас идеалов может быть много, а значит,
должны быть и специалисты по идеалам — идеологи.

Но уже в XVII—XIX веках, в эпоху разгара научно-
технической революции, теории позитивизма вроде

Сен-Симона и Конта кричали, что кончилась эпоха мифов, религий и идеологии, а наступает эра научного знания, эра, в которой общество будет управляться в соответствии с научными законами. Кончится конкуренция идеалов, так же как в науке нет конкуренции и споров по поводу того, сколько будет дважды два. Единственной идеологией этого неидеологического грядущего общества будет идеология прославления великих ученых и прогрессивных деятелей и борьба со средневековым, религиозным, мифологическим и идеологическим мракобесием. Марксизм унаследовал этот научный пафос: принципиально противопоставлял себя идеологии, считая ее чем-то прошлым. Если еще не забыли, идеология тогда, во времена СССР, называлась не просто коммунизмом, а «научным коммунизмом». И споров по поводу общественного устройства у населения страны не должно было быть именно потому, что доводы, законы и доказательства науки едины для всех разумных существ. А наука железно и логично утверждала: на смену капитализму идет социализм. Спорить с доводами разума мог только безумный, а значит, его место в психушке, куда и препровождали диссидентов.

Правда, уже в конце XVIII века философ Кант доказывал: наука тем и отличается от религии, что ее знание не догматично, а критично, что она постоянно развивается, а следовательно, все утверждения науки не являются набором истин, они лишь набор гипотез. Но кто слушает философов?

Потребовалось не менее 150 лет, чтобы религиозное преклонение перед наукой в западном мире сменилось на более-менее адекватную ее оценку. Недаром последователь и вульгаризатор Канта философ Поппер стал главным теоретиком «открытого общества», а последователь Поппера миллиардер Дж. Сорос — главным спонсором этой идеи. Их усилия сыграли огромную роль в разрушении СССР. Поппер доказывал, что в СССР неправильно понимали науку, ее относительные истины сделали абсолютными. Что советская наука суть замаскированная ре-

лигия, то есть идеология, а надо вернуться к «открытому обществу», где конкурируют научные гипотезы в соответствии с истинным смыслом науки.

Поэтому в высшей степени удивительно, что в период перестройки ее вдохновители и «прорабы» заявляли об отказе от идеологий. Подобно марксистам столетней давности, они были уверены, что нашли абсолютную истину! Просто теперь «абсолютная истина коммунизма» в их головах оказалась заменена «абсолютной истиной демократии». Не надо им было никакой конкуренции идеалов, идеологий и гипотез, все уже известно: есть, оказывается, «столбовой путь цивилизации» с которого «Россия сошла»!

Поразительно, но все эти либералы и демократы читали того же Поппера, ссылались на него и даже были проповедниками идеи «открытого общества», в то время как Поппер посвятил одноименную книгу доказательству единственного тезиса: никаких «столбовых дорог цивилизации» не существует! Представление о «столбовой дороге», о «законе истории» Поппер назвал «историзмом» и считал его главным грехом марксизма и вообще главным грехом против науки! Нет и не может быть никаких «законов истории», как нет и не может быть «идеальных обществ», называй их хоть «коммунизмом», хоть «демократией»! И те и другие лишь гипотезы, принципиально опровергаемые. Есть только открытая и свободная конкуренция общественных идеалов.

Конкуренция за что? За право осуществлять «легитимное насилие» — ответили бы раньше. Но сейчас и этот пункт прежней политической мысли подвергнут ревизии. Уже марксист Антонио Грамши писал, что власть держится не столько на насилии, сколько на согласии, а согласие есть продукт принятия определенной идеологии. Крупнейший теоретик власти XX века Мишель Фуко посвятил жизнь борьбе с нелепым и вредным представлением о власти как о чем-то негативном, с представлением, что власть — это насилие.

Власть властвует именно потому, что предлагает новый проект мира, предлагает нечто новое и позитивное!

Деятельность фараона в Египте или императора в Китае была подчинена огромному количеству религиозных ритуалов. Эти ритуалы не некая ненужная вещь. На них все и держалось, они обеспечивали согласие, порядок в обществе, а вовсе не насилие, которое использовалось как исключение. Власть легитимировалась Богом. Заведенный порядок сам давил на отдельного человека своей мощью, «маленький человек» считал, что «не его ума дело» в этом разбираться и это менять, он не претендовал быть источником власти даже в малой мере, власть по умолчанию делегировалась тому, кто обладал ею от рождения, от Бога.

Но когда, в Новое время, от Бога отказались и хозяином сущего стал человек (субъект, подлежащее), ситуация изменилась не радикально. Современное общество тем и отличается от прежних, что не дает над собой властвовать никому, кто бы предварительно не объяснил своих действий, не обосновал свое право на власть, не убедил большинство в общезначимости и ценности своего проекта. Это говорит о том, что идеология осталась, просто теперь она должна приниматься каждым как его собственная идеология, тогда как раньше была не собственной, а общественной. Недаром в современных обществах применение силы со стороны государства рассматривается не как признак власти, а как признак отсутствия власти, признак слабости, неспособности убедить!

Суверенитет не дается просто так. Чтобы быть сувереном, недостаточно просто объявить себя сувереном, нужно еще доказать, что ты суверен. Необходимо умение предложить такой идеологический проект, который приведет к согласию, станет конкурентоспособным, будет принят. Если твои идеи неконкурентоспособны (как и случилось с нашей демократической оппозицией), потеряется и власть. Неправда, что демократы или коммунисты сейчас не у власти, потому что их «не пускают» в СМИ. Большинство людей заранее могут предугадать,

что скажет, например, Зюганов или Гайдар по любому вопросу. Такие лениво-предсказуемые личности просто надоели. Они неконкурентоспособны: продают то, что уже давно не покупают, но продолжают продавать. Они много лет бубнят одно и то же.

Нельзя выиграть в конкуренции раз и навсегда. Надо постоянно продуцировать согласие, убеждать, владеть инициативой. Власть, которая перестает владеть инициативой, успокоилась и не продуцирует консенсус, не убеждает, в конце концов становится чистым насилием. Следовательно, она не является властью и она рухнет.

По любому вопросу в обществе всегда будут различные точки зрения, поскольку всегда будет так, что кто-то один не сможет убедить другого и наоборот. *Для каждой из спорящих сторон противоположная сторона будет всегда выглядеть как насилующая. Насилующая, как минимум, «здравый смысл», как его понимает каждая из сторон.*

Поэтому когда оппозиция обвиняет власть в «тоталитаризме», а власть обвиняет оппозицию в «экстремизме» и вместе они обвиняют друг друга в «фашизме» — это совершенно естественно. Это просто симптом наличия в обществе противоречий по разным вопросам, не более того. А также признак того, что в обществе есть стороны, каждая из которых не может убедить другую, а значит, выглядит для противоположной стороны как насилующая. *Когда некий человек или меньшинство не согласны с господствующей идеологией, то, конечно, для них это господство выглядит как насилие.* Но на их крики не стоит обращать внимания: это их мнение, а не уровень насилия в обществе. Точно так же не стоит обращать внимания на стенания власти по поводу экстремистов, которые тоже насилуют, а не убеждают власть. Для господствующей идеологии все экстремистские выходки — ерунда и комариный укус, и общество не разрушают...

Однако совсем иное дело, когда нет большинства и меньшинства, когда общество разделено на равные ла-

геря, когда конфликтность велика. В такой ситуации слишком большие группы людей чувствуют себя несогласными с другими большими группами, реально уровень «чувства насильности» оказывается высок для каждой из сторон!

Выходит, чем больше в обществе конкуренции, конфликтности, несогласия, тем больше в нем ощущается насилие! Максимально «насильное» общество — это общество, где идет война всех против всех. Это общество, в котором никто никого ни в чем не убеждает, где нет *идеологии, продуцирующей согласие, нет мира. Наоборот*, там каждый друг другу враг, право соседа кажется узурпацией, насилием. А это значит, что в подобном обществе нет никакого права, и на насилие здесь отвечают насилием.

Это «дикое состояние» было оставлено человечеством в самом начале истории, с того времени как возникли первые государства — продукты общественного консенсуса. *И это подтверждение того, что государство по своему генезису и функциям — не система насилия, а система антинасилия, система консенсуса!* Гегель называл государство образом Бога на Земле, а Ницше говорил, что вокруг Бога все становится миром. Функция государства — в продуцировании мира, консенсуса и права.

Одинаково отвратительны и майданщики с перекошенными ртами, и милиционеры с резиновыми дубинками, преследующие инакомыслящих. Правды нет ни у тех, ни у других. Наличие такого противостояния свидетельствует о том, что потенциал аргументов у каждой из сторон недостаточен. Такое противостояние — симптом болезни, означающей, что во-первых, надо совершенствовать идеологию, которая бы накрывала и перевербовывала противника, во-вторых, надо менять информационные потоки на те, которые бы позволили достигнуть глаз, ушей и мозгов противоположной стороны.

Как температура свидетельствует о болезни, о воспалительном процессе в организме, так насилие есть сиг-

нал того, что не все в порядке в гуманитарной, идеологической области. Здесь зависимость прямая, в отличие от экономической зависимости, которая не прослеживается. Есть примеры, когда власть падала во время экономического упадка и стабилизировалась во время экономического подъема. Но имеются сотни исторических примеров, где власть падала во время экономического подъема и стабильности, и наоборот, держалась прочно во время упадка и голода. Пора расставаться с догмами об экономическом базисе и надстройке. Базисом всего и вся является дух, и если с ним проблемы, это будет проявляться и в экономике, и в политике.

Если верно утверждение, что человеку свойственно стремиться от войны к миру, то он должен стремиться от конфликтных обществ, пронизанных насилием, к обществам консенсусным, пронизанным идеальным. Но, к сожалению, «дикое состояние» периодически воспроизводится теми, кто путает конкретную, не убеждающую его лично, идеологию с идеальным вообще и потому разрушает идеальное. «Дикое состояние» воспроизводится теми, кто путает режим с государством, а Родину — с «начальством» и борется не с начальством, а с Родиной, не с режимом, а с Отечеством и государством. Всякий раз, когда для ликвидации конкретного режима сносили государство вообще, ущерб от подобных действий превышал ущерб, наносимый «плохим режимом», в десятки раз! Потому что плохой мир лучше доброй ссоры.

На призыв не путать «недостатки власти» с «государством вообще» и с Родиной, оппозиционеры обычно заявляют, мол, это уловка власти, способ избежать критики. Всегда, дескать, бюрократ говорит: «Не меня конкретного бюрократа ругают, а всю Родину». Значит, тот, кто ругает — чуть ли не предатель.

Всем понятно, что Родина и начальство — не одно и то же, тем более, если начальство плохое. Но реально как тогда в политике действовать? Как провести грань между нанесением ущерба государству как таковому или некоему режиму? Как сделать так, чтобы не выплескивать

с водой ребенка или не «попадать в Россию, целя в коммунизм»?

Вывод один: *критика вообще не конструктивна*. Ни критика власти со стороны оппозиции, ни критика оппозиции со стороны власти. Конкурентоспособность, суверенность, право на легитимную власть возникает только из предложения позитива: из предложения нового мира, новых моделей консенсуса, общества, из новых планов и идеологий. Но не из негатива или критики. Критикуя, ты не убеждаешь, а только заставляешь оппонента радикализироваться в своем мнении, вызываешь эскалацию ответной критики.

Простой пример из жизни. Молодой человек решил издать сборник интервью современных российских ученых и отправил им письма. Один из них отвечает: «Я не буду в этом участвовать, потому что мне не нравится тот образ науки, который вы создаете». Позвольте, но ведь именно вам и предложили повлиять на создание этого образа. Если откажетесь вы, затем другой, третий, согласные с вами, то действительно останутся только те, кто вам не нравится, и получится ровно тот образ науки, который вы и не хотели! Тогда вы раскритикуете этот образ, а противоположная сторона ответит тем же.

Что за привычка шарахаться от того, что на первый взгляд не нравится? Можно ведь попытаться включиться и изменить это в нужную сторону. Что за привычка сразу ставить на ком-то крест, с кем даже минимально не согласен? Что за неверие в изменчивость человеческой природы — ведь тот, кто вам не нравится, может изменить взгляды. Что за неверие в свои силы убедить кого-то, повлиять на него? Что за привычка формировать жесткие критерии для общения — своеобразное прокрустово ложе принципов, которое скорее свидетельствует о закостенелости и неспособности меняться и развиваться у того, кто эти принципы формулирует?

Между прочим, если бы в 1930-е годы в Германии все либералы, демократы, социалисты, христианские демократы, христианские консерваторы, центристы вступи-

ли бы в НСДАП, то... не было бы никакого холокоста, а возможно и Второй мировой войны. Все эти люди создали бы такой балласт гитлеровскому кораблю, что он бы далеко не заплыл, даже при самом попутном ветре. Но все эти «рафинированные интеллигенты» предпочли сбежать с корабля как крысы. Они эмигрировали, критиковали режим, чем вызвали ответный огонь критики, радикализацию нацистского движения и репрессии против тех, кто еще остался в Германии.

По сути М. Хайдеггер был одним из немногих интеллектуалов, кто пытался воздействовать на ситуацию и режим в его основах. В «Ректорской речи» он заявил, что «сущность фюрерства в том, что ведущий ведом теми, кого он ведет»: то есть фюрер не может радикально менять курс и наоборот — ведомые имеют свою власть над фюрером. Хайдеггер пытался воздействовать на нацистскую идеологию, очистить ее от биологизма и антисемитизма. В своих лекциях он неустанно полемизировал с вульгарным нацизмом и учил молодежь (которая придет к власти через годы) более глубокому пониманию истории, чем это делала официальная пропаганда. И за это его после войны обвинили в сотрудничестве с нацизмом! И кто обвинил? Диссиденты-критики, которые отсиживались по заграницам и превращали своей критикой Гитлера в зверя, дразня его. Они сами оставили с Гитлером только тупых исполнителей и, по сути, дали ему свободу, так как такие именно исполнители, ни на что не влияющие, могли поддерживать любое безумное начинание. А надо было не критиковать, а душировать в объятиях!

В этом смысле радикально отличалась от немецкой ситуации ситуация в России. Огромное количество царских спецов перешло к большевикам. И они не только изменили образ партии, но и сумели расправиться с революционными радикалами-троцкистами. У нас привыкли видеть в СССР некий единый проект. Но различия между ленинско-троцкистским этапом и сталинским — громадно. Троцкисты писали, например:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского... Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками октябрь застал!
Напрасно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы подстать.
Подумаешь: они спасли Рассею!
А может, лучше было не спасать?

Вот таких авторов, таких «шариковых» и удалось повернуть вспять, заставить через 15 лет снимать патристические фильмы про Минина, Пожарского, Невского, Суворова, Кутузова. И лишь тех, кто не понял новых веяний, — репрессировали. Их было абсолютное меньшинство даже в среде наиболее щепетильной интеллигенции.

Шолохов, Булгаков, Горький, Толстой и многие другие были принципиальными «антитроцкистами», они и самого Сталина превращали в антитроцкиста. Иосиф Виссарионович, например, обожал Булгакова. И это чистое недоразумение, когда «Собачье сердце» рассматривают как антисоветское произведение. Это антитроцкистская и сталинистская книга. Как, в значительной степени, и «Мастер и Маргарита» — книга, которая до сих пор не понята нашей интеллигенцией.

Те же, кто сбежал за рубеж, по сути занимались вредительством. Так, например, Сталин — бывший семинарист, вполне лояльно по жизни относился к Православию, что особенно проявилось в конце жизни. Но он не мог развернуть корабль на 90°, потому что атеистическая закваска масс в 1930-е была еще сильна. Масла в огонь подливала и русская зарубежная православная церковь, обличая СССР. Каждый раз после очередного выпада этих сидящих в заграничных комфортных апартаментах деятелей происходил ответный всплеск воплей против православных в России. Зарубежники выступали как провокаторы, за их критику расплачивались новомученики здесь. А затем некоторые зарубежные иерархи докатились даже до дружбы с Гитлером...

Критика вообще в родстве с дьяволизмом. Один бывший советник президента сегодня в своих статьях формулирует максимы: «не верь власти, не бойся власти, не проси у власти, не сотрудничай с властью». «Не верь, не бойся, не проси» — это не просто кредо уголовников. Это кредо дьявола: не верь в Бога, не бойся Бога, не проси у Бога (не молись). Такие же советы дает, кстати, булгаковский Воланд Маргарите. Воланд, который с насмешкой и презрением относится к тем, кого, казалось, должен бы любить — к литераторам-безбожникам. Почему? Да потому что он не считает их души своими и советский атеизм не считает воплощением своего царства. Ему нужно иное, ему нужно фальшивое евангелие. И он так устраивает, чтобы Мастер взялся писать «Евангелие от Дьявола» — «Пилатовы главы», в которых Иисус — всего лишь очередной учитель гуманизма, слабый человек. Общество, где Христа считают одним из учителей наряду с Буддой, Конфуцием и многочисленными гуру — гораздо более дьявольское. Демократическая плюралистическая Россия 1990-х была бы милее Воланду, чем сталинская.

Общество не совершенствуется через критику. Критика синоним насилия. Если тебе не нравится порядок, не ругай его, а предложи другой. Если он будет убедительней, его примут. Причем принимать будут по мере ознакомления, независимо от того, принадлежит ли воспринимающий первоначально к оппозиции или к власти.

Тот, кто работает для Родины, — ведет себя бескорыстно. Он не требует копирайта на своих идеях, не настаивает, чтобы их осуществлял именно он. И даже рад, если его идеи перехватывают. Ему все равно, кто их осуществит, лишь бы они жили. Он настроен доброжелательно и позитивно, верит в то, что люди могут раскаиваться в ошибках и меняться к лучшему.

И наоборот: тот, кто просто критикует и бережет позитивную программу на момент, когда придет к власти, на самом деле ведет к разрушению общества, в котором живет. Он каждый раз обижается, если его идеи использует власть, озабочен именно своим местом в процессе, а не

тем, чтобы всем становилось лучше. Только он, дескать, может воплотить свои позитивные идеи, когда придет к власти, а сейчас он их побережет и будет бескомпромиссно критиковать. Он не меняется сам и не верит в то, что можно изменить других (например, власть), а значит, по его мнению, их нужно просто «заменить» революционным путем. Но все революции только отбрасывают назад, в кровавую баню раздора.

Позитивное кредо должно быть сформулировано иначе: «верь, бойся, проси».

Верь, что тебе удастся изменить тех, кого ты можешь изменить в лучшую сторону, или измениться самому, если ты ошибался.

Бойся, что твои лучшие идеи останутся нереализованными, пока ты их бережешь на тот случай, когда тебя специально будут слушать.

Проси, чтобы тебя слушали и осуществляли твои идеи даже без тебя.

Проси (молись), чтобы хватило сил и мужества продолжать сотрудничать, даже когда тебя не понимают и грубо отталкивают.

Молись, чтобы даже когда тебя не будет, кто-то продолжил твоё дело. И пусть Бог устроит так, чтобы дело твоё не продолжалось, если уже не должно продолжаться.

ЧТО ДЕЛАТЬ? «ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Любой кризис прежде всего означает переоценку ценностей. То, что ценилось — становится неценным, что не ценилось — приобрело величайшую ценность. Мы пока не знаем, что упадет в цене, что возрастет, хотя можем предполагать. Понятно одно: «как раньше» уже не будет никогда. Попытки вернуться к прошлой системе, когда «все было хорошо», или попытки приспособиться к изменениям приведут к катастрофе. Гомеостатическое правле-

ние, то есть управление, которое следит за отклонениями системы и приводит ее в состояние равновесия, больше невозможно. Возможно только проектное управление, то есть сознательное нарушение равновесия системы в сторону того или иного спланированного будущего.

Нужно управление по переводу системы из одного состояния в другое. Для этого надо иметь проект будущего. И не просто проект, а проект, отвечающий на вызовы.

Сейчас многие говорят о «рузвельтовской модели». Дескать, нужно объявить «новый курс», строить инфраструктуру, дороги, увеличить госрасходы, организовать общественные работы и чуть ли не карточную систему. А это все возымеет мультиплицирующий эффект: строительство потянет за собой другие отрасли, например, металлургию. И так «локомотив» вытащит всю экономику.

В абстрактном виде рассуждение верное. Только надо понять главное: какую именно инфраструктуру строить, под какой мир? Кого и на какие общественные работы мобилизовывать? Без проекта, без мира, который мы хотим построить, все усилия окажутся в лучшем случае попыткой реставрации прошлого, в худшем — симуляцией настоящего, но никак не творчеством будущего.

Россия стоит перед несколькими вызовами: демографический, геополитический, экономический, продовольственный, жилищно-коммунальный, культурно-идеологический.

1. Демографический вызов. До сих пор Россия — единственная страна в мире, которая сочетает в себе «европейскую рождаемость» и «африканскую смертность». Не буду томить цифрами, но убыль населения ежегодно составляет 700 000 человек и не компенсируется возвратом соотечественников и притоком мигрантов. Как ни странно, сверхсмертность идет не за счет стариков, а за счет молодого и среднего возраста. А это значит, что скоро некому будет охранять границы, работать, чтобы обеспечить пенсией всех пенсионеров. Нагрузка на работающих будет огромна, когда поколение беби-бумеров выйдет на пенсию, после 2010 года. Сокращение населения ведет к снижению

ВВП. Экономисты говорят, экономика с современным уровнем комфорта возможна только при рынке не менее чем в 500 миллионов человек. Низкая демография ведет к бедности, она не компенсируется работой на внешних рынках. При низкой демографии через какое-то время кончается и ресурс экспансии, тогда как для демографически благополучных стран растущий внутренний рынок есть резерв прочности. Более того, страна с низкими демографическими показателями сама рискует превратиться в объект экспансии. Есть угроза отторжения Дальнего Востока. Попытка решить демографическую проблему за счет мигрантов ведет к дополнительным трудностям, с которыми уже столкнулись страны Европы.

Различные исследователи у нас и за рубежом изучали причины понижения рождаемости. Оказалось, дело не в материальном положении, не в религии и проч., а только в одном. В урбанизации.

В городе ребенок — обуза, в селе — помощник. Индустриализация и урбанизация везде ведут к ухудшению демографических показателей нации. Что касается сверхсмертности, это вопрос о социальном и экологическом здоровье. Неликвидные продукты питания, сниженный иммунитет у нового поколения, плохие беременности и роды, ужасный воздух и вода в городах России умножаются на высокую преступность, пьянство, самоубийства, травмы, аварии и проч. Избавление от сверхсмертности возможно не только за счет экономического роста, но и за счет изменения экологической и социальной среды обитания.

2. Геополитический вызов. Россия зажата с трех сторон серьезными геополитическими соперниками. С Запада идет постоянное продвижение к нашим границам блока НАТО, с юга — пассионарная экстремистско-исламская опасность, с Востока — претензии Китая.

Мы не можем сейчас противостоять ни одному из этих соперников даже по одиночке, тем более, всем сразу. Самая обидная угроза — «возможность перестать быть самой большой страной в мире». Россия может

лишиться Сибири и Дальнего Востока. Территория, где у нас остаются основные запасы нефти и газа (неразведанный шельф), другие полезные ископаемые, где находятся «зеленые легкие» планеты в виде сибирской тайги, а также самые большие запасы пресной воды (Байкал и реки) совершенно не заселена. Потенциальная вирусная китайская экспансия неостановима. Глупо думать, что наша нищая милиция справится с китайскими нелегалами лучше, чем богатая американская полиция с испанским нашествием. Не справляются в Америке, тем более не справятся у нас. Никакие пограничники ничего не спасут через 15 лет, когда на Дальнем Востоке китайцы захотят устроить Косово. А они захотят, об этом уже открыто пишут в китайской печати. Военно-полицейско-административного решения проблема не имеет. Дальний Восток надо заселять. Должна произойти колонизация нового типа, в короткий исторический период нам надо переселить миллионы человек, тем или иным способом. Это фантастическая задача, но ее надо выполнить, если Россия хочет быть.

3. Строительно-жилищно-коммунальный вызов. Сегодня цифры выхода из строя жилья сопоставимы с цифрами вводимого жилья. А все дело в том, что начинают выбывать из строя «хрущевки». Только начинают. Пик придется на 2010—2020 годы. Строить столько, сколько СССР, мы не сможем в ближайшие 20 лет, если иметь в виду ТАКОЕ строительство как сейчас (панельные дома), а значит, нас ждет гигантский жилищный кризис. Расходы на ремонт будут сопоставимы с расходами на строительство. Кроме того, изношены сети и коммуникации. Города не выдерживают нагрузки, постоянные аварии, пробки на дорогах, не соответствующие экологическим нормам вода и воздух, мусорные свалки, рост услуг и тарифов.

Каков выход? Нужны новые технологии строительства дешевого жилья. И они есть.

4. Экономико-стратегический вызов. Будем честными: никакая «индустриализация и модернизация» нам не

грозит. Мы уже прошли эти исторические этапы. У нас совершенно другие люди живут в стране, чем те, что требуются для индустриализации и модернизации. Тяжелые и традиционные отрасли давно уже выгоднее размещать там, где они и должны быть: в некоем историческом прошлом, в тех странах, где это прошлое является настоящим. У нас возможны только хай-тек, хай-хьюм, то есть отрасли, имеющие низкую материальную (а значит, дорогостоящую) составляющую.

Наша страна должна жить не за счет производства станков, тракторов, кирпичей или ширпотреба (все это выгоднее делать в других странах), а за счет производства и продажи научных разработок, ноу-хау, культурных ценностей, религий, моды, дизайна, программного обеспечения, оборонки, и проч. Все это у нас получается неплохо, только надо научиться продавать и поставить на «промышленную» массовую основу. Для этого нужна специфическая среда (институты, «шарашки», лаборатории, венчурное финансирование).

Есть разные теории насчет исчерпаемости энергоносителей, но все они безрадостны для нас. Одни утверждают, что нефть — возобновляемый ресурс и скоро об этом всем станет известно, а значит, цены упадут (так, по теории В. Ларина нефть постоянно образуется за счет водородной подпитки из недр планеты, что подтверждается фактами). Другие, типа А. Паршева, утверждают, что через 20 лет в России совсем кончится нефть, пик ее добычи уже пройден. Скоро нефти не будет хватать даже для внутреннего потребления, и не важно какие цены на мировом рынке. Будем, наоборот, желать, чтобы они были меньше, поскольку превратимся в покупателей (в арабском мире нефти еще лет на 70).

А за счет чего мы возьмем деньги на покупку нефти? За счет газа, которого у нас много? Но Европа переходит на альтернативное топливо и энергетику и через 20 лет «слезет» с «газовой иглы». Да и в разработку новых месторождений нужны инвестиции.

Необходимы новые источники энергии, желательно экологически чистые и возобновляемые, надо нам самим как можно скорей уводить экономику с сырьевой дороги. Да и современная нефтегазовая отрасль не может обойтись без своего нефтегазового хай-тека.

Нельзя противопоставлять энергетику и инновации, ведь энергетика сама требует и инноваций и потенциально инновационна. Для рывка в экономике нужно взять три — пять новых направлений, отраслей и инвестировать туда государственные деньги, чтобы стать в этих отраслях лидерами. Нужен «манхэттенский проект».

Речь идет о создании новой отрасли, где мы бы могли быть монополистами. Это как если бы сейчас был 1970 год, и я бы говорил об интернете. Или был бы 1985 год, и я бы говорил о создании сотовой связи. Сейчас тоже где-то создается нечто подобное интернету или мобильным телефонам, что изменит мир через 10—15 лет. Вот это «что-то» надо найти, инвестировать туда больше всех стран и стать законодателями мод в новой отрасли, собрав все сливки.

Побеждает не тот, кто более конкурентоспособен, а тот, кто вне конкуренции. Приведу пример: на стадионе, чтобы видеть лучше, некоторые встают. Но когда, глядя на их преимущество, встают остальные, то преимущество первых теряется. Знания, которыми обладают все, бесполезны, Никогда ничего не добьешься, следуя учебнику, информации СМИ и уже испытанным образцам и устоявшимся истинам. *Нельзя копировать Америку, нельзя копировать Китай, никого нельзя копировать, потому что ЭТО ОНИ первые встали, получили преимущество и продолжают его получать.*

Смешно наблюдать за нашими правительствами, которые действуют «по Кейнсу» или «по Фридману», по учебникам экономики Самуэльсона и проч. *Все эти рецепты из учебников и прописные экономические истины уже отработали свое, так как в учебники вообще попадают только «отстой». Но нельзя копировать и себя самих. Я могу прекрасно относиться к царской России, к периоду*

СССР и проч., могу ругать 1917 или 1991 год, но я должен понимать, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Нельзя ничего восстанавливать и реставрировать, нельзя оживлять умершее (зомбировать). *Раз нечто не выжило тогда, находясь в силе и славе и будучи подлинным, оно нежизнеспособно и сейчас, когда оно лишь копия себя вчерашнего. Поэтому мертворождены всякие проекты и институты, являющиеся копией копий проектов и институтов, которые функционировали уже когда-то — хоть в политике, хоть в экономике.*

Индустриальная эпоха и человек этой эпохи умерли, и пусть мертвецы хоронят своих мертвых. Надо было силы позднего СССР использовать на переход к новой постиндустриальной эпохе, а не отрицать индустриальную эпоху (прошлое) с позиций еще более прошлого (дикого капитализма). ***Настоящее надо критиковать из будущего, а не из прошлого. Из настоящего надо двигаться в будущее, а не в прошлое.***

5. Продовольственный вызов связан с мировым продовольственным кризисом. Цена на продовольствие за последние годы выросла на 60—70 %. Россия на 50 % зависит от импортного продовольствия. Она не кормит себя сама, а такое недопустимо для страны, которая хочет быть суверенной. Никакие атомные бомбы не нужны, нас могут принуждать к чему угодно через шантаж голодом. В то же время, по свидетельству серьезных ученых, биотехнологии через несколько лет сделают серьезный скачок, который позволит снимать по пяти урожаев чего угодно даже в российских условиях. Надо быть только допущенным к этим технологиям, развивать их самим и иметь инфраструктуру, которая позволит их использовать. Уже сейчас, например, иностранные фирмы продают семена высокоурожайных культур за бешеные деньги, хотя на генном уровне культуры модифицированы так, что не могут давать потомства, и на следующий год нужно вновь покупать семена у монополистов. Транснациональная корпорация «Монсанто» уже почти монополист на этом рынке.

Кроме того, развитие сельского хозяйства не зависит от наших инвестиционных возможностей, нас ограничивает отсутствие кадрового потенциала. Село спилось, деградировало. Нам что-то надо делать с селом, но элиты даже боятся подумать об этой проблеме. Сейчас деградации подвергается уже не только село. Уже районные центры, где есть работа, интернет, чтобы связываться со всем миром, и те оскудевают ресурсами. Мегалополисы высасывают из провинций все соки: финансовые, кадровые... Столица, в свою очередь, замыкается в отдельный мир и транслирует образ жизни, совершенно непонятный остальной стране. Реклама в деревне, например, воспринимается как марсианские хроники, и это рождает ненависть.

6. Культурно-идеологический вызов. Россия никому не будет интересна, если замкнется в национальном эгоизме и прагматизме, а также в политике. Чтобы было яснее, сузим проблему до круга знакомых. Если бы ваш знакомый заявил, что он «чистый прагматик, исходит только из того, что ему выгодно в отношениях и защищает всегда только свои интересы», пожалуй, мы бы могли отнестись к этому как к его праву, но... не более того. Вряд ли такого человека вы воспримете как друга, вряд ли он нам будет интересен, вряд ли увлечет за собой. Тем более, он бы не стал для нас идеалом. А при активном отстаивании своих прагматичности и эгоистичности он бы вызвал сильное неприятие вплоть до прекращения с ним всяческих отношений.

Когда какая-нибудь Украина гордо говорит о том, что теперь она «следует своим национальным интересам», то... это может восприниматься нами как ее право, но это навсегда вычеркивает Украину как ПРИЯТНУЮ страну для всех других. Нам-то что, если она следует своим интересам? Нам-то англичанам (неграм, русским, японцам) что с этого?

Когда русские националисты кричат о великой России, понимают ли они, что никакого ВЕЛИЧИЯ как раз и не получают, потому что как минимум они не интересны

и неприятны 50 национальностям, живущим в России, не говоря об остальном мире.

Великие державы строились на великих идеях. Коммунизм обращался ко всем на Земле с идеей справедливости, либерализм — с идеей свободы. Великими становились нации, которые не навязывали свою национальную специфику и не говорили всем о своих прагматических интересах, а давали миру некий всеобщий принцип.

Сейчас мне не нравится глобализм и арабские экстремисты. А меня заставляют выбирать между ними. И дело не в том, что они мне не нравятся, потому что за глобализмом стоит американская специфика, а за антиглобализмом — арабская. За глобализмом не стоит никаких специфик, в то же время на другом полюсе стоит дурная бесконечность этих национальных специфик, ни одна из которых меня не вдохновляет.

Настоящая опасность от глобализации не в исчезновении этих специфик (мы видим, что они только множатся), а в том, что мы застряли между их дурным множеством и их пустым абстрактным отрицанием (в поспе и рынке). Мы потеряли великое, мы потеряли всеобщее.

Всеобщее — вот что стало редкостью, вот на что сейчас самый большой спрос. *«Национальная» идеология, которая поднимется над своим национализмом и даст миру это «всеобщее», сделает великой и свою нацию. К ней потянутся все.*

Культурно-идеологический вызов состоит также в том, что Россия, чтобы обезопасить себя от любых поползновений и конфликтов, должна быть ценностью не только для себя, а для всего мира. Необходимо, чтобы иммигранты хотели ассимилироваться в нашу культуру, а не «покорять» ее. Наш «образ жизни» должен быть привлекательным, ценности, которые несет наша культура, должны быть вне конкуренции.

Все, что написано выше, можно свести к одной фразе: *Россия должна встать в авангарде экономических, технических, политических, цивилизационных исторических ми-*

ровых процессов. Должна перестать подражать кому-либо во всех сферах. И, как когда-то при Сталине она максимально преобразилась в соответствии с сущностью новой индустриальной эпохи, так же и сейчас Россия должна быстро **СТАТЬ САМОЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРАНОЙ В МИРЕ.** Благо, индустрию реформаторы уже разрушили, и терять нам особо нечего.

Что такое постиндустриализм? Это не варварская энергодобыча, а энергосбережение или энергвозобновление, использование новых источников энергии.

Это экологизм, а не эксплуатация природы.

Это хай-тек, а не машинная индустрия.

Это самоуправление и сетевые структуры, а не феодальные властные пирамиды.

Это дисперсия, а не централизация.

Это хай-хьюм, а не массовые идеологии и пропаганда через СМИ.

Это деурбанизация, а не города.

С последнего и начнем, а оно, как локомотив, потянет остальное.

В России много земли. Проблема даже в том, что ее слишком много, и скоро она станет не нашей, если ее не заселить. Мы боимся частной собственности на землю, потому что кто-то что-то скупит? Скоро у нас ее не скупят, а мирно заберут. Причем мы можем сколько угодно грозить Китаю каким угодно оружием, вирусное проникновение уже произошло, и оружие против него бессильно.

ДЕУРБАНИЗАЦИЯ — это ответ на все вызовы, которые стоят перед Россией и которые мы обозначили выше. Редко бывает так, что на много вызовов можно дать один ответ, но это как раз тот случай, когда корень проблем — один.

Это то, что можно назвать «зеленой революцией», это переход в новую экологически-чистую среду обитания, это гигантский национальный проект расселения городов, переселения десятков миллионов людей в малоэтажные загородные поселки с автономной инфра-

структурой, это освоение новых земель, которые, как ни странно, находятся совсем рядом.

Россия до сих пор самая большая страна в мире с самым большим количеством неосвоенных земель, страна, самая богатая лесом, пресной водой. Возьмите для примера Москву и Московскую область. 20 % населения страны живет здесь, задыхаясь и мешая друг другу, на клочке земли, когда на десятки тысяч километров простираются пустые земли. Речь идет о внутренней колонизации. Это ответ сразу на все вызовы, стоящие перед Россией.

В самом деле, деурбанизация — это средство решения демографической проблемы. Различные исследования демографов показывают: простое повышение уровня жизни ведет скорее к падению рождаемости, чем к росту. Культурные и национальные особенности тоже играют опосредованную роль: например, в восточной Японии рождаемость низка, как и в Европе. Зато существует прямая зависимость рождаемости от степени урбанизации.

Кроме того, переселение из экологически неблагоприятных городов приведет к снижению уровня смертности. Еще один ресурс — миграция. Сотни тысяч молодых ученых, уехавших на Запад, готовы вернуться, если им будет предоставлен свой современный дом в России, о бывших соотечественниках из СНГ можно и не говорить.

«Зеленая революция» прямо ведет к выправлению демографических показателей!

Население городов вынуждено дышать сильно загрязненным миллионами автомобилей воздухом, испытывать серьезные стрессы в результате постоянных шумов. Видеоэкология мегаполисов также чрезвычайно разрушительно воздействует на людскую психику.

В то время как сельское хозяйство приходит в упадок, потому что на земле некому работать, города требуют продуктов питания. Настоящую пищу заменяют полуфабрикатами, суррогатами и эрзац-продуктами. Города все больше зависят от поставок генномодифицирован-

ной пищи из-за рубежа. Дети, школьники не получают достаточного количества белков, витаминов и микроэлементов, в результате чего большинство из них уже в юношеском возрасте становится обладателями целого букета хронических заболеваний. Они неспособны дать здоровое потомство, они вообще не приучены к настоящей жизни.

Ответ на геополитический вызов, на угрозу потери Дальнего Востока может быть получен только путем внедрения стратегии *новой колонизации Дальнего Востока с помощью сети новых поселений*. Переселение людей в эти места возможно только, если в обмен на городские «блага цивилизации» людям будет предоставлено просторное жилье, экологически чистая среда обитания, собственная земля, отсутствие налогообложения. В противном случае люди не поедут, а если так, то проблема Дальнего Востока будет решаться уже другими, менее привередливыми, народами.

«Зеленая революция» — это и продовольственная безопасность. На собственной земле. По традиции люди будут собственными силами вести подсобное хозяйство и выращивать экологически чистые продукты. Махатма Ганди говорил, что города вообще противостественны, и когда-нибудь человечество поймет, что нужно жить на земле и самому обеспечивать себя всем необходимым. При современных технологиях семья из пяти человек может полностью кормиться целый год с 10—20 соток земли, при этом не надо работать не разгибая спины.

Новый современный дом в деревне, малоэтажное строительство — *это и решение жилищно-коммунальной проблемы.* Инфраструктура городов не выдерживает нагрузки, цена на землю, коммуникации и строительство в городах превышает все разумные пределы, что делает невозможной ипотеку и доступность жилья. И наоборот, сегодня существуют новые технологии малоэтажного строительства, которые позволяют в короткий срок решать проблему жилья.

Поселки могут строиться пока вдоль железных дорог и автомобильных трасс, чтобы пока использовать имеющуюся инфраструктуру. Вдоль поселковых линий домов протянуть электричество, газ, интернет, телефон. Постепенно расселять города.

Малые дома дешевле (даже вместе с инфраструктурой), чем панельные многоэтажки, и чем их ремонт в скором будущем. Наши градостроительные дебилы, много слова нет, и я на нем настаиваю, гордятся тем, что начали строить небоскребы, но ведь это все мода столетней давности!!! Это же какую надо иметь задержку в психическом развитии!

И, наконец, *культурно-идеологический ответ* на вызов возможен только в поле роста местного самоуправления, местной инициативы, постоянных социальных инноваций, которые производят небольшие самоуправляемые сообщества. Хай-тек и хай-хьюм — не та сфера, где могут работать госкорпорации и индустриальные монстры, *хай-тек и хай-хьюм возникают в микросообществах* и ими же реализуются. Кроме того, новый образ жизни (свой дом, природа, свои продукты питания, баня, рыбалка и проч.) обладает высокой привлекательностью и для бедных, и для высокоразвитых стран, где возможности такого образа жизни не сохранились. *Новый экологичный образ жизни можно противопоставлять «потребительскому» образу жизни*, который сейчас господствует, но возможности которого для всех стран близки к исчерпанию.

Различие между теми, кто воспринимает «зеленую революцию» как утопию, и теми, кто воспринимает ее как реальную и, пожалуй, единственно возможную перспективу, есть только различие в осведомленности по поводу современных достижений в строительстве, транспорте, коммуникациях.

Например, мало кто знает, что в России уже построены тысячи домов европейского качества, площадью 300 квадратных метров по цене не выше 65 000 долларов за дом. Но они строятся без помощи власти, наоборот, через сопротивление. Небольшим извинением для тех,

кто не верит в перспективу «зеленой революции», может служить лишь то, что вышеозначенные достижения постоянно замалчиваются и тормозятся людьми и институтами индустриальной и потребительской эпохи. Сегодня продолжают строить гигантские торговые центры, офисные небоскребы, производить продукты питания по технологиям фаст-фуда, продолжают восхищаться этой практикой, модной 50—100 лет назад. *Мы, вместо того, чтобы двигаться в постиндустриальное будущее, движемся в индустриальное прошлое.*

Для качественного рывка вперед в данном направлении необходим комплексный анализ применительно именно к российским реалиям. Главная задача — свести в одной точке потенциальные, но мало используемые экологические богатства России, возможности новых технологий.

Механизм решения задачи диктуется российскими просторами и реалиями постиндустриального общества — необходимо перейти от концентрированной схемы распределения населения к дисперсной.

Речь должна идти не просто о банальном «возрождении села». Необходимо создание новой формы поселений, неоагломераций, то есть поселений сельского типа со всей современной инфраструктурой, где появится возможность сочетать как экологический (вода, воздух, пища), так и технологический (бытовая техника, электричество, современный досуг) виды комфорта. Главным, приоритетным условием для выполнения этой задачи является создание качественно новой, высокоскоростной транспортной сети и параллельной ей системы современных коммуникаций (начиная с бытовой канализации и кончая связью, интернетом, спутниковой связью).

«Зеленая революция», являясь революцией реальной (в отличие от фальшивых «оранжевых революций», которые меняют только вывески), меняет всю совокупность общественных отношений, весь образ жизни и распадается на ряд мини-революций.

Во-первых, это революция в земельных отношениях, в земельном законодательстве. Здесь нельзя слепо копировать чужой опыт, у нас своя географическая и культурная специфика. Возможно, надо объявлять закон о раздаче земли в *вечную собственность*, причем не по шесть соток, а гектарами, по принципу «берите столько, сколько сможете». Сделать то, что США сделали в 1960-х прошлого века.

Дальше вступает немецкий принцип: «собственность обязывает». Землю должно быть невыгодно держать неиспользуемой или же невозможно. Земля может принадлежать только российскому гражданину. Но российским гражданином может стать и эмигрант, если сдаст суровый экзамен по русскому языку и русской культуре, который надо будет подтверждать потом еще несколько раз в течение нескольких лет, а также тот, кто принесет присягу на верность новому государству.

Эмигрантов из бывшего СССР или Европы мы можем принимать неограниченно, но только после платного обуения русскому и получения земли, которую нужно обрабатывать (таким образом, он будет к ней прикреплен, а не станет попрошайничать и бандитствовать по городам). Землю можно давать европейцам, восточноевропейцам, неграм, индусам, чуть меньше — арабам и китайцам, но главное, всех селить вперемешку, чтобы русский стал языком межнационального общения, чтобы не было общин и диаспор.

Весь мир должен знать: в России началась раздача земель, все должны устремиться сюда, как в Новый свет. А мы будем зарабатывать на образовании, на платной натурализации. Да, мы получим «дикий Восток» так же как в США был «дикий Запад». Но из «дикого Запада» США выросла величайшая империя мира, вырастет она и из «дикого Востока»!

Во-вторых, нужна революция в развитии трудовых отношений (когда будет считаться нормой работа на расстоянии, через компьютер, сеть, а не в офисах). Как-то будучи в Ульяновске, я побывал в музее Ленина и обна-

ружил, что приемная отца — Ильи Ульянова была прямо в его жилом доме. Чиновник уровня регионального министра образования не сидел ни в каких административных зданиях по восемь часов в день, а работал на дому. Сам формировал свой рабочий график, поездки по курируемым объектам и проч., и только раз в месяц являлся к губернатору с докладом. И так же работала масса других чиновников. И это в век, когда не было ни интернета, ни даже телефона. У нас же все сидят рядом друг с другом, боясь отлучиться, постоянно о чем-то совещаются, координируют, планируют, да еще и звонят и пишут друг другу. А порядка меньше, просто потому, что постоянные согласования и транзакционные издержки покрывают все рабочее время.

В-третьих, нужна революция в отношении к дому, земле (людям надо учиться жить на земле заново, учиться вести хозяйство). Впрочем, у нас даже после разрушения села остались традиции садов и дач. Если программа «зеленой революции» не будет претворена в жизнь сознательно, то в результате кризиса вся страна совершит «зеленую революцию» явочным порядком — люди просто сами сбегут на дачи и будут выживать за счет огорода. Однако все так не выживут, да и технологии, которые сейчас используются в дачном труде, малоэффективны. Нужно распространять новые технологии, и они есть.

В-четвертых, нужна революция в отношении к питанию и потребляемым продуктам. Надо учиться самому обеспечивать значительную часть своего рациона экологически чистой, настоящей пищей. Надо объявить войну фаст-фуду, причем не только пропагандистскую, как это делают фильмы «Осторожно, еда», или «Последняя порция», но и законодательную. Надо ввести такие экологические и санитарные нормы, чтобы бизнес постепенно сам переориентировался на производство и торговлю экологически чистой пищей. Это создаст больше рабочих мест в сельском хозяйстве.

В-пятых, строительная революция. Сегодня существуют технологии малоэтажного строительства морозо-

стойкого жилья по цене 10 000 рублей за метр, но их не пускают на рынок индустриальные бетонные монстры. Сошлюсь здесь на книгу Крупнова Ю. В. и Кривова А. С. «Дом в России», где профессиональные строители показывают возможность дешевого жилья и перспективность новых строительных технологий.

В-шестых, нужна революция в системе коммуникаций (газ, свет, канализация и проч. нового типа). Электрогенераторы должны быть автономные и комплексные (ветрогенераторы, солнечные батареи). Есть технологии мини-АЭС, экологически чистых, для малых городов и поселков, есть технологии мини-гидростанций, для малых рек. Есть даже технологии мини-атомных станций, которые вообще экологически абсолютно безвредны, так как работают на уране другого типа. Но крупные атомники все эти технологии «зажимают», не дают развиваться, поскольку это для них опасность.

В-седьмых, революция в использовании речного транспорта. Ведь реки — это естественные дороги, по которым передвигалась в течение 1000 лет вся Россия. Как жила Русь тысячелетия? Только пользуясь реками. Профессии плотников и сплавщиков были очень распространены, не меньше, чем сегодня профессии сис-админов. Сейчас сеть рек больше, чем сеть железнодорожного транспорта, но по ним перевозиться 2 % грузов! Берега рек и надо в первую очередь заселять мини-поселками.

В-восьмых, революция в скоростном железнодорожном транспорте. Китайцы и японцы уже делают такие поезда. Мы можем использовать своих инженеров и сделать что-то еще более выдающееся. Необходимо повышение пропускной способности железных дорог, увеличение парка подвижного состава, переход на качественно иной уровень комфорта в обслуживании (только мягкие сидячие места). Нужно широкое распространение высокоскоростных поездов (в том числе основанных на качественно новых технологических принципах — магнитная подушка, струнный транспорт, монорельс). Когда у наших граждан появится возможность в течение часа с

комфортом преодолевать 300—400 километров до работы и обратно, то на фоне чудовишно завышенной стоимости жилья в городах это приведет (особенно при поддержке государственной власти) к массовому перетоку населения в сельскую местность.

Наличие современной транспортной инфраструктуры позволит обеспечить «в деревне» такое качество жизни, какое ранее было доступно только жителям больших городов. Развитие высокоскоростного транспорта удешевит перевозки, что поможет снизить транспортные издержки в стоимости продукции и приведет к снижению цен и реальным успехам в борьбе с инфляцией.

Но это только первый шаг. В дальнейшем качественно возрастет транспортная связность страны в целом. Россия как бы «уменьшится в размерах», что позволит каждому жителю страны пользоваться всеми благами цивилизации, где бы он ни жил территориально.

В-девятых, революция в мини-авиации. Сегодня уже есть самолеты на несколько посадочных мест, летающие без заправки на значительные расстояния, абсолютно безопасные (так как при отказе двигателя выбрасывается парашют) и при этом для взлета и посадки им необходимо всего лишь 100—200 метров поля. Такими мини-аэродромами, а не полями для гольфа, надо покрывать всю Россию. Представьте: выехал за МКАД, сел в авиатакси, и через пару часов уже в Самаре. Цена мини-самолета сопоставима с ценой джипа. Да у нас полстраны должны летать на мини-самолетах и никого не спрашивать. Надо либерализовать законодательство о воздушном транспорте, обходиться без диспетчеров, ввести воздушные ПДД и все. Аварий будет не больше, чем на земле, потому что возможности разминуться в воздухе шире, а сам трафик — меньше. А какой шанс поднять наш авиапром, переключив его на массовое производство этих персональных самолетов авиатакси!

В-десятых, революция в самоуправлении и вообще в государственном управлении. Понятно, что огромные полномочия будут на местах, где все лучше видно и все

лучше знают. В свое время Китай создал одну из самых стабильных политических систем за счет того, что на местах передавалась абсолютная власть, только смертные приговоры заверялись в столице. Если у нас сейчас каждый чиновник не предпримет ни одного действия не спросив что-то наверху, то в Китае, наоборот, попытки передать вопросы наверх и спросить санкцию могли привести к снятию чиновника с должности или наказанию. Зачем тебя посадили, если ты начальника спрашиваешь? Наши центры власти перегружены и парализованы, должна же возникнуть система, разгружающая центр и все решающая на местах. В компенсацию за движение на местах надо укрепить и сделать стабильным сам центр, введя например, ту или иную форму монархии, которая бы символически объединяла пространство, но к которой бы в принципе никто не мог иметь никаких претензий, так как она наделена правом миловать, а не казнить, вмешиваться, а не управлять. Соответственно, не нужен и огромный административный аппарат в столице, кадры, которых сейчас не хватает для самоуправления в провинции, поехали бы туда.

В-одиннадцатых, возможна финансовая революция. Есть пророки, которые говорят, что в условиях мирового финансового кризиса производственного паралича удастся избежать всем, кто будет вводить свою мини-валюту, иногда даже действующую на территории одной агломерации. Бернанд Лиетер, известный экономист, один из архитекторов евро, в книге «Будущее денег» не только предсказал мировой кризис, но и указывал на беспрецедентный рост бартерных операций, частных, общинных и корпоративных валют. Мы сами уже часто вовлечены в эти операции, не догадываясь об этом, например, когда получаем баллы от авиакомпаний за налет часов и во многих других случаях. Существуют проекты финансовых систем, исключающих проценты и инфляцию. От них отмахивались традиционные финансовые гуру, но какие они теперь, после всего случившегося?

Предсказать все революции и перечислить их по степени важности невозможно, нужно начинать двигаться в этом направлении, а жизнь сама подскажет, что менять и как. Сегодня же сотни миллиардов выбрасывают на строительство какого-нибудь офисного центра-небоскреба «Москва-Сити», вместо того, чтобы построить тысячи новых поселков в том же Подмосковье.

Важнейшим следствием «зеленой революции» станет качественное повышение уровня внутреннего комфорта в стране. Россияне смогут в полной мере пользоваться экологическими богатствами страны — чистой водой и воздухом, здоровым питанием и т.п. — и при этом не отказываться от технологического прогресса. Это позволит впервые в истории обеспечить в нашей стране уровень жизни, превосходящий аналогичные показатели в развитых странах Запада. *Это не просто экономическое и военное превосходство, это превосходство в образе жизни.*

Современный западный человек имеет целью потребление тех или иных вещей, товаров. Человек, терроризируемый рекламой, трудится на неинтересной работе в душном офисе, питается вредным фаст-фудом, от которого тучнеет, и все для того, чтобы купить очередную «модную» одежду из синтетики, которая завтра уже будет непрестижной... И такие «крысиные бега» продолжают годами. Все это ведет к нервным расстройствам, потере здоровья, потере себя.

Россия сможет выступать в роли экспортера экологических ресурсов, востребованность в которых в развитых странах повышается стремительными темпами. Формы такого экспорта могут быть весьма разнообразны. Это и поставки экологически чистых натуральных продуктов и питьевой воды, и массовое развитие экологического туризма. Мне приходилось бывать во многих странах, и я смело могу утверждать: на Земле нет человека, который бы не слышал о России и не хотел бы побывать в самой большой северной стране. Примерно 1,5 миллиарда человек потенциально даже могут себе это позволить. Каждый турист оставляет в неделю до 1000 долларов. Пере-

множьте эти числа, и вы получите полтора триллиона долларов. Это потенциальный заработок России на экологическом и экстремальном туризме, что в несколько раз больше, чем весь сегодняшний российский бюджет.

Когда нефть и газ закончатся, наши природа и красота останутся и будут приносить нам доход. Мы должны уже сейчас инвестировать в туристическую и транспортную инфраструктуру, в коммуникации — это залог счастливого будущего наших детей! ***Россия может быть не только энергетической, но и туристической сверхдержавой.***

В результате Россия станет для всего мира образцовой для выстраивания такой модели социально-экономических и экологических отношений, которая способна обеспечить гармонию человека и природы, его души и внешнего окружения, гармонию духовных ценностей и наиболее благоприятных, комфортных материальных условий для устойчивого развития в будущем тысячелетии. Это гуманитарное лидерство в мире, делающее невозможным агрессивные поползновения.

Одно из самых распространенных возражений против «зеленой революции» — занятость. Дескать, чем люди будут заниматься? Работа только в городе.

Во-первых, начнем с того, что у нас в стране от 30 до 40 миллионов пенсионеров, из них только до 10 миллионов проживают в селах. Остальные в городах. Для них нет проблемы безработицы. А вот поселок с магазином, свой участок, свежий воздух может быть для них и за городом. И это даже более желательная перспектива, чем смерть в каменных джунглях.

В одной Москве живет несколько миллионов неработающих. Почему бы их ни выселить в таунхаусные малобюджетные поселки на природу на берега рек и озер, с персональными огородами и клубами «кому за 50»? Пенсионные фонды и должны строить эти поселки, забирая потом, в обмен на таунхаусы, квартиры в городах. Выход на пенсию и должен будет означать не обязательство государства платить тебе ежемесячно, а обязательство предоставить тебе отдельный уютный домик с огородом.

Теперь поговорим о тех, кому требуется работа. При современных средствах связи, при интернете и возможности виртуальных офисов нет необходимости сидеть и работать бок о бок разным коллективам. Только индустриальная привычка не позволяет многим руководителям заменить реальные офисы и места работы виртуальными. У 50 % видов работ нет технологической необходимости нахождения рядом друг с другом. Журналисты тоже могут делать газету, находясь в разных концах Земли, как сейчас — сидя в редакции, и менеджеры могут, и управленцы, и ученые, и люди творческих профессий. Многие уже сейчас так работают, но живут почему-то все равно в городе, хотя мечтают о домике с интернетом в деревне.

Другая профессия — строительство. Тот, кто живет, тот и осваивает новые территории, строит новые дома, расширяет сеть поселков, формирует инфраструктуру, подобно тому, как корни и грибницы создают ризому, сеть.

Еще одна сфера занятости — сельское хозяйство, особенно новое, но и просто самообеспечивающее. Трудно представить, что семья, имея гектар земли, не посадит на нем лук, картошку, не заведет козу или хотя бы кур и проч., а это все уменьшит зависимость от импорта. Будут задействованы новые биотехнологии.

Будут востребованы услуги по натурализации эмигрантов, обучение русскому.

Нужны полицейские функции, порядок в поселках, управление и самоуправление (выборы без всяких манипуляций, ведь все друг друга знают).

Далее: наукограды (наукопоселки), лаборатории, творческие коллективы.

Всевозможные сферы доставки: транспорт, связь, почта и прочие услуги.

Еще одна сфера работы — экологический и оздоровительный туризм.

В конце концов, зачем стесняться работы помещиков. Ведь многие наймут себе за барщину и оброк китайцев, индусов и прочих. (В мире и так наступает новое средневековье: США, например, фактически уже перестали

быть капиталистической страной. Их власть держится на оружии, опосредуется финансами, а собранная дань тупо потребляется, а не инвестируется).

Необходима концентрация поселков вокруг крупных производств, но не надо сами производства концентрировать вокруг поселков. Должны быть законы, запрещающие строить более одной фабрики (или промысла) в одном населенном пункте. Что бы вы сказали дизайнеру, если бы он в 200-метровой квартире составил всю мебель в один угол и обосновывал бы это тем, что «так все под рукой»? Но ведь реально, у нас в стране вообще отсутствует социальный и экономико-географический дизайн. У нас в одних регионах люди сидят друг у друга на голове и мешают друг другу, в других — пустыня. Нельзя допускать, чтобы производства открывались там, где кажется, будет выгоднее, а именно в «муравейнике», где все потребители под рукой — и поставщики и смежники. Бизнес всегда будет стремиться все свалить в кучу, поэтому надо искусственно давать льготы для открытия тех или иных бизнесов и производств на отдельных территориях и, наоборот, штрафовать за то, что люди плодят сущности там, где в них нет необходимости.

В XXI веке реакцией на глобализацию может быть только одно: эскапизм!!! Нам надо поймать этот тренд и заставить работать на себя!!! Россия станет самым модным в мире государством (как был с 1920-х по 1960-е СССР). Чтобы быть самым модным, надо «захватить» интеллигенцию, интеллектуалов. А все интеллектуалы в мире последние полвека в душе мечтают только об одном: *об уютном домике в тихом месте на берегу реки, в лесу, но... так, чтобы в любой момент, нажав кнопку, можно было связаться со всем миром.* Надо дать им это!!! Они устремятся сюда со всего мира. Начнется *обратная перекачка мозгов.* Весь хай-тек и хай-хьюм будет у нас. Мы будем иметь монополию и торговать идеями и разработками. А воплощают пусть в других местах. Новое позиционирование России: Россия — это рай для интеллектуала, здесь чисто, безопасно, все условия для работы, здесь все

по-настоящему: натуральная еда, чистый воздух, вода, душевное общение, настоящая, простая жизнь.

Сначала приедут сумасшедшие фанатики и романтики, потом все больше и больше появится тех, кто мечтает убраться подальше от цивилизации, потом «мозги» польются просто рекой. Нужно законодательно им предоставить режим наибольшего благоприятствования. Любому профессору из любой страны — бесплатно гектар земли с лесом, где укажет, и коттедж со всеми удобствами и русской баней!

Легко заметить, что данная концепция дает ответ на **ВСЕ** вызовы, стоящие перед Россией. Так или иначе, **ИМЕННО** это у нас и так будет, и ничего другого. Это неизбежно, как судьба: только разумного она ведет, а неразумного тащит. Мы, как первые, можем сорвать все сливки с авангардной роли в новом мире, а можем прийти в него последними, растеряв по дороге и территории, и население, и возможности, когда сливки снимут другие.

Зеленый — самый модный цвет наступающей эпохи, зеленый, а не грязно-серый цвет бетонных городов. Сами же города надо прореживать. Вообще запретить строительство в них, только делать историческую реконструкцию. На месте выбывших из строя зданий делать парки. Столичные функции Москвы распределить между десятками городов-миллионников, резиденцию президента перенести за город. В Кремле же проводить только торжественные и символические мероприятия. Сделать из Кремля гигантский музей, убрать оттуда всех чиновников. Одна эта мера увеличит поток туристов в Москву с 4 до 10 миллионов в год минимум, не говоря о том, насколько легче станет трафик при отсутствии всяческих кортежей, которые регулярно бороздят город и перекрывают движение. Точно такие же проблемы у всех областных центров.

Благодаря скученности производств, наша страна подверглась загрязнению точечно. До сих пор мы — хранители «зеленых легких» планеты, до сих пор четверть мест, где не ступала нога человека, находится у нас. Это

наше уникальное преимущество и мы должны капитализировать его и использовать как ресурс во время выхода из кризиса и во время формирования посткризисной повестки дня — нового мира, в котором должны занять лидерские позиции.

ЗА ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ОЛИГАРХОВ!

Тяжело расставаться с мифами. Особенно с теми, в которые очень хотелось верить. Например, с мечтой о так называемой национальной буржуазии, состоящей из мелкого и среднего бизнеса, которая придет на смену интернациональным олигархам.

Действительно, олигархический капитал по своей природе завязан на процессы глобализации. Он ввозит и вывозит товары и капиталы, прячется от налогов в оффшорных зонах, бьется за сокращение таможенных пошлин и прочих барьеров, коррумпирует национальные правительства и государства, рушит валюты и рынки, играя на колебаниях и кризисах. Для олигарха нет ничего святого, он безродный космополит, обуреваемый жадной наживы.

Иное дело — мелкий лавочник, хозяин нескольких киосков на соседних улицах, или владелец маленького «свечного заводика». Ему не нужны оффшоры или борьба с таможенными барьерами. Все, что его интересует, — «понятные правила игры», отсутствие инфляции, порядок в государстве и гарантии прав собственности, законность, предсказуемость инвестиций. Потому-то мелкий и средний бизнес должен быть опорой сильного и стабильного государства. К тому же мелкий и средний бизнес, как правило, делает себя сам, а значит, его представители обладают прекрасными профессиональными качествами, без которых ни одно серьезное дело долго бы не просуществовало. Об аморальных олигархах, получивших свои богатства в результате особых отношений с властью либо с помощью махинаций, мани-

пуляций на фондовых рынках, зачастую случайных, и почти всегда безнравственно или незаконно, этого не скажешь.

Понятно теперь, что в этой сказочке добро, а что зло? Заманчивая иллюзия, красивая теория, возможно применимая в другом месте и в другое время, но не «здесь и сейчас» в России. Это не просто слова, это вывод, основанный на анализе развивающейся обстановки в стране, исследовании поведения (не бытового, разумеется, а общественного и нравственного) мелкого и среднего бизнеса и олигархической прослойки в разных ситуациях, опыте общения с представителями этих общественных структур. Есть исключения, особенно в столице, но мы будем говорить о «правиле».

Лишь единицы из этих «национальных буржуев» похожи на идеальный портрет, описанный выше. Основные их характеристики можно увидеть в сравнении с теми же олигархами, которые за последние 10 лет серьезно изменились. Надо подчеркнуть: под «олигархами» я понимаю людей с состоянием свыше 100 миллионов долларов, потому что невозможно, имея такое состояние, не влиять на власть (что предполагает само понятие олигарха). Пообщавшись с пресловутой национальной буржуазией, я прямо-таки полюбил олигархов, которых раньше ненавидел. Судите сами.

Во-первых, все олигархи в смысле образования родом из советского прошлого. Многие из них заканчивали престижные вузы, кто-то даже имел ученую степень; во всяком случае, у них был и остался довольно широкий кругозор, сохранилось уважение к образованию как к таковому, вкус к определенным ценностям. Недаром сейчас они строят храмы, раздают премии студентам, содержат музеи и оперные театры. Деньги в сознании нынешнего олигарха занимают правильное место. То есть далеко не главное.

Мелкий и средний бизнесмен в массе своей родом из начала 1990-х. Он понимает только материальные ценности, всю жизнь думал только о деньгах, зачастую необ-

разован и дремуч. Его вкусы — вкусы типичного «братка», а законы он часто путает с «понятиями». И если этот «национальный буржуа» не имеет вилл на Лазурном берегу и футбольных клубов в Англии, то вовсе не потому, что патриот, а потому, что еще не дорос. Но он искренне, истово об этом мечтает.

Во-вторых, олигархи, со своим довольно легким отношением к деньгам, обогатили множество людей. Принцип известен: легко пришло — легко ушло. Многие из них, получив огромные куски национального богатства, так и не поверили, что это надолго, а потому весело тратили, выплачивая гигантские зарплаты и гонорары всевозможным менеджерам, консультантам, подрядчикам и субподрядчикам, прощали долги, заключали убыточные контракты, просто дарили.

Мелкий бизнесмен, наоборот, жаден до неприличия. Могу привести в пример с десятков историй, как хозяин и управляющий вместе начинали бизнес, управляющий выполнял всю черную работу, хозяин становился миллионером, а управляющий в итоге должен был довольствоваться скромной зарплатой и изгонялся при попытке попросить прибавку или квартиру.

Может, богатство олигархов и досталось им случайно и незаслуженно, но про богатство так называемой национальной буржуазии можно сказать одно: все оно построено на крови и поте простых людей, на безжалостной и нечеловеческой эксплуатации. Весь этот средний и мелкий бизнес состоит из настоящих упырей!

Спуститесь с небес, господа, и пойдите на тот самый «маленький свечной заводик», и вы увидите нечеловеческие условия работы, отсутствие каких-либо профсоюзов, нарушение всех норм трудового законодательства. Пойдите в офис к бизнесмену, и вы увидите, как там люди пашут по 15 часов в сутки, как облагаются бесконечными штрафами, как отработывают годами взятые у руководства кредиты, находясь в кабале.

Существуют десятки распространенных схем, связанных с минимизацией издержек на оплату труда. На-

пример, пресловутый испытательный срок, во время которого платится минимальная зарплата, потом работника увольняют и нанимают другого. И это еще хорошо. Иногда возникает долг, который нужно отработать. А то придется пообщаться со «специальными людьми». Мир ларьков в среднем российском провинциальном городе, мир средней посреднической фирмы либо полуподпольного цеха еще ждет своего бытописателя! Тут такие «Униженные и оскорбленные», тут такое «На дне»!

Нынешние олигархи сентиментальны и романтичны. Они читают умные книжки философов типа Ильина или Бердяева, зачастую кидаются в Православие, проливают слезу по поводу России-матушки и народа-богоносца. Иное дело средний и мелкий бизнесмен, который каждый день своими делами доказывает своим рабочим и служащим, что те воры, лентяи и быдло.

На мелких заводиках службе охраны, этой современной реинкарнации зондер-команды, даны огромные права, потому что «русский Ванька — вор по природе». Его в любой момент могут обыскать, а если что-то нашли — избить.

Поскольку все русские считаются пьяницами, уволить тоже могут в любой момент без соблюдения норм Трудового кодекса, даже если вчера рабочий похоронил близкого человека. Всевозможным менеджерам и надсмотрщикам даны самые жесткие инструкции как выжить максимум из «лентяев».

Когда этот «национально-ориентированный бизнесмен» приходит на свой заводик, он держится как польский пан, надменно и жестоко. Он казнит и милует. Он «хозяин», а вокруг него — рабы. Атмосфера чинопочитания на мелких заводиках развита как в средневековой Турции. Я однажды наблюдал, как хозяин овощной базы уволил сотрудника в пять секунд за то, что тот долго не мог попасть ключом в дырку замка и продержал «барина» на пороге дольше обычного. А почему тот в скважину не мог попасть? Руки тряслись от страха, ведь сам хозяин приехал!.. У меня намечался с этим «представителем

среднего бизнеса» крупный контракт, но после увиденного мне стало так мерзко, что я понял: никогда в жизни не смогу подать руки этому «человеку». Это к вопросу о патриотизме и любви к родной земле и русскому народу.

И еще интересное наблюдение. Многим нынешним олигархам свойственно чувство вины. Большинство из них осознало всю «неправоту» 1990-х и свою неприглядную роль в развале великой державы.

Вся эта нынешняя благотворительность и меценатство, «социально-ориентированный бизнес» — не просто пиар, а прежде всего сознательная попытка хоть как-то искупить вину перед народом и страной.

Наоборот, бизнесмены никакой вины за собой не чувствуют, ненавидят олигархов за то, что им «все упало с неба», и любят себя за то, что они «всего добились сами». Дескать, олигархи пострадали справедливо, потому что в 1990-е годы развлекались в куршавелях и давосах, в то время как они, мелкие бизнесмены, с утра до ночи налаживали бизнес, выстраивали «систему менеджмента» и т.п. Поэтому они считают, что теперь страна принадлежит им по праву, они заслужили ее, они хотят прийти на смену олигархам, чтобы тоже ездить на Сардинию и в Лондон, но уже «с чистой совестью».

Это «чувство вины» — центральная составляющая. Это «жало в плоть», мотор, незаживающая рана, благодаря которой происходит движение в душе. А значит, есть надежда на воспитание, на изменение. Некоторые олигархи уже сейчас изменились именно поэтому, будут меняться и впредь.

Иное дело самодостаточные, самоуверенные и тупые, самотождественные, не поддающиеся воспитанию, коррекции и изменениям «деловые люди» среднего пошиба. Они так и останутся средней, серой, бездарной, всегда во всем правой неяркой массой, не способной ни к чему интересному и великому.

Никогда заработанные капиталы не станут служить идее или миссии, потому что никакая идея или миссия просто не вмещаются в их узколобый горизонт. С таким

«средним классом» можно построить только среднюю страну. Нормальненькую такую, средненькую демократию... Неотличимую от сотен других таких же демократий. Но не Великую «энергетическую сверхдержаву» и не «суверенную демократию»!

Великие империи создаются классами и элитами, которые обладают чувством истории, мыслят эпохами, замахиваются на столетия... Для «средних и мелких» все перечисленное — пустые и даже опасные слова, поскольку отдают «авантюризмом» и «идеализмом». А что может быть страшнее для прагматичных «навозных жуков»?

Идеал «малого бизнеса», «среднего класса» и «национальной буржуазии», к сожалению или к счастью, никак не «бьется» с идеалами «энергетической сверхдержавы» и «суверенной демократии». И скоро придется отказываться либо от того, либо от другого. Великие дела делаются только великими. Великая страна наша и оказалась разрушена, когда постепенно мы стали отказываться от великих проектов и все больше увязать в маленьких проектах, а потом бросились с разбега в перестройку. Мы кинулись в дикий потогонный капитализм 100-летней давности, и этот «средний класс» — его продукт.

Ждать 100 лет, пока новая средняя национальная буржуазия разбогатеет, потом обожрется и даст волю своим загнанным вглубь порокам, потом ужаснется своим делам, испытает чувство вины и только потом задумается, как ее загладить и что хорошего сделать для страны? Ждать пока она пройдет весь цикл — и долго, и бессмысленно.

У нас уже сейчас есть те, кто готовы к великим проектам и великим делам, есть те, в ком все сильнее звучит зов совести и кто слышит призывание истории. Если мы действительно хотим великого будущего и великой страны, надо делать ставку на перевоспитание олигархов! Это перевоспитание уже идет полным ходом. Но ведь есть еще десятки тех среди них, кто запутался и буксует на месте, кто никак не может поднять голову и все еще с упорством, достойным лучшего применения, покупает себе

25-й джип, десятую яхту или 30-й золотой унитаз. До них надо достучаться, им надо предлагать проекты по переустройству не больше не меньше, чем всего мира! Им надо предлагать единственную игру, которая их достойна, — игру в планетарном и историческом масштабе!

Кто сказал, что нельзя открыть новый путь из Европы в Индию через Россию? Кто сказал, что нельзя разделить Китай на четыре части? Кто сказал, что нельзя сделать «оранжевую революцию» или «перестройку» в Америке? Ну ладно Америка, но всю Прибалтику можно 10 раз перевернуть за 50 миллионов долларов. А Молдавию с Грузией — так и за 10. Можно основывать новые государства, вводить новые валюты... Если политика неинтересна — можно снимать мировые блокбастеры и раскручивать мировые бестселлеры! Можно создавать и продвигать новые стили в музыке: стили, а не отдельные группы! Можно основывать новые религии или хотя бы новые мировоззрения, «образы жизни». Все это уже сейчас делают люди, у которых денег и ресурсов зачастую меньше, чем у первой сотни наших олигархов. Бен Ладен не так богат, но он мировой игрок, который играет на равных с самыми великими, за его спиной уже добрая половина мусульманского мира.

Если кому-то претит повторение пути Бен Ладена — есть тот же Сорос с его фондами, открытыми в мелких странах, переформатирующими мозг элитам этих стран. Есть Ральф Нейдер, который сначала перетряс всю Америку во имя борьбы за права потребителей, а теперь стал одним из лидеров антиглобалистского движения. Чем больше эти ребята тратят — тем больше зарабатывают (оговорка на случай, если кто-то боится потерять деньги и статус олигарха, увлекшись политикой). Все трое представляют разные спектры: «левак» — Нейдер, либерал — Сорос, консерватор — Бен Ладен.

Есть вещи, которым даже названия не придумали, потому что никто ничего подобного никогда не делал. Такой целью — быть первым в истории — нельзя соблазнить бизнес, который всегда тупо плетется в мейнстриме

(Вася открыл салон сотовой связи, я тоже открою; Петя поставил игровые автоматы, я тоже поставлю). Никакого хай-тека и хай-хьюма. Вечная догоняющая модель. Тупое стадо всегда будет следовать за главным козлом, а он, в свою очередь, будет бодаться в границах, отведенных пастухом. Какие уж тут суверенитет и мировое лидерство?!

Вместо того чтобы читать «Коммерсант» и развлекаться байками о тупости нашей власти, купите себе глобус, почитайте работы мировых философов, геополитиков, футурологов, и все мировоззрение наших политиков и политологов, равно как и коллег-бизнесменов, покажется вам таким же глубоким, как лягушатник.

Кто-нибудь может внятно объяснить, зачем человеку, у которого есть завод стоимостью 200 миллионов, покупать еще один завод еще за 100 миллионов? Чтобы стать богаче? Но самым богатым он все равно не будет. Чтобы стать самым богатым, нужно, как Билл Гейтс, начинать с инвестиций в 2000 долларов в еще не созданную новую отрасль и потом расти вместе с ней.

В три горла есть не будешь и в 10 «Мерседесов» одновременно не сядешь! Тот, у кого есть 100 миллионов, не богаче того, у кого всего лишь 50. Так зачем этот выпендрей? Чтобы быть круче, сильнее, известнее? Но это вообще ерунда, ведь экономика не создает знаменитостей. В средневековье были, наверное, те, кому принадлежали все рынки и корабли, а в Древней Греции и Риме были те, кто держал все порты и караванные пути. Где они? Кто помнит их имена? Другая мотивация — передать накопленное детям и внукам. Но богатство, которое есть с детства, только развращает: оно если и не сделает несчастным, то уж точно не сделает счастливым. Недаром тот же Гейтс уже заявил, что оставит наследникам лишь 0,1 % своего многомиллиардного состояния. Чтоб у тех мозги не атрофировались.

Именно так или примерно так уже мыслят сегодняшние олигархи, уставшие от бесконечного топтания на месте, от бизнеса, который состоит из постоянных переговоров по поводу: продали на 100, купили на 10, за-

платили еще 50, купили на 30, построили на 20, продали на 5... Это может вызывать азарт первые несколько лет. Потом пресловутый вопрос о смысле жизни (особенно когда для жизни есть угроза: если подорвал здоровье, или подобрался «кризис среднего возраста») начинает «доставать» все сильнее. И отдых на горных лыжах, и попытки убежать от старости по самодвижущейся дорожке в фитнес-центре, и стволовые клетки из абортивного материала не решат, а только усугубят проблему. Посмотрите на роскошные склепы и надгробия на старых кладбищах! Сколько там тайных и статских советников, купцов первой гильдии! Все это были весьма влиятельные люди в свое время. Но ни о чем не говорят нам их имена, и ничего от них не осталось, кроме богатого склепа, который просто кричит о его глупом тщеславии и явном несоответствии всех украшений истинным заслугам покойного. А ведь прошло 100 лет.

Представьте себе: в 2125 году мимо роскошных могил вексельбергов и графов, прохоровых и фридманов, абрамовичей и зюзиных будут ходить зеваки, и ни один даже не вспомнит, что это за люди, почему у них такие склепы и как их угораздило быть похороненными на столь престижных кладбищах. И не спасут от забвения благотворительные акции и спонсирование Эрмитажа, помощь зоопарку и ежегодные рождественские премии лучшим студентам вузов.

Чем сантехник Петров, который после работы берет литр пива и смотрит футбол, отличается от олигарха, который так же весь день занимался «терками» и «стрелками» и так же берет пиво, пусть даже со своего пивзавода, и так же смотрит футбол — пусть и в исполнении принадлежащего ему клуба? Такой олигарх по своим вкусам и мировоззрению и, главное, по образу жизни — сантехник. Так ли велика разница между выезжающими раз в месяц компаниями обычных людей за город на шашлыки и тусующимися семьями олигархов в Куршавеле? Отличие количественное, но не качественное.

Но у олигархов есть возможности, которых лишены обычные люди и пресловутый некрупный бизнес. Так почему они эти возможности не используют? Олигархов не так уж много, их можно брать на контроль поименно и воздействовать на их сознание. Не заставлять, что очень важно, а мягко воспитывать, менять мировоззрение. Это под силу небольшой структуре. Здесь не нужны громоздкие топорные инструменты типа ОРТ и ГТРК, издания вроде «Коммерсанта» или «Эксперта», заточенные под десятки тысяч или даже миллионы зрителей, слушателей, читателей.

Мир олигархов очень закрыт. Есть службы безопасности, защищающие от воздействия извне, в том числе и со стороны спецслужб. Задача глубокого проникновения — не из легких, но это не значит, что она не должна ставиться и решаться. Пара сотен олигархов — это тоже целевая аудитория, от которой, между прочим, зависят чуть ли не 90 % жителей страны.

Сегодня все отдано на откуп личному общению представителей высшей власти с ними, индивидуальной и внутренней коммуникации, а также элитарным СМИ. Это никуда не годные инструменты. Потому что слишком грубые, неэсклюзивные и главное, злободневные. Они не работают с мировоззрением, разве что опосредованно и в долгосрочной перспективе.

Какую-то роль в этом вопросе играет и будет играть Церковь, но это не всем подходит. У нас нет структур типа американского «Совета по внешней политике» или масонских лож как в Италии и Франции, клубов, как в Англии. Во всех вышеназванных организациях обсуждаются не вопросы бизнеса и актуальной политики, а вопросы стратегии, мировоззрения, ценностей. Именно в таких структурах, а не на пьянках с ксюшами собчак, рождаются проекты, которые потом меняют ход мировой истории.

В США уже почти 100 лет функционирует «Совет по внешней политике». Создан и назван так именно потому, что нужно было заставить элиту США перестать ду-

мать о своем вонючем бизнесе, а перейти к мышлению о мировом лидерстве! Это школа, академия власти, через которую прошла вся элита США. Когда де Голль начал восстановление послевоенной Франции, он создал вертикаль власти, но укомплектовал власть выпускниками созданной им же Национальной Школы Администрации. Это не аналог Академии Государственной Службы в России или Высшей партийной школы в СССР. Если уж искать аналоги (а подобные учреждения есть в Италии, Англии, Германии, Японии и проч.), то скорее можно сказать о масонской ложе или клубе. Что здесь есть?

- Свои ритуалы, иногда экзотические.
- Своя социальная иерархия, не совпадающая с официальной.
- Неформальное общение.
- Высшая степень элитарности, недостижимости, невозможность купить диплом или попасть «по блату».

Никого не надо обязывать посещать занятия, семинары и лекции в этом закрытом клубе. Все сами стремятся туда попасть и мечтают об этом. Достаточно пару раз появиться президенту. Заседания могут проходить один-два раза в месяц, после обязательного ритуала заслушивается лекция какого-либо эксперта, идет обсуждение, потом неформальное общение. Постепенно все начнут говорить на одном языке, понимать суть государственной политики, станут командой единомышленников.

Скорее всего, клуб — это даже слишком грубо, и для работы с самими богатыми нужно создать сетевую структуру, узлы которой автономны и, возможно, даже не прозрачны друг для друга.

После «равноудаления олигархов», произведенного президентом Путиным, многие из них потеряли «смысл жизни». Ведь став кое-кем в бизнесе, они закономерно пошли в политику, для них это был следующий, более высокий этап.

Сейчас их вытолкали оттуда взащей, сказали, что негоже лезть со свиным рылом в калашный ряд, и низвели до роли неизвестных спонсоров чужих проектов, к тому

же малоинтересных. А ведь у людей были амбиции, и они никуда не делись. А неудовлетворенные амбиции оборачиваются злобой. В определенный момент она может перевесить страх, и олигарх окажется спонсором какого-нибудь хулиганства типа «оранжевой революции» или путча. Даже если побоится сам быть инициатором, он не будет лоялен, а гарантированно предаст в сложной ситуации, воткнет нож в спину. На него нельзя рассчитывать в трудную минуту, которая в нашем бурном мире может наступить в любой момент. Зачем это власти?

Как выпускают пар у протестного электората, пар надо выпускать и из перегретых мозгов олигархов. Это даже важнее. А взамен выпущенного пара вкладывать правильные ценности и цели, возбуждать энергию и направлять ее в разумное русло, давать взамен цели намного выше тех, какие они пытались достигнуть.

Вы мечтали порулить Кремлем и схватить пару месторождений? Дураки, мы вам предлагаем мировое господство!

РЕ-АКЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО¹

О.М. Приветствую всех и благодарю за приглашение участвовать в вашем семинаре. Семинар предполагает живую дискуссию, но как «приглашенная звезда» я должен для затравочки сказать какой-то текст.

Вот несколько тезисов:

1. Россия ни от кого не отстала в историческом развитии. Наоборот, все остальные отстали от нее. То, с чем столкнулся СССР, ждет и США, и Европу, и Китай, и остальных. По сути сейчас там у них социализм. Но конец будет таким же печальным для всех, как был печален конец нашего социализма.

2. Все партии, которые сейчас есть в России, я имею в виду не политические партии, а идеологические сгустки, представляют собой ре-акцию, то есть попытку отползти

¹ Из стенограммы частного семинара.

обратно от той исторической стены, об которую СССР со всего размаху шмякнулся.

3. Самая простая ре-акция — это отползание ненадолго, лет на 30 назад в наше собственное прошлое, в «эпоху застоя». Это не только коммунисты предлагают, это и власть зачастую симулирует. Всякий раз, когда я слышу, мол, что-то там «было мудро и правильно и зря мы от этого бездумно отказались», я понимаю: это и есть отползание.

4. Есть ре-акция не очень далеко отползающая, но не в наше собственное прошлое, а в настоящее других стран: «Давайте сделаем как в Швеции, в Китае и, конечно же, как в Европе и США». Но поскольку конец им все равно один, то подобный способ — просто прийти к тому же и опять о стену шмякнуться. При этом в собственное прошлое вернуться легче, так как есть в памяти привычные формы бытия, клише, люди не нуждаются в особом переучивании. А вот чужое бытие симулировать — тяжелее для всех, ломать себя приходится. А ради чего? Ради того же конца.

5. Есть предлагающие вернуться чуть дальше, во времена Сталина. Там уже другая эпоха. Подражать ей очень тяжело. Не забывайте, то была страна с 80 % крестьянского населения, для которого привычно каждый день совершать подвиг.

6. Для других, кто откатывается еще дальше, переломным является 1917 год, а точнее, отход от старых добрых консервативных принципов а ля Александр III или Николай I. Они хотели бы реставрировать монархию романовского типа.

7. Не знаю, как далеко назад в историю мне надо отнести либералов: в 1917 год, аккуратно во время Февральской революции, или же вообще в эпоху Просвещения. Дело в том, что эти несчастные, со своими «демократическим выборами» и «правами человека», пытаются симулировать эпоху гораздо более далекую от нас, чем даже монархическая или сталинская. Вспомните: действительно, было время, когда люди шли в Сибирь за свободу и

конституцию, когда шли на смерть за всеобщее избирательное право. Сейчас не только в России, но и на Западе никто никуда не «ходит», и голосовать людей заставляют. Никто не верит в выборы, нет наивных людей, не знающих что такое манипуляции элит общественным мнением. Мир сильно изменился за столетия.

8. Есть уже, менее многочисленные, группы, которые идеалом считают наше или чужое средневековье. Чаще нашу, а именно Святую Русь, например, времен Ивана Великого.

9. Есть экзотические группы традиционалистов, считающие, что с верного пути история сошла, когда Каролинги убили Меровингов, а поскольку их династия продолжилась в Рюриковичах, либо же в тайных обществах, то нужно восстановить то, что было при Меровингах или Рюриковичах... и так далее. Не буду выдавать эзотерических тайн.

10. Есть сторонники «естественного состояния» — своего рода хиппи или староверы, живущие отшельниками, вне государства, вне истории, в каком-то доисторическом времени. Сюда же можно отнести и всяких нео-эскапистов, интернет-трейболистов с их социальными электронными сетями, а также мечтающих о восстановлении племенного строя (например, некоторые чеченские теоретики типа Нухаева).

11. Для всех, как мы видим, есть «золотое место» или «золотое время», есть точка-развилка, с которой история пошла неправильным ходом. Вот туда-то и надо вернуться и «реставрировать будущее».

12. Можно выделить отдельно хайдеггерианскую позицию. Она крайне «реакционна», но, как всякая крайность, переходит в свою противоположность — модернизм: человечеству вообще надо начать новую историю; в какую бы точку прежней истории мы ни возвращались, все кончится тем же. Надо доверять тем, кто жил в истории, раз они делали тот или иной выбор, значит, им было на месте виднее. Доверие судьбе и бытию должно быть. Новую историю не вычислишь из старой, поэтому нужно

совершить прыжок. Поскольку этот прыжок происходит в области Бытия и Мышления, а также требует какого-то исторического времени, то политикам, экономистам и вообще большинству людей вряд ли что-то сейчас перепадет. Поэтому сейчас об этом не будем.

13. В известном смысле все ре-акционеры правы: чем дальше в историческое прошлое мы заберемся, тем дальше будем идти к неизбежному концу. В этом смысле, конечно, лучше сразу, например, симулировать Святую Русь, хотя это труднее, чем подражать эпохе Брежнева или даже Сталина. Зато и запас времени будет больше, труд не напрасно пропадет.

14. Другой вариант, альтернативный всем видам реакции, — историческое творчество. Попытка строить именно будущее, а не какой-либо из видов прошлого или настоящего. А это значит строить нечто НЕБЫВАЛОЕ. Вместо скучной ре-акции надо заняться историческим творчеством.

15. Конечно, творчество — это безответственно и рискованно, это отсутствие гарантий успеха. Но в противном случае мы получаем гарантированно только то, что уже имели. И не более того. В конце концов, семи смертям не бывать, а одной-то все равно не миновать.

16. Как все это представить на практике? А так: должен быть некий один проект, в который вовлекается вся страна. Все бросают все и делают только ЭТО. Все подчинено только одной цели. Какой?

17. Я не знаю, какой. Собственно, это не важно. Что бы там ни было, труд 150 миллионов человек и финансовые вливания, инвестирование капитала на сумму в полтриллиона долларов способны «раскрутить» любую идею. Даже если изначальная цель не будет достигнута, то издержки пути, то есть попутно осуществленные проекты, дадут огромное количество инноваций во всех областях, которым можно будет найти иное «гражданское» применение.

18. Ну, например (это не моя идея, а одного предпринимателя из Костромы): мы все вкладываем все деньги

(все, что у нас есть), все силы в одну цель: придумывание средства для продления жизни или даже бессмертия. Или даже для оживления мертвых. А что? Есть же русский философ Федоров, который целую «Философию общего дела» создал по этому поводу. Все в мире хотят подольше пожить, молодость продлить. Вот мы, в России, и изобретем «таблетку бессмертия». Бросим на это ресурсы всей страны. А на такие инвестиции можно столько научных разработок найти и производств организовать, что мы оторвемся от всех в мире в этой области. И, как монополисты, как эксклюзивные владельцы патента на производство и сети продаж этой таблетки, этой технологии будем всему миру потом эту таблетку продавать за страшные деньги. Все инвестиции окупятся.

Смотрите, как благородно все выглядит при этом. Американцы атомную бомбу изобрели — вот империя зла. А русские — наоборот. Средство для вечной жизни! Ну? Чем вам не национальная идея? Я не знаю, но многие ученые говорят, что вообще-то смерти в природе нет, то есть как бы реально можно не только затормозить старение, но и смерть убрать, и даже как бы клонировать и оживить всех мертвых, если есть генный материал. То есть теоретически, типа, это возможно. Да и Христос же как-то ведь воскрес. Лично я верю.

Ну и разве не стоит такая идея, чтобы жить, бороться и трудиться? Что характерно, философ Николай Федоров один раз уже нас не подвел. Именно начитавшись его, Циолковский стал бредить покорением космоса. Именно начитавшись Циолковского, Королев конструировал ракеты. Когда американцы захватили в плен Вернера фон Брауна, немецкого ракетного конструктора, они не знали, куда его применить: считали, что космос — экономически невыгодная идея. И только после нашего первого искусственного спутника все силы бросили, чтобы догнать нас.

Сначала был большой пиар-эффект. Когда Гагарин покорил космос, вся планета аплодировала нам. Позже мы настолько оторвались в сфере космоса, что могли бы

полностью монополизировать и стратосферу, и сверхдальние перевозки, и все мировые телекоммуникации и новые материалы... Но случилась перестройка, и проект космоса свернули именно тогда, когда он мог бы давать триллионную отдачу. Так что идея Федорова с бессмертием может быть еще круче.

Возражения, мол, это противоречит вере и христианству, надо отместить. Даже Достоевский писал в письме Петерсону, что «прочел идеи Федорова как за свои». Есть также книга Горского и Сетницкого «Смертобожничество» с множеством богословских аргументов за эту идею. Еще очень важный момент: данная идея совершенно интернациональна, наднациональна. Она может вдохновить не только нас, но и любого латиноса, негра и индийца. Это всемирно-историческая, а не национальная идея.

19. Важно еще, чтобы дело делалось не согласно одной гипотезе, а с разных сторон. Кто-то пытается мысленным усилием создать что-то, кто-то молитвой, кто-то опыты в лабораториях ставит. Ни ода идея, даже самая сумасшедшая гипотеза не должна пропасть, все должны опробоваться и пускаться в ход. Неизвестно, где всплывет удача. Возможно, психологи помогут, или химики, а может, вообще филологи изобретут волшебное слово, или монахи вымолят.

20. Или вот еще пример, учите, я могу привести десятки. Есть теория, согласно которой Земля внутри полна водородом. И зоны силицидов в некоторых местах выходят близко к поверхности. Ученый В. Ларин утверждает, что возле Байкала есть такая зона. Сейчас уже изобретены водородные двигатели (самые эффективные и экологичные), но есть проблема: где брать водород. Электролиз воды потребляет больше, чем дает. Так вот, Ларин предлагает добывать водород из Земли. Просто сверлить скважины, и реакция с водой будет давать тепло (не хуже, чем уголь) плюс водород. А если добывать сами силициды, то можно производить сплавы из магния, то есть сделать мировую авиацию в несколько раз легче и экологичнее. Короче, изменятся цены на углеводороды,

на металлы, на все. Планета приобретет иной облик. Но только представьте, что всем этим будет рулить Россия! Новой геологией, новой авиацией, новым машиностроением! Все патенты и технологии будут у нас.

Сейчас требуется менее 100 миллионов долларов на инвестиции в эту тему. Только Абрамович миллиард долларов потратил на «Челси»! Да будь он проклят во веки веков!!! А В. Ларин пребывает в безвестности, и о нем вспомнят, только когда американцы откроют то же самое, через 10 лет, инвестируют, захватят мировое лидерство, а наши уроды спохватятся, начнут только подражать, но будет поздно...

Если даже не получится, это все равно интересней, чем прозябать и заниматься и тем, и этим, и пятым, и десятым, пытаться делать все — и ничего из всего не делать хорошо, ни в чем не быть первым и лучшим. Если эта идея не нравится, можно десяток других подобных предложить, это не принципиально. Важен сам проектный подход.

21. Почему не удавались и не удаются попытки создать новую российскую идеологию? Потому что нам предлагают концепции двух сортов: одни пытаются вычислить российскую идею из прошлого и делают проекцию этого прошлого на будущее, другие вообще пытаются вычислить российскую идею из настоящего, из международной обстановки, внутренних и внешних вызовов.

22. Но прошлое и настоящее разделяют всех нас. Интерпретации прошлого таковы, что мы никогда не сойдемся. А в настоящем нас так же будут разделять интересы и идентификации.

23. Только будущее может объединять, и национальная идея должна времениться из будущего. Единственное определение будущего в том и только в том, что оно есть НЕ-продолжение настоящего и прошлого. Будущее, наоборот, вырывает нас из прошлого и настоящего и через это мы его способны иметь. То, что просто длится, копируя себя каждый миг, то не имеет будущего. Реально оно не имеет даже и прошлого с настоящим. Человек не

должен быть таков и уподобляться, например, камню, который возвращается один и тот же каждый миг и так длится, то есть длит себя.

24. Есть еще такая важная «мелочь» как пропаганда. Кто-то скажет: «ладно, допустим, можно убедить 10 человек заняться строительством какой-нибудь вавилонской башни, но народ просто хочет хорошо, сытно, богато и спокойно жить, и убедить его создавать таблетку бессмертия нельзя». На это я скажу как человек, который 15 лет занимается массовым сознанием. Дайте мне миллиард у. е., и через пару лет вы не узнаете страну. Это вопрос технический, это такие приятные хлопоты! Народ не надо недооценивать, народ как раз ждет чего-то подобного: большого дела, а не мелких делишек.

25. Впрочем, возможно, я не прав, и все это тоже вид ре-акции, калька с «проектного подхода» прошлых времен, калька с бизнес-стратегий транснациональных корпораций. Может, не нужно никакого дела, наоборот, пришла эпоха малых дел, и героем нашего времени является кто-то типа Амели из фильма «Амели»? Может взять, и всем вместе, только опять-таки всем вместе (!!!), и отказаться от всех своих больших дел, а заняться самым трудным — любовью к ближнему. Только не как декларацию это поймите, а как смысл жизни. Тоже небывалый проект своего рода.

ВОПРОСЫ

Первый участник семинара. *Я не знаю, как воспринимать все услышанное, то ли как шутку, то ли, простите, как глупость...*

О.М. Только тот, кто говорит глупости, может говорить и истину. Тот, кто никогда не говорит глупости, на истину тоже не способен.

Второй участник семинара. *Еще Лао Цзы говорил, что истинные слова выглядят как своя собственная противоположность.*

О.М.: Все его слова были именно таковыми...

Первый участник семинара. *Критерий истины — практика. Я не вижу тут ничего практического.*

О.М. Если у вас в кармане было три яблока, а потом вы одно съели, а потом сунули руку в карман и яблока не обнаружили, значит ли это, что $3 - 1 = 0$??? Значит ли это, что прежняя истина ($3 - 1 = 2$) не выдержала испытание практикой? Ведь вы лично на практике убедились, что $3 - 1 = 0$. Или же вы все-таки сделаете вывод, что два яблока вы потеряли или у вас их украли? То есть, скорее, сочтете, что с практикой что-то не так? Я это к тому, что не надо повторять глупые формулы насчет практики, критерия, истины... Тем более, что я вообще не об этой истине говорил.

Первый участник семинара. *Все это демагогия...*

О.М. Демагогия по-гречески дословно «народовождение», а в переносном смысле слова греки называли так тех, кто заискивает перед народом — популистов. Вот если бы я сейчас пытался вам угодить, говоря то, что приятно вам слышать, чтобы влезть к вам в доверие, а потом манипулировать вами, я был бы демагогом. Я скорее антидемагог. Антипопулист.

Первый участник семинара. *Демагогия — пустая болтовня, которая не ведет ни к чему. Трата времени. Что мы здесь сейчас будем обсуждать? Тут нечего обсуждать.*

О.М. Иногда под непрактичностью понимают не те вещи, которые нельзя сделать, а те, которые неспособны сделать. То есть не объективно невозможные вещи, а субъективно неспособные люди. Что для Наполеона план действий, для торговца колбасой — химера.

Первый участник семинара. *Я пришел сюда, чтобы понять, что реально можно сделать в стране, чтобы жить лучше. Я сейчас считаю, что я теряю время, слушая этот бред.*

О.М. Я лично не уверен, что «жить лучше» — цель человека, страны и всего человечества. Представьте себе надгробный памятник, на котором написано: «Он все время жил все лучше и лучше». Все умрут: каждый в от-

дельности, каждая страна. Но что будет написано на памятнике? Впрочем, если вы сторонник идеи борьбы со смертью, то да, тогда насчет памятника думать не надо... Вы что, серьезно хотите, чтобы я вам сказал, что нужно сделать, чтобы народ стал жить лучше, прямо завтра? Я могу сказать.

Первый участник семинара. *Только без фантастики...*

О.М. Во-первых, я уже озвучил идею с «таблеткой бессмертия». Жаль, что вы не услышали, это очень гуманный вариант. Но если хотите жить лучше прямо завтра, я могу предложить вариант более людоедский, но эффективный. Пожалуйста. Завтра бросаем десяток атомных бомб на Саудовскую Аравию, Эмираты и нефтеносные районы Персидского залива. Так, чтобы там был один сплошной Чернобыль, и нефть нельзя было бы добывать лет пятьдесят. Одновременно обращаемся к США, можно даже перед самым пуском ракет — чтобы пока там бомбы рвутся они обсуждали ситуацию — и говорим, мол, не делайте резких движений против нас, так как мы лично по вам ударов не наносим. Сами же оккупируем быстро Каспий, Азербайджан и Казахстан. А Европе, Китаю, Японии и другим заявляем, что нефть и газ нынче стоят по 5000 долларов за тонну. А тот, кто будет нас осуждать, вообще ничего не получит. Так затыкается рот всяким «правозащитникам и гуманистам», причем рот им заткнут их собственные правительства, не желая с нами сориться... А мы становимся эксклюзивным поставщиком этих энергоресурсов на мировой рынок. В очередь, сукины дети, в очередь!

США кинутся себя спасать: при их уровне жизни они вынуждены будут на себя тратить, никому не станут продавать. А мы будем продавать, но дорого.

Конечно, из-за кризиса потребности сократятся, но в принципе можно всем все разъяснить: нужно, чтобы мир привык к новой реальности. Часть резко обедневшего населения Европы мы можем принять к себе, пусть едут в Сибирь и осваивают новые месторождения, там такой шельф... Но с условием, что все быстро учат русский и

общаются только по-русски. Иные языки запрещены: кто заговорил на другом языке — высылка обратно. Через два поколения в общерусской среде и русских СМИ все русифицируются. И вырастет у нас население до 400 миллионов человек к концу века. Больше нам не переварить. Прибалтов всяких вообще принимать не будем... Арабов тоже, так как они нелояльны будут из-за обиды на то, что сделано с Меккой...

Вообще, конечно, за один день все это нельзя делать. Надо заранее подготовить подробные инструкции и приказы, которые обнародуются вместе с пуском ракет. Каждый солдат должен будет знать свой маневр. Кто-то резко закрывает границы, кто-то еще что-то делает. Всем должен руководить новый ГКЧП. Надо будет мобилизовать большие массы народа на прием эмигрантов, сопровождение их, надзор, на охрану нефте- и газопроводов. Вся страна — армия, страна господ будет... Ну, вы понимаете, какие огромные возможности открываются... И главное, все очень быстро, мы вернем себе статус сверхдержавы. Энергетической.

Вообще в мире интересней будет. Начнут искать энергосберегающие технологии. Особенно США. Арабы-мутанты ринутся из своего «Чернобыля» в Европу, она их будет не пускать, они к нам — мы тоже не пускаем, и придется им Африку оккупировать. Европа проснется и мобилизуется. Перестанет парады геев проводить, а начнет выживать. Это я бы сравнил с пробуждением мира ото сна. Новый этап истории. А кому спасибо? Нам спасибо!

Все участники семинара. Ха- ха- ха.

О.М. Напрасно смеетесь. Возможно, Россию доведут до такого положения, что этот вариант останется единственным выходом. Я этот сценарий положил бы в запасник, только в более гуманном варианте: чтобы никого не убивать, просто вирусов и бактерий напустить в нефтяные скважины диверсионным способом, чтобы они съели всю нефть. С другой стороны, возможно, лучше погибнуть, чем уничтожить других.

Третий участник семинара. *Вы противопоставляете консерватизм и творчество. Значит ли это, что вы отрицательно относитесь к консерватизму?*

О.М. Мне не нравится слово «консерватизм». Язык — не такая безобидная вещь, как кажется. Когда в эпоху Просвещения на основе определения сущности человека как свободы сложилась новая концепция истории, тогда либерализм изначально получил в этой концепции привилегированное место. Либерал — тот, кто всегда и во всем исходит из сущности человека, понятой как свобода. Свобода же понимается как самодетерминируемость, самодостаточность, самообеспеченность. Свобода, свободная сущность требует освобождения от традиционных оков, от всего старого и преднайденого, поскольку старое определяет меня, оно не соответствует сущности свободы. Естественно, это не могло привести ни к чему, кроме как к эскалации свободы, понятой как эмансипация от старого. Каждый следующий объявлял себя более свободным и прогрессивным, чем предыдущий, а каждый предыдущий, с точки зрения нового, объявлялся реакционным и консервативным. «Контрреволюционер», «консерватор» — все это обидные клички, которые либералы придумали своим врагам, отсталым защитникам традиционных ценностей. Эти клички не несут в себе позитивной программы.

Кто такой консерватор? Это тот, кто всего лишь консервирует, сохраняет все, как есть, и больше ничего придумать не может. Когда либералы загнали «клячу истории» насмерть, отрицая все старое (например, религию, монархию и проч.), что выразилось в перманентном смертоубийстве миллионов людей, сопровождавших первые буржуазные революции в Европе, они потеряли популярность у народа. Симпатии вернулись к тем, кто называл себя консерваторами. Но консерватизм означал всего лишь, что изменения должны совершаться медленно, с общего согласия, не за счет разрушения старого, а за счет плавной эволюции и т.п. Принципиально же сама схема истории и взгляд на сущность человека не претерпели изменений.

Консерваторы согласились с тем местом, которое им определили либералы. Правда, теперь это место оценивалось не как однозначно негативное, но как нужное и имеющее свою функцию. Легко увидеть, что приоритетным в этой схеме все равно остаются либералы. Именно они, быстро ли, медленно ли, творят историю. Именно они являются источником социальных инноваций, которые потом уже консерваторы консервируют, сохраняют.

Вот уже 300 лет считается нормальным, когда в молодости человек является либералом и революционером, а в старости — консерватором. Подлинная трагедия консерватизма в том, что он согласился с этой, по сути, либеральной моделью: что свобода признается «самой существенной сущностью человека», а история есть прогресс свободы и эмансипации, что историю движут всевозможные революционеры. А также в том, что он согласился со скромным местом тормоза или якоря в движущемся механизме истории. А что? Тормоз не менее важен, чем газ...

Но не пришла ли пора переосмыслить концепцию 300-летней давности и взглянуть иначе на сущность человека и на движение истории? Может, назрела необходимость консерватизму отказаться от своего имени, от своей клички, данной врагами-либералами, и породить себе имя из себя самого в соответствии со своей настоящей сущностью, которая вовсе не состоит в том, чтобы стремиться «оставить все, как есть» и «сохранять старое и традиционное»? У меня больше вопросов, чем ответов.

Четвертый участник семинара. *Какие новаторские гуманитарные практики вы бы предложили?*

О.М. Очень много. Ну, например, в пенитенциарной системе, которая меня очень беспокоит. Все знают, что такое в России преступный мир, уголовное сообщество, с его языком, законами, иерархией, культурой, шансоном, влиянием на экономику, политику и проч. Это страшная самовоспроизводящаяся гидра, отрицательно влияющая и на внутренний климат, и на внешний имидж. Ее надо уничтожить. Это достигается путем прекращения обще-

ния в преступном мире, то есть разъединением мира. Только тогда исчезнут всякие инициации, передача фольклора, романтики, языка.

То есть всех преступников предлагаю сажать в «одиночки». Дороговато, но можно предусмотреть конструкции, с минимальным удорожанием. Другое дело, что экономический эффект от новой формы содержания возможно превзойдет все затраты.

Я утверждаю, что исчезновение преступного мира (как мира, а не как отдельных преступлений, которые будут) даст мощный экономический эффект, улучшит инвестиционный и социальный климат, даст экономию на правоохранительной системе. Главное, что я предлагаю: пока преступники сидят в «одиночках», имея возможность периодически гулять, работать, общаться с близкими, — существенно увеличивать качество этого «человеческого материала». Зоны должны производить не блатных и умеющих в лучшем случае физически работать людей, а интеллектуалов.

Ведь пока человек сидит два-три года, он может выучить, например, иностранный язык. Как? Просто! Подсовывайте ему самоучители, карточки, транслируйте по радио аудиоуроки. От безделья он его выучит. Более того, мы можем производить математиков и инженеров, философов и литераторов, ученых всех видов, если, начиная с учебников, начнем подкладывать им курсы соответствующих наук. Они выучат от скуки все. И не просто выучат, а заново откроют для себя, как все это интересно и искренне пожалеют, как раньше мимо этого прошли.

Более того, люди это не простые, а пассионарные, талантливые, им будет интересно и самим творчески все развивать. Так же как они преступают законы, они будут преступать научные предрассудки и порождать небывалые открытия. Их мотивированность в сравнении со студентами (которые думают о девочках и дискотеках) в тысячу раз выше. За пять лет там можно вырастить «эйнштейнов в пробирках».

Открывается простор для очень интересных психологических экспериментов. Не над их сознанием. А просто по методологии обучения: что и в каком порядке им давать читать, как закреплять прочитанное, каковы должны быть отдых, нагрузка, как определить изначальные таланты и по какой стезе направить конкретного человека. Уверен: если бы уже сейчас где-то попробовали с десятью заключенными проделать такой опыт, результат превзошел бы все ожидания. Мы бы за 10 лет, клянусь, получили бы минимум пару нобелевских лауреатов. Потом такой опыт можно распространять и дальше.

Пятый участник семинара. *А как вы относитесь к национализму?*

О.М. К какому? К украинскому? К грузинскому? Латышскому? Плохо.

Четвертый участник семинара. *Русскому!*

О.М. Вот видите как! У нас так и получается: чужой национализм плох, а свой хорош! Давайте будем принципиальными: национализм или плох или хорош любой. Мне отвратителен национализм поляков или украинцев. Вам, как я вижу, — тоже. Но, заметьте, им будет так же отвратителен русский национализм. А я не хочу, чтобы что-то русское вызывало отвращение у кого бы то ни было. Даже у поляков.

Национализм — удел наций-неудачников, одержимых комплексом исторической неполноценности. Зачем это нам? И опасность в том, что сейчас в России в решающую фазу входит то, что можно назвать *демаргинализацией национализма*.

Рост националистических настроений фиксировался в прошлые годы, но впервые национализм вышел за пределы маргинальных слоев (скинхедов, нацболов и проч.). Темы национализма перестали стесняться на телевидении, огромное количество культурных деятелей, артистов и проч. впервые не стесняясь (!!!) говорит о своем национализме. Определенную легитимацию нашему национализму дают события в Америке и Европе (француз-

ские пожары). Социология также фиксирует, что лозунг «Россия для русских» поддерживает до 15 % населения и около 30 % согласны с тем, что русские должны быть привилегированной нацией в России.

Национализм стал модой!

Тема национализма всерьез играет на выборах. Тот, кто ее использует — набирает очки. Это стимул для остальных не отставать. Начнется эскалация проблемы, и все дойдет до довольно резкого накала. Выборы — всегда катализатор всех трендов, а националистический тренд и так довольно ярок. Между тем, абсолютно ясно, что ***национализм — единственная опасность, которая реально может взорвать и уничтожить страну.***

Давайте подумаем: что в ближайшем — именно в ближайшем — будущем может угрожать стабильности в России? Проблема демографическая существует, но она даст о себе знать примерно к 2020 году. То же самое можно сказать о китайской экспансии. Окончание запасов нефти, глобальное потепление или глобальное похолодание — это все через 50—100 лет, не раньше. А что может прервать наш поступательный рост на 5—10 % в год в ближайшие 5—10 лет? Землетрясения или цунами? Падения метеоритов? Ерунда. С нашим золотовалютным запасом и стабилизационным фондом мы залатаем любую дыру. Падение мировых цен на нефть? Тоже ерунда. Мы амортизируем и эту беду. Технологические катастрофы? Тот же ответ — денег достаточно. Социальные потрясения? Их не будет. Даже в 1995—1998 годах, когда две трети России сидело без зарплаты, власть сумела справиться с социальными потрясениями. А сейчас, когда зарплата есть у всех и 75 % населения поддерживают власть, ни на какой протест рассчитывать не приходится. И никакие олигархи никакого бунта тоже поднять не смогут. Это можно было сделать еще в 2001 году. Сейчас время ушло. Да и вообще, после неудачных революций на Украине и в Грузии всерьез рассчитывать на какие-то «майданы» в России могут только абсолютно оторванные от жизни шизофреники.

Так что же, власти абсолютно ничего не угрожает? Нет, угрожает, и еще как! Есть только одна действительно настоящая угроза, которая может взорвать Россию в любой момент, так же как взорвала куда более благополучные Австралию, Францию и Бельгию. Национализм — вот единственный способ расколоть Россию, пролить кровь, дестабилизировать ситуацию, прервать экономический рост.

Если бы сейчас кто-нибудь в Вашингтоне или в Пекине, в Лондоне или Аддис-Абебе планировал уничтожить Россию к 2012 году и перебирал бы различные варианты, то он вряд ли решился действовать методами, которыми когда-то разваливали Советский Союз. Никакие статьи о «репрессиях Сталина» сегодня уже не помогут. Народ России получил абсолютный иммунитет против демшизоидной пропаганды. Натравливать бедных на богатых тоже бесполезно, это можно было делать 10 лет назад. Сейчас подавляющее большинство экономически и политически активных людей, как говорится, вписалось в рынок.

Есть только один способ взрыва ситуации, один способ применять старый принцип «Разделяй и властвуй!» — спекуляция на национальных, религиозных и культурных различиях.

Желающий уничтожить Россию, понимал бы, что ему нужно зажечь Кавказ, расшевелить Татарстан, вызвать волнения в Туве, Бурятии, Якутии, спровоцировать беспорядки между несколькими десятками национальных диаспор в Москве. Достаточно поднести спичку, и последствия могут быть самые чудовищные. Про политическую стабильность и экономический рост уже говорить не придется. *Не случайно, старейшие диссиденты и ненавистники России, взять того же Веллера, усиленно пытаются сейчас натравить русских на мусульман.*

Если такая война разгорится, это спасет и Европу, и Америку. Они давно уже мечтают воевать с мусульманским миром нашими руками «до последнего русского». В России полтора десятка миллионов мусульман, да еще

на границах миллионов 150! Поссорь их с русскими — и нет никакой России. Всем спецслужбам мира это ясно. Это не ясно только «патриотам России», которые усиленно кричат про «засилье черных», про «Россию для русских», а заодно и про жидомасонский заговор.

Национализм опасен еще и тем, что его проблему нельзя решить с помощью договоров и разговоров. *Наоборот, разговоры на национальную тему подчиняются не «логике консенсуса», где стороны отступают от первоначально радикальных мнений, а «логике катастрофы», когда стороны становятся крайними радикалами тем сильнее, чем дольше тянется разговор.*

Любое обсуждение национальных, религиозных, культурных различий плохо само по себе. Это все равно что сыпать соль на рану и заливать костер бензином. При этом не важно, ЧТО ГОВОРИТСЯ. Говорят ЗА национализм или ПРОТИВ, за русских или против, за татар или против. Всякий раз, сидя перед телеэкраном, зритель начинает думать: «А я кто? Я русский? Или татарин? Или еще кто-то? А если я татарин, то какие это обязательства на меня накладывает? Надо учить язык, надо ходить в мечеть, надо ненавидеть русских? И прочее»... Вместо того, чтобы думать о зарплате, о телесериалах, о профессиональной карьере, думать обо всем что угодно, — он сбивается на ненужные для государства мысли о своей национальной идентичности.

Но проблема в том, что ОТВЛЕЧЬ от темы национализма теперь не удастся. В этом специфика сегодняшнего момента, об этом надо было думать раньше. ТЕПЕРЬ ПОЗДНО. Национализм в моде. *Так что же? Теперь включается логика: «Если нельзя остановить, то надо возглавить?».* Раз так, то может быть, Кремлю и президенту стать главными националистами в стране? *Нет, это самоубийственно, да этого и не требуется.* Кремль не может себе этого позволить, так как он не может и не должен в многонациональной стране оседлывать и возглавлять идеологию национализма, пусть даже эта разрушительная идеология и набирает силу.

Но здесь важно поставить нужные акценты. Национализм — это действительно враждебная и разрушающая страну идеология, которую используют враги России и которой, по глупости, увлекаются ее слишком большие «друзья». Национализм не может привести ни к чему кроме ответного национализма других этносов. В итоге это разрушает страну.

С националистами бесполезно бороться, рассказывая об ужасах социальных потрясений в случае стычек с инородцами. Они думают: «нас все равно больше, и мы все равно победим, зато не будет черных». Многие националисты готовы биться с инородцами лично и даже погибнуть за Русь Святую, что придает героический оттенок их жизни и смерти, которые сейчас бессмысленны. Войной не запугать, социальными катаклизмами тоже.

Так что же делать? Пугать, но пугать другим. Страшно то, что в итоге исчезнет единственное преимущество России в мире, исчезнет то, чем каждый гордится, что в себя все впитал с молоком матери — **ВЕЛИЧИНА РОССИИ**. На эту жертву даже националисты не готовы идти. Многие националисты по привычке все еще являются империалистами. Они думают, что может существовать «Россия для русских» в тех же пределах, что и нынешняя Россия, а это не так. Нужно показать, что нынешняя Россия — это не некая «естественная величина», а величина, за которую мы платим ужиманием прав титульной нации, несем «бремя белого человека».

ГЛАВНОЕ, что надо сделать в области идеологии, это РАЗВЕСТИ И ПРОТИВОПОСТАВИТЬ НАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ И РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ИМПЕРИАЛИЗМ!!!

Точка зрения, что Россия должна стать маленькой страной с исконно русским населением, ужаться до Русистана, так как «империя нам не по силам», маргинальна и непопулярна даже среди националистов. Все хотят Россию «от края до края». Так что империалистами являются почти все русские. *Среди нерусских этносов гордость за житье в большой стране испытывает*

большинство, и эта гордость больше, чем собственная национально-этническая гордость. А если страна делает успехи, то тем более.

Рассказывают, что когда Гагарин полетел в космос, чеченцы в аулах выбегали из домов, доставали дедовские ружья и салютовали, обнимались, с русскими, как братья. В Якутии целыми улусами приходили в паспортные столы и просили записать их как «русских». Они гордились за всю страну. И русские и нерусские гораздо больше империалисты, чем националисты. *Таким образом, при жестком разделении и противопоставлении с разъяснениями национализма и империализма, у национализма максимум 10 % против 90 %, которые будут за империализмом.*

Империализм теперь не должен мыслиться как угнетение одной нацией других. *Империя — высшая форма государства и общества* (предшествующие, более низкие формы, — это родоплеменные общества, затем идут «национальные государства», а выше них стоят империи), поскольку империя теперь — это добровольное (раньше — принудительное) объединение наций для достижения общих исторических целей (выживание, экономическое развитие, реализация какой-то миссии и проч.).

Звать россиян к национальному государству («Россия для русских») или к родоплеменному строю, как делают националисты на Кавказе, в Бурятии, Туве и проч., — это значит ЗВАТЬ НАЗАД, ВОИ ИЗ ИСТОРИИ.

Чтобы вызвать доверие у различных этносов России к слову «империализм» и заставить испытывать гордость русских, очень важно, чтобы пропагандистами империализма служили люди разных национальностей: якуты, татары, чеченцы и проч. (например, самую большую национальную гордость французов вызывал снимок с обложки «Пари-матч», на котором изображен темнокожий алжирец в французской военной форме, искренне салютующий французскому флагу).

Очень важно, чтобы русские видели реальную «пользу» от других этносов и от союза с ними (а не только грязь на рынках). Например, сейчас к Кадырову все равно очень плохое отношение. А вот если, условно (!!!) говоря, он сделал бы рейд на Тбилиси, разогнал бы за день всю игрушечную грузинскую армию и выгнал бы Саакашвили с правительством в море, то ему бы рукоплескала вся Россия и он бы стал настоящим героем России. Или, например, *«Единая Россия» должна открыто в речах лидеров заявить, что она «партия империалистов» (только после подготовки почвы, противопоставления национализма и империализма и реабилитации империализма)*. Это спровоцирует коммуникацию: только и разговоров будет что об этом. Это наконец-то будет хоть какой-то поступок, хоть какая-то определенность, а то нынешняя ЕР не холодна и не горяча, сера и невнятна. Основная проблема ЕР — безликость, ее идеология и программа: «За все хорошее, против всего плохого!», а это никого не способно «зажечь».

Пятый участник семинара. *Многие сейчас говорят о новой холодной войне: не проиграем ли мы ее как первую?*

О.М. В середине 1980-х СССР проиграл первую холодную войну, когда мировые цены на нефть упали до 10 долларов за баррель. Эта ситуация больше не повторится. Об этом стоит помнить тем, кто собирается развязывать «Холодную войну-2». Прежде чем развязывать какую-либо войну, надо подумать, есть ли шанс на выигрыш. У США такого шанса нет. Главная причина даже не в нефти.

Холодную войну нельзя выиграть дважды — так же, как дважды нельзя удивить детей одним и тем же фокусом.

Сколько бы ни падали цены на нефть в середине 1980-х, главной причиной крушения СССР была огромная антигосударственная накачка, соблазн народа выборами, многопартийностью, демократическими ценностями и т.п. В течение 1990-х годов 150 миллионов человек из 300-миллионного населения бывшего СССР

имели возможность во всем этом разочароваться. Рейтинги так называемых демократов и либералов в России ниже всякого приличия. И это при том, что в пропаганду «демократических ценностей» вкладываются миллиарды долларов.

Люди из СССР были похожи на людей из-под стеклянного колпака, с огромным культурным иммунодефицитом, поэтому они были подвержены любой заразе. Люди нынешней России получили такие убойные дозы всех вирусов, что после таких прививок у нас сейчас иммунитет ко всякой демократической пропаганде. Определенный эффект эта пропаганда еще имеет на окраинах бывшего СССР в интеллектуальных провинциях. Именно поэтому в демократические революции верят всевозможные политические клоуны и маргиналы, каковыми являются марионеточные президенты мелких постсоветских республик, и шайка уже полвека находящаяся на содержании США диссидентов-грантоедов. Тенденция, однако! В первую холодную войну американцам удалось соблазнить нобелевских лауреатов, талантливых писателей и поэтов, широкие слои советской интеллигенции, а сегодня в качестве авангарда демократии выступают отщепенцы, большинство из которых покинут лагерь демократов сразу, как только им перестанут платить американские гранты.

Главное же отличие той ситуации и нынешней в том, что прежние американские президенты, которые вели холодную войну — Трумэн, Кеннеди, конечно же, Рейган, — сами верили в свою миссию. Верили в то, что говорили, в либерализм и демократические ценности. Возможно, они заблуждались, но заблуждались искренне. Сегодняшнее американское руководство само не верит в то, что говорит. Как же оно собирается заставить поверить других? Цинизм и прагматизм.

Когда-то Черчилль повторял слова Палмерстоуна, что у Англии нет вечных ценностей, вечных врагов и друзей, но есть вечные интересы. И именно Черчилль принял Великобританию «империей, над которой не заходило

солнце» и которая значила больше для XIX века, чем США — для XX века, а оставил ее маленькой несuverенной «демократической страной», одной из десятков подобных. На старости лет он понял, что великие империи не строятся на интересах и прагматизме, они строятся на миссии и ценностях, — и произнес свою Фултонскую речь, которую как миссию взяли на щит американцы. Взяли и победили. Теперь они оставили ценности в пользу прагматизма и, значит, кончат так же, как кончила Британская Империя.

Чтобы править миром, нужна не сила, а духовное и интеллектуальное лидерство. Это было у США в первую холодную войну, и это полностью утрачено сейчас. Америку или боятся или презирают. Но ее больше никто не любит. А любовь — это главное.

Вторую мировую холодную войну имеет шанс выиграть тот, кто предложит миру новую миссию, кто станет духовным лидером, кого будут искренне любить, а не тот, у кого больше оружия или нефти. Поэтому и наша ставка на прагматизм так же не сыграет. Россию, конечно, уже не боятся, но никто не любит тех, от кого зависит.

Нам надо ставить свое лидерство в мире на духовную основу. Нам нужно выступать с международными проектами, инициативами, нужно привлекать на свою сторону будущую мировую интеллектуальную элиту, выращивать ее у себя, следить за новыми тенденциями в мировой культуре, так как культурная геополитика и экспансия — самая лучшая экспансия.

На то холодная война и названа холодной, что в ней выигрывает тот, кто ставит на пропаганду. Пропаганда немодных во всем мире «либеральных ценностей» может заманить в свои сети только отсталых провинциальных лохов типа Ющенко и Саакашвили. Поэтому США уже проиграли, не успев даже объявить свою войну. Выиграем ли мы — еще не решено. Но предпосылки есть. Надо лишь предпринять интеллектуальные и пропагандистские усилия. Надо давать что-то нужное и важное всем, а

не думать, как что-то урвать себе (именно поэтому я против национализма). Только тогда ты станешь мировым лидером.

ГОСУДАРСТВО И КОРРУПЦИЯ

Очень часто приходится слышать сетования на то, что, мол, наше государство насквозь коррумпировано, невозможно нормально жить и процветать достойным людям. Вот, дескать, если бы государство было поставлено под контроль народа, тогда... все были бы «в шоколаде». Давайте разберемся с этим вопросом.

Идея постановки государства под контроль народа — вредная да и невозможная. Почему невозможная? А кто будет контролировать контролеров, которые контролируют государство? Кто станет контролировать контролеров, которые контролируют контролеров, которые контролируют государство? Кто будет... и т.д. и т.п. Так что этот путь вообще тупиковый, дурная бесконечность. Вот если государство не опасается возмущений со стороны народа, то оно перестает его бояться, перестает давить оппозицию, и тогда в народе начинается нормальная здоровая свободная жизнь. Как ни парадоксально, свобода есть там, где государство не боится народа. А всякие идеи наподобие «чем меньше государства, тем меньше коррупции» — дешевый популизм.

Из демократической прессы нам известно: если не все, то многие в государстве — воры. Только к чему призывают защитники демократии? К 1937 году? Чтобы сажали сразу всех? Нет, этого они не хотят. Когда сажают по одному, как сейчас, тоже, оказывается, плохо. Получается, на самом деле тайное их подспудное желание — чтоб никто вообще никого никогда не сажал, особенно за коррупцию. И это не случайно. Для идеологии наших либералов коррупция есть явление в принципе органичное и нормальное. И дело не в том, что все нынешние олигархи получили свои состояния только благодаря бес-

прецедентной коррупции 1990-х. Нет, речь сейчас не об этом. Давайте задумаемся: почему, когда мы приходим на рынок и отдаем дяденьке в кепке деньги, а он нам — килограмм апельсинов, это не просто приемлемо, но «так и должно быть». Ведь рынок (особенно саморегулируемый) видится нашими либералами образцом для всего и вся. В то же время, когда мы приходим к чиновнику и даем ему деньги, чтобы получить подряд на строительство в деловой части города, и он его дает, это вдруг не просто ненормально, это преступление! Двойные стандарты какие-то!

Стандарты действительно двойные. Дело в том, что рынок и пресловутое «гражданское общество» — это сфера, где люди преследуют свои частные, корыстные интересы, сталкиваются, конкурируют, договариваются к обоюдной пользе. Государство — совсем другое дело, оно по определению есть нечто общее, и любой чиновник тут руководствоваться должен не частным интересом, а интересами всего общества. Поэтому когда дядя в кепке ходит на рынок торговать, про него говорят «он работает» или «занимается бизнесом», а вот про чиновника говорят, что он «ходит на службу». Если место и товар на рынке принадлежат торговцу, то чиновнику его кресло не принадлежит, наоборот, он «принадлежит своей должности» и выполняет то, что должность от него требует.

Конечно, найдется много возражающих, мол, это в теории, а на деле все чиновники тоже преследуют частный интерес на всех должностях. Если это и так, то все происходит в соответствии с законами определенного экономического уклада. Вы же сами хотели рыночную экономику! Вот она!

Кто говорит, что в России задавлено все частное, что у нас одно сплошное государство? Да у России единственная проблема в том, что здесь один сплошной рынок, одно сплошное гражданское общество, один сплошной частный интерес от лавочника до министра! Если и есть проблема, так только в том, что у нас слабое государство, у нас нехватка людей служащих, работающих на общий интерес!

Да и откуда у нас возьмутся люди, работающие на общее благо, если им с рождения вдалбливают: «общего блага вообще не бывает», «рынок — это модель» всего в жизни, а «экономика — базис общества». Если человек видит, что первый сюжет во всех новостях — про экономику, если он живет в обществе, где чиновника не уважают, а наоборот презирают, если слово «государство» — ругательное, и оно означает какого-то непонятно зачем нужного паразита.

Человек, выросший в такой среде (а эта среда искусственно культивировалась многие годы, в том числе и при позднем социализме, чему немало способствовали марксистские догмы о первичности экономики), даже, если попадает на государственную службу, ведет себя как на рынке и очень будет возмущен, если ему вдруг устроят омовские «маски-шоу».

Больная антигосударственная идеология позднего советского периода и «отмороженных» 1990-х годов должна быть квалифицирована именно как бред больного общества, а не как «либеральная теория» и «демократические ценности». В противовес надо четко заявить:

1. Экономика не первична. Самая «чистая» экономика по определению грязнее самой «грязной» политики. Собственно, политику делает «грязной» наличие в ней хотя бы малой примеси экономики.

2. Место рынка — на окраине, а не в центре, хоть в отдельном городе, хоть в сознании всего народа.

3. Общее благо есть. Общее благо не сводится к благу отдельных частных и не выводится из него. Как сумма частей не дает целого, так и совокупность частных интересов порой действует против себя же, вопреки общему и, в конечном итоге, вопреки каждому частному. И призвано это общее благо отстаивать государство.

О государстве в нашем обществе самые дикие представления. Его рассматривают то как «набор чиновников», то как «машину насилия». Но государство вообще не имеет в себе ничего материального. Государство — это идея! Что заставляет миллионы людей выполнять ука-

зы одного человека, который ничем не лучше их? Что заставляет с почтением относиться к государственным символам, соблюдать законы? Только то, что у миллионов людей в голове одна и та же идея, их действия синхронизированы, упорядочены, предсказуемы в соответствии с законами, указами, символами. Не я часть государства, а государство — часть меня, причем одна из самых важных.

Государство тем более эффективно, чем лучше отложились идеальные его образы в головах миллионов людей, чем меньше там разногласий, недопонимания и проч. Поэтому и укрепление государства — сугубо идеальная просветительская работа. Чем выше авторитет государства, тем оно больше подтверждает свой авторитет. Это как самосбывающийся прогноз, это положительная обратная связь. Если государство считать хорошим, оно и будет хорошим. И наоборот: если считать его плохим, оно и будет плохим. Кто-то из китайцев даже говорил: «Надо печалиться о государстве в мыслях, но никогда нельзя печалиться о нем вслух».

Более того, вот вам еще один «секрет»: даже самое плохое государство лучше, чем его отсутствие. Это вам подтвердят крупные бизнесмены, уже столкнувшиеся с тем, что их права и капиталы никем не гарантируются. Их инвестиции и состояния основаны на песке, если они построены с нарушением закона и государство не хочет или не может их защищать, хоть внутри — от собственного народа, хоть во вне — от субъектов рынка или других государств с их законами.

Авторитетный экономист Эрнандо де Сото показал, что значит сильное государство для развития рынка. Он сравнил, чем отличается деятельность бизнесмена Смита в США от деятельности бизнесмена Педро в Аргентине.

Начинается все одинаково. И у того ранчо и у другого, но в США ранчо оформлено, зарегистрировано и внесено в кадастры, реестры и государственные базы данных, а в Аргентине все по-простому, без бумаг и бюрократии. Дальше у бизнесменов возникает спор с соседями, и в

США есть суд, а у суда есть полиция, которая заставит всех участников выполнить решения суда. В Аргентине же суда нет, есть банды и авторитеты, и война может длиться долго с переменным успехом. В США Смит может пойти в банк и взять кредит под залог земли, в Аргентине Педро не может так сделать, у него нет бумаг. В США Смит имеет право зарегистрировать предприятие, выпустить акции на рынок и стать миллионером, а Педро никаких акций выпустить не может и так и будет сидеть со своими коровами. В США, если Смит и его фирма продает свою продукцию за границу, все государство борется за него и если какая-то страна не пускает к себе товар Смита, то к ее берегам подойдут авианосцы, или в этой стране сделают «оранжевую революцию» или введут экономические санкции. А Аргентина своему Педро ничего не может предложить.

Так в чем разница между Педро и Смитом? Только в том, что у Смита есть сильное государство, а у Педро — свободный черный рынок и либеральная теория в голове со своим постулатом: «государство это плохо, это бюрократы, неэффективные менеджеры, чем его меньше, тем лучше, нужна невидимая рука рынка, меньше налогов и проч.».

Экономика растет как на дрожжах, когда есть стабильность, основанная на четких правилах и стандартах, гарантируемых государством. Французские историки «школы анналов» убедительно доказали: развитию рыночной экономики в Европе, капитализму, модернизации предшествовали реформы и усиление светских государств, которые, в свою очередь, опирались на новые стандарты григорианской церковной реформы.

Когда-то Гегель назвал государство «образом Бога на Земле». Такой высокой оценки государство удостоилось не только за то, что без него не было бы никакого права и шла бы вечная «война всех против всех», которая бы не позволяла не только инвестировать и выходить на фондовые рынки, но и вообще хоть как-то гарантировать иное право, кроме права захвата здесь и сейчас со сторо-

ны сильного. Нет, Гегель имел в виду не только это. Он сравнивал государство с Богом в том смысле, что «святое поругаемо не бывает», что даже самое плохое испорченное государство, которое впустило в себя рынок и частный интерес, прогнившее от монарха и министров до последнего секретаря, государство, от которого осталась только форма, даже И В ЭТОМ СЛУЧАЕ, вопреки воле всех его чиновников, все-таки работает на общий интерес!!! И пока государство есть, хотя бы как форма, народ еще остается народом.

Как же так получается? Можно, конечно, проследить за работой самого коррумпированного чиновника и показать, что реально только очень небольшой процент вопросов у него решается по антиобщественной схеме. Чаще всего ему вообще ничего не платят, кроме жалования, и он решает вопросы, исходя из здравого смысла. Частенько чиновник берет взятки не за незаконные действия, а как раз за то, что обязан делать по закону, и очень редко — за чисто противозаконные и корыстные действия.

Людам, не знакомым с чиновничьей жизнью, кажется, что все берут взятки, не боясь и не стесняясь, даже глядя на аресты коллег, и эти взятки все сплошь именно за антиобщественные вредные действия. Главное все же в другом: нельзя недооценивать форму. Даже там, где закон сводится к пустой формальности, где государство прогнило настолько, что осталась только форма, видимость, общее благо все еще есть.

Чтобы это понять, сравним два феномена: что лучше — разбой с кучей трупов или мошенничество? В обоих случаях бандитов интересовало ваше добро, но в одном случае они не посчитали нужным соблюдать хоть какие-то приличия, хоть какую-то видимость, хоть какую-то форму, они даже жизнь не стали сохранять жертве и свидетелям, потому что так целесообразнее, некому будет мстить, доносить, свидетельствовать... И совсем другое дело, когда вас облапошат красиво: деньги заберут, а вы еще потом будете 10 лет на митинги

ходить и требовать, чтобы какого-нибудь Мавроди или Ходорковского выпустили из тюрьмы как честного человека.

В мошенничестве сохраняется видимость нормального контракта между субъектами. Но эта «всего лишь видимость» многое меняет в самом феномене! Спросите женщину, что для нее лучше: быть изнасилованной или быть обольщенной каким-нибудь ловеласом? В обоих случаях мужчина хотел удовлетворить свое влечение, и физически все выглядит одинаково, но разница все же есть. Она в видимости, она только в форме, а не в физиологии. В случае с ловеласом сохранена видимость любви и человеческого отношения. Но эта всего лишь видимость кардинально все меняет!

Никто не спорит: любовь лучше, чем донжуанство. Но не надо впадать и в крайность — раз нет любви, значит, признаем только изнасилования! Никто не спорит: честный бизнес лучше мошенничества. Но не надо впадать в крайность — если нет честного бизнеса, давайте убивать и разбойничать. Никто не спорит, что нравственное честное государство лучше, чем коррумпированное и гнилое, но нельзя впадать в крайности: раз все поголовно не честны, то давайте вообще без государства! Государство, которое только по форме работает на общее благо, конечно, хуже, чем государство идеальное, но оно бесконечно лучше, чем отсутствие государства.

Форма — начало содержания, первый этап. С дани уважения к форме, к символам, к условиям начинается согласие вообще, а согласие — мать любви. Когда государство называлось «образом Бога», то имелось в виду христианское понимание Бога как любви. Государство есть образ согласия и любви. Сильно сказано? Но ведь там, где возникает государство, кончаются убийство и война, дикость и «право силы» заменяются законом, устанавливаются взаимоуважение и порядок. Там есть, для начала, хотя бы видимость уважения, справедливости, там впервые возникают хоть какие-то права, в том числе и любимые всеми демократами «права человека».

Демократы привыкли видеть в государстве главную угрозу правам человека, но они забывают, что без государства никаких прав нет вообще! Переход от государства «только по видимости» к государству истинному тоже непросто, но его нельзя осуществить только репрессиями и тем более повышением зарплат чиновникам.

Спору нет, чиновник, который решает многие вопросы, должен иметь достойное и уважаемое всем обществом жалование, но всегда то, что лежит на складе, дороже, чем зарплата сторожа, иначе не нужен сторож. Когда вокруг пропагандируются частные блага, богатство, а только чиновнику они недоступны, это всегда сладкий «запретный плод», и репрессии выглядят в глазах общества и коррупционеров жестокостью.

Ни деньгами, ни силой не заменишь совесть. Поэтому совесть, религиозную мотивацию надо реабилитировать. Никакими деньгами не заменишь уважение общества, почет, славу, честное имя. Нужно, чтобы эти «вещи» спокойно конкурировали в общественном сознании минимум на равных с богатством. А лучше, если бы были выше их: «Твой папа богат? У него новый “Мерседес”? А вот мой папа получил орден!». Вот и получается, что один думает о своей мощи и не более того, а другой — святой человек.

Богатства будут стесняться просто потому, что оно свидетельствует о недалекости и эгоизме его владельцев. От богатства будут избавляться с помощью благотворительности и усиленного инвестирования, а не показного потребления, что благотворно сказывается на экономическом росте...

Проблема коррупции может быть решена пропагандой в обществе религиозных, патриотических и государственных ценностей. Это станет основой для честного и справедливого государства, а оно, в свою очередь, есть основа стабильности, гарант прав, инвестиций, капиталов и защитник каждого гражданина на международной арене.

Тем, кто считает это недостижимым идеалом, мол, в России такое невозможно, неплохо бы обратиться к истории. Всего лишь 40 лет назад СССР был одной из

самых некоррупцированных стран мира. И это начиная с середины 1920-х. Гражданская война не в счет, это как раз отсутствие государства. При Николае II все было плохо. Там разоряющиеся знатные фамилии, соревнующиеся друг с другом в потреблении, брали взятки и забывали о родовой чести, лишь бы не ударить в грязь лицом. Это плохо кончилось. Иное дело при Александре III. Именно его реформы создали очень эффективное, высоко моральное государство и чиновничество (один Победоносцев чего стоил!), что позволило стремительными темпами развиваться капитализму, создало новый класс, увеличило мобильность общества.

Не надо строить «капитализм» специально, в хорошем государстве он сам растет так бурно, что не остановишь. Давно известно, что симуляция в итоге часто воспроизводит тот феномен, который симулируется. Если начать симулировать классическое государство, с чиновничьей честью, формой, рангами, наградами, этикой, то все это ОБЯЖЕТ самих чиновников становиться похожими на свой идеальный образ. Юноша с самого начала должен делать выбор: идти ему по пути эгоистического накопления для себя или по пути монашеского самоотречения, служения общему благу. И он должен знать, что второй вариант, как принято говорить, престижнее, это вариант для сильных, для настоящих мужчин.

В государстве как форме общественной жизни и деятельности должны быть свои недоступность и притягательность, своя манящая романтика. Такие «касты служителей», подчиняющихся только «закону справедливости и истины», имели прецеденты в истории. Например, конфуцианские реформы в Китае, построенные на создании целой культуры (системы культов и ритуалов) заложили основы тысячелетнего могущества Поднебесной.

Как можно запугать человека хоть монарху, хоть бандиту, если он шесть часов в сутки, после государственных дел, упражняется в каллиграфии и для него жизнь ничто в сравнении с красотой цветка? Как можно купить че-

ловека, который с детских лет пишет стихи (без чего не сдать чиновничий экзамен) и проводит вечера в медитации, философских диспутах, поэтическом творчестве и для него ничто все блага мира? Чиновник в Китае, чтобы поступить на службу, сдавал экзамен по литературе. И эта империя просуществовала несколько тысяч лет. Зато у нас сейчас все чиновники экономисты и кругом одни экономические кризисы. А дело в том, что чиновники-литераторы не занимались взяточничеством, потому что считали это недостойным и в принципе презирали материальные блага, а наши чиновники-экономисты в первую очередь применяют свои знания, чтобы найти лазейки в законодательстве и бюджете и воровать для себя, да так, что не придерешься — они же квалифицированные!

Все эти погоны, государственные чины и ранги, различные обращения к каждому рангу, приветствия и прочие ритуалы — не ненужная, нефункциональная ерунда, не пережиток средневековья. Это основа для формирования касты хранителей и служителей, которая гарантирует развитие гражданского общества и в то же время максимально далека от коррупции.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ?

Российский Дальний Восток — одно из самых незаселенных мест на Земле: плотность населения составляет 1 человек на квадратный километр (в европейской части России — 27 человек на ту же площадь). А ведь Дальний Восток и Забайкалье — это почти 50 % площади России. Именно благодаря этой огромной территории мы до сих пор «самая большая страна в мире». Население областей, граничащих с Китаем, составляет 4 миллиона человек (а все население Дальнего Востока — 7 миллионов), а аналогичных китайских провинций — более 100 миллионов. Еще Дальний Восток — самая богатая по природным ресурсам территория на планете (лес, вода, рыба, золото, нефть, уголь, алмазы, все виды руд и проч.). Столь

огромная разница потенциалов не может не вызывать напряжения. И это напряжение уже существует.

Действительно, ряд исследователей утверждает, что никакой угрозы китаизации Дальнего Востока не существует. В подтверждение своего мнения они приводят следующие аргументы: а) китайцы очень мирные и никогда не претендовали на Дальний Восток; б) у них много своих незаселенных территорий; в) у России, в конце концов, есть ядерное оружие, чтобы остановить возможную агрессию.

Разберем эти аргументы, чтобы они больше никогда не возникали и не оскорбляли человеческий слух и разум.

Так называемое «миролюбие китайцев» есть пропагандистский продукт и не более того. С «миролюбивым характером» никак не вяжется богатая военная история Китая, изобилующая примерами, демонстрирующими агрессию, стратегическую хитрость, жестокость, коварство, вероломство. Именно «мирные китайцы» обогатили культурную сокровищницу человечества трактатами по военному искусству, стратагемами, и, кстати говоря, набором самых изощренных и страшных пыток. Военный бюджет Китая сегодня уступает по размеру только военному бюджету США и составляет около 50 миллиардов долларов (примерно в два раза больше, чем военный бюджет России).

Претензии на Дальний Восток возникают постоянно. Во времена конфликта Мао Цзедунa с Н. С. Хрущевым, когда во всех «мирных» китайских школах проходили «уроки ненависти» к русским, была осуществлена и так называемая «картографическая агрессия»: были выпущены карты Китая, где Дальний Восток был «китайским», а всем населенным пунктам присвоены китайские названия. Пусть привыкают к новым названиям и будущие победители и будущие побежденные!

Горячие приграничные конфликты тоже случались (например, всем известный конфликт в районе острова Даманский в 1969 году). Тогда китайская армия не могла

противостоять ультрасовременной советской. Нынешняя китайская армия превосходит российскую и по количеству личного состава, и по качеству вооружения, и, как ни прискорбно, по боевому духу.

Кстати, Китай обогнал Германию и стал третьей экономикой мира по ВВП, тем самым подтвердив досрочное выполнение плана китайского руководства. В этих планах, между прочим, намечено и решение «тайваньской проблемы» к 2015 году, и становление Китая сверхдержавой к 2030 году. Можно предположить, что как только Китай разберется с «тайваньской проблемой», следующей его целью будут российские дальневосточные территории. У нас осталось 10 лет... И их не остановят договоры, демаркационная линия по границе и снятие всех противоречий (мы отдали им часть спорных островов и территорий). Наша логика — «мы сняли территориальную проблему», логика китайцев — «мы начали решать проблему». Всегда найдется повод упрекнуть Россию в невыполнении каких-то мелких обязательств и проч.

Что касается наличия у Китая своих «незаселенных территорий», то это большей частью горы и пустыни, то есть территории без плодородных земель, леса, воды и полезных ископаемых. Эти территории заселены нелояльными китайским властям тибетцами и уйгурами. То же касается Монголии, как внутренней, так и внешней: степи и пустыни, которые никому не нужны. Иное дело Дальний Восток и Забайкалье. По прогнозам всех футурологов, именно нехватка пресной воды и леса в ближайшие 20 лет будут основной проблемой на Земле. И прежде всего, для Китая. А как писал главный теоретик войны Клаузевиц, «война начинается там, где одна сторона контролирует ресурс, нужный другой стороне». Сибирь и Дальний Восток — «зеленые легкие» планеты и «самый большой на планете запасник пресной воды». Противоречия и конфликты здесь неизбежны.

Ну и, наконец, про ядерное оружие. Китай, безусловно, не собирается вторгаться на территорию России. Есть

современные методы. Есть косовский прецедент. Есть информационное воздействие.

Представим себе такой «фантастический сценарий»: Китай начинает информационное воздействие на население Монголии, Бурятии, Тывы, Якутии и проч. Насаждает антироссийские настроения, говорит о «столетнем угнетении „русскими империалистами“ коренных народов», внедряет идеи «независимости», суверенитета... Китай начинает коррумтировать бурятскую, тувинскую, якутскую и проч. элиту, одним словом, создавать предпосылки для осуществления очередных «бархатных революций», целью которых будет объявление независимости или приход к власти антироссийских и прокитайских сил.

Если у США это получилось на Западе, почему у Китая не получится на Востоке? Мы не утверждаем, что все так и случится, но Китай будет пытаться. А если не противостоять угрозе реализации этого сценария, то он сбудется.

Уже сейчас активно в Бурятии и в Туве работают националистические группы и информационные центры. В случае дестабилизации ситуации русское население, а оно в некоторых республиках и так уже составляет меньшинство, побежит оттуда. Заметим, что мы ведем речь о территориях, которые по площади в десятки раз больше Чечни, представляют из себя сплошные горы и леса, положение осложняет отсутствие элементарных коммуникаций, дорог.. Никакая армия, никакой ОМОН не смогут навести там «конституционный порядок». А Бурятия, например, контролирует пол-Байкала. Это столь нужный Китаю выход к пресной воде! Марионеточный, сепаратистский режим там все это обеспечивает: и вытеснение русских, и транспортировку воды, и строительство коммуникаций с Китаем, и вырубку и вывоз леса. Конечно, позже бурятам не понравится ассимиляция их китайцами, но это потом... Продажная элита и податливое на популизм население часто живут одним днем.

На чисто русских территориях (Амурская область, Приморский и Хабаровский края) будет использоваться тактика массового просачивания, которую, например, применяют мексиканские власти по отношению к США... Как российские погранслужбы будут всех ловить и депортировать? Информация для размышления: куда более богатая Америка не может справиться с куда более малым напором мексиканцев. Неужели наша вечно недофинансированная милиция и погранслужбы сделают то, что не могут сделать вооруженные до зубов американские полицейские, рейнджеры и маршалы?

Сейчас просачивание китайцев идет стихийно, а если будет осуществляться целенаправленно, то мы физически и технически не справимся с выявлением и депортацией нелегальных мигрантов. Мы погрязнем в бесконечных нотах протеста китайскому правительству, а оно в ответ будет только пожимать плечами.

Ну, и наконец, любая организованная провокация (например, русские избивают китайца) вызовет массовые погромы со стороны китайской общины в любом российском городе, когда китайцев там будет хотя бы 30 %. Этот сценарий можно было бы считать «фантастикой» еще три года назад, до того, как мир потрясли кадры, снятые на улицах Парижа. Арабы жгут французов, и китайцы тоже на это способны в отношении русских. Любой подобный инцидент сразу вызовет паническое бегство русского населения и новый приток китайцев. И что мы будем делать? Милошевич вводил в Косово войска, но чем все закончилось? В такой ситуации нет повода нажимать ядерную кнопку или хотя бы угрожать ею. Если честно, даже и при прямом вторжении (а это возможно на последнем этапе, когда Китай, при одобрении мировой и европейской общественности, объявит о «необходимости защиты прав китаеязычного населения, составляющего большинство») никто в российском руководстве не начнет самоубийственную третью мировую войну из-за части, пусть даже и важной, но не критически важной территории.

Все это встанет как проблема уже через 10—15—20 лет. Но процессы миграции инерционны. Если на Дальнем Востоке вспыхнут «горячие точки», никто из бизнеса ни на каких условиях инвестировать в Дальний Восток не будет. Никакие инвестиции, кроме китайских, туда уже не пойдут. Поэтому проблему надо решать уже сейчас. А это значит, что за эти 10—15 лет население Дальнего Востока должно быть увеличено минимум вдвое, до 15—20 миллионов человек. То есть надо переселять на Дальний Восток почти по миллиону человек в год! Дальний Восток России надлежит развивать ускоренными темпами. Никакая стратегия, ориентированная на «воспроизводство и стабильность», с проблемой Дальнего Востока не справится. Как это сделать?

Есть **пять** стратегических концепций решения проблемы Дальнего Востока.

1. Военно-техническая.

Стратегия предполагает, что заселить Дальний Восток все равно невозможно и никто ни по какой причине сюда не поедет. Тем не менее, он нужен по экономическим и геополитическим соображениям. Следовательно, там в основном должны быть воинские части, способные противостоять любой агрессии. Учитывая разницу человеческих потенциалов с ближайшими соседями, расчет на человеческий потенциал армии на Дальнем Востоке делать нельзя. Так же как и на атомное оружие, по той причине, которая уже обсуждалась выше. Но что это может быть в данных условиях? Скорее всего, только беспилотная авиация и солдаты-роботы, по численности сопоставимые с китайскими вооруженными силами. Что касается роботов, то о наличии модели и ее качествах ничего не знаю, а вот действующий образец самолета-беспилотника, превосходящий на два порядка американские и израильские аналоги по всем качествам, лично видел в российской компании «2Г Инжиниринг». Стоимость такого беспилотника в серийном производстве — 3000 долларов. Стая из пары десятков таких «птиц» может уничтожить дивизию любой армии агрессора, пусть даже она будет

прятаться в горах или плыть по морю. Сотни и тысячи таких беспилотников, размещенные вдоль границы, могут противодействовать хоть вторжению миллионных полчищ, хоть просачиванию нелегальных эмигрантов, хоть подавлять группы боевиков-сепаратистов. Проблема в том, что наше военное ведомство эти беспилотники просто не замечает, предпочитает покупать у Израиля, хотя они на несколько порядков хуже и дороже. Зато есть откаты. И главное, само количество этих беспилотников из-за их цены несерьезно. Нет и концепции объединения их в «стаи» и закрытия ими Дальнего Востока и его границы, создания соответствующих командных пунктов, инфраструктуры. Кроме того, данная концепция, хотя ее надо применять, но именно в военной области, не решает вопрос заселения и обустройства Дальнего Востока, а без этого невозможно самим пользоваться богатствами региона.

2. Стратегия принуждения.

Данная концепция предполагает размещение на Дальнем Востоке мест лишения свободы или черты оседлости (колоний, мест ссылок, размещения «наказанных депортированных народов» и проч.). Эта концепция использовалась ограниченно правительствами Александра III и Николая II и особенно интенсивно — И. Сталиным. Очевидно, что в случае попытки пойти по этому пути, Дальний Восток превращается в место концентрации криминала. Обычные люди, которые там живут, не заслужили ссылки, ни в чем не виноваты, они будут спрашивать себя, за что их наказаны, и будут уезжать. Кому понравится жить среди уголовников?

Эта стратегическая концепция, однако, не исчерпала своего потенциала, но может использоваться очень ограниченно и осторожно, для заселения совсем необжитых мест и для формирования из заключенных стройотрядов для возведения коммуникаций.

Отдаленные участки Якутии, Чукотки Магаданской области и проч. могут пополниться такого рода «особым контингентом», но ограниченно — около сотни тысяч

в год. Для реализации неиспользованного потенциала этой концепции требуются поправки в уголовный кодекс, которые значительную часть наказаний заменили бы принудительной оседлостью. Это должно относиться, прежде всего, к лицам, совершившим нетяжкие преступления.

Кроме того, для лиц, которые находятся в местах лишения свободы, надо изменить саму концепцию исправительно-трудовых работ. Шапки шить можно и на швейных фабриках в Иваново, а на Дальнем Востоке и в Забайкалье требуется строительство мостов, дорог и проч.

3. Индустриальная концепция.

Данная стратегическая концепция предполагает строительство на Дальнем Востоке и Забайкалье предприятий, создание инфраструктуры, коммуникаций и проч. Это потребует людских ресурсов, которые там и задержатся. Об опыте «комсомольскихстроек» вспомнил даже бывший премьер-министр Михаил Фрадков. Действительно, данная стратегия использовалась, прежде всего, в СССР во время так называемой «второй волны индустриализации» — строительства БАМа и проч. Но не стоит забывать, что и правительство Александра III, организовавшее строительство Транссибирской магистрали, тоже исходило из требований данной стратегии.

Однако в современных условиях эта концепция имеет ряд существенных ограничений. Индустриальный Китай, с более дешевыми рабочей силой, теплом, коммуникациями, делает почти все наше промышленное производство на Дальнем Востоке неконкурентоспособным. Если же говорить не о рынке ширпотреба, а о нише хай-тек, то она занята Южной Кореей, Тайванем и, конечно, Японией. Кроме того, индустриализация нанесет экологический ущерб. Далее, люди, которые приедут за «длинным рублем», будут иметь «психологию временщиков». Дальний Восток будет неуютным, необустроенным, вахтовым, в старости все кинутся уезжать в центр.

Как показал опыт 1970-х, большинство комсомольцев-романтиков вернулось обратно.

Надо также помнить, что ребята из движения «Наши» — это не комсомольцы 1970-х, они мечтают работать в Газпроме на улице Наметкина в Москве, а не БАМ строить. Поэтому за исключением объектов энергетики и коммуникаций (которые будут обслуживать что-то другое, а не промышленные предприятия), индустриализация — невыгодные инвестиции.

Но энергетику, ЛЭП, нефте- и газопроводы, коммуникации и инфраструктуру (все виды дорог, связь) развивать надо. Впрочем, даже и это не позволит (как показывает опыт 1970-х) заселить Дальний Восток более чем миллионом человек, а развернуть индустриализацию в больших масштабах, чем СССР, Россия еще долго не сможет.

4. Стратегия «заманивания».

Стратегическая концепция предполагает, что тем, кто живет или переселяется на жительство на Дальний Восток, даются разные льготы. Например, бесплатная земля в вечную собственность десятками гектаров, большие «подъемные средства», гарантируется полное отсутствие налогообложения мелкого и среднего бизнеса, предлагаются дотационные цены на продукты питания, целевые льготы при получении образования и медицинского обслуживания. Эта концепция нашла широчайшее применение при Николае II в реформе П. Столыпина, хотя ограниченно применялась до него уже всеми царскими правительствами и после него, в СССР (особенно в части льготных цен и «бронирования» мест в вузах). Даже когда удалось переселить на Дальний Восток и в Сибирь порядка пяти миллионов человек (показатель, между прочим, что данная концепция эффективнее принудительной и индустриальной), эта стратегия работала ограниченно. В полностью крестьянской России находилось немного авантюристов и романтиков, несмотря на обещаемые блага «свободного хлебопашества».

Сейчас людей, которые пойдут за бесплатными гектарами и налоговыми льготами, будет существенно меньше. Поэтому данную стратегическую концепцию надо применять, расширяя ее поле деятельности и на иностранных легальных мигрантов. Пусть помогают России колонизировать, пусть принимают российское гражданство африканцы, индусы, латиноамериканцы, а тем более, молдаване, украинцы, кавказцы и проч., все равно их будет немного, опасаться не стоит. Надо провести рекламную кампанию по всему миру, бросить клич, что «Дальний Восток сегодня — это аналог Дикого Запада в США в XIX веке». Пусть едут колонисты со всего света и занимают отведенные территории. Потенциал такой стратегии — привлечение 2-3 миллионов человек. Не много, но уже хоть что-то.

5. Рекреационно-туристическая концепция.

Эта стратегическая концепция в истории России, в отличие от четырех предыдущих, ни разу не применялась. Она предполагает, что будет поставлена цель сделать Дальний Восток местом, приятным для жизни и времяпрепровождения, например, как Сочи и Краснодарский край, только лучше, современнее. И население каждого дальневосточного региона естественным образом вырастет так же как в Краснодарском крае. Не фантастика ли это? Есть ли предпосылки? Да, и очень много.

Во-первых, на юге Дальнего Востока довольно тепло, во всяком случае, не холоднее, чем на курортах Балтийского и Северного морей. Во-вторых, в огромном количестве есть все, что нужно для рекреационных объектов: прекрасная природа, чистейший воздух, вода, море, грязи, термальные источники, травы и проч. В-третьих, рядом располагаются культурные очаги восточной медицины (массажи, суджок и проч). В-четвертых, есть поле для экстремального туризма, рыбалки, охоты, спортивного ориентирования, осмотра редких птиц, животных и проч. В-пятых, и это, пожалуй, самое главное, в непосредственной близости от российского Дальнего Востока находится огромное ко-

личество потенциальных потребителей туристических и рекреационных услуг.

Расчет изначально делается не только на россиян, из которых, кстати, 90 % ни разу не были на Дальнем Востоке и тоже захотят побывать (а это 100 миллионов потенциальных туристов). Главное же, рядом с Дальним Востоком находится огромный индустриальный Китай, средний класс которого уже составляет 200 миллионов человек. И этот средний класс может себе позволить отдыхать и лечиться в экологически приятном месте. Учтем, что сам индустриальный Китай имеет по всем экологическим оценкам самые неблагоприятные условия для жизни.

Реальность большинства индустриальных районов — пыль, железо, бетон при отсутствии зеленых деревьев, чистой воды и чистого воздуха даже в ближайшей сельской местности. Добавим к потенциальным потребителям 150 миллионов богатых и интересующихся миром, любящих путешествовать японцев. Вспомним, что тут же поблизости находятся богатые Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Для них российский Дальний Восток — интересная северная экзотика. Жители этих тропических территорий, в отличие от нас, страдают не от недостатка тепла, а от недостатка прохлады! Российский турист любит юг, а житель Гонконга выберет для отдыха север.

Также рядом с Дальним Востоком находится и богатое западное побережье США. Если учесть и его, то мы обнаружим, что почти миллиард потенциальных туристов в данный момент вынуждены отдыхать и восстанавливать силы в других местах, зачастую очень далеко от места жительства, даже в другом полушарии.

Действительно, никто даже потенциально не может быть на этом поле конкурентом для России. Китай экологически неблагоприятен, Австралия в основном — пустыня, Тибет — горы и проч.

Давайте оценим потенциал рынка. Если миллиард человек гипотетически побывает в России, и за неделю — две пребывания эта масса народа оставит по 1000—2000

долларов, то это составляет сумму в 1—2 триллиона долларов, что в 2—4 раза больше всех наших золотовалютных резервов и стабилизационных фондов. Это больше, чем годовой ВВП России! Вот о каком потенциальном рынке идет речь!

Можно предвидеть возражение: миллиард туристов заманить на Дальний Восток невозможно. Никто не спорит, у всех есть здравый смысл. Никто не думает, что можно принять на Дальнем Востоке сразу миллиард человек. Но это можно ставить как цель на 10 или на 20 лет. То есть триллионы долларов можно получать и по частям, они от этого не станут меньше.

Давайте задумаемся над такими цифрами: в год в Риме, например, побывало 16 миллионов туристов, а через три года, по планам итальянского правительства, будет 20 миллионов. При этом население Рима с пригородами составляет 3,9 миллионов человек, в туристической отрасли занято меньше половины. Почему бы России ни сделать на Дальнем Востоке три «Рима», чтобы получать по 50 миллионов туристов год? Например, один на Камчатке, один во Владивостоке и один на Байкале.

Россия имеет уникальное позиционирование в мировом массовом сознании: это «самая большая страна в мире», Россию знают все, все проходят Россию в школах. Большинство государств не могут похвастать тем, что их знают во всем мире, следовательно, издержки на рекламу России, как места лечения и отдыха, ниже, чем для многих других. Можно с уверенностью сказать, что 90 % жителей земного шара и так хотели бы побывать в России, как самой большой и загадочной стране. Более того, два миллиарда могут себе это позволить, и один из этих миллиардов живет прямо рядом с Дальним Востоком! То есть Россия имеет почти бесконечный потенциал роста этого рынка, являясь на нем почти естественным монополистом.

Такие туристические и рекреационные услуги, как на нашем Дальнем Востоке, нигде в мире получить нельзя, тем более, и получатели рядом. Мнение о том, что в Риме

«есть, что посмотреть, а на Дальнем Востоке нет» — несостоятельно. Большинство туристов, и это показывают многочисленные опросы, едут на отдых «за здоровьем» и веселым времяпрепровождением, а не за историческими достопримечательностями. Всякий человек, который утверждает, что данный сценарий — фантастика, должен подумать вот о чем: маленький и нищий Египет смог себе построить Хургаду и Шарм-аль-шейх, то есть мощные туристические центры, которые приносят Египту десятки миллиардов долларов в год дохода. Почему мы не в состоянии сделать три «хургады»: на Байкале, во Владивостоке и на Камчатке, — и зарабатывать деньги?

Давайте представим, как мог бы выглядеть туристический центр, например, на Камчатке.

1. Большой современный аэропорт.

2. Энергетический комплекс (газ есть на севере Камчатки, нужен газопровод, кроме того, нужны приливные электростанции и ветряки: с ветром и приливами там порядок, плюс энергия термальных источников).

3. Современные широкие автодороги, связывающие основные туристические пункты.

4. Современные большие отели и масса маленьких пансионатов.

5. Большой вертодром — для вертолетных прогулок и транспортировок к удаленным объектам, например, к вулканам и гейзерам.

6. Облет вулканов — хорошая экскурсия. Тот, кто хоть раз видел фантастические озера космических цветов и рельефов на месте вулканических кратеров, всю оставшуюся жизнь будет вспоминать это и советовать всем друзьям посмотреть.

7. День в «долине гейзеров» — еще одна экскурсия, это уникальное место на Земле.

8. Банные и бальнеологические комплексы на грязях и артезианской воде. Камчатка вся испещрена минеральными источниками, разных солей, разных цветов и температуры. Мертвое море и Карловы Вары просто рядом не стоят.

9. Добавим сюда всевозможные восточные массажи и иглотерапии, фито- и ароматерапии.

10. Аквапарки с океанской водой.

11. Морской порт, пассажирский, туристический. Для проката и прогулок по Тихому океану. Отдельно — услуги для заядлых рыбаков, участие в океанской рыбалке.

12. Ловля камчатского краба. Для миллиардеров.

13. Аналогично: рыбалка в реке, ловля лососевых.

14. Охота на медведя в лесу, в горах. Тоже только для миллиардеров.

15. Спуск в кратер потухшего вулкана. Для экстремалов.

16. Посещение этнической деревни. Как живут настоящие ительмены, коряки и проч. Пляски шамана, бубны, этническая еда, покупки фигурок ворона-кутха и шкур медведя, поделок, шапок, бус, камней из вулкана и проч. безделушек.

17. Исторический музей и музеи воинской славы. Есть большая история освоения Камчатки, в том числе французами и англичанами, есть знаменитая «оборона Петропавловска», которая закончилась победой, в отличие от обороны Севастополя.

18. Экскурсия на настоящую подводную лодку, погружение в океан.

19. Океанариум с уникальной морской флорой и фауной.

20. Горные лыжи. Там масса гор, можно делать трассы. Только в Швейцарии просто горы, а там можно кататься с вулканов. И потенциал стать горнолыжным курортом, из-за близости потребителей, у Камчатки выше, чем у Швейцарии.

21. Кто хочет — может поехать на Охотское море, там своя экзотика.

22. Кто хочет, может слетать на самолете или на яхте сплавать на Командорские острова и посмотреть на морских котиков и колонии птиц.

23. Рестораны разных видов, особенно с рыбной и морепродуктовой кухней.

24. Игорный бизнес, только, например, не подражающий Макао и Лас-Вегасу, а какой-нибудь оригинальный.

25. И многое другое.

Главное, такого места, с сочетанием всех этих прелестей, просто нет больше нигде в мире (разве что Исландия, но для китайцев, японцев и южноазиатских «тигров» она далеко). Неужели всего этого мало на две — три недели отдыха? Неужели человек, который придет на две — три недели, не оставит тут минимум 2000 долларов?

Сколько Россия вкладывает в сочинскую инфраструктуру? Приблизительно 15 миллиардов долларов. На Дальнем Востоке на создание одного туристического центра, аналогичного описанному, необходимо вложить столько же (а можно, кстати, и больше, с прицелом на проведение зимней Олимпиады какого-нибудь 2030 года).

Если сделать общемировые туристические презентации на всех языках, во всех странах, с показом современного сервиса и нетронутой природы, если заключить контракты с ведущими туристическими агентствами мира (их можно изначально, кстати, допускать как соинвесторов всего проекта), то можно разрекламировать весь этот комплекс не меньше, чем пресловутый Рим. Учтем, что в Рим ездят в основном европейцы, которых всего 300 миллионов, а на Дальнем Востоке поблизости потенциально миллиард потребителей!

По приблизительным расчетам, на полной проектной мощности один такой туристический комплекс будет иметь валовую прибыль до 30 миллиардов долларов в год. Чистая прибыль, соответственно, составит, примерно 3 миллиарда долларов. Таким образом, при полной проектной мощности окупаемость всего комплекса составляет четыре — пять лет. Если хозяйствующие субъекты будут выходить к проектной мощности в течение 10 лет, то уже за это время инвестиции оправдаются и станут приносить прибыль. А сегодня Камчатка — глубоко дотационный регион и «съедает» разными способами из

федерального бюджета почти по полмиллиарда долларов в год...

Точно такие проекты, но с учетом местной специфики, можно написать и для Байкала, и для Владивостока. Нет ничего невозможного. Мы предлагаем инвестировать в очень выгодный проект. И при этом решить геополитические задачи развития Дальнего Востока и обороноспособности России!

Такие масштабные проекты, с государственными гарантиями, привлекут десятки миллиардов долларов частных иностранных инвестиций! Фирмы, которые будут владеть всеми этими объектами, могут выходить на IPO... и привлекать деньги инвесторов по всему миру. И прежде всего, японских и американских, которые потом будут вынуждены отстаивать уже свои интересы на российском Дальнем Востоке, в пику геополитическим и экономическим интересам Китая. Им, японцам и американцам, усиление Китая не нужно, да и по геополитическим соображениям они тут союзники России.

Как же реагировало на эти вызовы правительство М. Фрадкова, подвергнувшееся серьезной критике В. Путина во время его пребывания на Камчатке, и ушедшее в отставку через неделю? Начальник департамента стратегии социально-экономических реформ Саид Баткибеков на одном из совещаний, посвященных росту товарооборота между Россией и Китаем, высказал сомнения в целесообразности вмешательства государства в развитие туристической отрасли, так как туристическая отрасль «и так бурно развивается». Он исходил из неолиберальной модели экономики, согласно которой человек есть «человек экономический», которому свойственно всегда и везде стремиться к прибыли. Если где-то есть что-то прибыльное, то люди сами все сделают и не надо им мешать. А если в мире чего-то где-то нет, значит, скорее всего, и прибыль там тоже невозможна, и не надо пытаться заниматься делом, которым никто не занимается.

Одним словом, «невидимая рука рынка» все устроит. А если не случится такое, то неустроенное достойно гибели! Жаль, что таких экономистов и советников не было рядом с египетским руководством, когда оно решило развивать, например, Хургаду. Советники быстро бы объяснили руководству, что «раз тут ничего нет, то, наверное и невыгодно, а ежели станет выгодно, то все само вырастет». До сих пор бы росло...

Если исходить из этой логики, то при условии, что ту же Камчатку в год сейчас посещает не более 10 000 туристов, которые узнают о ней сами, так как рекламой никто не занимается, и даже если отрасль будет «бурно развиваться», то есть в течение года, например, демонстрировать рост на 30 %, то для того, чтобы привлечь миллион туристов в год (а не 10 миллионов, как хотим мы), Камчатке понадобится 17 лет!

Дело в том, что никаких «человеков экономических» на Камчатке нет. Никто из тех, кто там занимается туризмом, не стремится к развитию, а просто изнашивает капитальные фонды (например, те же вертолеты, доставшиеся после приватизации по низкой цене). Камчатские предприниматели не мыслят в масштабах миллиардов долларов — разве что в масштабах пары десятков тысяч, и ни у кого там не родится соответствующий инвестиционный план. И даже если бы этот план и родился, то без участия государства (даже не денег государства, а просто участия) его не осуществить. Нужно договариваться с военными и пограничниками, нужны землеотводы, нужно участие Минсельхоза и Минприроды по вопросу о заповедниках и рыбных угодьях...

Новая редакция Федеральной Целевой Программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья в 2008—2013 годах», одобренная правительством М. Фрадкова, к сожалению, вообще исходит не из туристическо-рекреационной стратегии развития Дальнего Востока и даже не из показавшей свою историческую эффективность «стратегии заманивания», а из позднесоветской малоэффективной индустриальной стратегии.

Так, планируют построить два нефтехимических завода, делают ставку на алюминиевый завод и атомную станцию (!!!)... Мало того, что это даст не более 200 000 рабочих мест, это еще и убьет экологию (а точнее, репутацию экологически чистого места), которая есть основной ресурс для туристическо-рекреационной модели развития Дальнего Востока.

В рамках программы есть ответы на вопросы об объектах инфраструктуры, но нет ответов на вопрос об освоении территории, привлечении и удержании больших масс людей. Совершенно не задействован потенциал (пусть и ограниченный) «принудительной стратегии» и «стратегии заманивания».

Есть в ФЦП, конечно, и положительные стороны. Например, планируется большой рывок в строительстве коммуникаций и инфраструктуры. В регионе будет построено 3600 километров автодорог, 5000 километров линий электропередачи, 15 аэропортов и 10 морских портов. Решено делать огромный мегаполис из Владивостока, недаром здесь будет расположена одна из четырех в стране зон разрешенного игорного бизнеса. Это уже влияние «туристической модели», хотя и недостаточное. Так, на Владивосток, в рамках ФЦП выделяется всего 4 миллиарда долларов, то есть в четыре раза меньше, чем необходимо для конкуренции с мировыми туристическими центрами. А вся ФЦП предполагает выделение 14 миллиардов долларов на весь Дальний Восток и Забайкалье, то есть в три раза меньше, чем нужно.

Российское правительство должно ставить себе более амбициозные планы и обратить внимание на огромный потенциал туристическо-рекреационной концепции развития Дальнего Востока.

К НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ!

Когда лет 10 назад северо-атлантические политики впервые заявили о возможности расширения блока НАТО, они аргументировали это тем, что у НАТО, в от-

личие от времен холодной войны, нет враждебных намерений в отношении России. На это российский МИД и Министерство Обороны ответили короткой и мудрой фразой: «В политике имеют значение не намерения, а возможности». Намерения — это пена, они изменчивы: сегодня есть, завтра — нет. А вот возможности — нечто более солидное и то, что принимается в расчет при осуществлении настоящей ответственной политики. Искусство дипломатии состоит только в том, чтобы обменивать намерения на возможности, внушать врагам, нейтральным государствам, а заодно и друзьям, что твои намерения и помыслы чисты, и на этом основании усыплять чью-либо бдительность и получать новые территории и выходы к морю, контроль над проливами, возможности создания военных баз, размещения ракет и т.д. и т.п.

Мы видим, как эта основная задача дипломатии прекрасно выполняется северо-атлантистами, и мы видим, какая путаница происходит в голове у наших дипломатов. Во-первых, продолжает расширяться НАТО; во-вторых, пассионарный исламский мир давит Россию с юга; в-третьих, на Востоке над нами нависает гигантский могущественный Китай.

Не случайно в европейских СМИ появились статьи и документальные фильмы на тему скорой смерти России. Если страна чрезвычайно ослаблена в демографическом, экономическом и военном плане, то она не выживет в условиях, когда ее окружили с трех сторон более могущественные соперники, которым как кость в горле, что Россия контролирует такие нужные всем трем сторонам природные ресурсы.

Мир вступает в железный век: век борьбы за иссякающие газ, нефть, воду, лес и проч. Теоретик войны Клаузевиц говорил, что войны начинаются именно тогда, когда одна из сторон контролирует ресурс, нужный другой стороне, поэтому, пророчат некоторые западные аналитики, «в XXI веке Россию будут рвать на части». Если сегодня Европа улыбается нам и имеет «добрые намерения», это не значит, что в скором времени она не захочет

организовать новый Крестовый поход. Ползучая экспансия уже идет. В течение 1990-х годов мы потеряли Восточную Европу и Прибалтику, в последние годы — Грузию, Украину, Молдавию, ослабили влияние в Средней Азии.

Если китайцы улыбаются нам и демонстрируют «добрые намерения», это не значит, что после 2020 года они не начнут организовывать массовую нелегальную эмиграцию, чтобы устроить на Дальнем Востоке «Амурское Косово». И это не значит, что они не начнут подкупать монгольскую, тувинскую, бурятскую элиты, чтобы они объявили о национальном суверенитете и сделали на Дальнем Востоке еще две — три мятежных Чечни.

Сегодня нам улыбается Казахстан и тоже демонстрирует «добрые намерения», но это государство, с населением в 10 раз меньшим, чем Россия, обладает почти такими же запасами нефти и скоро начнет играть огромную роль в мусульманском мире. И, кто знает, заинтересовано ли оно будет в России как сильном соседе, или, наоборот, захочет вовлечь в орбиту своего влияния мусульманский Кавказ, Башкирию, Татарстан, где уже сильны экстремистские настроения.

Очевидно, что со всеми этими проблемами России одной не справиться. Рассчитывать можно только на помощь союзников. Понятно, что США, например, крайне не заинтересованы в том, чтобы Китай приобрел русскую Сибирь и Дальний Восток. Если такое случится, Китай получит абсолютную самостоятельность и такой тыл, который позволит ему сразу стать первой сверхдержавой на планете и в скором времени вытеснить США.

Очевидно, что в усилении Китая не заинтересована Япония. Очень косо смотрит как на Китай, так и на пассионарный мусульманский мир, стремительно растущая Индия. По прогнозам экспертов, она к 2030 году станет четвертой экономикой мира. Многие европейские интеллектуалы, в свою очередь, стали постепенно понимать, что Россия, как и в давние времена, является для Европы щитом от пассионарного мусульманского мира.

Разрушение России может привести только к тому, что Европа, и так уже испытывающая серьезные трудности с мусульманами, окажется с ними лицом к лицу и не способна будет противостоять.

Не надо много ума, чтобы предсказывать конфликты цивилизаций и огромные геополитические войны за мировые ресурсы в XXI веке. Обо всем этом многократно писали всевозможные ницше и данилевские, шпенглеры и хантингтоны, киссинджеры и бжезинские. Иное дело попытаться предложить миру сбалансированную модель, которая позволила бы успешно развиваться и избежать геополитических конфликтов.

Одной из таких моделей является модель российского ученого Владислава Савина. Он, как и многие другие исследователи, исходит из того, что попытки каждой страны бороться за место под солнцем и следовать индивидуальным эгоистическим интересам приводят к прямо противоположному, а именно к конфликтам и к тому, что ее же интересы и страдают.

Война всех против всех вредна всем. Следовательно, страны в своей внешнеполитической деятельности должны следовать не только своим интересам, но стремиться вступать в союзы и соблюдать союзнические обязательства, взаимно укреплять друг друга. Такие системы более стабильны и гарантируют мир. Вопрос только в том, как правильно строить такие союзы. Зачастую они слишком надуманны и химеричны.

Вот, например, известная концепция Примакова о союзе Китая, Индии и России. При всей внешней красоте и силе могущего получиться союза, мы прекрасно понимаем, что он обречен на неудачу просто потому, что между Россией и Китаем, а также между Китаем и Индией находится серьезное конфликтное пространство, и мы никогда не придем к согласию по его поводу. Вообще все страны, имеющие между собой общие границы, обречены на конфликты. Да, соседние государства могут жить мирно. Но нельзя забывать: есть намерения, а есть возможности.

История показывает нам, что между двумя соседними государствами время от времени возникают конфликты. Как правило, их сопредельные территории на протяжении веков уже были либо в составе одного, либо в составе другого государства. Наиболее правильный подход к проблеме — старая китайская стратегия «дружить через соседа». Впрочем, тут нет ничего специфически китайского. Александр III, прозванный «миротворцем» за то, что не дал втянуть Россию ни в одну войну, действовал так же. Он отказался от химерической идеи «славянского единства» и не менее благодушной идеи «союза трех императоров» (России, Германии, Австро-Венгрии) и заключил союз с Францией, чем и создал сбалансированную систему европейской безопасности. Только когда ты знаешь, что в тылу у соседа находится твой союзник, ты спокоен за свои границы. Но и твой союзник должен знать, что в случае его конфликта с соседом ты придешь ему на помощь и ударишь противника в тыл. А для того, чтобы у вас с союзником не было соблазна вдвоем «полакомиться» соседом, у самого соседа должны быть союзники в ваших тылах. Только система, в которой страны через одну держат друг друга за «мягкое место», является реалистичной, прагматичной и в то же время сбалансированной и устойчивой.

Второе соображение состоит в том, что человеческое сознание не способно удерживать 7 ± 2 единицы информации, а значит, модель мира должна быть упрощена до не более чем девяти пространств. В противном случае модель будет выглядеть сложной для всех участников, и это позволит одним ловить рыбку в мутной воде и существовать за счет других.

Таким образом, в мире можно и нужно выделить девять больших геополитических пространств со сходными культурно-историческими кодами. Это Северная Америка, Латинская (Южная) Америка. Европа, Мусульманский мир, Черная Африка, Северная Евразия (Россия), Индия, Китай, Австралия (с Океанией). Провести границы между этими пространствами трудно, так

как существует большое количество спорных территорий, которые невозможно отнести ни к той, ни к другой стороне. Именно спорные территории и делают невозможным союз между соседними геополитическими пространствами. Зато геополитические пространства могут прекрасно дружить «через одного», и, таким образом, на Земле возникает **три больших коалиции политических пространств.**

Первая коалиция: Северная Америка — Мусульманский мир — Австралия.

Вторая коалиция: Европа — Китай — Черная Африка.

Третья коалиция: Северная Евразия (Россия) — Индия — Латинская Америка.

Нам в данном случае неинтересны взаимоотношения, которые складываются в двух других коалициях, отметим только вскользь, что конфликт Америки с мусульманским миром явно идет вразрез с ее собственными интересами, и повсеместное ослабление влияния Америки в мире только доказывает ценность данной концепции.

Давайте разберемся подробнее с естественной коалицией, в которую входит Россия.

Действительно, Индия не имеет с нами границ и противоречий. История двух наших стран, пожалуй, не омрачена ни одним серьезным инцидентом. Главное, что противоречия с Индией не могут возникнуть даже потенциально — нас разделяют огромные горные пространства. В то же время Индия, с ее миллиардным населением и растущей экономикой, находится в тылу у двух наших амбициозных соседей — она находится в тылу Китая и мусульманского мира. У Индии есть серьезные противоречия с Китаем и противостояние на грани войны с форпостом исламского мира — Пакистаном. Индия уже сейчас является серьезным сдерживающим фактором для китайского и мусульманского миров, так же как и они являются сдерживающим фактором для нее. Любое усиление соседей невыгодно Индии, и тем более, за счет России. Усиление союзника нам абсолют-

но выгодно. Все, что хорошо Индии, — хорошо и нам. И наоборот. Поэтому должны быть сняты все возможные ограничения на сотрудничество друг с другом. Давайте посмотрим, как же у нас обстоят дела в области сотрудничества с Индией?

Все познается в сравнении.

Товарооборот России с США в 2004 году был 14 миллиардов долларов, в 2008 году стал 30 миллиардов долларов. Двукратный рост!

Товарооборот России с Китаем в 2004 году был 15 миллиардов долларов, а в 2008 году — 60 миллиардов долларов. За четыре года — четырехкратный рост. И это при том, что продавая китайцам лес, нефть, газ, оружие, мы занимаемся тем, что усиливаем потенциального агрессора. Чудовищная, преступная недальновидность!

Товарооборот России с Японией в 2004 году был 9 миллиардов долларов, в 2008 году стал 30 миллиардов долларов. Трехкратный рост.

Товарооборот с Германией в 2004 году был 30 миллиардов долларов, а в 2008 году стал 100 миллиардов долларов. Более чем трехкратный рост.

Товарооборот с Англией — в 2004 году был 9 миллиардов долларов, в 2008 году стал 20 миллиардов долларов. Двукратный рост.

С Польшей в 2004 году товарооборот был — 6, 5 миллиардов долларов, в 2008 году стал 20 миллиардов долларов. Трехкратный рост.

С Бразилией в 2004 году товарооборот был 2 миллиарда долларов, в 2008 году стал 6 миллиардов долларов. Трехкратный рост.

А теперь давайте посмотрим на товарооборот России и Индии и на его динамику. Мы вправе ожидать больших цифр с учетом того, что Индия и России — стремительно развивающиеся экономики, так называемые страны БРИК, постоянно звучат декларации о сотрудничестве, совершаются поездки наших высокопоставленных чиновников. Да и вообще, Индия входит в десятку крупнейших экономик мира по ВВП.

А теперь не удивляйтесь.

Товарооборот России и Индии в 2004 году составлял всего 3 миллиарда долларов, а в 2008 году дотянул до 7 миллиардов. Сами по себе цифры смешные в сравнении с десятками миллиардов поляков, англичан, японцев, цифры преступные в сравнении с 60 миллиардами долларов китайского товарооборота. Динамика тоже одна из самых низких — двухкратная. Не сравнить с четырехкратной динамикой увеличения товарооборота с Китаем и трехкратной с другими мировыми экономиками.

Во взаимоотношениях с Индией ясно виден явный рационально не объяснимый, невыгодный не им ни нам **ПРОВАЛ**.

До сих пор наше сотрудничество ограничивается с их стороны чаем, кофе, орешками кэшью (!!!), табаком, касторовым маслом (!!!), семенами кунжута (!!!), лекарствами, тканями, кинофильмами. Мы им поставляем металл, бумагу, удобрения, уголь, военную технику.

Причем, мы в три раза больше экспортируем им, чем они нам.

Скажу честно: я сторонник того, что по Индии надо создать особое министерство, так как существуют гигантские возможности сотрудничества.

1. Военная и дипломатическая область. Союзный договор, военный блок вплоть до пакта о взаимном вступлении в войну в случае нарушения территориальной целостности любой из наших стран. Это охладит горячие арабские и китайские головы.

2. Сотрудничество в космосе. Совместная станция. У нас есть все для новой МКС. Кроме программного обеспечения. А у Индии есть ПО. Совместные выходы в космос и запуски. Ракеш Шарма в 1984 году уже летал. Надо продолжить традицию.

3. Сотрудничество в сфере высоких технологий связи. У них самая бурно развивающаяся отрасль — интернет и программирование. И нам есть тут что сказать. Совместные предприятия, захват мирового рынка, вытеснение

американцев, на которых и мы, и индусы постоянно работаем.

4. Военная техника. Необходимо полностью открыться, не надо продавать им старое, лучше вместе создавать новое. Секретов вообще не должно быть между своими.

5. Биотехнологии и фармацевтика. Тут есть заделы у обеих сторон. У нас есть теория, коллекции биоматериалов, у них — производственная база.

6. Ювелирная отрасль. Богатые традиции с обеих сторон. Наше сырье, их обработка.

7. Шоу-бизнес. Языки родственные. Продвижение русского языка и нашей рок- и поп-музыки проч.

8. Киноиндустрия. У них есть Бомбей с его производственной базой, у нас — старейшие традиции для качественного, умного кино. Совместные предприятия и выход на мировые рынки, вытеснение американцев.

9. Энергетика. В Индии электрифицировано только 35 % территории. В связи с этим в 2004 году была принята программа «Проект национального плана в области электрификации». Чтобы воплотить эту программу в жизнь, Индии предстоит осуществить значительный объем работ по строительству новых электростанций и линий электропередач. Общий объем необходимых инвестиций оценивается в 270 миллиардов долларов на период до 2030-х годов. Мы можем делать эти инвестиции, получать прибыли, брать подряды на строительство станций и линий. При содействии советских организаций в 1960—1970 годы в Индии было построено 13 тепло- и гидроэлектростанций. Учитывая амбициозную программу правительства Индии по электрификации страны, российские компании имеют неплохие шансы на получение заказов на строительство линий электропередач.

10. Топливо. Сейчас в Индии 55 % топлива — это уголь и биомасса, и только 1 % приходится на атом, на гидроэнергетику — 2 %. К 2030 году Индия будет четвертой экономикой мира и в четыре раза увеличит потребление энергии. Биомасса будет в два раза сокращена и заменена атомом, гидроэнергетикой и газом. Только мы

можем строить газопроводы. У нас огромный опыт строительства плотин, а уж по атомным станциям нет никого лучше нас в мире. В Индии имеется ряд нефтяных месторождений, обнаруженных с помощью советских специалистов, а также нефтеперерабатывающих предприятий, построенных при содействии бывшего СССР и других стран СЭВ. В настоящее время ОАО «Газпром» осуществляет поисково-разведочные работы на континентальном шельфе. ОАО «Тюменнефтегеофизика» осуществила с индийской государственной нефтяной компанией сейсморазведочные работы.

Перспективными с точки зрения российского участия являются также проекты по строительству нефте- и газопроводов в Индии. В настоящее время в их реализации принимает участие ОАО «Стройтрансгаз». Российские предприятия, имеющие значительный опыт в области сооружения магистральных газопроводов значительной протяженности, могут также оказать содействие при строительстве газопровода для импорта природного газа из Ирана. В частности, «Газпром», построивший «Голубой поток», обладает опытом прокладки морских газопроводов. Особую роль играет сотрудничество в области сооружения атомной электростанции в Куанкуламе с использованием реакторов ВВЭР-1000. Для этой АЭС предусмотрены поставки из России урана в течение 40 лет. На строительство этой электростанции Россией был выдан крупный кредит. Имеется также проект сдачи в аренду Индии плавучей АЭС.

Хорошим примером сотрудничества может также стать угольная промышленность. Индия заинтересована в разработке угольных месторождений, а также в импорте технологии обогащения угля. В настоящее время российские фирмы «Росуглемаш» и «Зарубежуголь» ведут с компаниями переговоры. По прогнозам, в ближайшие годы темпы прироста спроса на горно-шахтное оборудование в Индии будут одними из самых высоких в мире, в связи с чем возможно расширение поставок его из России.

11. Финансы и кредитование. А почему бы не дать в долг Индии? Причем кредиты могут быть связанными. Под наши же проекты, под наших же строителей, под наших же подрядчиков?!

12. Транспорт. Строительство железнодорожного коридора-тоннеля через Гиндукуш, что сравнимо по значимости с Суэцким каналом. Путь из Дели в Берлин займет 4-5 дней. Оживет Средняя Азия, а это для нее что новый великий шелковый путь. Надо раскрутить совместно фигуру Афанасия Никитина.

13. Туризм. Индия — Мекка всех любителей восточной духовности, всех рерихнутых и искателей Шамбалы. В свою очередь, для индусов Россия — великая северная страна, невиданная, экзотичная, совершенно не похожая на то, к чему они привыкли. Надо создавать массы мифов об общем происхождении русских и индусов.

14. Образование. Индо-европейская культура, язык способствуют лучшему общению. Мы можем взаимно обогащать друг друга в различных науках и практиках, в тех отраслях, где преимущества очевидны.

15. Сельское хозяйство. Многие сельхозкультуры растут только в Индии, а другие дальше везти из Южной Америки, а оттуда возят.

16. Ширпотреб. Огромный российский рынок, рынок холодной страны, миллиардный рынок для их тканей, ковров и т.п.

Возможно, чуть менее внушительный перечень можно написать и по поводу союза с Латинской Америкой. Напомним, что по прогнозам многих аналитиков, Бразилия станет самой динамично развивающейся страной в мире в ближайшие 50 лет. Венесуэла, Куба, Панама, Колумбия, Чили, Мексика занимают по различным вопросам все более антиамериканскую позицию. Они стучатся к нам в двери, до неприличия навязчиво предлагают дружбу. Объединившись и сформулировав общие интересы, они способны на серьезную транспортную, нефтяную и сельскохозяйственную блокаду Северной Америки в случае пренебрежения их интересами. Военный блок

(о котором шла речь в связи с Индией, и поставки наших вооружений на этот огромный рынок, развертывание наших спутниковых систем для противоракетной обороны Латиноамериканского блока) способен оказывать стабилизирующее влияние и охранять мир от любых переделов. Образование, туризм, энергетика, сельскохозяйственные поставки, нефтяные картели и проч. — поле для возможностей огромны, заделы в советскую эпоху были сделаны большие. В Латинской Америке к русским традиционно отношение самое лучшее из всех стран и народов мира.

Кроме оформления своей коалиции больших геополитических пространств нам необходимо ослаблять коалиции соперников. Вот несколько насущных, животрепещущих требований:

1. Коль уж США сделали глупость и поссорились с исламским миром, своим «естественным» союзником, нам необходимо делать все, чтобы этот конфликт длился и ослаблял обе стороны. Нам надо переориентировать вектор агрессии исламского мира на Америку и Европу. Нам выгодна война США и Ирака, США и Ирана.

2. Нам надо начинать серьезную пиар-кампанию в США и кошмарить их китайской угрозой, чтобы США легли косяками за наш Дальний Восток.

3. Нам надо также кошмарить Европу исламской опасностью, показать им настоящих террористов и экстремистов, от которых мы пока что их прикрываем. Надо, возможно даже с помощью провокаций типа 11 сентября, разжечь войну между исламским миром и Европой. К этому все готово, осталось поднести спичку, а потом ждать, когда трупы твоих врагов проплывут мимо.

4. Надо препятствовать сближению Европы и Китая и осознанию их общих интересов в разделе природных богатств России.

5. Надо оформлять собственное большое геополитическое пространство, втягивая в него свои традиционные зоны влияния, которые помогают решить самую страшную для нас сейчас проблему — депопуляции. Надо продумать самые сладкие меры (вплоть да бесплатной

раздачи земель в вечную собственность), которые способствовали бы заселению Дальнего Востока не только частью русских, но и восточно-европейцами, молдаванами, кавказцами, украинцами, азиатами, африканцами, индусами. Это будет второй Новый Свет, новый Дикий Запад. И подобно тому, как из Дикого Запада выросла величайшая империя мира, вырастет она и из «Дикого восток».

Все эти проблемы и трудности — серьезнейший вызов для российской дипломатии, и есть огромное сомнение, сможет ли она этот вызов принять и с означенными трудностями справиться. Если в США внешняя политика давно уже стала продолжением внутренней, если в сфере внешней политики работают молодые энергичные кадры, профессионалы в вопросах подготовки и проведения проамериканских пиар-кампаний, «оранжевых революций», военных переворотов, то российское внешнеполитическое ведомство давно уже превратилось в клуб пенсионеров, в место для почетных ссылок федеральных политиков, отработавших свое.

Сравните двух послов на Украине времен «оранжевой революции»: американского Хербста и российского Черномырдина. Один вел себя как полноправный хозяин в американской колонии, оказывал давление на Верховную Раду, на администрацию украинского президента, постоянно проводил совещания с оппозицией, координировал деятельность сотен НГО и НКО, хотя экономическая зависимость Украины от США в 100 с лишним раз меньше, чем от России. В то же время Черномырдин больше выступал в роли шута, позорил Россию. Когда Украина смеялась над Черномырдиным, она смеялась над Россией. Добавьте сюда некомпетентность и, по сути, политику предательства национальных интересов со стороны нашего посольства. Я сам был свидетелем того, как в день России — 12 июня 2004 года — подведомственное Черномырдину Одесское Российское консульство не допустило на торжественный прием лидера русской общины Одессы В. Каурова, авторитетного защитника

русского языка, Православия. И все только потому, что у националистических украинских властей В. Кауров вызывал аллергию, а наше консульство не хотело их раздражать...

Необходима скорейшая реформа всего российского внешнеполитического ведомства, укомплектование его молодыми и профессиональными кадрами, способными вести длительные пророссийские пиар-кампании и дипломатические войны на территориях иностранных государств. Именно там сейчас проходит передняя линия борьбы за Россию. Сегодняшняя внешнеполитическая доктрина России совершенно недоктринальна и невнятна. В ней нет никаких принципов кроме тех, что надо стараться дружить со всеми, сдерживать тех, с кем дружить не получается и т.д.

Точно так же невнятны и бесцельны усилия, предпринимаемые нашими НГО. Есть такой замечательный фонд «Диалог цивилизаций». Спонсируется он Российскими Железными Дорогами. Ежегодные форумы на Родосе проводит. Туда съезжаются сотни каких-то людей со всего мира и что-то говорят в стиле: «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...». Но ведь должна же быть какая-то доктрина, какая-то цель этих собраний! Устроители должны понимать: «диалог цивилизаций» не может идти по принципу все любят всех, это противоречит геополитическим законам и это утопия. Тогда надо понимать, кто настоящий союзник, а кто только будет приезжать за наш счет на фуршеты, купаться в море, а потом, уехав, продолжит русофобскую политику.

Почему собираются на Родосе? Потому что «здесь Родос, здесь и прыгай»? Почему не сделать столицу форума кочующей? Почему не сделать форум инструментом для укрепления российско-индийско-латино-американских связей прежде всего?

Если нам не удастся в ближайшие 10 лет мобилизовать наших союзников и выстроить систему сдержек и противовесов в мире, Россия погибнет в борьбе на три фронта.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОЛЕМИКИ

(из споров в различных интернет-форумах, чатах, блогах, аськах и электронных почтах)

О религии, науке, социализме и постмодерне

Оппонент. *Постмодерн — это свобода от обязательств, семейных уз, долга и чести. Это философия американских профессоров-недерастов.*

О.М. Вы ругаете постмодернизм, совершенно не понимая, о чем говорите. Для вас это просто синоним иной жизненной позиции. Так старики ругают «молодежь», просто потому, что она поет незнакомые песни. Провинциальные преподаватели философии сплошь антипостмодернисты, но значит ли это, что они вообще представляют хоть какую-то позицию, всерьез готовую вступить в полемику с Деррида или Лиотаром — корифеями постмодерна? В XX веке дразнились «модернистами», в XIX веке дразнились «фармазонами» и «вольтерьянцами».

Представьте такую забавную ситуацию. XIX век, сидит какой-нибудь старик, может быть, священник, который ненавидит все современное и даже что-то слышал о модных течениях, и говорит примерно так: «Все продается и все покупается, кругом господствует хаос рынка, деньги стали главным в этой жизни, не осталось нравственности и помощи ближнему, о бедных никто не заботится... короче, везде сплошной “коммунизм”»...

Смешное рассуждение? Почему вдруг «коммунизм»? Да потому что этот дед не приемлет то, что видит вокруг. И он слышал, что есть новые политические партии, которые называют себя коммунистами. Вот у него все в кучу и перемешалось. Он не знает, что коммунисты критикуют буржуазию, выступают за помощь бедным, они против рынка, за плановую экономику, за отмену денег. А старик не вдается в подробности, так же как и вы наверняка не видите разницы между, например, модернизмом и постмодернизмом. А разница существенная.

Представим патриархальное село, где все играют на гармошках и балалайках, пьют чай из самовара, с косой и плугом ходят в поле, по субботам — в баню, а по воскресеньям — в церковь. Девочек выдают замуж после сватовства и в семье много детей. А управляют всем помещик, управляющий и поп. Город считают рассадником порока и обителью дьявола. Это традиционное общество.

Как будет выглядеть модернизм? Это когда в селе начинается демократия и управляет выборный орган, какой-нибудь совет. Церковь сносят, потому что она мешает науке и просвещению. В поле вместо плуга — комбайн и куча химических удобрений, которые загаживают все поле напрочь. Девки выходят замуж по любви, детей рожают одного — двух. Чай все пьют из электрочайника, в клубе играют на электрогитарах и синтезаторах. А главное, все мечтают уехать в город, потому что там настоящая жизнь.

А что такое постмодернизм? Это когда вокруг прекрасная природа, потому что никто не сеет, не жнет, а транснациональные компании выращивают генномодифицированную пшеницу либо в теплицах, либо в странах, где еще остался модернизм или традиционное общество. В селе создан природно-фольклорный заповедник, который посещают иностранцы. Им дают самим испечь хлеб в печи, поехать в поле на настоящем комбайне, поухаживать за лошастью, поприсутствовать на старинной деревенской свадьбе, сходить в баню и в церковь, которая, кстати, опять построена, а еще в селе есть музей и проч. Управляется все это туристической фирмой, а сельские нанятые в качестве сотрудников, работают «ряжеными». Девки и парни в брак не вступают ни по традиции, ни по любви, и детей у них нет, потому что хлопотно. Разницы между городом и деревней почти нет, потому что город уже дошел до деревни по своим размерам, а в деревню провели интернет, газ и канализацию. Хочет Вася ездить на комбайне — пусть ездит, хочет Петя ходить с плугом — пусть ходит, главное, чтобы Вася не отбирал у Пети плуг, а Петя у Васи — комбайн. Они должны быть

толерантными к образу жизни друг друга. Вот примерно так выглядит вульгарный постмодернизм. Ну и при чем тут идеология профессоров-педерастов?

Я не постмодернист, но старюсь употреблять слова в соответствии с их смыслом.

Среди монахов, особенно католиков, было много педерастов. Но... «Все позволено» — это впервые было сказано либертинами во времена Просвещения, когда и начался бунт против Бога и Церкви и традиционного общества. Кстати, тогда тоже было много педерастов. Потом про «все позволено» повторяли социалисты и отрицали «буржуазную мораль» эпохи Просвещения, а заодно и старую церковную. Среди социалистов и коммунистов тоже было много педерастов. А постмодернизм, кстати, антипросвещенческая идеология, а значит, постмодернизм против «все позволено». Постмодерн скорее имеет лозунг «все — нельзя», «все прежнее — неполиткорректно». Куда ни кинь — всюду клин. Все уже было, все освоено и извращено, все придумано и исчерпано. Ничего нового невозможно. Даже педерастией никого не удивишь. Тогда какой смысл ею заниматься? Вот ощущение постмодерниста.

Жалкие попытки клерикалов были после эпохи Просвещения пытаться вернуться к прежней жизни. Раз уж церковь проиграла науке весь мир, будучи в силе и славе, в расцвете могущества, и когда наука была слабой и молодой, то тем паче церковь проиграет, когда в зените славы и в силе — наука. Так же жалкие попытки вернуться из социализма обратно в капитализм. Смешны и трагичны. Раз уж капитализм плавно во всех передовых странах перерос в социализм, то так тому и быть. Обратно можно вернуть, как Россию в 1990-е, но ненадолго. Возвратиться же из новой эпохи постмодерна обратно в современный социализм, а тем более в эпоху Просвещения с ее рациональностью и позитивизмом, — дохлый номер.

Постмодерн надо отрицать, если уж вы так хотите его отрицать, из будущего, а не из прошлого. То есть отрицать его надо не с позиций социализма, не с позиций

науки и просвещения или разума, и уже тем более не с позиции Церкви. Если они все вместе, будучи в силе и славе, проиграли историческую битву постмодерну, то тем паче проиграют ее и сейчас, когда постмодерн захватил мир. Да, возможны рецидивы реакции, возможен где-то когда-то выигрыш науки, или клерикализма, или социализма. Но постмодерн возьмет свое. Но и он не вечен. ОН так же уступит место чему-то иному. Пророки этого ИНОГО есть, возможно, уже сейчас.

Оппонент. *Области применения науки и религии разные. Они не соревнуются, а дополняют друг друга.*

О.М. Вы о чем? О каких-то непротиворечивых теориях, где все мирно друг с другом уживается? А я об истории. Вы не знаете, что католическая церковь сжигала ученых и запрещала книги? Вы не знаете, как просвещенческие революционеры взрывали храмы? Вот вам и разные области применения...

Естественно, когда церковь и наука ВМЕСТЕ стали прошлым, острота их полемики утратилась. Они сдружились, тут-то и появились теории об их взаимодополняемости. Теперь, когда и социализм стал прошлым, он присоединился к этой «сладкой парочке», и они уже втроем противостоят постмодерну. Когда постмодерн станет прошлым, вы удивитесь и увидите, как религия, наука, социализм и постмодерн вместе (как прекрасно дополняющие друг друга и работающие в разных областях) будут противостоят чему-то новому. Социализм совершенно естественно наследовал капитализму. Почитайте «Манифест» Маркса, там это очень хорошо доказывается. Сейчас во всех развитых странах один сплошной социализм. Не надо говорить, что социализм — это был отдельный «вывих» отдельной страны, что у России была болезнь. Если у вас ребенок в 10 лет был метр ростом, а в 20 лет стал два метра, вы же его в больницу не повезете. Так и с социализмом: не надо было его лечить и насильно загонять страну в прошлое. Всегда надо двигаться в будущее!

Оппонент. *С какой же позиции критиковать пост-модерн? Вы исходите из идей прогресса, и поэтому у вас каждая следующая стадия — выше предыдущей. То есть постмодерн как последняя стадия лучше и выше всех. А я исхожу из регресса. Постмодерн — очередная (вероятно, последняя) стадия гниения европейских мозгов. Нечего нам в ту сторону смотреть, раззявив рот. Причем, если в Просвещении была хоть какая-то положительная программа, то постмодерн — типичное разжижение мозга.*

О.М. Прогресс и регресс — зеркальные противоположности, и они не имеют ничего общего с реальностью. В истории есть какие-то судьбичность и закономерность. Понятно, что нельзя взять эпохи и века и, перемешав их, как в калейдоскопе, выстроить в какой угодно последовательности. Они появляются друг за другом именно в той последовательности, в какой должны. Но это не прогресс и не регресс, потому что прогрессы и регрессы возможны только относительно фиксированной точки. А история не движется относительно фиксированной точки. «Гниение европейских мозгов» — это взгляд только с точки зрения европейской же науки и рациональности. Тогда конечно, все, что сейчас происходит, — полный ужас. Что поразительно, вы Европу старую принимаете, а современную — нет. Будьте последовательны! Ведь можно и иначе сформулировать. Например, что наука сама есть гниение мозгов. Точнее не гниение, а замораживание, околевание, окаменение. Так что небольшое разжижение околеваю только полезно. В основе науки лежит несколько метафор. Если наука будет до конца честной, она признает, что в ее основе лежит поэзия. Что и установил постмодерн. Именно поэтому постмодерн более глубокий, он пошел к предпосылкам науки.

Оппонент. *Наука, рациональность, как впрочем, и социализм, не исчерпали своего потенциала.*

О.М. Как и церковь своего! Сколько еще монастырей можно построить! А наука? Сколько еще диссертаций можно защитить! Правда, не читает их уже никто... Социализм?

Конечно, еще в сотню солнц мартенами можно воспламенить Сибирь! Лошади тоже не исчерпали своего потенциала... Можно было ими без автомобилей долго обходиться. А что это у вас лозунг такой: «исчерпаем все потенциалы!»? Зачем их исчерпывать? Пусть будут про запас.

И не обижайтесь, но в каких-то моментах мы все постмодернисты, хотим того или нет. Мир изменился и изменил нас. Человек, который переболел гепатитом, не является больным гепатитом, но и не-больным тоже не является. Вы — носитель вируса постмодерна, как минимум. Нельзя, например, пользоваться интернетом и не быть постмодернистом. Интернет — не нейтрален. Вы читали «Властелин колец»? Кольцо всевластия — оно всегда тянется к хозяину. Так и вся техника в мире не нейтральна, она так же тянется к тому миру, откуда пришла, к той онтологии, которая ее породила.

Все средства ведут к целям, ради которых они средства. Дороги ведут к городам, к которым их строили. Нельзя ставить себе целью попасть в один город, а дорогу взять от другого, просто потому, что все по ней ездят, она удобней и проч. И она нейтральна. Слово «метод» переводится с греческого как дорога, причем дорога наезженная, колея. Поэтому методы и средства нельзя отрывать от их почвы. Интернет вырос из особой онтологии: онтологии вирусов, событий, крушения иерархий, мира сетей и проч. Из онтологии постмодерна. Интернет делает нас постмодернистарми. Другое дело, что я, как и вы, наверное, не исчерпываемся нашим бытием-в-интернете.

О «европейском» в России

Оппонент. *Вы пишете в статьях, что Россия должна быть центром Европы. Но какая-либо интеграция в Европу для меня неприемлема, и европейцы — это чужаки. Не нужна мне Европа, и ее существование я просто не замечаю. От принятия/непринятия всяких евроконституций мне ни тепло, ни холодно. Курс евро не колышет. И тем более не «самоидентифицируюсь», сопоставляя себя с европейцами.*

О.М. Как я понял из ваших предшествующих постов, вы большой поклонник книг Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, а значит — вы не только критик евроцентризма, но и марксист. Но как марксист вы должны знать, что Маркс — это тоже порождение Европы. Более того, наши наука, искусство, техника — порождение Европы. В России нет ничего, что не было бы ранее создано в Европе. Мы могли превосходить Европу в развитии феноменов, но не в порождении. К сожалению, это так, до сих пор мы были гениальными продолжателями. Это надо менять, к этому я призываю. Но это мне не мешает видеть: все, что у вас в голове, весь мир, в котором вы живете, — европейские.

Оппонент. *Россия не только с европейцами контактировала, вообще-то. Казанское и Крымское ханства не в счет? Впоследствии они даже стали частью России. И я не смотрю на мир как евроцентрист. «Столбовая дорога мировой цивилизации» для меня — пустой звук.*

О.М. Ханства не в счет. Из Европы Россия взяла философию, религию, все виды искусства, политику, экономику. ВСЕ. А что она взяла из Крымского ханства? Перечислите по пунктам. Если прочитали где-то (например, у Кара-Мурзы), что евроцентризм — это плохо, и решили в один миг отказаться от евроцентризма и перестать быть европейцем, это смешно. Это напоминает человека в воде, который решил, что тонет потому, что в голове у него «неправильная идея тяжести» и ее просто нужно выбросить из головы. Он забыл об идее тяжести и перестал обращать на воду внимание. Как вы думаете, перестал он тонуть? Скорее всего, утонул быстрее. Так и вы в своем «забывании Европы» больше европеец, чем сами европейцы. Вы отождествляете себя со своим сознанием, а это все равно что отождествлять компьютер с картинкой на мониторе (грубая аналогия, но понятная). Вы забыли, что есть еще софт, память, железо, без которых картинки бы не было.

Кто что сам про себя думает — это ерунда. Главное, кто ты есть. В сумасшедшем доме есть те, кто Наполео-

ном себя мнит, но они пациенты на самом деле, а не на-полеоны. Не вы выбираете, кем быть, в частности не вы выбираете быть вам европейцем или нет. Вы уже по своему языку, воспитанию, привычкам и проч. — европеец, до того, как стали думать что-то по этому поводу. Чтобы перестать быть европейцем, вам надо перестать быть марксистом (это легче всего), перестать ссылаться на науку и вообще научно мыслить, перестать использовать технику... Это минимум. Но это тоже было бы смешно, потому что ваше мышление уже технизировано, ваши органы чувств заточены под технику..

В мире нет уголка, не зараженного Европой. Китай и Япония заражены. Был анекдот в советские времена: «Разве Прибалтика — Запад? Вот Япония — Запад!». А уж Россия с ее тысячелетними контактами — тем паче. «Столбовая дорога цивилизации» состоит в том, что Запад и Европа захватывают мир. Или я не прав? Может, Африка постепенно захватывает мир? Может, все появляется сначала в Африке, а потом распространяется по миру? Или все появляется в Китае, а потом захватывает мир? Или в России? Будьте честны. Все — с Запада. Оно может быть хорошим и плохим, но оно оттуда. Право на «центризм» надо завоевать. Сначала сделайте нечто, чего не было в мире. Изобретите огонь или колесо, или что-то иное, что покорит весь мир, а вот потом гордо говорите, что вы не европеец!

Оппонент. *Все цивилизации имеют право на существование, и европейская — не лучше и не хуже других (даже хуже, так как стремится истребить всех отличных от нее).*

О.М. Распространение европейской цивилизации осуществляется сейчас большей частью не-европейцами. Она никого не хочет истребить, в отличие от иных (как один кавказец на форуме написал: «Скоро придем и всех зарежем!» — вот национальная идея), скорее, иные хотят самоистребиться при столкновении с европейским. Сколько я видел русских, которые давят в себе все русское, стесняются его, только чтобы быть европейцем.

А сколько таких в разных польшах и грузиях? И так по всему миру. А вот что я считаю опасным, так это мнение, будто все цивилизации самоценны. Отсюда и возникает терроризм. Когда всяким уродам сказали, что у них, мол, есть права и что, дескать, они ничем не хуже других. Вчера коз пасли, ни крупинки не дали миру, а сегодня признай их равновеликими Греции и Риму, Германии и России. Кстати, мировоззрение, согласно которому «все цивилизации равны», тоже сугубо европейская придумка, как и все разговоры про права и свободы — чисто европейская вещь. Я опять вас поймал на том, что вы — европеец.

Оппонент. *Насильное затаскивание России в Европу — это утрата культурной и прочей независимости, акт добровольной капитуляции. Про христианство могу сказать следующее. «Крещение Руси» было актом насилия в угоду текущему политическому моменту. Выгоднее было бы принять ислам — никакой христианской Руси и не было бы. Это случайность.*

О.М. Что-то вы запутались. Прочитайте, что пишете: «насильное... — это добровольное». И немудрено: старая слабая чахлая Европа, которая прогибалась под любым завоевателем и не представляет ни для кого угрозы, не в состоянии никого изнасиловать. Зато ее идеи покоряют мир, все принимают их добровольно. Если США перенесли к себе производство технических новинок, то в гуманитарной области Европа покоряет даже Америку. Оттуда в США идут все новомодные идеи и мировоззрения. Что касается затаскивания нас в Европу, то все свершилось уже давно. Вы похожи на человека, который 30 лет прожил в браке, а потом говорит, что его насильно женили... Смешно. Чем так по-детски выкидывать коленца, сучить ножками и выгибать спинку, лучше заставьте себя уважать. Станьте хозяином в собственном доме, мужем без детских комплексов, а в силу превосходящей духовной силы. Христианство принято, может быть, случайно, но это произошло уже 1000 лет назад. Теперь это стало

нашей судьбой и плотью. Внутри вас христианские понятия, вокруг вас мир, построенный христианскими руками, и вы, обращаясь с этим миром, распределчиваете его и сами становитесь христианином. Вы — православный, даже если в руки не брали Евангелие. И татары наши русские в значительной мере православные. Все, что видите вокруг себя, было создано в соответствии с теориями, микропрактиками, которые сложились не одно тысячелетие назад. Когда пользуетесь предметами, вы впитываете в себя тысячелетнюю культуру, становитесь таким-то и таким-то человеком. Мир сам вас учит.

В каждой вещи бездна смысла. Оглянитесь: все вокруг вас сделано чьими-то руками, над каждым сантиметром кто-то когда-то думал, придумывал, чертил, кто-то на заводе отливал, кто-то собирал. И общаясь со всем этим, вы это впитываете. Так же как в языке и привычках вы впитываете тысячелетний культурный пласт.

Давайте возьмем первую попавшуюся элементарную вещь. Вот я за столом сижу. Стол. Задайте себе сразу такие вопросы: а объясняется ли наличие стола функциональностью? Ведь пищу, например, принимать можно сидя на земле и дела разные делать. Спросите себя: почему у римлян и греков было ложе, а не стол, почему у кочевников достарханы? Зайдите с другой стороны и спросите: что означает интересное и распространенное буквосочетание в индоевропейских языках «СТ»? Вот слова: стан, стабильность, станция, стоять. Или более сложные: простор, пространство. А вот в суффиксе: государство, отчество, свойство, господство. Слушайте язык. Теперь еще вот над чем подумайте: а зачем прослойка между землей и небом? Не делится ли мир на тот, где обитают духи неба и тот, где духи земли? На чистое и нечистое? Почему мы не поднимаем с пола кусок, даже если пол идеально чист, даже, если чище стола? Почему не кладем кусок в рот, даже если подняли? Какая метафизика за всем этим стоит? Не является ли прообразом стола алтарь? Место, где приносили жертву Богу, потому что Богу почему-то нельзя давать жертву с земли. Что должно произойти и

измениться в отношении человека к себе и к богам, если человек и сам себе решил давать пищу с алтаря, со стола? А? Про стул рассказать? Подумайте, почему раньше были троны и скамьи, а сейчас стулья. Когда это изменилось? Что общего между стулом и столом? Ведь и там и там есть «СТ». Как стул произошел от стола? И прочее. За всем этим УЙМА смысла!!! И все это мы впитываем, общаясь с предметами. Они делают нас такими, какие мы есть, а не иными. А вы думаете: можно книжку прочитать, поменять взгляды и за один день перестать быть европейцем!

Оппонент. *Вы писали про общее происхождение наших с европейцами языков. Надо не забывать, что языки эволюционируют. То, что было тысячелетия назад, изменилось до неузнаваемости.*

О.М. А вы случайно язык с лексикой не отождествляете? Прежде чем говорить, дайте себе труд хотя бы вчерне понять предмет. Русский язык может еще 1000 лет эволюционировать, но так и останется индоевропейским языком, как и все европейские языки. А язык для народа — это все. Это не такая мелочь как цвет кожи, разрез глаз и генетика. Язык делает народ тем, что он есть. Поэтому наша бесконечная удаленность от неевропейских азиатских и особенно неностратических языков навсегда и навечно связывает нас с Европой.

Оппонент. *Почему вы пишете, что Россия должна стать центром Европы, а не Поднебесной например? Для Европы мы — лишь сырьевой придаток и варвары. Зачем к Европе в объятия надо стремиться, чего-то им доказывать? Проще врагами их объявить...*

О.М. Вот именно, проще. Только объявив их врагами, вы придатком и варваром быть не перестанете. Скорее подтвердите их мнение о себе. Я же говорю: не будьте ни тем ни другим, не будьте варваром и сырьевым придатком. Сделайте Европу своим придатком, и сделайте так, чтобы европейцы чувствовали себя варварами.

Стать центром Европы и Запада — значит стать центром мира. Речь не об отдельных странах и цивилизациях, типа Поднебесной или Африки. Речь о том, чтобы стать авангардом истории, мировым лидером. А стать мировым лидером, тем, кому все подражают, непросто. Легко только на словах выпендриваться против Европы, Америки, Китая... и говорить, что ты самый крутой. Гораздо труднее на самом деле стать лидером. Это дело для мужа, а выпендриваться против Европы — занятие прыщавого юноши, который в переходном возрасте что-то там доказывает родителю.

О партийной системе

Оппонент. *Можно ли то, что сейчас происходит в России, назвать ре-акцией, то есть восстановлением того, что было в СССР? Я имею в виду однопартийную систему... И что делать, чтобы этого не было. Какая должна быть политическая система?*

О.М. Быть в стране однопартийной системе, как в СССР или Китае, быть двухпартийной, как в США или Англии, или же удариться в многопартийность? Собственно, многопартийности общество уже наелось и не скоро захочет попробовать еще. Представление о политической системе как о рынке, где чем больше сортов колбасы и сыра, тем лучше, оказалось в корне неправильным, поскольку при такой системе избирательный процесс поглощает всю жизнь в стране, средство превращается в самоцель, программы партий не реализуются, реформы никуда не идут, так как в обществе с большим количеством партий невозможно достичь долговременного консенсуса. Получается как в известной басне про лебедя, рака и щуку.

Плюсы и минусы однопартийности нам тоже известны. Конечно, удобно, что не тратится драгоценное время на всевозможную болтовню, межпартийную дипломатию, весело и быстро принимаются очень нужные законы. Учитывая, что стране надо наверстать потерянное за мрачные 1990-е и вести реформы военными темпами,

однопартийность выглядит соблазнительно. В то же время самовлюбленный застой, не замечающий и не терпящий критики диктат, развращающее всевластие, жизнь в своей башне из слоновой кости — все это неизменные симптомы однопартийности, которые показывают, что на долгую перспективу однопартийная система вредна, поскольку обязательно заведет в тупик.

Ну, раз многопартийность и однопартийность (две крайности) не подходят, ничего не остается, как обезьянничать с Англии, Америки и проч., и вводить двухпартийную систему. С одной стороны, каждая партия всегда под огнем критики, с другой стороны, какая-то из них всегда правящая, а значит, удобно проводить любые реформы. Политическая жизнь не превращается в процесс договоров и переговоров по поводу того, что все равно никто делать не будет, так как всегда есть повод начать договариваться заново.

Однако у двухпартийной системы тоже есть недостатки. Влияние каждой партии может оказаться настолько соизмеримым, что вполне реален раскол элиты и страны. Возьмем благополучные США и Германию. На всех последних серьезных выборах вопрос там решали доли процента. А доля процента в российской ситуации сразу же выльется в майдан, как на Украине или в Мексике. А это дестабилизация ситуации. Двухпартийная система в России — реальный путь к расколу и распаду страны.

Кого как, а лично меня в школе учили, что самой устойчивой фигурой является треугольник. Почему бы нам не перестать подражать чужим политическим системам и не построить свою, оригинальную — трехпартийную?! Причем не «случайно-трехпартийную» (когда три партии проходят в парламент, потому что так получилось), а «принципиально-трехпартийную», когда созданы законодательные условия для того, чтобы партий было не меньше, но и не больше трех.

Надо, в частности, принять закон, что в парламент проходят только три первых партии, независимо от процента, который они набрали, причем голоса, отданные

за всех не прошедших, перераспределяются не в пользу занявшей первое место, а в пользу последней, чтобы первая не имела подавляющего большинства. Далее надо специальным политическим антимонопольным законом запретить образовывать двум партиям устойчивые коалиции против третьей (в противном случае это станет замаскированной двухпартийной или однопартийной системой).

Необходимо, чтобы буквально по каждому вопросу в Государственной Думе складывалась разная конфигурация. В то же время это будет всегда две трети против одной. Возможность раскола устранена, и есть возможность проводить законы. Не теряется управляемость, не нужны постоянные консультации и переговоры. Нет монополизма, есть взаимная критика. Короче, сохранены плюсы однопартийности, устранены минусы однопартийности и двухпартийности.

Возможен вопрос: а какие это три партии должны остаться у власти? Напрашивается классическая триада: левые, правые, центр. Но, как известно, в этих терминах существует путаница не только у нас, но и на Западе, так как левые и правые давным-давно поменялись пунктами программы три раза. Все это свидетельствует о том, что старая политологическая матрица устарела, а новой нет. Да и не в названиях дело. По сути три партии могут и должны отражать отношения к изменениям в обществе. Условно говоря, должна быть «партия будущего», которая требует реформ, предлагает инновации, порой рискованные, ни на ком не проверенные и проч. Должна быть «партия прошлого», отстаивающая и наполняющая смыслом существующие институты и отношения, противостоящая авантюризму и безответственности. И наконец, должна быть «партия настоящего»: партия умеренных прагматиков, которые приземляют инновации авангардистов и без фанатизма, но уважительно относятся к традициям.

Можно сделать так, чтобы Устав «партии будущего» запрещал членство в ней старше 35 лет, тогда это даст до-

рогу молодежи во власть, не будет назойливых старперов, которые сидят каменными задами на высших партийных должностях и не пускают молодых до 70 лет. Тут молодежь будет представлена непосредственно. «Партия настоящего» должна по Уставу иметь членов от 30 до 55 лет, например, не старше, это самый зрелый и прагматичный возраст. И наоборот, «партия прошлого» должна иметь членов от 45 лет и старше.

Политики станут кочевать из партии в партию, но ведь и убеждения их с возрастом меняются. Люди будут идти к той тусовке, которая говорит с ними на одном языке. По каждой общественной проблеме будет возникать некий консенсус между двумя партиями. Если проблема нетерпима, то, скорее всего, партии будущего и настоящего образуют союз против партии прошлого. Если, наоборот, некий институт работает, а реформаторы хотят заменить его только из экспериментаторского пыла и, начитавшись новомодных теорий, то, скорее всего, партия прошлого и партия настоящего сколотят союз, который не даст бездумно что-то уничтожать.

Истина никогда не бывает посередине, она всегда с краю, нужно только знать — с какого. В этом смысле центризм — не скучная теория о том, что, дескать, «все в чем-то правы, не надо крайностей» и проч., и не механическое тупое сглаживание противоречий, доводящее любые формулировки до бюрократической формальной бессодержательности. Быть настоящим центристом — наиболее трудная работа. Это работа с постоянным вопросом о том, какая крайность на данный момент права и какую надо поддержать.

В такой трехпартийной системе будут приниматься радикально мудрые и радикально новаторские решения, но именно отдельные решения. Не будет тотального радикализма, свойственного односторонним теориям. Каждый радикал начинает с одного правильного принципа, но его абсолютизирует, создавая целое мировоззрение там, где надо принять техническое решение по отдельному вопросу. Правильная трехпартийная система

позволит отфильтровывать правильный принцип и делать отдельные технические решения, отбрасывая мировоззренческие абсолютизации и проекции одностороннего принципа на другие сферы общества.

О тестах

Оппонент. *Почему положение в обществе у человека не ставит в зависимость от его Ай Кью. Чем выше Ай Кью, тем выше должность, богатство и проч.*

О.М. Тест КАК ТАКОВОЙ, ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ, есть способ познания объекта, согласно которому я познаю то, что объект значит ДЛЯ МЕНЯ, а не САМ ПО СЕБЕ. Я познаю объект на предмет соответствия заложенной мной при составлении теста модели и ее параметрам.

Например, я мажордом, и мне нужен дворник. Я строю себе модель хорошего дворника, обозначаю несколько критериев (средних лет, с хорошим здоровьем, силен и вынослив, рано встает, не пьет, чисто метет, денег не просит и проч.). Эти параметры привязываю к каким-то индикаторам. Например, силу измеряю в том, сколько килограмм он сможет поднять, материальные запросы измеряю с помощью его ежемесячных трат и проч.). Я составляю анкету и задаю вопросы. Тестируемый либо соответствует заданной модели, либо нет. Тест не способен раскрыть, например, что данный тестируемый еще и музыкант, верующий в аллаха, и имеющий восемь детей. Я об этом не узнаю просто потому, что тестируемого об этом не спрашивали, а тестирующему это неинтересно, не нужно для работы. Следовательно, познаваемый с помощью теста НЕ ИНТЕРЕСЕН сам по себе, он интересен только со стороны своей потенциальной дворниковости.

Когда я его тестирую, то отношусь к нему как к средству. У меня нет цели познавать его самого по себе. Кстати, великий философ Кант говорил, что естествознание ВСЕ ЦЕЛИКОМ есть познание предметов природы только в том аспекте, что они значат для нас. Природа

— всегда средство. В отличие от естествознания, в гуманитарной сфере, по Канту, действует категорический императив «Относись к другому человеку, как к цели, а не как к средству». Нельзя на практике не только манипулировать людьми (то есть насилловать их свободу), преследовать тайные интересы, обманывать (отсюда требование гласности и открытого общества), но и в познавательной сфере тест применим только для изучения природной стороны человека, например, в медицине.

В духовной же области свободу человека нельзя стеснять, ему нужно давать раскрываться. Каждого человека надо рассматривать как личность, как эталон, КОТОРЫМ можно мерить, а не которого измеряют. Человек не сравним. ОН УНИКАЛЕН. КАЖДЫЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЦЕННОСТЬ, в отличие от познания природы, где все познается в сравнении.

Тест — тоталитарен, потому что не дает человеку раскрыться самому по себе и из себя, каковое раскрытие может привести к совершенно небывалым, новаторским феноменам в области духа. Тест заранее «причесывает» людей под определенную матрицу, «подстригает», как садовник кусты.

Матрица общества и человеческих способностей предполагается тестом заранее, и люди ранжируются по ней. Значит, эта матрица неизменна? Но это не так. Да, негр из африканского племени будет иметь низкий Ай Кью, но ни один американец не сможет сделать то, что легко удастся пятилетнему негритенку (например, разжечь огонь без спичек и зажигалки).

Если мы возьмем американскую модель, негритенок будет в ней неполноценным, а в обществе негров неполноценным будет американец. Но разве это справедливо? Ведь и тот и другой могли бы многому научить общества, которые их репрессируют. Тесты на Ай Кью не просто могут пройти мимо будущего, но и обязательно всегда пройдут мимо будущего, а чиновники, которые пришли на должность в соответствии с тестом, обязательно prospят будущее, так как тесты составлены на основе про-

шлого. Их применимость очень ограничена. Мне жаль то общество и тех людей, которые воспринимают тесты всерьез.

О фактах, заблуждениях, анализе, науке и философии

Оппонент. *Ваши рассуждения о том, что СССР после войны был передовой страной мира, не соответствуют фактам экономической статистики.*

О.М. Все замечания ваши идут от фундаментального непонимания сути дела, от систематической ошибки. То, о чем я писал, есть «факты сознания», а не факты экономической статистики. Я описывал то, что было в головах так называемой «прогрессивной мировой общественности». Тогда быть интеллектуалом и быть «левым» — было синонимично. Поэтому СССР — победитель фашизма — был духовным лидером. Мне наплевать, права была мировая общественность или заблуждалась, но факт остается фактом — она так думала. Поймите, есть, например, государство «А» и государство «Б». У «А» больше пушек, лучше экономика и проч. Но если массовое сознание как в «А», так и в «Б», считает, что «Б» сильнее, именно это и будет фактом, а не величина ВВП.

Народы никогда не принимают решения и не действуют в соответствии со знанием статистики и опираясь на достоверные сведения цифр, балансов, таблиц. Народы движимы мифами, идеями, словами. Кстати, элиты тоже. И первые лица народов — само собой.

Я знаю многих политиков и олигархов. Эти люди бросают в корзины скучные отчеты аналитических служб и часами могут читать какой-нибудь сайт Компромат.ру. Потому что эти люди имеют волю действовать и считают, что знают, как надо действовать, лучше всех аналитиков в мире. Они доверяют себе. Как здоровому мужику не нужны костыли и протезы, так и здоровому уму не нужна аналитика. И наоборот, как безногому трудно без протезов, так и больному уму трудно без аналитики.

Еще раз повторю: и первые лица, и элиты, и народы делают историю, опираясь на «заблуждения», а не на факты. Причем «заблуждениями» это называют всякие ученые и аналитики. Но позвольте! Если заблуждения делают историю, а факты никому не нужны, то верно ли делать никому не нужную вещь мерилom того великого, что вершит историю? Правильно ли умалять значение мифов в сравнении со статистикой, коль скоро мифы историю движут, а статистика — мелкий курьез (беспользные сведения)?

Проблема еще и в том, что раньше, в своей юности, наука имела иллюзию: дескать, пока еще люди живут мифами, но в светлом будущем наука возьмет свое, и тогда и лидеры и народы будут опираться только на научные факты! Так думала эпоха Просвещения и позитивизма. Но история показала за 200 лет, что проект Просвещения рухнул. На мифы опираются еще больше. Наука умерла, никто не считает, что она занимается тем, что **ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ**. Наука и **АНАЛитика** (от слова **АНАЛ**, задний ум) занимается прошлым, ставшим мертвым, неким «позитивным», а **НА САМОМ ДЕЛЕ ЕСТЬ НЕ ПРОШЛОЕ**, а **БУДУЩЕЕ!!!** То, что уже стало фактом (что изучает **АНАЛиз**) то уже **НЕ** на самом деле. Оно уже как бы и не есть. По-настоящему есть только то, что будет, а изучать будущее **АНАЛитический ум** бессилен. Он всегда просто экстраполирует прошлое на будущее, а это в корне неверно, так как единственная и главная характеристика будущего как раз то, что оно не продолжение настоящего.

Когда я совершаю сбой в повседневной деятельности, поступок, решение, которое прерывает текущую постепенность жизни, сразу понятно: это судьба и это отразится в будущем. Но такой поступок, следовательно, и пришел из будущего. И именно он пришел. Мои действия, где я просто продолжаю прошлое и настоящее, не есть действия из будущего. Тот, кто это понимает, кто прерывает круговращение самокопирования каждого момента, то есть времени как силы, которая занимается постоян-

ным повторением одного и того же (время имеет тот же корень, что и веревка: это что-то витое, вращающееся), тот становится буддой, то есть пробужденным от сна, человеком будущего (будда, будить и будущее имеют один корень).

Для науки все это болтовня. Она недоумевает: как можно изучать то, чего нет? Она думает, что будущего еще нет. А будущее как раз есть то, что реальнее прошлого. И кстати, мифы, поэзия, мышление подлинное, они в эту сферу будущего как раз и проникают и приносят оттуда ростки, которые все и меняют. Естественно, это будущее не совпадет с «фактами действительности», ведь оно ушло далеко вперед.

Как поэзии, подлинному мышлению и подлинному поступку удастся проникать в будущее? Просто через решимость, через риск. Это прыжок в неизвестное, отрыв от всякой почвы фактов и опыта. Когда прыжок удастся, то будущее сбывается, заявляет о себе событиями, которые радикально разрывают самокопирование истории.

Такая простая вещь как рифмоплетство уже представляет собой технику отрыва от фактов, креатива, прочерчивания новых борозд в языке. Я произношу: «Кошка глупая у нас». Дочка тут же добавляет: «Кошка любит ананас». Кошка никаких ананасов не любит, и опыт ребенка никогда не содержал в себе кошку, поедающую ананасы. Но ребенок сумел сказать что-то, что подняло его над опытом, над фактичностью, сделало выше скучной действительности. Это уход от фактичности с помощью техники порождения смысла между двумя формально рифмующимися словами «нас» и «ананас».

Рифма провоцирует создавать осмысленные фразы, которые бы не были фразами опыта. Это «синтетические суждения априори», говоря словами Канта. При этом надо понимать, что рифмы и размер — это просто помочи, настоящая поэзия может обходиться и без них. Человек — господин действительности и опыта, которому он сам может ставить задачи (например, проверить экспериментально: любит ли кошка ананасы), только по-

тому, что человек — поэтическое существо. А ведь идеи и гипотезы для экспериментов могут быть куда серьезнее ананасов. Мы можем их формулировать априори, до опыта, и задавать природе вопросы. Мы не плетемся в хвосте опыта, а можем совершать прыжки в неизвестное и опытом управлять. Именно поэтому мы не законсервированные животные, а исторические люди.

Оппонент. Есть три категории мышления: обыденная болтовня на кухне, строгое научное мышление и художественное измышление, то есть фантазия.

О.М. Выдающийся вклад в теорию познания! Платон и Аристотель, Августин и Фома Аквинский, Спиноза и Лейбниц, Кант и Шеллинг, Гегель и Ницше, Хайдеггер и Витгенштейн... все эти великие мужи были идиотами, когда писали свои, кто десяти-, а кто и стотомные сочинения о познании и его видах. Оказывается, все просто, как тут только что объяснили, разделив все на три категории. Шариковщина это! Дескать, «не согласен я ни с Энгельсом, ни с Каутским!». И после этого вы на что-то претендуете? Я вам попытаюсь сейчас объяснить на пальцах. Если не поймете, значит уже все — конченный мертвяк, непробиваемая скорлупа и полное выпадение из истины (открытости).

Начну по аналогии с религией. Есть вера настоящая, горящая, все время на грани веры и безверия, как у Достоевского, с примесью огромного греха и чувства вины. Вера, которая никогда не знает: спасен или не спасен. Она живет этим мучением и прорывается к спасению. А есть фарисейство, которое хочет гарантированно по фальшивому пропуску в рай попасть, следит за буквой, соблюдает ритуалы, посты. И считает, что есть некий набор правил, ТЕХНОЛОГИЯ, следуя которой спасешься — МЕТОД. Он может быть бесконечно труден, но главное, имеется алгоритм, набор процедур, правил. Что-то, что будучи выполнено, ведет к искомому результату, причем гарантированно, как в компьютере или в машине, без сбоев.

Метод по-гречески — это путь за кем-то, «колея», то есть уже проложенная дорога, хоженная тропинка. Раз кто-то шел и пришел, значит, и я могу дойти, главное идти по ней и никуда не сворачивать. Главное — подражание успешному, снятое с неких видимых, фиксируемых внешних форм. Они их берут, симулируют да еще и поучают других, транслируют внешние формы и жестко в них вталкивают тех, кто идет следом. Не берусь сказать, будут ли они все в раю или в аду, но уверен, что рай, ад и технология — вещи несовместные. Думается, что не будет им ни рая, ни ада, а ждет их что-то третье.

Теперь приведу пример не из религии, а из Нового Времени. Скорее, из времени «религии разума». Появились такие особые люди, называемые учеными. Они шли на борьбу с церковью, рискуя спасением, анафемой. Они шли на борьбу с обществом, рискуя быть убитыми. Их пытали, сжигали на костре... Как минимум, они просто не спали ночами в поиске Истины. Но поиск Истины — это риск ошибки. Как героем можно стать, если поступок несет риск смерти, так и великое и истинное дается там, где человек имеет риск ошибиться, потеряться, заблудиться. Вне этого риска, то есть меньшей ценой, Истина не дается. Иначе ей грош цена. Всему, что дается с гарантией, — грош цена.

Но есть фарисеи и от науки. Вместо того, чтобы ночами не спать и эксперименты ставить, они следят за методологией, за цитатами, за системностью, контролируют и блюдут логику и думают, что все эти фальшивые упражнения им с гарантией дадут истину, предохранят от заблуждения. Эти тупицы и впрямь считают, что истина — просто отсутствие заблуждений. Но нет в этой науке никакой истины, есть скучная блевотина, как правило, с кучей цитат таких же скучных предшественников. Этой дрянью сегодня забиты все библиотеки мира, миллионы диссертаций, которые никто никогда не прочитает. Их сожгут за ненадобностью через 50 лет. Ценность высоконаучных системных монографий — ноль. Истина смеется над ними. Вся эта макулатура не стоит и одного афо-

ризма (заметьте, именно афоризма, а не строгой научной сентенции), например, от Ницше. Афоризма, который схватил кратко то, что происходит с эпохой: «Суть нашего времени не в победе науки, а в победе научного метода над наукой». Он сказал это, когда миллионы юношей и девушек шли в науку и верили в нее, он сказал это в эпоху самого большого количества изобретений и научных открытий. Он уже тогда увидел, что наука умерла. Он поставил диагноз: наука побеждена методом. Она побеждена фарисейством, симуляцией, подражательством.

Еще раз обратите внимание, когда это было. Это было тогда, когда тургеневский Базаров резал лягушек и умер от заражения. Это было до того, как реальный большевик-фантаст Богданов умер от каких-то экспериментов над кровью. Это было задолго до того, как академик и нобелевский лауреат Павлов, умирая, просил фиксировать, как у него отнимаются ноги и ухудшается слух... То есть еще были живы **НАСТОЯЩИЕ УЧЕНЫЕ**.

Ницше уже тогда предвидел, что ученый будет тем, кем он является сегодня: то есть путешественником по конференциям, семинарам и симпозиумам с их банкетами и туристической составляющей. Он предвидел, что наука превратится в выбивание грантов из негосударственных фондов под какую-нибудь идеологическую экспертную оценку озоновых дыр, придуманных одними ТНК в борьбе с другими ТНК. Наука будет лоббированием бюджетных денег, сговоров профессоров для раскрутки какой-то модной темы и направления, чтобы надуть лопухов из правительства и освоить финансирование. На худой конец, наука — это просто сенсационные эксперименты и выводы для коммерческих продаж книг тех, кто эти выводы делает, чтобы за книгами уже шла и продажа чудодейственного лекарства или облучателя... А еще между всем этим сотни тысяч мелких «научных жуков», бездарностей, производящих тонны макулатурных публикаций и диссертаций. И не пытайтесь оживить мертвеца, не занимайтесь зомбированием (зомбирование — оживлением мертвого). Наука уже умерла. Вам страшно?

Это от того, что не знаете иного мышления, кроме научного.

А бывает ли такое мышление? Да! И слова Ницше, которые я выше привел, это доказывают. Он, говоря так, не опирался ни на какие факты, факты были против него. Но он предвидел на много лет вперед. Ницше так начал свою главную и последнюю книгу: «То, что я пишу, есть история ближайших двух столетий». Это не научное мышление, но оно ИСТИННЕЕ, чем вся наука. Ведь так и оказалось, как он написал.

Его ненаучное мышление позволило ему встать над эпохой. Вы пишете о «видах мышления». Может, вам стоит понять, что наука — это один из примитивных видов мышления? Или примитивная стадия духа? Вдруг есть много чего выше науки? Может быть, ваша фарисейская научная гордыня мешает вам перестать смотреть свысока на других? Или, наоборот, мешает поднять голову выше, чтобы увидеть ИНОЕ? Вам нравится свысока смотреть на «болтовню на кухне», на несчастных кухарок и гордиться тем, что вы — не они. («Благодарю тебя» — говорит фарисей Богу, — что я не таков как этот мытарь!»). Если вам так мало надо, как эта мелочная гордость, это мелочное умение искать всюду ошибки и нелогичности, всюду разоблачать ненаучность, то вы просто жалкий человек.

Или вот еще пример, цитата из Ницше: «И, возможно, великий день наступит тогда, когда народ, известный войнами, и победами, и наивысшим развитием военного порядка и науки, и приученный приносить самые большие жертвы ради этого, сам по своей воле воскликнет: „Мы преломляем меч“ и разрушит все свое военное строение до основания. Разоружение себя, когда ты лучше всего вооружен, из высшего чувства — в этом состоит средство реального мира, которое всегда должно опираться на мир в душе; а так называемый вооруженный мир, который существует теперь во всех странах, представляет собой отсутствие мира в душе. Никто не доверяет ни себе, ни соседу и отчасти из ненависти, а отчасти из страха не складывает оружие. Лучше умереть, чем нена-

видеть и бояться, и лучше дважды погибнуть, чем сделать так, чтобы тебя ненавидели и боялись — когда-нибудь это станет также высшей максимой всякого государства».

Через 100 лет вдохновляемый этой логикой Горбачев совершил саморазоружение, тогда как даже Рейган считал, что США были сильнее СССР после второй мировой, имели паритет во время Карибского кризиса, а в 1980-м СССР сильнее США. Является ли фраза Ницше пророческой? Да, причем пророчеством, которое еще даже не успело полностью сбыться. Является ли она научной? никоим образом.

Так пусть наука знает свое место и не лезет со своим скорым и глупым судом туда, куда не следует.

Оппонент. *Наука основана на самом строгом знании — на математике.*

О.М. Как не стыдно в зрелом возрасте повторять лозунги, написанные над доской в школьном кабинете математики, про царицу наук и проч. Всякая наука начинается с того, что определяет свой предмет, то есть поле деятельности. Предмет определяется с помощью основопонятий и принципов, уже исходя из общей разметки сущего. Но общую разметку сущего дает метафизика. Наука только тогда способна к прогрессу, когда она оставляет все самые сложные свои вопросы метафизике. То есть математика не знает, что такое число, она оставляет этот вопрос философии. Как только задумывается над этим, она сама становится философией. Вся дальнейшая работа каждой науки состоит в наработывании с помощью специфического для данной науки метода познавательного материала.

Согласно критериям научности-ненаучности, которые сформулированы ЗАРАНЕЕ, одно знание отделяется от другого. Строгость математики состоит в том, что ее основопонятия и методы заточены под очень узкий круг феноменов и только под него. Сравните две сети — в одну попадают и щуки, и караси, и карпы, и плотва, а в другую только ерши. Ершовая сеть и есть математика.

Все другие рыбы ее не интересуют. Но значит ли это что она — «царица наук»?

Любая наука может обрести строгость математики, если устроит свои основопонятия. В этом случае количество наук резко возрастет, ведь каждую придется делить на 10 или на 100 дисциплин. Но что толку, все равно понадобятся междисциплинарные исследования для объяснения того или иного феномена. За пределами математики, в результате ее строгости, оказывается практически весь мир. Да, истина о том, что дважды два четыре — бесспорна, только что толку от этой истины? Не является ли она самой бесполезной в жизни истиной? Самой несущественной для нашей сущности? Науки не основаны на математике, каждая имеет свой предмет и свое поле феноменов. Математика основана на абстрагировании количества от качества.

Два рубля в моем кармане и два мужика на улице — разве это не очевидное сходство? Это сходство, но это и безумие. Я считаю, что качеством и сущностью определяются и количественные параметры.

Пропасть нельзя перепрыгнуть в два шага, а улицу можно. Одна женщина за девять месяцев родит ребенка, а девять женщин за один месяц не родят. Бог — один, а ботинок всегда пара. Даже если это не так (украли ботинок), то это некое уродство, которое стремятся восполнить или уничтожить (выкидывают второй). Когда греки искали меру, с помощью математики, они размышляли, какому качеству соответствует какое количество. А во что это превратилось сейчас? В оперирование цифрами в мире цифр. Да, математика нужна и при инженерной работе, и в компьютерной отрасли. Так это говорит только о ее практичности, а не о царственности. Практичное и полезное синонимы, скорее, чего-то низкого, практичность и полезность присуща рабам, а не господам. Аристотель же сказал о философии: «все науки полезнее ее, но ни одной нет выше».

Вспомните великолепные книги Носова о Незнайке. В его идеальном обществе существуют всякие человечки, врачи, учителя, ученые, художники, поэты, технари и проч.

Все полезны. Зачем Носову понадобился Незнайка, как главный и самый любимый, интересный и бесполезный герой? Философ — это «незнайка», это открытая, не замкнутая на себя, на свою полезность, несамотождественность общества, место, где само Бытие дарует себя человеку.

Оппонент. *Если я вижу в тексте какого-то автора фактические или логические ошибки, я просто перестаю читать.*

О.М. Хорошо хоть не орфографические! А то есть уроды, которые перестают читать, видя опечатку или пропущенную запятую. Хотя хрен редьки не слаще. Как в стихе:

- Где ты была сегодня киска?
- У королевы у английской!
- Что ты видала при дворе?
- Видала мышку на ковре.

Хоть при дворе, хоть в подвале — кошка будет видеть мышь и только мышь, все самое интересное она пропустит. Дашь такому человечку сонет Шекспира, а он и его не будет читать, если там орфографическая ошибка. Кстати, логические и фактические ошибки в сонетах Шекспира тоже есть. Пока будете их искать, **ГЛАВНОЕ ПРОСМОТРИТЕ.**

Безошибочность не гарантирует истины, она ничего общего с истиной не имеет. Вы скажете, одно дело сонет Шекспира, который не претендует на истину, другое дело — публицистический текст, например, о политике, который претендует. Я отвечу — нет. Сегодня любой студент найдет 100 фактических и логических ошибок у Маркса. Особенно начитавшись критиков, которых за 150 лет было довольно. И что, мы скажем, что этот студент умнее Маркса, коли видит и знает больше? Или этот студент ближе к истине? Нет! Важно иное: Маркс со всеми своими ошибками и благодаря им, владел умами сначала десятков, потом тысяч, потом миллионов людей, двигал своими текстами миллиардные массы и делал историю. Сколько революций и движений произо-

шло под знаменем марксизма! Призывы, стройность и поэтичность (а не безошибочность), понятность, совпадение с осознанием времени, с мыслями современной Марксу интеллигенции и пролетариата помогло этой теории распространиться как вирус, перевестись на языки, собрать интернационал и проч.

Истинно то, что способно двигать историю. А скучные поиски ошибок не способны. Как и «безошибочные тексты». Так что оценивая текст с точки зрения фактов и логики (кстати, какой логики? — я знаю их с десяток), вы промахиваетесь мимо главного. Может случиться, что вы будете рядом с великим и пройдете мимо, потому что закрыты в своей скорлупе. К вам попадает только то, что вы уже наметили себе отбирать по критериям, а сами критерии — уже найденная вами истина, истинность которой вы взяли сами не знаете откуда.

На самом деле истина есть открытость бытию, а неистинна как раз позиция «человека в футляре», который пропускает нечто к себе согласно раз и навсегда взятым критериям. Такой человек подобен уже не человеку, чья сущность в открытости, а животному: например, кошке, которая уже заточена под мышь.

Вы сами свидетель того, что на этом ресурсе недавно было. Некто выложил длинный текст об экономике. И первый же знаток нашел на первой же странице ошибку насчет ламповых телевизоров. Другой знаток что-то ляпнул про транзисторы. И началась дискуссия... Вот пример отцеживания комара, ловли блохи, и невидения леса за деревьями. Текст вообще был про экономику. И неважно, что там упомянут телевизор. И любому нормальному человеку это понятно, кроме любящих точность и аккуратность в фактах блохоловов. На самом деле это — пример незрелости мышления, а не его «строгости». Это просто инфантилизм, неумение видеть главное.

Помню, я преподавал в школе и слышал такой диалог с первоклассниками:

— Дети, сегодня мы поговорим о хлебе. О том, что он всему голова, о том, как его выращивают, как он попадает к нам на стол.

Вася тянет руку:

— А у меня мама всегда хлеб ножиком режет!

— Хорошо, Вася, садись.

Руку тянет Петя:

— А мы когда на даче были, я тоже руку ножиком порезал!

Но это дети, а тут ведь взрослые сплошь и рядом цепляются за знакомое слово и... И у «великих» так же. Есть одна вещь, которую заставляли раньше читать студентов философских факультетов: «Философские тетради» Ленина. Вот он их тоже читал как «собака Павлова», науськанная выделять слюну при зажигании лампочки. Видит Ленин слово «Бог», тут же пишет на полях: «Сволочь идеалистическая!». Видит слово «материя», тут же пишет: «Гегель хоть и идеалист, а все-таки у него уже были зачатки материализма». А если он не видит знакомых слов, то так прямо и признается на полях: «Темна вода!». Самое интересное, что ничуть не лучше были и русские философы. Столь же инфантильно С. Булгаков читал Маркса.

К чему я? А к тому, что все эти знаковые системы, индикаторы ошибок придуманы нами для экономии мышления. Чтобы понять: стоит ли тратить время на текст, мы быстро оцениваем его согласно критериям, сформулированным заранее, убеждаемся в чем-то и бежим дальше.

Так вот! Я утверждаю: при таком подходе вы всегда будете пробегать мимо. И наоборот: если решите прочесть текст любя, понимая, с почтением, то пусть это будет даже глупая сказка про Курочку Рябу, вы сможете извлечь из нее больше смысла, чем если прочтете самый толстый и умный том «экономическим способом». Вы обманываете сами себя, торопясь и облегчая себе работу с помощью отбраковки информации. А вот время, потраченное на мышление, вдумчивое чтение любого текста, даже глупого, вернется сторицей.

Вы хотите сделать царицей наук философию, но философия — либо выражение чьих-то интересов, либо болтовня, либо обобщение данных, которые получены наукой.

Подлинная философия не может быть выражением чьих-то интересов, поскольку суть ее в том, чтобы мыслить из самих вещей, если угодно, из интересов этих вещей. Интерес философии — дать вещь как она есть, раскрыть ее, а не использовать во внешних интересах. В мире все связано, всякая вещь — «для чего-то». Но так не может быть до бесконечности, когда-то необходимо остановиться в череде отсылок. Вот эта остановка, точнее начало, перед которым ничего нет, и есть исток философии. Поэтому она — царица. И не только наук, а всего.

Можно развернуть цепочку от этого начала ко всему остальному. Когда-то великий аскетичный Э. Кант сидел и писал «Критику чистого разума» и «Критику практического разума». И его интересовала только истина. Потом пришли неокантианцы, они эпигонски по-школьному догматично разъясняли Канта. Потом К. Поппер, безбожно вульгаризируя неокантианство, создал «теорию познания» и «теорию открытого общества». Эти теории прочитал молодой эмигрант Дж. Сорос, применил теорию познания Поппера к практике, создал практичную «теорию рефлексивности», которая помогла ему заработать миллиарды долларов. Он решил, что и теория открытого общества так же истинна, как и теория рефлексивности. Желая быть великим, Сорос решил посвятить жизнь пропаганде идей открытого общества. Деньги — только средство. Сорос учреждал институты, предоставлял гранты под написание учебников истории и философии в десятках стран мира, финансировал оппозицию.

Его ученик Джин Шарп написал учебник («От диктатуры к демократии») о том, как надо делать «бархатные революции», и по этим рецептам делалась новейшая история многих стран. Отсюда два вывода:

1. По мере деградации философия приближается к практике, но она стоит в начале всего.

2. Мир движется ею, а не деньгами и экономикой.

Сорос хотел свои ценности реализовать, деньги были для него средством, как и массы, которые шли на революции за наживкой в виде колбасы. Тот, кто что-то решает в этом мире, движим не деньгами, может быть, — тщеславием, а самые великие, те от кого все идет, и вовсе ничем не движимы, кроме истины. Кант — образец аскета.

Оппонент. *Поппер — не вульгаризация Канта, как Эйнштейн — не вульгаризация Ньютона. И Поппер, кстати, уважал науку.*

О.М. Как дальтоник не различает красный и зеленый цвет, как алкаш не отличает коньяк за 300 баксов от одеколна, как сержант в армии не отличает Пушкина от творений полкового стихоплета, так и вы ничего не различаете в вопросах мышления. Говорить, что Поппер в сравнении с Кантом — это то же, что Эйнштейн в сравнении с Ньютоном, все равно что говорить, будто в музыке какой-нибудь раскрученный слащавый Ф. Синатра — Эйнштейн в сравнении с Ньютоном — Бахом. В философии в XX веке были свои эйнштейны, которых можно сравнивать с ньютонами прошлого. Но Поппера среди них нет даже близко. Поппер — это попса, причем даже не оригинальная. Чтобы судить о таких вещах, надо учиться и учиться, а не быть подобным булгаковскому Шарикову, который за просто судит и Энгельса и Каутского.

Оппонент. *Это всего лишь ваша точка зрения.*

О.М. Вы употребляете словосочетание «точка зрения» и даже не знаете, что его придумал один философ 300 лет назад — Лейбниц. И он не просто придумал слова, а создал целую метафизику, целую картину мира в которой выражение «точка зрения» впервые обосновывалось и получало смысл. Понадобились столетия, чтобы это понятие стал употреблять всякий как нечто естественное. Он помыслил мир как совокупность монад, каждая из которых занимает место в универсуме и имеет «мировоззрение» согласно этому месту. Меняя место, она меняет

и «точку зрения», а иначе повлиять на ее «точку зрения» нельзя, так как она не имеет окон. Что вы сейчас и демонстрируете: у вас нет окон, тотальная скорлупа, вы меня совсем не слышите.

Вы — иллюстрация к Лейбницу. Но Лейбниц жил в XVIII веке. Именно тогда, в эпоху Просвещения, процветала вера в науку и технику. Именно тогда процветало полное непонимание гуманитарной проблематики. Вы отстали от жизни на 300 лет!!! И после этого считаете себя вправе судить-рядить о философах, о политиках, о современности только потому, что «живете позже них и вам известны такие факты, которые им были не известны». Да вам кажется, что вы живете позже, ментально вы человек XVIII века.

Если Баху сыграли бы джаз, он назвал бы его какофонией, просто бы не услышал. Так и вы: взяв за точку зрения мировоззрение XVIII века, всю последующую историю считаете просто упадком, какофонией. Вам нужно раскрыться, проломить свою скорлупу, перестать воспринимать происходящее только с «точки зрения», усвоенной когда-то, перестать вписывать наступающее будущее в контекст прошлого. Настоящее Будущее (а не выпадение из него) есть только там, где Будущее является именно Будущим, Наступающим, а не продолжением прошлого или настоящего. Продолжение прошлого или настоящего — это любое формирование будущего из настоящего посредством планирования или вписывание будущего в прошлое через интерпретацию. Тем самым Будущее уничтожается, и человек остается в вечном настоящем своего прошлого. Дайте шанс своему будущему именно как Будущему.

Оппонент. *Что вы имеете против планирования?*

О.М. Если мы что-то запланировали и идем намеченным курсом, то возможны два варианта. Первый (это 95 % всех случаев): мы просто не добьемся того, что запланировали, потому что жизнь неизбежно, поскольку она не продолжение настоящего, будет меняться так, как

из настоящего угадать будет нельзя. Поэтому все планы сталкиваются с этим будущим и ломаются об него. Нас ждет разочарование. Это в большинстве случаев.

Теперь возьмем 5 % — так называемый лучший вариант — план будет осуществлен. Как говорили древние, не к добру человеку осуществление его желаний: не потому, что у он будет в кризисе, так как жизнь утратит смысл, а просто потому, что ставя цель из прошлого, он и будущее ровнял под прошлое, то есть получал то счастье, которое в прошлом считал счастьем, но не считает счастьем сейчас.

Это как спросить ребенка, что он хочет. Он ответит — большую конфету. А потом 10 лет убьет на получение этой конфеты. Он уже взрослый, ему уже девочек подавай, а он конфету получил, и она его не радует.

Так и происходит, только со взрослыми. И с гораздо более серьезными вещами, чем конфеты. Например, трагедия целых поколений. При Сталине почетно было быть инженером. Получали много, уважались властью и народом. И все пошли в инженеры. В 1970-е годы быть инженером стало посмешищем. В 1990-е годы юристы и бухгалтера стали в моде и при деньгах. Сейчас их наплодили столько, что некуда девать... Вместо того, чтобы думать о том, какая профессия будет востребована через 20 лет, люди исходят из того, что популярно сейчас.

Подстраиваться под ростки будущего, конечно, лучше, чем планировать из настоящего по мерке настоящего, но высший пилотаж — самому делать будущее. Радикальное Будущее, которое все возьмут за росток, к которому будут подстраиваться, подражать, когда оно станет настоящим.

Как создать такое будущее? Как в него попасть? Это и есть подвиг мышления. В чем подвиг? Во-первых, в отказе от легкого существования без мышления (ведь большинство живут без мышления — так легче, не надо «грузиться»). Во-вторых, процесс мышления — это уплывание все дальше от берега, от проторенных путей, в самый шторм будущего. Это означает мыслить там, где

еще никто не мыслил, где нет ни одной подсказки, нет действительности, нет ничего настоящего, никаких фактов, никакой проложенной тропинки — логики, никаких методов (метод — проторенный путь). Вот это уплывание от фактов настоящего в рискованную зону будущего, этот прыжок и есть подвиг мышления. Плоды, добытые в «зоне будущего», приносятся мыслителями и тут же становятся для более практичных особ «ростками будущего», на которых они делают свой бизнес, пока остальная толпа не прочухала, а потом подтягиваются остальные и... «пролетают», поскольку уже поздно.

О национальной идее, новом мышлении, технике и вере

Оппонент. *России нужна новая национальная идея...*

О.М. Национальная, то есть чисто российская идея, России не нужна. Вместо того, чтобы толкаться за место под солнцем среди других таких же наций и народов, нужно самому быть Солнцем, чтобы все толкались за место «под тобой». Если хочешь быть мелкой страной со своей мелкой национальной спецификой, то, конечно, можно сидеть и культивировать в себе свои валенки и самовары. Если страна хочет быть великой, хочет делать историю, а лично я без этого Россию и не мыслю, то нам нужна всемирно-историческая, а не национальная идея. Сейчас в мировой истории очень удобный момент для этого.

Вспомните, еще 50—100 лет назад в мире господствовали социализм и коммунизм. Эти массовые религии захватили не только миллиарды масс, но и всю интеллектуальную элиту человечества. Быть левым и быть интеллектуалом значило одно и то же. В революциях все видели себя шепкой в костре истории. У людей был смысл жизни. И это было не национальным движением. Нынешнее возвращение от коммунизма к неолиберализму и неоконсерватизму — лишь реакция, мелкая и временная. Она несравнима с теми вихрями, которые вились на планете еще 50—100 лет назад.

Если же посмотреть в глубь истории, то можно увидеть, что коммунизму предшествовало мощное либеральное движение — целая эпоха Просвещения с ее новыми людьми, новой моралью, новыми политикой и экономикой. А до того были религиозные войны, в которых погибало до четверти населения Европы! Каковы масштабы!

Сейчас ничего подобного нет. Никто не знает КУДА идет история и ЗАЧЕМ, нет ни у кого ощущения, что с ним Бог или Истина. Арабские, христианские фундаменталисты — не в счет. Это тоже только реакция. Даже так называемая «религия потребления» уже не работает, скоро сойдет на нет. Поэтому народ, который даст миру новый ИЗМ, новый вирус, новый импульс истории, имеет все шансы эту историю возглавить. Это новая идея, новый смысл жизни, новый образ жизни, возможно. Во всяком случае, это должно подходить и индийскому йогу, и брокеру с Уолл-стрит, и китайскому крестьянину, и гаучо из Боливии, и французскому кутюрье, и негру престарелых лет...

Оппонент. *Что может объединить людей в масштабах человечества? Только простые ценности: вера, надежда, любовь и проч. А может быть, некая внешняя угроза, опасность, агрессия инопланетян?*

О.М. Идеология типа «мы за все хорошее против всего плохого» почему-то не цепляет людей, даже если они с ней согласны. Никто не пойдет умирать за знамя, на котором будут начертаны слова: хорошему — да, плохому — нет! Люди хотят ситуативности, конкретики, энергии момента, а не абстракций. Что касается агрессии инопланетян, то ее не будет, так как инопланетяне невозможны в том измерении, в каком возможна космическая агрессия как мы ее представляем. Мировые эпидемии и прочие напасти тоже насколько сплачивают, настолько и разобщают. Европа уже переносила эпидемии чумы и холеры, которые выкашивали до трети населения некоторых стран, это только использовалось как козыри разными силами.

Тем не менее, некий внешний вызов, неконтролируемый нами угрожающий процесс может быть тем, что как минимум заинтересует каждого представителя человечества. Вспомните, когда последний раз имел место рецидив всеобщего согласия, когда кивали и европейцы, и американцы, и русские, и китайцы. Последний раз, в довольно пошлой манере, но все же мы имели это во время Горбачева. Я до сих пор в Германии встречаю постеры с его лысиной рядом с постерами А. Эйнштейна, Д. Леннона и Э. Хэмингуэя.

Горбачевское «новое мышление» исходило из того, что все человечество находится «в одной лодке», случайный пуск нацеленных друг на друга ракет может привести к ядерной зиме, никто не контролирует гонку вооружений и проч. Следовательно, надо делать шаг назад. Причем всем вместе. На уступку должна делаться ответная уступка: за роспуск Варшавского договора — роспуск НАТО, за перенацеливание ракет в сторону океана — аналогичное перенацеливание, за отказ применять первым ядерное оружие — аналогичный отказ. Каждый шаг нужно объяснять всему миру, задавать тон и давить с помощью мирового общественного мнения на США, чтобы они делали свои шаги.

Но свой шаг назад Горбачев сделал, а они (как будто они не Запад, а настоящий Восток, как азиаты) приняли доброту за слабость, посчитали, что нас надули и теперь могут, как с проигравшей стороной в психологической дуэли, делать с нами что хотят. Они это и делали. То есть никакое «новое мышление» не сработало. Но потенциал его не исчерпан. Более того, если его привести в надлежащий вид, убрать из него попу и сопроводить настоящим общемировым пиаром, то в условиях гораздо менее авторитетной Америки и гораздо более не страшной России можно заставить США сделать шаги назад.

Но это внешнеполитический аспект. На самом деле проблема глубже. Это проблема, которую поднимали, но так и не донесли огромные толпы «зеленых» в США и Европе, общества антипотребителей и антиглобалистов,

наши геологи и КСПэшники со своими гитарами, палатками и запахом тайги... Это проблема, которая была уже у Руссо и романтиков, это проблема Голема, ушедшего от создателя, проблема чудовища, сбежавшего от доктора Франкенштейна (у нас невежды называют Франкенштейном само чудовище). Это проблема техники, вырвавшейся из-под контроля человечества и задающей ему свой ход и меры.

Все правительства мира и общественные организации скорее слуги процесса эскалации техники и технизации всего и вся. Все — заложники. Не надо никаких инопланетян, техника уже есть нечто инопланетное. Ее прогресс подчинен одному только ее внутреннему закону, зато каждая новинка меняет общество, гонку вооружений, сферу коммуникации, экономику, политику и проч. За новым техническим рывком (последние примеры — интернет, мобильная связь, будущий пример — мобильное телевидение) следует все остальное.

Оппонент. *Так что, всем отказываться от техники? Уходить в леса? Возвращаться к первобытному состоянию?*

О.М. Нет. Именно так, в грубой форме, это и восприняли Горбачев, который думал, что можно просто посидеть за столом переговоров и все решить, хиппи, которые думали: можно просто курить травку и угорать на рок-концертах, а также бородатые геологи с гитарами, поколение дворников и сторожей и проч. Все это грубое отрицание техники, без позитива и потому не могло сработать и выжить. Все это, несмотря на сложность исполнения (всем уйти в леса), на самом деле попытка очень легко и просто выйти из ситуации.

Нам нужен не уход в леса, а прорыв в другое измерение. Попробую пояснить на примере. Прогресса нет. Возьмем, к примеру, средневековье. В V веке условно в Европе было 1000 монастырей, в X веке условно было 2000, в XV веке условно их было 4000. Логика прогресса должна подтвердить, что в XX веке их будет 8000, а их сейчас не больше 1000.

Или взять науку. Число ученых и инженеров в мире достигло пика в послевоенные годы, и начало сокращаться к концу XX века. Исчезает тип ученого как человека-исследователя, характерный для мобилизационной индустриальной эпохи. Нынешний ученый — это лох, верящий в Кришну и парапсихологию, энергию рэйки и «зеленых человечков», психотронное зомбирование и лечебные свойства мочи. И это не случайно!

Границы науки и техники они чувствуют. Но не там ищут. У каждого мира есть свой антимир. Скажем, у мира средневековья было свое «добро», жившее в монастырях и в официальной церкви, и свое «зло» в виде ересей. Вряд ли был бы прав тот, кто, чувствуя конец средневекового мира, стал бы искать зерна нового мира в ересях. Нет, наука Нового времени и эпоха Просвещения развились из иного принципа и мало общего имеют с ересями. Точно так же и «принцип», из которого вырастет будущая эпоха с ее новыми институтами, новыми людьми, новыми измерениями, не будет иметь ничего общего не только с наукой и техникой, но и с их «своим иным», то есть с паранормальными и ненаучными явлениями. Эта эпоха будет отличаться от нынешней больше, чем эпоха Просвещения от средневековья. Эта новая эпоха вообще будет отличаться от всей истории. Это будет новая история, а не новая эпоха. Возможно так же, что новая история не будет сбываться в эпохах (по-гречески — задержках), а наоборот, покажет себя в молниях, ускорениях.

Оппонент. *А мировые религии не могут быть претендентами на новое мировое господство? Взять пассионарный ислам, возможно, активизируется христианство, а Китай, с его полуторамиллиардным населением принесет свое мировоззрение, Индия с ее духовными практиками...*

О.М. В Индии такая разноголосица, что никаким всемирным движением это не станет, Китай после атеизма и «культурной революции» девственно чист, ислам зачахнет через 50 лет, потому что весь ислаимзм есть реакция

на глобализацию, помноженная на доходы от нефти. Но в исламе свое западничество набирает силу... Все это партийность и политика. Никогда, конечно, мусульмане не примут в большинстве христианство и наоборот, в том виде, в каком сейчас есть ислам и христианство. Кстати, христианство будет не менее пассионарным, чем ислам в скором времени, в России это уже началось. Скоро докатиться и до Европы.

Между прочим, если взять да и перевести на европейские языки и издать миллионными тиражами книги дьякона Кураева, вся Европа обратится в Православие и уйдет под духовное окормление России. Фантастика? Нет!

Подумайте, кто такой современный молодой (до 40 лет) европейский интелlectual? Нет, не тот европейский интелlectual, который жил в холодную войну, демократ-либерал-левак, который сейчас у власти, им уже за 50. Я говорю про тех, кому до 40. Это поколение (несколько поколений) эскапистов, которые привыкли не работать, а жить на пособия. Им наплевать на всякие демократии, выборы, права и свободы, они увлекаются музыкой, живописью, путешествиями, тантрическим сексом, гороскопами, религией бога Джа, Гарри Поттером и джиу-джитсу. Все эти «тоталитарные секты», расплодившиеся в России (поклонники Кришны, Шанкара, Саид Бабы, рэйки и зороастризма и проч.), идут из Европы.

Но как раз на эту публику, на этих друзей Рериха и дзен-буддизма рассчитаны книги Кураева. Он — идеальный миссионер, который уже перевербовал, не побоюсь этого слова, в Православие миллионы людей. Для Европы его книги тоже идеально подойдут. Их будут читать с жадностью еще и потому, что Православие для европейцев экзотично, некая утраченная католичеством традиция. А сами католики противопоставить этому ничего не смогут. Их миссионеры — бездарные морализаторы, мало знакомые с современной культурой, как Кураев. Они не смогут говорить на одном языке с простыми людьми, а он покажет им новые горизонты. Операция «кураевиза-

ции», духовного, православного покорения Европы стоит немного — несколько миллионов долларов.

Сам Кураев мечтает окрестить Китай, но это бесполезно, так как китаец современный по менталитету — это наш крестьянин 1950-х годов, а горожанин — как наш рабочий 1970-х. Поэтому Кураев с ними на разных волнах. А вот европейцев можно всех «причесать».

Но это все баловство, хотя и геополитически полезное. Говоря о новых измерениях и новой истории, я не без надежды смотрю на христианство, скрытое под спудом греческой традиции. Радикальный разрыв между евангельскими событиями и греческой мудростью был заштопан в эпоху апологетики и Отцов церкви, а это значило переинтерпретацию в духе неоплатонизма, который и сейчас господствует. Я верю в Воскресение Христа. Но я вижу при этом, что наука и техника не способны всерьез воспринять эту весть и смоделировать процесс (например, создать аналог Туринской плащаницы, чтобы тем самым доказать естественность ее изображения и происхождения). В то же время простая метафизическая трактовка Воскресения так же попадает мимо, поскольку делает это событие предметом текста, рассуждений, а не практики.

Если же мне укажут на молитву и прочие духовные практики, я соглашусь: в этом есть что-то подлинное. Но оно погребено под спудом теоретической метафизической, как правило, неоплатонической интерпретации.

Мне почему-то кажется, мы все должны начать ходить по воде, превращать воду в вино и проч. — и так будет лет через 300—500, потому что вера станет, возможно, настоящей ВЕРОЙ, а не тем, чем является сейчас и чье бессилие только подтверждает ее неподлинность. Настоящая вера должна открыть новые измерения для человечества, его новую историю. Она, через Христа, уже это сделала, но старая история еще душит.

Я не протестант, который предлагает откинуть традицию, — это ничего не даст. Да и как можно отвергать традицию, если это наша история, путь веры, которая шла к самой себе? Я просто предлагаю неустанно прилагать все

новые усилия для понимания евангельского События и той радикальной решимости, пример которой нам дается.

Мне кажется, вера и есть решимость, а не какой-то интеллектуальный или душевный феномен. И решимости нужен простор решений, ее нельзя сковывать рамками неоплатонической метафизики. Надо больше дерзаний, надо стремиться быть святыми и пророками, ставить себе не меньшую чем эта планку. Причем, дерзать стоит не через технологию подражания, не через методическое применение правил, данных определенной метафизикой. Святость, например, есть доведение себя до чистоты, очищение от всякой целерациональности, экономической и психологической. И при этом не важно, чему ты учишь, учение будет истинным в любом случае. Оно будет нести истину, несмотря на содержание, проломит, вскроет человеческие души, высвободит их из плена собственных представлений, навязанных образов, вернет их к решению, к размаху возможностей, к великодушию.

Об инновациях

Оппонент. *В последнее время очень много говорят об инновациях и инновационной экономике...*

О.М. Современное общество считается инновационным. В отличие от традиционного, где всякого новатора ждало или порицание или смерть (представьте: какой-то дурень решил бы сеять пшеницу не как деда сеяли, а по-новому, — можно ли подвергать риску всю общину?), в современном обществе инновациям не сопротивляются, их приветствуют, о них много говорят. Не только у нас в стране. Создается впечатление, что в самом деле мы живем в бесконечно меняющемся мире, не успевая привыкнуть к новым поп-звездам, техническим новинкам, испытывая стресс от динамики событий.

Действительно, благодаря инновациям мы достигли многого. Традиционное общество держалось на том,

чтобы противостоять инновациям или адаптировать их. И если не могло их «переварить», оно гибло, распадалось. Общества, которые научились принимать инновации и даже делать их своей стихией, есть современные общества и они являются лидерами мирового порядка, истории, прогресса.

Благодаря инновациям удалось решить многие проблемы традиционных обществ: побеждено множество болезней, эпидемии теперь не выкашивают до трети населения стран; сократилась детская смертность, население Земли теперь растет огромными темпами.

Инновации увеличили производительность труда, и это позволяет хоть как-то прокормить такое население, что прежде было невысказимо. Инновации обеспечили доступ большому количеству людей к образованию, к сокровищницам культуры, науки и техники. Инновации освободили массу людей и обеспечили им политическое участие, реализацию их прав и свобод. Инновации сделали мир удобным, комфортным за счет различных, невиданных ранее вещей.

Да, можно сказать, что есть голод, экологические проблемы, не все имеют удобные вещи, медицинскую помощь, не владеют грамотой. Но все это проистекает не из инноваций, а из их недостатка. Обновление техники решит экологические проблемы, инновации в сфере биоинженерии и экономики помогут накормить людей, инновации в СМИ и коммуникациях обеспечат образование, инновации в медицине обеспечат продление жизни.

Однако, мы видим тенденцию сокращения инноваций. 30 лет назад философ О. Тоффлер написал книгу «Футурошок», где прогнозировалось появление новой болезни, с которой столкнутся люди в результате стремительного наступления будущего, постоянного стресса и смены образа жизни. Книга не стала сбывшимся кошмаром. Написавший ее философ ошибся, что не помешало ему получить Нобелевскую премию, которая не подлежит возврату. Сознание людей может заблуждаться

насчет прогресса, но отсутствие серьезных мутаций человека говорит о том, что «организм не обманешь». Да, есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую революцию» за действительно всемирно-историческое событие, но на самом деле мы должны констатировать, что все эти улучшения и «новости» есть лишь имитация новаторства. И точно так же обстоит дело во всех сферах жизни.

В политике мы уже 250 лет носимся с «демократией» и не только не можем придумать новый дискурс, но даже не сознаем такой задачи, повторяя на всех уровнях заклинания о свободах, правах, о борьбе с авторитаризмом... Настоящей идеологией всех государств является старая добрая геополитика с ее принципами «разделяй и властвуй», «у нас нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы» и проч. Все разговоры об общих интересах — только прикрытие, способ запутать геополитических соперников. Разговоры о демократии в частности выполняют эту функцию.

В мировой экономике продолжается борьба свободного рынка и изоляционизма (протекционизма) уже 200 лет. Та же эксплуатация одних стран другими. Колониализм, конечно, сменился неоколониализмом, но и самому неоколониализму уже 50 лет. Кроме того, экономический дискурс также не обновлялся 100 лет.

Со времен Локка и Монтескье никто не выдумывает ничего в системе управления государством. Все то же пресловутое «разделение властей», «сдержки и противовесы». Везде одни и те же парламенты и президенты, хотя столько слов сказано о плюрализме! Армия, для которой инновации равносильны выживанию, принципиально не менялась уже более 50 лет. Все эти истребители 4-го и 5-го поколений напоминают «новый улучшенный шампунь». Реально никаких прорывов со времен атомной бомбы нет, собственно, ее наличие и отсутствие до сих пор и определяет расклад сил в мире. Пенитенциарная система не менялась принципиально лет 200, с тех пор как отме-

нили телесные наказания и ввели штрафы и заключение. Техника и производство стагнируют. Огромное количество патентов скуплено на корню транснациональными корпорациями и не запускается в производство, потому что еще не «отбились» инвестиции, вложенные в старые технические проекты. Капитализм тормозит прогресс, как это делал социализм. Крупная экономика давно уже плановая, просто индикативные ориентиры устанавливают другие институты, а не Госплан.

В начале XX века, когда люди пересели с извозчика на автомобиль, они думали, что через 50 лет будут летать по воздуху, еще через 50 лет фантасты писали о мгновенной транспортировке (разобрали тело на молекулы, а через 10 000 километров собрали), но мы уже 100 лет ездим на автомобилях, хотя давно изобретены закрывающие этот вид транспорта альтернативы.

Да и, если быть честным, не так уж много понастоящему фундаментальных открытий сделано. Число ученых в мире сокращается, открытия мельчают. Пресловутый интернет, кстати, по различным исследованиям, не так уж принципиально поменял и экономику, и жизнь в целом. Его новаторский вклад переоценен. 50 лет назад Гагарин полетел в космос, а мы думали, что уже в XXI веке мы будем летать на звездолетах, как минимум, колонизировать Марс. Но американцы даже на Луну за 40 лет еще раз не слетали (что, кстати, ставит под вопрос и достоверность первой экспедиции).

Где новые источники энергии? Где безотходное производство? Где лазерные бластеры и «пыльные тропинки далеких планет»? Где роботы, которые полностью заменили человека на производстве и дали ему свободное время для творчества? Про «антигравитаторы» и «машины времени» даже не будем напоминать... А ведь наука не могла поставить себе цели, которых не могла достигнуть...

Медицина вызывает сильные подозрения в шарлатанстве: ей несколько тысяч лет, а она не научилась даже лечить насморк. Как известно, и леченый, и нелеченый

насморк проходит ровно за неделю. Разница в продолжительности жизни в 10—15 лет в сравнении с двумя веками ранее, не впечатляет. Да, уменьшилась детская смертность и смертность от эпидемий старых, но появляются вирусы и болезни новые, и к ним медики не готовы.

Современное искусство, ранее бывшее источником социальных и гуманитарных инноваций, давно и напрочь потеряло этот статус. Люди искусства либо маргиналы, либо удачливые медиа-карьеристы, но никак не новаторы.

В сфере религии, даже признавая некое возрождение в исламе и Православии, трудно отделаться от ощущения, что святые, пророки, творцы новых религий, а не мелких сект, стали подзабывать наш мир, поскольку не появлялись уже слишком давно.

Обилие философов-постмодернистов также говорит о том, что мы переживаем скорее эпоху количества, а не нового качества. Философов было много в эпоху Просвещения, много, но ни одного настоящего. Как грибы после дождя они плодились в эпоху Возрождения. И мы сейчас с трудом вспоминаем их имена. То же количество, не переходящее в качество, было и в эпоху эллинизма. Нет, не Тоффлер со своим «Футурошоком», а Фукуяма с «Концом истории» оказывается прав, хотя последнего засмеяли настолько, что он в ужасе сам отказался от своей концепции. И напрасно.

Вместо инноваций нам предлагают разговор о них и занимаются симуляцией инновационной деятельности. Можно привести много симуляций из области политики, экономики, техники.

Сфера, от которой зависит будущее человечества, в которой это будущее производится — сфера образования — полностью подверглась симуляции. Сегодня нередки случаи фальсификации учебных работ. Абитуриент-филолог выбрал на вступительном сочинении свободную тему. Он сам придумал название, сюжет и главных героев произведения «современного советского писателя», критически разобрал конфликт этого произведения и его «мораль».

И получил пятерку. Другой студент-социолог написал диплом, в котором постоянно цитировал несуществующие, но якобы переведенные им работы современных западных социологов. Он закончил с «красным дипломом». Большое количество студентов, не-отличников не были столь изобретательны, они просто заказывали старшекурсникам и аспирантам написание рефератов, курсовых, дипломов, а затем и диссертаций.

Интернет придает всему этому процессу еще более гротескные формы. В сети можно скачивать все. Целые порталы рефератов, курсовых и дипломов. На уличных развалах — коллекции дисков со школьными сочинениями, ответами на вопросы по всем видам экзаменов. В подземных переходах — дипломы любого вуза страны.

Сегодня существуют целые программы, типа «антиплагиат», позволяющие найти источник сданных преподавателю рефератов и курсовых. Однако против хэнд-мэйд или, точнее, брейн-мэйд работ эти программы бессильны. Точно так же они не способны выявить и фальсифицированные ссылки и источники, так как хороший фальсификатор может позаботиться насчет того, чтобы сначала запустить в интернет псевдоссылки и псевдоупоминания придуманных им ранее работ и авторов.

Преподавательское сословие тоже не отстает от моды. И дело не только в вульгарном взяточничестве на экзаменах. Сама пресловутая научная жизнь сводится к повторению десятилетиями читаемых лекций, к постоянным публикациям тезисов виртуальных конференций (на которых никто не выступает и уж точно не ведет научных дискуссий), к формальным защитам, где все предварительно оговорено с оппонентами и рецензентами и главной фазой является банкет. Профессора путешествуют по межрегиональным форумам и круглым столам, тусуются в надежде получить новые связи и информацию о грантах. Выполнение этих грантов так же симулируется, и это, как ни странно, мало заботит грантодателей, которые просто осваивают фонды и часто получают откаты.

Чрезвычайно распространено виртуальное соавторство, взаимное договорное цитирование и даже (высший пилотаж) раскрутка псевдопроблем, под решение которых выбиваются фонды из правительства и иных внебюджетных источников, организуются псевдонаучные коллективы¹.

Получение премий, научных званий и степеней оказывается символическим капиталом, превращающим ученого в медийный персонаж, псевдоэксперта, который, уже пользуясь своим влиянием, способен пролоббировать любые бюджеты по любой проблеме для дружественного научного коллектива.

С развитием и становлением бизнеса в эту сферу приходит и коммерческий интерес. Ученые подписывают псевдоэкспертные заключения о полезности или вреде тех или иных материалов, продуктов питания, промышленных проектов. Организуются псевдоассоциации и институты (вроде «Всероссийской ассоциации стоматологов»), которые активно участвуют в прямой рекламе и влияют на продажи. Социологи пишут липовые отчеты для политиков и публикуют заказные рейтинги и формирующие опросы (опросы, где важна информация, содержащаяся в вопросе, а не сам ответ).

Многим «открытиям» придается сенсационная форма, чтобы книги имели коммерческий успех (как вам название: «Вирус СПИДа — выдумка биологов?»), а сделанная на основе «открытия» продукция — хорошо продавалась (возьмите распространенные сейчас диеты на основе группы крови). Согласно одному из исследований, большая часть публикаций в одном из ведущих западных научных журналов была написана учеными, которые непосредственно получали деньги от фондов и организаций, заинтересованных в определенных результатах исследований.

¹ Известный интеллектуал-физик Фримен Дайсон, например, говорит, что пресловутые нанотехнологии есть плод раскрутки псевдопроблемы группой высокопоставленных научных шарлатанов, выбивающих бюджеты из простаков в правительстве.

Таким образом, это не только наша, но и западная тенденция. Повсеместное распространение тестовой системы облегчает работу преподавателям и симуляцию — студентам. Когда критерии оценки заранее известны, не надо много труда, чтобы подогнать все что угодно под критерии и требования. Единственный действенный способ борьбы с симуляцией выглядит аморально и нелегитимно — это крайний субъективизм преподавателя. Если профессор перед экзаменами заявит, что никаких билетов и заранее данных вопросов не будет, что он намерен спрашивать все, что ему захочется и оценивать, как ему вздумается, то невозможно будет даже написать шпаргалки, придется учить действительно ВСЕ.

Подгонка под заданную матрицу и критерии является главным навыком современного образования, а господство матрицы и критериев тем самым только укрепляется. Это же касается такой специфической матрицы как псевдосенсационное разрушение «основ», которое идет повсеместно и не ведет ни к каким разрушениям, поскольку количество таких «опровержений и разрушений» и их фантастический вид только обесценивают и дискредитируют все «разрушительные и революционные» результаты, заставляя публику искать спасение в уютной традиции (например, «творчество» лжеисториков Носовского и Фоменко только укрепляет традиционную историографию и дискредитирует все возможные действительно иные новаторские попытки посмотреть на исторический процесс, источники, факты).

Подобно тому, как иконка в виде папки с документами на рабочем столе компьютера изображает то, что она отменяет (бумажную папку с бумажными документами), современное образование есть изображение образованности, которая давно уже отменена системой и не ценится ею. Отсюда и стагнация, невозможность ожидать технических, научных, социальных и гуманитарных инноваций, разговор о которых только изображает то, что он отменяет. Несмотря на огромное количество узких экспертов в самых различных областях, ни все вместе,

ни по отдельности они не производят инновации ни вообще, ни в своей сфере ответственности. Они выступают «говорящими головами», их ареопаг есть высшая власть в сфере знания, но система не по силам (вопреки афоризму «знание — сила») ни одному из них, ни всем вместе.

Симуляция и нежелание обновлений появились не вдруг, не свалились с неба. На самом деле модернизм как инновационная идеология имеет много грехов перед человечеством. Прежний модернизм был не только источником инноваций, но и в гораздо большей мере источником жестокого уничтожения прежних форм жизни, которые были объявлены консервативными и реакционными. Все, что якобы мешало прогрессу, подлежало уничтожению.

Жестокости модернизма и жертвы во имя прогресса действительно вызвали шок у человечества и оно среагировало сворачиванием модернистской программы, включило систему мягкого замораживания прогресса, симуляции, гуманизма и экологизма.

Означает ли это, что модернизм должен умереть? Нет, умереть должен старый модернизм, который не столько творил новое, сколько разрушал старое. Новый модернизм, (неомодернизм) провозглашает: прежние формы природы, общества, человека должны не уничтожаться, как якобы мешающие прогрессу, а сами обновляться.

Например, старый модернизм вел борьбу с религией, как «пережитком прошлого», новый же выступает за инновации внутри самой религии. Причем, эти инновации должны вырасти из ее сердца, а не в качестве реакции на изменение среды. Смотрите: проповеди и причастия в интернете — это не инновации в религии, а профанация и симуляция инноваций, а вот глубокая разработка богословского и мистического наследия, открывающая новый духовный опыт, ведущая к новой святости и новым святым — это инновация. Не существует некоей особой инновационной сферы в обществе и некоего инновационного сектора, в противоположность неким, якобы вечно консервативным институтам и секторам. Инновации

возможны везде и должны быть везде, здесь и сейчас. Все, что я вижу вокруг себя, можно улучшить, сделать совершеннее.

Современный мировой кризис имеет не экономическую и не финансовую природу. Это кризис утраты инновационного потенциала, отсутствие новых форм взаимоотношения народов и новой идеологии взамен уставших коммунизма и демократии, а также отсутствие новой финансовой системы, новых производств, инноваций в системе распределения и проч.

Именно поэтому только инновации могут нас спасти и от мирового кризиса и вообще в историческом масштабе.

Подобно тому, как первобытные общества сменились первыми государствами и империями, подобно тому, как феодальные общества сменил современный капитализм (в том числе и в форме госкапитализма), современное общество будет заменено другим, новым обществом.

Мы должны поддерживать эти ростки. Цели и задачи наши вытекают отсюда.

1. Мы должны искать единомышленников, объединять их, обеспечивать им площадку для коммуникаций.

2. Мы ставим своей целью разоблачать симуляцию, лжеинновации.

3. Мы идеологически боремся с мракобесием и консерватизмом и его различными формами, прежде всего с теми, кто рядится в тогу науки (например, пресловутым «Римским клубом», доказывающим, что человечеству не хватит ресурсов, а значит, пора сокращать население, спасти «золотой миллиард» и проч.

4. Мы идеологически боремся с прежним отрицательным модернизмом и его методами, с теми, кто уничтожает и критикует старые формы, вместо того, чтобы предлагать новые.

5. Мы занимаемся популяризацией настоящих инноваций, как технологических, так и гуманитарно-социальных.

О патриотизме и молодежи

Оппонент. *Что бы вы сказали молодым, тем, кому сейчас 20 лет или около того? Пусть это будет сказано упрощенно, главное, чтобы понятно.*

О. М. Если 20 лет или около того, это значит, что я обращаюсь к поколению, которое через 20 лет будет править Россией. И Россия будет такой, какой ее сотворит сегодняшняя молодежь. Действительно, через 20 лет те, на чьих плечах сегодня лежит судьба России, станут пенсионерами, другие будут еще молоды. 20 лет — не так много: это ровно столько, сколько вы уже прожили. Следующие 20 лет пролетят быстро. Но сколько может случиться за эти годы! Через 20 лет мир будет абсолютно не похож на нынешний. Не верите? Что происходило с нашей страной, пока вы росли и выросли?

Вернемся на 20 лет назад. Сегодняшние молодые не узнали бы мир, в котором появились на свет. И дело не только в том, что тогда не было интернета, персональных компьютеров и мобильных телефонов, а нефть стоила всего 10 долларов за баррель.

Главное, на Земле существовала еще одна сверхдержава — СССР, куда входили, кроме России, еще 14 сопредельных стран, в том числе Украина, Грузия, Молдавия, страны Балтии, те, кто сегодня стремятся стать членами НАТО или уже ими стали. Не было никаких войн в Чечне и вообще никаких межнациональных проблем, представители разных национальностей соревновались друг перед другом в гостеприимстве. Руководители Чехии, Польши и других стран Восточной Европы, в том числе части Германии (ГДР), приезжали в Москву получать указания и ни в каких снах не могли представить, что на их территориях будут стоять натовские военные базы.

Не было косовской проблемы, албанской, хорватской, сербской, македонской... Потому что Югославия была единой страной, и при этом процветающей — недавно в Сараево прошла зимняя Олимпиада. Евросоюза, а тем более валюты евро, не существовало даже в проекте.

Зато по всей Европе бушевало «зеленое» и антивоенное движение (поддерживаемое СССР), молодежь пикетировала натовские военные базы, устраивала марши мира и готова была через несколько лет взять власть и сказать: «Гуд бай, Америка!».

На СССР ориентировалось полмира. Большая часть стран Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, часть Юго-Восточной Азии. Неприсоединившиеся страны, типа огромной Индии, находились в дружеских отношениях. Большинству из молодых развивающихся стран СССР помогал материально. В Москве учились сотни тысяч иностранных студентов. Валовой национальный продукт СССР был всего в полтора раза меньше, чем у США, а ведь США грабили другие страны мира, а не помогали им. Диктаторские фашистские режимы, которые Америка поддерживала в некоторых странах, чтобы американские корпорации могли грабить их экономику, падали один за другим. При этом «горячих точек» на Земле было раз-два и обчелся: пара в Латинской Америке, пара в Африке, Палестино-Израильский конфликт, Афганистан... Таких точек сейчас десятки по всему миру. А операций, вроде тех, что США предпринимали против Югославии, Ирака, Афганистана, не было и быть не могло. Даже маленькое вторжение США на Гренаду вызвало величайшую бурю возмущения в мире. В самой Америке люди рыли под загородными домишками бомбоубежища на случай ядерной войны. Так их запугало собственное правительство «русской угрозой».

СССР опережал США в космической отрасли, у нас было даже больше спутников на орбите, не говоря про орбитальные станции, которых США вообще не имели. Мы были первыми в авиастроении, в ряде фундаментальных наук (некоторых отраслях физики, в математике). Десятки тысяч лучших мировых ученых работали и преподавали в СССР, а не в американских университетах, как сейчас. СССР брал больше всех золотых медалей на всех Олимпиадах. Население России (внутри СССР) росло, а не уменьшалось почти на миллион человек в

год, как сегодня. И при этом не было безработицы, все были обеспечены недорогими продуктами питания, жильем, хорошей бесплатной медициной, лучшим в мире бесплатным образованием, детскими садами, возможностью заниматься спортом, культурно отдыхать. Уровень преступности был ниже в несколько раз. Родители не боялись с четырех лет отпускать детей на улицу без присмотра. По всем мировым показателям благополучия (ВВП на душу населения, доля людей с высшим образованием, продолжительность жизни и проч.) СССР занимал места в первой двадцатке стран мира, а по основным — в первой десятке (из более чем 200 стран!). Нобелевские лауреаты по экономике (например, В. Леонтьев) предсказывали нам к 2000 году четырехкратный рост ВВП и полное решение довольно острой жилищной и продовольственной проблем.

Эти предсказания не сбылись... Как и многие другие. Например, Китай был тогда, 20 лет назад, символом нищеты и отсталости. Все предсказывали огромный рост экономики Японии. А оказалось, что Япония с тех пор топчется на месте, а Китай вырывается в мировые лидеры.

Что же случилось? Как же так быстро, за 20 лет, сильно переменялся мир? И главное, почему он переменялся в худшую, опасную и невыгодную для нас да и, пожалуй, для всех, сторону? Что произошло? А если тенденции останутся прежними, то какой же ужас ждет всех нас еще через 20 лет? Все то же, но в несколько раз хуже? И Россия распадется, и «горячих точек» в мире станет больше? Может, мир вообще превратится в одну «горячую точку»? С другой стороны, никто не поручится, что через 20 лет не будет США или Евросоюза, нет гарантий, что Китай обманет прогнозы, а стремительно расти будет, например, Индия...

Каким будет мир, во многом зависит от тех, кто сегодня принимает решения, а через 20 лет будет зависеть от нынешних молодых. Так же как и 20 лет назад все зависело от поколения тех, кому тогда было 40 лет. Нет ни-

каких «тенденций» и «трендов». В истории не действуют фатальные закономерности! Любое историческое мгновение может стать точкой перелома даже самой неминуемой тенденции.

Многие опасные для России тренды уже удалось изменить на позитивные за последние восемь лет, во время правления В. В. Путина, другие предстоит изменить. Но прежде чем подойдем к вопросу что нужно делать, мы должны ответить на вопрос: кто запускает опасные для России сценарии? За всеми «тенденциями» стоит чья-то воля, они не берутся с неба. Их запускают те, кто знает, что историю творит человек.

Тогда, 20 лет назад, у власти в СССР стояли люди, убежденные, что существуют некие «законы истории», аналогичные законам природы, согласно которым во всем мире должен победить «коммунизм», а «капитализм» наоборот, рано или поздно проиграет. Приближать победу коммунизма можно и нужно (и это делалось), но все равно это только некая помощь тому, что и так произойдет — своего рода «закат солнца вручную». Поэтому борьба за мир и за разоружение, а также помощь национально-освободительным движениям велись в «штатном режиме», никто не требовал результата к конкретной дате.

Иное дело США. В 1980 году избранный президентом США Р. Рейган сказал: «После Второй мировой войны мы были сильнее Советов, во времена Хрущева мы были на равных, сейчас мы отстаем». Он решил переломить гибельную для Америки тенденцию. Бывший голливудский актер, знающий толк в рекламе и манипуляциях массовым сознанием, был уверен, что людей можно убедить в чем угодно, даже вопреки очевидным фактам. Рейган играл ва-банк, для него это был последний и решительный бой.

Многомиллиардные суммы тратились на формирование в нашей стране сети агентов влияния, которые с помощью лживой подрывной литературы должны были, по сути, перевербовать элиту страны, интеллигенцию.

Подпольно, из рук в руки, передавались миллионы так называемых «самиздатовских» брошюр, которые под видом «скрываемой от народа правды» смешивали с грязью наше прошлое, настоящее, а тем самым и будущее.

Все население СССР входило в «золотой миллиард» человечества по уровню благосостояния, целые континенты, сотни стран жили хуже, чем большинство жителей нашей страны. Но элита (а затем и все население) постепенно проникалось убеждением, что живет чуть ли не в самой худшей в мире, самой бедной, самой отсталой стране. Экономический рост тогда был по 3 % в год (именно столько США показывают последние пять лет и мало беспокоятся), но жители СССР были уверены, что страна катится в пропасть, а правительство и государственная власть — самые некомпетентные в мире. Возникли присказки и поговорки: «Только в этой стране может быть...», а дальше автоматически цеплялся какой-нибудь недостаток, наверняка, знакомый всему человечеству (очереди, мусор, бюрократия и проч.).

Еще в середине 1970-х годов американцам путем интриг и провокаций удалось создать «горячую точку» возле нашей границы, в Афганистане, и руководство страны приняло решение ввести туда войска. США решили выжать из этого факта максимум. Мало того, что непопулярную и непонятную войну проклинали внутри страны, США провели пиар-кампанию по всему миру (частью которой был бойкот Олимпиады в Москве) и добились торможения строительства наших газопроводов в Европу (что лишало экономику части запланированных доходов). Поставляя оружие афганским боевикам, США по сути превратили афганскую операцию в настоящую войну и представили ее в арабских странах как войну СССР с мусульманским миром. Под этим предлогом Рейган уговорил арабских шейхов нанести экономический удар по СССР — увеличить добычу нефти и снизить ее мировую цену в несколько раз.

В СССР возник серьезный дефицит продовольствия. Используя влияние Римского Папы, поляка Иоанна Пав-

ла II, в Польше была создана антиправительственная организация «Солидарность», которая начала забастовки. Предполагалось, что это послужит примером для других стран и для простого народа СССР. Удары сыпались на престарелое руководство нашей страны один за другим.

Последним ударом был блеф Рейгана по поводу Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ) — космической системы, которая якобы нейтрализует советские ядерные ракеты. Хотя специалисты убеждали М. Горбачева, что такую систему создать невозможно, руководитель страны, в обмен на прекращение финансирования СОИ, пошел на сокращение вооружений по американскому сценарию и согласился на политику «гласности». Это значило, что теперь все антигосударственное подполье легально могло вести свою агитацию.

Многотиражные газеты и журналы подвергались очернению буквально каждую страницу нашей истории. Людей готовили к тому, что они, недочеловеки, обязаны внимательно слушать, что им будут говорить из-за границы, записывать их рецепты и приказы и строго следовать им, раз уж сами ни на что не способны.

Когда в 1988 году Рейган покинул свой пост, СССР уже не был страной, которая, по признанию того же Рейгана, в 1980-м была «впереди США». СССР был нанесен смертельный удар. Уже в 1989 году по всей стране вспыхнут забастовки, в республиках СССР пройдут кровавые межнациональные столкновения. А еще через два года не будет СССР, и власть перейдет к людям, которые станут слушать американских советников.

С побежденным не церемонились. Началось натуральное разграбление страны под видом «реформ», сотни миллиардов долларов текли на Запад, к победителям. В России свирепствовал криминал, открытое мошенничество (МММ), страну сотрясали забастовки, постоянные выборы, межнациональные конфликты, шла война в Чечне, то и дело следовали теракты. Население стало сокращаться по миллиону в год, ВВП упал в два раза. Только сегодня удалось восстановить уровень «предре-

форменных» лет, а это значит, что почти за 20 лет мы вернулись на то место, с которого начали «реформы». Россия потеряла 20 лет, тогда как другие страны продолжали уходить в отрыв.

Да, СССР не был совершенным государством. Как и всякое другое государство, он имел недостатки. Устаревшая идеология, низкая вертикальная мобильность, приводившая к застою элит, к несменяемости власти, отсутствию «свежей крови», скованность частной инициативы, неумение реализовать огромный научный потенциал и многие другие проблемы. Но все эти вопросы, если так можно сказать, технического порядка. Реформы были необходимы, но для них вовсе не обязательно было разрушать страну до основания. Отбрасывать свою экономику на полвека назад, уничтожать собственное население (избыточная смертность за годы реформ превысила 2 миллиона человек — столько Российская империя потеряла в Первую мировую войну!). Да, реформы были необходимы, но их цели и задачи должны были произрастать из наших собственных проблем и потребностей, а не браться из советов западных «специалистов», которые действовали исходя из интересов того же Запада, а никак не из наших.

И все-таки эти 20 лет прошли ненапрасно. Мы получили бесценный опыт, опыт холодной войны. 1000 лет Россию пытались покорить силой, каждые 100 лет против нас организовывалась интервенция, грозящая полным уничтожением нас как государства. Гитлер, Наполеон, Карл XII, польская интервенция... И каждый раз мы побеждали. В конце XX века был применен новый способ. Государство разрушили мы сами, потому что нам поменяли сознание, уничтожили нашу историческую память. Любую неприятность, даже прыщ на заднице, нас научили связывать с недостатками государства. А лечение недостатков учили искоренять самым радикальным образом (по принципу: гильотина — лучшее средство от перхоти).

Нам говорили, вся проблема в коммунизме. Дескать, холодная война велась против этой идеологии. Она ока-

залась несостоятельна и поэтому мы остались в проигрыше. Что ж, сегодня коммунисты в России имеют поддержку всего 10—15 % населения. Казалось бы, США и НАТО давно пора успокоиться и сказать: мы выиграли холодную войну, а теперь, когда коммунизма нет, — мы ваши друзья!

Однако мы наблюдаем интересную картину: теми же методами, которыми производились «бархатные революции» в Восточной Европе, сегодня делаются «цветные революции» в странах СНГ. Мы видим, что блок НАТО уже перешагнул границы бывшего СССР, и сегодня идет речь о вступлении в НАТО Украины — исторической части России — Руси. В Чехии и Польше устанавливаются системы противоракетной обороны, той самой СОИ, которая была блефом у Рейгана и которая становится реальностью у Буша. А ведь когда Горбачев давал согласие на объединение Германии, его заверяли, что блок НАТО вообще не планирует расширяться, а гонки вооружений в космосе не будет вообще. Сегодня НАТО науськивает против России своих шавок — Грузию и Прибалтику. Европейские газеты каждый месяц устраивают новую травлю России, как в худшие времена холодной войны.

Но с кем продолжают США вести эту войну, если коммунизм побежден? Войну продолжают вести с Россией. А коммунизм и 20 лет назад был только прикрытием, способом заставить воевать против своей же страны слишком легковверных граждан. Некоторые из них каются: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию», а некоторые так до сих пор и продолжают войну против своей страны, прививая народу «комплекс неполноценности».

Но раз война не окончена, нельзя и говорить, что страна проиграла холодную войну. Да, проигран бой, но не война, В 1941 году мы тоже потеряли территории, на которых жило 40 % населения и был сосредоточен серьезный экономический потенциал. Мы понесли тяжелые потери, но потом оправались и дошли до Берлина. Пока Россия жива, война не окончена, и мы, получив-

шие бесценный опыт, прививку от антипатриотической заразы, победим врага тем же мечом, с которым он пришел к нам! Мы еще дойдем до Вашингтона, то есть сделаем им в Америке свою «бархатную революцию»!

Но пока рано говорить об этом. Да, за последние восемь лет, время правления президента России В. В. Путина, России удалось сойти с пути в историческое небытие. Был остановлен распад страны. И дело не только в умиротворении Чечни. Сейчас мало кто помнит, но еще 10 лет назад «всенародно избранные губернаторы» приезжали в Москву как удельные князья и разговаривали с президентом чуть ли не на равных, выторговывая себе огромные куски государственной собственности и федерального бюджета. А если учесть, что за каждым таким губернатором стояли финансирующие его выборы олигархи, нетрудно представить, что приватизации подверглись не только крупные предприятия, но целые территории вместе с населением.

Путин восстановил государственность России, ее суверенитет. Из правительства были вышвырнуты всевозможные иностранные советники, которые, по собственному признанию, занимались именно разрушением экономики в угоду Западу (см., например, откровения бывшего главного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица). За последние годы ВВП России почти удвоен, и мы, наконец-то, достигли предреформенного уровня. Начала увеличиваться рождаемость. Укрепляются армия и флот. Выплачены огромные внешние долги, которые в свое время сделали Горбачев и Ельцин. Сформирован огромный стабилизационный фонд и золотовалютные резервы, позволяющие с оптимизмом смотреть вперед. Но все отмеченные достижения — не повод успокаиваться. В мировой холодной войне эти победы можно сравнить с победой под Москвой в 1941 году. Враг остановлен, мы доказали сами себе, что можем побеждать и рассчитывать на собственные силы, но до Сталинграда и Курской дуги, до коренного перелома еще далеко.

Список проблем России, наверное, не уместился бы на нескольких листах. По-прежнему смертность превышает рождаемость, население сокращается. По-прежнему критически обстоят дела с продовольственной безопасностью и сельским хозяйством. Половину продуктов мы завозим из-за рубежа, а значит, зависим от внешних поставщиков, в любую минуту могущих взять нас за горло. Территории Дальнего Востока обезлюдели, на них с возмущением смотрит растущий Китай. На юге поднимает голову исламский экстремизм и терроризм. С Запада России угрожает НАТО.

По сути, страна зажата с трех сторон, и при этом внутри самой страны нет чувства опасности. Огромная часть населения, особенно в сельских территориях, просто спивается. Другие, чуть более благополучные, имеющие работу, погрязли в мелком потребительстве. Их досуг — бесконечные телесериалы или компьютерные игры, а предел мечтаний — поездка за границу.

К тому же, Запад и не прекращал со времен перестройки финансирования огромного количества некоммерческих организаций, которые продолжают распространять антигосударственную и антипатриотическую идеологию и заражать ею широкие слои интеллигенции. Трудно что-то требовать от людей старшего поколения, чей пик жизненной активности пришелся на период главного идеологического удара Запада по нашей стране, на время тотальной манипуляции и тотального антипатриотизма. Их антигосударственная закваска настолько крепка, что почти не поддается перевоспитанию. Но эти люди уже и не нуждаются в перевоспитании. Их золотое время ушло. Они хозяйничали в стране в мрачную эпоху конца 1980-х и 1990-х годов. Эти «шестидесятники» (поколение, бывшее молодым в 1960-е годы) показали свою гнилую сущность и они должны уйти с исторической сцены. За их умы не стоит биться. Имеет значение только то, что думает молодежь.

Сознание молодежи — вот настоящее поле боя. Если молодежь будет патриотичной, будет видеть в государ-

ственных делах свое дело, то Россия имеет все шансы на выживание, и тогда курс, начатый во время президентства Владимира Путина, будет продолжен и получит опору у самой сильной, энергичной, растущей, здоровой части нации. Россия будет расти и мужать вместе с ростом и возмужанием нынешнего молодого поколения.

Что же представляет собой это «поле боя» — сознание современной молодежи? Будем честными — картина не очень привлекательна. К сожалению, нужно констатировать: разрушение сферы образования было одним из главных приоритетов Запада. В течение полутора десятков лет и до сих пор в школах и вузах обучают по учебникам истории, чей выпуск финансировал скандально известный американский магнат Джордж Сорос. Вместо настоящей истории России школьники и студенты впитывали русофобские мифы.

Такое школьное образование подкреплялось и внешкольной массовой культурой. Были забыты отечественные мультфильмы и фильмы. Десятки теле- и радиоканалов транслировали продукцию Голливуда — огромного «рекламного агентства», стоящего на службе у западных правящих кругов и имеющего целью утверждение на всей планете западных культурных стандартов. Эти стандарты плохи не потому, что западные, а потому, что делают представителя любой другой культуры нестандартным, неполноценным, человеком третьего сорта, который обязан смотреть в рот западным лидерам и выполнять их команды хоть в политике, хоть в экономике.

Если молодой американец живет в сфере неких позитивных иллюзий (например, он уверен, что Америка выиграла Вторую мировую войну, первой полетела в космос и, вообще, является лучшей страной в мире), то молодой россиянин, наоборот, как бы не испытывает никаких иллюзий. Он во всем разочарован, ко всему относится цинично. Часто он даже не знает, кто выиграл Вторую мировую войну и кто первым полетел в космос, а главное — не хочет знать. В учебе он ленив и нелюбопытен, потому что учеба неинтересна, не вдохновляет. Бессмыс-

ленная учеба находит свое продолжение в таком же бессмысленном отдыхе. Бесконечные дискотеки, походы за «Клинским», тусовки, бесцельные встречи, расставания, убивание времени... Если для старшего поколения религией были деньги, то нынешняя молодежь не озабочена даже этим. Недаром стремительное развитие получило движение «Эмо», пропагандирующее бессмысленность существования, депрессию, декаданс, жалобы на жизнь, даже суициды и членовредительство.

Впрочем, принадлежность к какому-либо движению — это признак продвинутой, какой-то рефлексии, принципиальности. Большинство же просто играет в компьютерные стрелялки, смотрит фильмы с Брюсом Уиллисом, пьет пиво или употребляет легкие наркотики. Все это сочетается с повальной симуляцией учебного процесса. Рефераты и курсовые скачиваются из интернета, тесты на экзаменах угадываются или срисовываются со шпаргалок. Иногда дипломные «корочки» просто покупаются.

Современные молодые люди в большинстве своем ни на что не годны как профессионалы. Их не возьмут на высокооплачиваемую работу. А жизнь в постоянной нужде при наличии потребительского взгляда на жизнь, стимулируемого рекламой, вызывает в лучшем случае озлобленность, в худшем случае толкает на путь криминала. В малых городах и депрессивных территориях эта проблема достигает критической точки. Большинство подростков, лихо заломив кепку на затылок и перемежая речь блатными и матерными словечками, видит для себя героев в тех, кто уже «отсидел», сумел сколотить свою «бригаду», кто, на худой конец, просто умеет хамски разговаривать с милицией, учителями, представителями власти. Студентам из крупных городов, из интеллигентных семей трудно в это поверить, но на самом деле приезшему молодому человеку, а тем более девушке, в депрессивном городе невозможно даже дня провести на улице и не испытать той или иной формы «приставания».

Могут возразить, мол, не слишком ли мрачную картину я рисую? Сколько молодых людей проявляют активную жизненную позицию, учат английский язык, устраиваются на любую работу, например, в «Макдональдс» или в фирмы сетевого маркетинга. Разве все они не честно пытаются заработать трудовую копейку? Разве они неактивны? Разве они ленивы? Многие из них идут еще дальше — рискуют наняться на работу в другие страны — Канаду, США, Англию. Они работают нянечками, уборщиками, чернорабочими, а не сидят на шее у родителей...

Может быть, у кого-то эти факты и вызывают гордость и слезы умиления за наше молодое поколение, но давайте представим себе американских молодых людей, которые бросили все и через ту же систему «Work and travel» приезжают работать в отдаленные городки Сибири и Урала санитарями в больницах, полумойками, продавцами сосисок. Представим себе, что перед своими родителями они оправдываются тем, что «поехали подучить и усовершенствовать русский язык». Абсурдно, не правда ли?

Давайте будем честными: найти работу, причем достойную, можно и в нашей стране. Молодежь едет на Запад и готова унижаться за копейки, но это компенсируется тем, что перед сверстниками, оставшимися в России, друзьями и подругами, они будут выглядеть «круто», потому что работают на Западе и знают английский язык. Помогать нашим ветеранам в доме престарелых — это не круто, а быть уборщицей в доме какого-нибудь, возможно, бывшего фашистского офицера — прикольно. И даже студенты из так называемых престижных вузов мечтают о стажировках и аспирантурах в западных университетах второго сорта, мечтают попасть на работу в иностранные компании. У всех этих «лучших представителей современной российской молодежи», активной и учащей иностранные языки, нет элементарного уважения не только к собственной стране, но и к самим себе. А это вещи взаимосвязанные. Не только я — часть России, но и Россия — часть меня. И если я эту часть не уважаю, то буду

испытывать постоянный комплекс неполноценности, и это увидят окружающие, и они будут обращаться с таким человеком соответствующим образом.

И опять можно предвидеть возражение: разве вся наша молодежь антипатриотична? Разве не каждые несколько дней по телевизору показывают акции нацболов или скинхедов, которые обвиняют власти в продажности Западу или ведут уличные бои с чернокожими студентами? Разве не бьет тревогу наша интеллигенция по поводу излишнего роста в среде молодежи экстремистских националистических настроений? «Патриотизм — прибежище негодяев», — говорят они. Дескать, только те, кто ни на что не годны, находят себя, самореализуются в патриотизме.

Не нужно обманываться! Принципиально выступая против государственной власти, нацболы, например, так же играют на руку тем, кто хочет расколоть Россию, дестабилизировать ситуацию и прервать экономический рост. Неважно, что они не используют прозападные лозунги. Вспомним «цветные революции» на постсоветском пространстве. Они тоже часто совершались под лозунгами борьбы с криминалом, коррупцией, бедностью. В итоге к власти пришли те, кто воруют еще больше, но при этом держат курс на НАТО. Не важно, под какими лозунгами будет сделана революция, важно, кто придет к власти. А уж властью Запад признает только того, кто угоден самому Западу.

Псевдопатриотизм скинхедов вообще оборачивается своей противоположностью. Все солидные государства в мире стремятся расширять свое влияние, пропагандировать свой язык, обучать у себя студентов из других стран. Мы должны радоваться, что где-то люди копят деньги, чтобы приехать к нам учиться, а потом, вернувшись на родину, быть по сути агентами влияния России. Когда скинхеды избивают чернокожих, они наносят ущерб позитивному образу России в мире, а значит, ведут антироссийскую деятельность. Не важно, какими красивыми словами они прикрываются: настоящий патриотизм —

это любовь к своей стране, а не ненависть к чужим. Ненависть к чужим нациям — это фашизм. Тот самый фашизм, который победили наши деды. И эта победа — самая славная страница истории России. Когда сегодня фашисты ходят по улицам наших городов — это осквернение памяти дедов и их подвига. Такое же осквернение, которое совершают натовские шавки в Прибалтике, когда демонтируют памятники нашим солдатам.

А есть и откровенные прозападные движения. Правда, некоторые из них существуют только на бумаге или в медиапространстве. Всевозможные «ПОРА», «Оборона», «Молодежное “Яблоко”», «Да!» не насчитывают и пары десятков членов. К тому же все они просто пляшут под дудку заграничных заказчиков. В слабых государствах таким молодежным движениям удалось сыграть свою деструктивную роль, поучаствовать в фальшивых «цветных революциях» и привести к власти марионеточные проамериканские режимы. У нас, в случае серьезной дестабилизации и серьезного финансирования, эта «пятая колонна» готова тут же вылезти из щелей и выполнить свою провокационную предательскую функцию.

Впрочем, не эти малочисленные поедатели западных грантов представляют реальную опасность, и даже не скинхеды с нацболами, доля которых в молодежной среде не составляет и 2 %. Истинная опасность исходит от основной массы миллионов равнодушных, немобилизованных, не видящих никакого смысла в своем существовании, растрачивающих свою энергию впустую молодых людей.

Трудно представить, чтобы, например, во время войны, когда немцы рвались к Москве, наши деды в тылу ходили бы на танцы, пьянствовали, играли в карты, да еще ругали государство, : мол, такое-сякое, не защищает их социальные права — не дает жилье, не обеспечивает работой. А ведь сейчас, когда идет холодная война, когда НАТО размещает реальные, а не виртуальные базы у границ России и захватило уже историческую территорию влияния России, подавляющее большинство нашей

молодежи половину своих разговоров ведет о музыке, шмотках, тачках, мальчиках-девочках, игровых автоматах, компьютерных игрушках. Да еще и брюзжит на государство, которое, оказывается, чего-то им должно.

Холодная война по своим последствиям не менее опасна, чем горячая. Посмотрите на российскую глубинку: разрушенные фермы, запустелые поля, каменные скелеты бывших заводов и фабрик. Ощущение такое, будто смотришь на кадры военной хроники, где показывают, как вся страна подверглась бомбежке.

На самом деле вместо настоящих бомб в России были взорваны информационные бомбы холодной войны. Это они поразили наше сознание и волю, сделали так, что мы сами же разрушили и собственную промышленность и собственное сельское хозяйство. Миллионы людей умерли, хотя должны были, по всем законам демографии, продолжать жить: умерли от пьянства, от безысходности, погибли в криминальных войнах, от не оказанной вовремя медицинской помощи. А сколько не родилось?

Зачем пушки и пулеметы, если мы сами прекрасно убиваем себя: Россия стоит на первом месте в мире по числу аборт, миллионы детей не появляются на свет. Экономические потери от проигрыша в холодной войне тоже гораздо больше, чем экономические потери от вторжения Гитлера. Так что не надо недооценивать холодную войну.

Любая горячая война по своей сути — это война не за уничтожение людей или экономики. Она имеет целью сломить волю и сознание народа, заставить его покориться, превратить в раба. Если этой цели, а именно слома воли и изменения сознания, можно достичь не военными методами, а через пропаганду, то горячая война оказывается ненужной. Если мы уже ведем себя как побежденные, если с восхищением смотрим на Запад, если нам наплевать на судьбу собственной страны, значит, мы уже сдались, мы уже жертвы.

И все-таки надежда есть. Сегодняшняя ситуация радикально отличается от той, что была в 1980-е и 1990-е годы.

В это время молодежь, будучи подверженной страшным манипуляциям, даже не осознавала, что с ней происходит. Сегодня «проснувшихся» становится все больше. Появляются истинно патриотические движения. Это клубы следопытов, скаутов, военно-спортивные клубы, поисковые отряды, православные молодежные движения, огромное движение реконструкторов (тех, кто воссоздает исторические события, битвы, а значит, всерьез занимается историей). Все это наши союзники!

Важно еще и то, что это новое поколение не сможет никогда проиграть холодную войну, потому что в холодной войне победа достается тому, чьи воля и разум тверже. Все эти новые молодые люди новой России уже никогда не променяют Родину за джинсы и жвачку, как делали несколько предшествующих поколений молодежи. Новое поколение уже получило прививку от антипатриотической заразы. Оно уже не наступит второй раз на грабли, не поддастся западным манипуляторам! Это поколение закалено и надежно как сталь! Оно — крепкий фундамент, на котором можно построить здание будущей великой России! И основа этой надежности — наш искренний, настоящий патриотизм!

Оппонент. *Зачем нужен патриотизм? Какая от него польза? Разве не достаточно, что молодой человек сегодня овладевает сложными знаниями, современными профессиями и будет приносить пользу Родине непосредственно на своем рабочем месте. Делай хорошо свое дело, хорошо учись, плати налоги — вот и будешь патриотом...*

О.М. К сожалению, не все так просто. Статистика свидетельствует: из России каждый год уезжает более 50 000 профессионалов, а всего за 1990-е годы, годы смуты и антипатриотического угара, страну покинули более полумиллиона ученых, профессионалов, как правило, молодых. Убытки от этой эмиграции не поддаются подсчетам. И дело даже не в том, что каждого из этих 50 000 страна растила, обеспечивала образование, охрану здоровья, безопасность. Дело в другом: культурный и ин-

теллектуальный человек — такое же богатство нации как нефть и газ, даже большее.

Именно благодаря инновациям и работе квалифицированных кадров растет производительность труда, растет ВВП. Недаром США «перекачивают мозги» со всего мира. А начинается все просто. Уже студентом тебе предложат поехать подработать в Макдональдсе или, если ты студент престижного вуза, просто в «бесплатную» турпоездку для изучения языка. А когда станешь специалистом — высокий гонорар. И наши «профессионалы», воспитанные по принципу «Родина там, где меньше налоги и больше платят», с удовольствием бегут работать на чужого дядю.

Кстати, в самой Америке патриотизм принимает порой гипертрофированные формы: там не боятся переборщить. Они знают, что страна, где нет патриотов, обречена на бедность, вымирание и исчезновение. Кто-то скажет: легко американцам быть патриотами, ведь их страна самая могущественная и богатая, а как быть патриотами в нашей стране? Ответ прост: именно в нашей стране только и можно быть настоящим патриотом. Настоящий патриот не тот, кто любит страну, только пока она процветает, а тот, кто любит и защищает ее именно в тяжелый момент, тот, чья вера в эту страну только ее и спасает! Поэтому путь к богатству, процветанию, успеху страны начинается с патриотизма, а не наоборот!

В советской школе был серьезный технократический перекос, обусловленный ставкой на «профессиональное» образование. Математику, физику, химию зубрили по пять дней в неделю, на уровне, соответствующем европейским университетам. Зубрили все подряд, чтобы через 10 лет одни все начисто забыли, а другие, став хорошими учеными, уехали на Запад. В то же время отечественной истории уделялся один урок в неделю и то после четвертого класса, правоведение изучалось только в старших классах, тоже как неосновной предмет. Вот и выросли целые поколения «специалистов по синхрофа-

зотронам», не знающих, что такое Родина и готовых променять или развалить ее в любой момент.

Крупнейшая геополитическая катастрофа века — крушение СССР. Она не могла бы произойти без поддержки широких слоев элиты, интеллигенции. Будем честными: за антинародные реформы Гайдара и Чубайса голосовали все наши наукограды. Не «знаний и профессионализма» не хватило нашей интеллигенции в самой читающей стране мира. Не хватило патриотизма, желания и умения разобраться, кому на самом деле выгодны «Беловежские соглашения» и приватизация.

И еще один, позитивный пример. Наши деды и прадеды в 1941—1945 годах наверное не блистали знаниями, широким умом, эрудицией и были «профессионалами» в своих профессиях не больше немцев или японцев. Но они победили, спасли 200-миллионную страну от уничтожения, от геноцида. Спасли не только свою страну, а весь мир от «коричневой чумы». Просто у них было самое главное — патриотизм. Любое государство сильно патриотами и существует в истории до тех пор, пока есть патриоты этого государства.

Оппонент. *Ну, ладно, патриотизм — это хорошо, а зачем нужен активный патриотизм? Зачем развешивать ленточки на улицах, зачем выходить на какие-то митинги к посольствам? Зачем махать флагами? Разве недостаточно, что я в душе осуждаю теракты? Или недостаточно, что я не согласен с осквернением памятников советским воинам-освободителям? Что толку, если я буду митинговать на улице, где-то в другой части света, все равно не смогу реально повлиять на конкретную ситуацию?*

О.М. Чтобы ответить на этот каверзный вопрос, давайте разберем конкретный пример. Зачем террористы напали на школу в Беслане? Им что, чем-то помешали сотни детей? Нет, дети-жертвы были нужны для привлечения внимания. Важно было заявить на всю Европу о «борьбе за независимость», воспользовавшись таким «информационным поводом». Важно, чтобы часть рос-

сийского общества потребовала от властей «сесть за стол переговоров» с представителями сепаратистов.

Так вот, когда заказчики теракта видят, как, например, сотни тысяч жителей города Рима выходят со свечами на улицы и встают в живые цепочки, они внезапно понимают, что просчитались: Европа, оказывается, не с ними, она с детьми Беслана. Она не оправдывает терроризм. А что это значит для всех нас? Это значит, что заказчики теракта больше уже никогда не будут действовать такими методами, они поняли, что это не работает! А что было бы, если бы люди в Риме не вышли со свечами, а подумали, что, мол, мы своими свечами ничем не поможем далеким осетинским детям, что мы осуждаем терроризм только в душе? Как бы тогда заказчики теракта узнали, что они просчитались? Никак! А, возможно, даже бы подумали, что Европе все равно, что она «молчаливо одобряет», а значит нужны новые теракты...

А вот в самой России со свечами на улицы городов никто не вышел. Все просто молча перед экранами телевизоров «осудили»... На митинги протеста молодежь пришлось организовывать. Конечно, никто не был против участия в этих акциях. Но многие так и не поняли, зачем махать флагами и чем это может помочь пострадавшим... Не поняли, что демонстрируя солидарность и единство, они, прежде всего, помогали себе, давали понять террористам, что их никакими терактами не возьмешь, а значит, бесполезно эти теракты организовывать!

В каждой американской семье есть национальный флаг. В случае крупных побед (спортивных или военных, неважно) или, наоборот, трагедий американцы вывешивают свои флаги, демонстрируя единство нации, показывая всем, что народ невозможно расколоть никакими ударами, а значит — не стоит и в будущем пытаться это делать. Кроме того, американцы демонстрируют и поддержку своего правительства, показывают, что действия, которые оно осуществляет, — не только его, правительства, действия, оно непосредственно уполномочено народом. Они даже подталкивают правительство к

определенным действиям, без всяких социологических зондажей проявляя свою волю и показывая, чего именно ждут от власти. Народ, таким образом, сам осуществляет непосредственную власть. Представьте, какой страх испытали бы несколько сот тысяч эстонцев (власти которых оскверняли могилу воинов-освободителей), если бы по соседству 150 миллионов россиян в один день активно выразили бы свой протест, а главное, потребовали бы от властей жестких мер. Наверное, охота совершать провокации и «дразнить медведя» исчезла бы надолго. Но сейчас плевки в сторону России со стороны натовских морсек продолжаются. Потому что огромная страна молчит и утирается.

Молчание всегда можно истолковать в ту или в другую сторону. И в самой России, и на Западе полным-полно писак, которые объясняют равнодушие и пассивность россиян «тайным несогласием с властью», страхом сказать свое слово. Дескать, россияне только и ждут, когда придет иноземная армия освободителей. А если бы мы не были равнодушны и не молчали, подобным рассуждениям не было бы места, и не выделялись бы миллиарды долларов на дестабилизацию в нашей стране. Враги поняли бы, что это бесполезно и оставили бы нас в покое.

Пора понять: то, что не проявлено, то не существует. Невозможно быть лучшим бегуном, сидя на трибуне. Нельзя быть добрым, не совершая добрых дел. Тот, чей патриотизм ограничивается собственной кухней, — не патриот.

Об образовании и бюрократии

Оппонент. *Православие находится с бюрократией в тех же отношениях, что протестантизм — с рынком: они идеально подходят друг другу...*

О.М. «Система от предписания переходит к расплыванию» — говорил Бодрийяр о современном обществе. Государство больше не хочет заботиться об образовании, потому что определенный тип, получаемый в процессе

образования, не является условием господства. Условие господства — многообразие типов и их различия. Условие — это *differance*, причем развитый *differance*. Государство легитимирует себя как то, что способно обуздать хаос. Следовательно, хаос должен исподволь воспроизводиться системой как условие ее легитимации. Должен работать своеобразный «Хаоспром», который тут же обуздывает хаос новой, постоянно меняющейся формой духа, идеологией (кстати, и слово «газ» есть синтез слов «дух» — гейст и хаос).

Производство *differance* требует многообразия вузов, предметов, систем обучения, контекстов внешних для образования влияний. Отсюда — открытость системы образования всем ветрам: капиталу, политике, искусству, паранауке (вплоть до оккультизма), религии и сектам, болонскому процессу. Отсюда открытость всем методикам: *everything goes!* Отсюда постоянные реформы образования и изменения критериев. Реформы порождают различия между учениками и учителями, между поколениями учеников.

Поскольку различия могут производиться за счет структурной деятельности, за счет реформ и управления, манипуляции требованиями к образованию, а не за счет усилий самих учителей в процессе обучения, то государство отказывается и от обеспечения бесплатного образования, от стипендий (на которые можно жить), от высоких зарплат преподавателям и ученым.

«Образование теперь нужно не нам, а вам, поэтому не мы, а вы за него и платите, — говорит власть, — мы обеспечиваем лишь различия и закрепляем их в символических формах (документы, сертификаты и проч.), мы обеспечиваем право на выбор, право на *differance*»¹.

¹ Дело не в субъективных особенностях и желаниях некой на данный момент исторической власти. Сама система функционирует таким образом, что каждый вновь пришедший «начальник», хочет он того или нет, вынужден «начинать» реформу.

Настоящее образование сегодня, как в греческом полисе, где не было «государственного университета», получается на разнообразных семинарах, тренингах, курсах каких-нибудь гуру, в практической работе в компании или на производстве, в чтении книг частным образом, тогда как «обязательное образование» симулируется. Симуляция и дифференциация поддерживают друг друга.

Современное образование есть изображение образованности, которая давно уже отменена системой и не ценится ею. Отсюда и стагнация, невозможность ожидать технических, научных, социальных и гуманитарных инноваций, разговор о которых только изображает то, что он отменяет.

Бюрократия или ограничение каждого элемента системы «сдержками и противовесами», как несущего потенциальную угрозу системе (повышение комплексности, сложности системы за счет новых связей элемента, ограничения его свободы), возникает в обществе, где образование игнорируется или переориентируется на производство различий.

Если представлять, что на месте каждого чиновника может оказаться дьявол (то есть тот, кто своей нечестностью или некомпетентностью может нанести вред системе), то естественно, надо всеми способами ограничивать его свободы. Регламентировать, связывать сдержками и противовесами, ставить под контроль народа, что в результате повышает комплексность и дает возможность оппортунистического поведения, симуляции деятельности, перекладывания ответственности и проч. При этом предположение «потенциального вреда» действует как самосбывающийся прогноз: чем больше мы предполагаем в чиновнике потенциального дьявола, тем больше громоздим сдержки и противовесы и тем больше реальных дьяволов получаем.

Обратная стратегия состоит в том, чтобы предполагать (или сформировать) в каждом ангела и наоборот, да-

вать ему максимум ответственности и свободы (как говорили греки: «честным людям не нужно много законов»). Православие родилось и действует в рамках стратегии: «воспитаи святого и полностью доверься ему». Для него существенно воспитание и образование. Бюрократическое же государство возникает в рамках стратегии: «воспитаи различных и ограничивай их, не давай им ничего сделать».

Православие в принципе не понимает, зачем плевать на воспитание, мучить систему образования реформами, плодить дьяволов, а потом не доверять им, придумывать, как с ними бороться («борьба с коррупцией!») и как их ограничивать («власть под контроль народа!»), если лучше с самого начала все внимание отдать образованию, чтобы воспитывать святых, а потом, наоборот, облечь их полным доверием и властью, убрав лишнюю регламентацию и сделав невозможным оппортунистическое поведение.

Естественно, настоящая бюрократия с недоверием относится к православному типу святости, который рассматривается не как абсолютный, а как один из возможных, одно из многих различий (опасное еще и тем, что выдает себя за единственное), а то и вообще как нечто симулированное. Такой подход говорит больше о том, кто смотрит, нежели о наблюдаемом, а также о постмодернистской бюрократии, чем о Православии. Имеющийся же в России ренессанс Православия скорее способствует дебюрократизации. Там, где Православие проникает в государство, оно отменяет рациональное поведение бюрократа (которое в данных условиях может привести только к оппортунизму) и заставляет принимать решение *по совести*, вне рамок инструкций и полномочий. Благодаря таким (и иным) внесистемным стимулам, система что-то вообще делает, а не работает вхолостую, не является чистым симулякром.

Бюрократия идеально соотносится с экспертократией. Эксперты возникают там, где уже велика ком-

плексность системы, они есть те, кто спекулируют на комплексности, как бы упрощая ее, чтобы затем снова породить. В обществе, живущем по совести или по справедливости, вообще там, где есть простая ясность самого глубокого и великого начала, никакие эксперты не нужны. Эксперты спекулируют на тяге к простоте в условиях сложности.

Во всех великих исторических обществах (например, в древнем Китае, древнем Израиле, древней Греции) правили не эксперты, а поэты, пророки, святые и философы. Была система, которая их систематически порождала. Современная система производит различия (информационный мусор) и специалистов по их упаковке и утилизации (экспертов). В противном случае общество задохнулось бы от отходов собственной жизнедеятельности.

Когда Платон говорил, что государством должны управлять философы, это было не просто лоббированием интересов определенной профессии или личными амбициями. Философ есть тот, кому, во-первых, можно доверять по причине его полной неангажированности материальными благами, суетной славой, во-вторых, он всю жизнь экзистенциально проживает в постоянной кризисной ситуации и принимает решения в отсутствие регламентации.

Реальное управление и есть управление в отсутствие регламентации и в кризисной ситуации. Греческие философы в полисах воспитывали философов и вручали им власть, а не громоздили законы и инструкции. Они знали: в каждый отдельный момент управления каждая отдельная голова примет нужное и правильное решение, лучшее, чем некий общий закон или инструкция. Если эти не смогут принять лучшего решения, значит, вообще не сможет никто. В древнем Китае чиновник, прошедший через систему поэтических, философских и юридических экзаменов, получал всю полноту власти на данной территории. Единственный пункт, который он обязан был согласовывать с императором, — смертный

приговор. Никаких сторонних виз, контроля, комиссий, сдержек и противовесов и проч. Если не доверять, то зачем было учить?

Заменить человека в управлении функцией, регламентизировать и кибернетизировать деятельность управленца — это утопический проект по превращению человека в машину и по постановке машины над человеком. Чем серьезнее этот проект осуществлялся в истории, тем дальше от власти оказывались философы. Сегодня в экспертократической бюрократической системе этот проект не просто умер, он мумифицировался (мумия есть симулякр), а затем еще и зомбировался (зомби — искусственно оживленные мертвые). Система изображает то, что отменяет.

Оппонент. *Что же тогда может быть источником настоящих инноваций и как победить симуляцию?*

О.М. Симуляция есть там, где заранее выставлены критерии, которым должен соответствовать ответ. Под эти критерии все и подгоняется. Там, где нет заранее известных критериев, невозможна и симуляция. В случае необходимости все же пройти какой-то экзамен человек вынужден принимать на себя максимум возможных компетенций, то есть старается быть готовым ко всему. Но возможно ли в наше время, время избытка всевозможного информационного мусора, господства разнообразия знать ВСЕ?

Да, если речь идет о старой доброй философии, которая (вспомним гераклитово «многознание уму не научает») во все времена была способом жизни в информационном мусоре и одновременно способом борьбы с ним. Старые метафизические системы, ведомые вопросом: «Почему есть сущее, а не наоборот Ничто?», охватывали в этом вопросе ВСЕ сущее, и искали принцип его существования. Меняя этот принцип, они порождали и метафизические инновации, которые становились основой для всех прочих инноваций. При этом именно философия заявляла, что «она знает, что ничего не знает».

Философия могла бы дать новую вариацию старого вопроса, пойти к условиям его возможности, которая ставила бы пред-вопросы (типа «что есть Бытие?»). Импульсы, полученные от такой философии, могли стать если не фундаментом действительно новой цивилизации, то, по крайней мере, вирусами, которые бы заставили мутировать нынешнюю культуру.

Инвестиции в философию — единственные инвестиции, которые могут привести к инновациям. Философия — единственное место в системе, откуда можно ждать истинных инноваций. Философ «содержит» в себе журналиста (знание обо всем, вопрошание, открытость) и эксперта (знание глубокое, принципиальное, умение различать важное и неважное). Именно поэтому философ может вывести из тупика медиакратии и экспертократии.

Раньше за основу была взята парадигма «образования», функционирующего как самосбывающийся прогноз, осуществляющий, тем самым, управление будущим. На самом деле выставленный образованием «образ» отсекает ненужные образы будущего и ориентирует человека в направлении «правильного образа». Институтом, который соответствует этой парадигме, является университет «гумбольтовского типа».

Поскольку мы являемся свидетелями кризиса «гумбольтовского университета», может возникнуть иллюзия, что коль скоро с господством «определенного образа» покончено, то будущее избавляется от своих оков и имеет некие вариативность и открытость.

Однако вместе с отменой определенного будущего было отменено и будущее вообще (инновации стали порождением различий и перетасовкой прошлого, симуляцией), так как неопределенного, вариативного будущего, по всей видимости, не бывает.

Известно, что из «теории относительности» Эйнштейна следует интересный парадокс. Если тело движется быстрее скорости света, оно оказывается в пункте назначения ранее, чем начало движение из стартовой

точки. Поскольку это считается невозможным, то, следовательно, быстрее скорости света двигаться и нельзя. Однако философы знают: быстрее скорости света движется мысль (например, в вопросе: «Почему есть сущее, а не наоборот Ничто?» я мгновенно охватываю все сущее: и самое великое, и самое малое, от квазаров до «бизонов Хиггинса», и прошлое, и будущее — выхожу за границы любого сущего). Раз так, то человек, как мыслящее существо, все время находится уже в точке назначения пути, который еще не начинался.

Наше прошлое и настоящее есть последствия сбывания будущего, которое еще не началось. Поэтому будущее и кажется нам неопределенным, его действительно еще нет. Это, однако, не значит, что мы можем сами формировать его как заблагорассудится, навязывать ему образ или «освободить» путем отмены навязывания образов.

Будущее есть в прошлом и настоящем, но не в качестве предмета для подражания или продолжения начатой тенденции. Не будущее, а именно настоящее и прошлое двусмысленны и вариативны. Причем, вариативны и двусмысленны именно они сами, а не их оценки. Никакие оценки не могли бы быть различными, если бы не были фундированы в неоднозначности самого предмета. Например, жесткие темпы коллективизации и индустриализации в СССР были изначально рискованными и двусмысленными. Победа 1945 года сделала их по видимости однозначными. Без них как бы не было и победы (хотя на самом деле без победы, как поставленной цели, совпавшей со сбывающимся будущим, судьбой истории, не было бы и жертв во имя нее). Но попытки отменить результаты той победы после поражения в холодной войне во времена Горбачева вернули политике 1930-х годов ее неоднозначность.

История движется по пути все большей однозначности, и «наличие» прошлого и настоящего — залог сбывающегося будущего: то, что кончается, должно когда-нибудь начаться. Это начало движет людьми, именно

поэтому они вообще способны хоть что-то начинать. Воля к началу есть воля к такому событию или решению, которое будет выглядеть как венец и цель предшествующей истории, как ее разгадка, придающая всему пути смысл и однозначность. Решение, которое носит черты такого события, провоцирует человека его принять, часто даже вопреки собственным мелким целям, прогнозам и желаниям. Получается, что способность увидеть будущее есть одновременно вместе со способностью видеть прошлое и настоящее внутри их логики, или скорее судьбы. Оторванность от настоящего прошлого отрывает и от настоящего будущего.

Об Америке и других странах и народах, как примерах для России

Оппонент. *Недавно побывала в Швеции... Идеальная страна для жизни. Огромный средний класс, социальные льготы, папы гуляют с малышами в скверах и не стесняются, то есть равенство полов соблюдается... Почему бы России не скопировать шведские законы? Почему бы нам не перестать выдумывать какой-то свой путь и не сделать все, как у них? Ведь они на первом месте в мире по качеству жизни.*

О.М. Если бы мне предложили стать шведом, я бы отказался. Может быть, на ограниченном историческом промежутке времени в какие-то 30 лет Швеция и достигла успехов в обустройстве комфортного мирка, удобного для всякого рода средних классов, но это не повод брать ее за образец хоть в каком-то смысле.

Может быть, шведы запустили в космос первого человека? Или Швеция была сверхдержавой, которая патронировала национально-освободительные войны в десятках стран мира, вооружая повстанцев «калашниковыми»? Разве Швеция построила первую атомную мирную электростанцию и одержала победу над Гитлером, перед которым прогнулась вся Европа? Нет! Швеция тоже прогнулась. Может быть, Швеция спасала сотни миллионов людей от фашистского геноцида и победила

Наполеона, перед которым тоже легла вся Европа? Может, Швеция и нас победила в Полтавской битве? Может, Швеция освоила огромные территории, северные, самые неприспособленные для жизни, построила города за полярным кругом, стала крупнейшим государством на планете и заняла шестую часть суши? Нет, не Швеция, и не Финляндия, и не Чехия, и не Швейцария, и ни одна из тех стран, коими так любят восхищаться наши поверхностные туристочки. Поэтому и законодательные одежки этих пигмеев никогда не будут впору нам — великанам.

Оппонент. *Почему русские так относятся друг к другу? Возьмите любой город в нашей стране: как только на какой-то должностишке появляется азербайджанец, чеченец, армянин, то сразу на всех должностях в этой организации появляются его родственники, друзья, соплеменники. Они держатся друг за друга везде по всему миру, как одна семья... То же самое в армии, на зонах — они сразу группируются. А мы? Русская диаспора по всему миру разрознена, и у себя в стране мы ведем себя как чужие друг другу... Не заступаемся друг за друга. А они, стоит кого-то обидеть, — тут же горой. Разве это плохо?*

О.М. Да, это плохо. И тут нечему подражать. Все дело в разных идентичностях. Малые народы имеют жесткую племенную идентичность, нацеленную на исключение всяческих влияний и мутаций, приходящих извне. Они очень внимательно следят, чтобы их язык не засорился иностранными словами, чтобы соблюдались обычаи, везде и всюду отстаивают свою культуру, которая законсервирована в виде жестких норм. Они, как правило, жили и формировались во враждебном окружении, в риске полного исчезновения. У них обострено чувство самосохранения. Например, чехи жили то под влиянием немцев, то под влиянием австро-венгров. Естественно, они всегда будут очень четко отделять «свое» от «чужого» и максимально бороться за «свое». Только так они и выжили, маневрируя между разными другими нациями.

Биологи рассказывают, не знаю правда ли это, что если на земле произойдет ядерная война и будет ядерная зима, то единственные живые существа, которые сохранятся, — это тараканы. На них не действует радиация. Их генотип настолько жестко сформирован и крепко сбит, что он не подвержен мутациям. Вот такого типа «тараканья идентичность», не подверженная мутациям, выживающая в самых неблагоприятных условиях, и выдается вами за образец нашего поведения. Оно конечно хорошо, но таракан примитивен, и не хотелось бы мне быть тараканом. Лучше уж умереть.

Русские имеют «рисковую идентичность». Они идут на риск заражения всяческими мутациями, от которых могут и погибнуть. Но то, что не убивает — делает сильнее. Наша идентичность не исключает влияний, а включает их в себя. Например, наш язык спокойно принимает иностранные слова. Наша культура постоянно обновляется. Русские не боятся нового, наоборот.

Изначально русские формировались не по племенному принципу, а как суперэтнос, включающий в себя славянские, тюркские и финно-угорские элементы. «Русские» — имя притяжательное, ответ на вопрос: «чьи вы?», то есть «кому дань платите?». Дань платили «руссам», то есть некой варяжской верхушке, которая называла себя «русскими». Поэтому все и стали русскими. Русская идентичность не предполагала в себе ничего определенного, никакой «крови» и «почвы». Русским мог быть любой. Если бы так и шло, то все было бы прекрасно, мы так бы и продолжали включать в себя народы и страны, как раньше. Были даже проекты включения «под руку белого царя» Монголии и части Китая...

Но в XIX веке, к сожалению, начались разрушительные процессы, которые развалили не одну империю. Когда эллины стали противопоставлять себя остальным, развалилась Византия. Когда немцы стали считать себя более благородными, чем чехи, словаки, мадьяры, развалилась Австро-Венгрия. У нас тоже началось деление на великороссов, малороссов, белорусов. И возникли жест-

кие рамки идентичности, некие признаки «русскости» (русые волосы, голубые глаза, православность, самовары и балалайки и многие другие любимые консерваторами вещи, хотя все они реально заимствованы: самовары — у тюрков, балалайки — у итальянцев, матрешки — у японцев, кажется, Православие — у Византии и т.д.).

Эти процессы начались еще с раскола, когда старообрядцы хотели противопоставить всему Православию свою особую версию. Но тогда не удалось начать мыслить в рамках «свои» и «чужие», наша включающая идентичность восторжествовала, мы не дали себе превратиться в «особую нацию», не дали себе оторваться от всего мира и противопоставить себя ему. А дальше эти тенденции все больше набирали силу. И хотя русский философ Соловьев мечтал о всеединстве, некоей всеединной идентичности, его проект не сбылся. Или сбылся, но под странным «соусом» пролетарского интернационализма, который помог реставрировать многонациональную империю. Но уже в этой империи русские стали особым народом, что заложило бомбу в потенциальный развал.

А мыслить-то надо так: нет русских и нерусских. Все люди — русские. Хотя бы потенциально. Как Августин говорил, подчеркивая универсальность христианства и спекулируя на его огромных миссионерских возможностях, что «каждая душа от рождения — христианка», так и мы должны считать, что все люди от рождения — русские, пусть и не знают об этом.

В мире есть только одна страна, где также делается ставка на новации, включение и потенциальное обращение всех в свою нацию. Это Америка. Американцем может стать любой: и узкоглазый, и латинос, и негр. Поэтому Америка и стала сверхимперией. Но она также подвергается бацилле консервации. Сейчас Штаты не справляются с ассимиляцией. Негры и латиносы считают себя чем-то иным, китайцы и японцы не ассимилируются, а англо-саксы подчеркивают, что они истинные американцы. Это их уничтожит.

Если мы постепенно настроим себя на то, что в мире нет своих и чужих, а все — наши, то весь мир будет наш. Если станем держаться за свои отдельные исторические формы и консервировать их, противопоставлять другим, сберечь от мутаций, то обретем непробиваемую «тараканью идентичность», будем выживать, но уже не будем великим историческим народом — так, народиком, представляющим фольклорную ценность, интересным, по большому счету, только себе.

Оппонент. *Мы — сырьевой придаток развитых стран. Если бы не газ и нефть, которые нам достались от природы, то, может быть, мы бы и начали думать собственными мозгами и что-то делать своими руками, как японцы, у которых нет никаких полезных ископаемых, но живут они лучше всех. Пора слезать нашей экономике с «газовой иглы».*

О.М. Надо прежде всего понимать, что в человеческом обществе и в человеке ничего никогда не бывает «от природы», всегда всякая природная данность опосредуется культурно-исторической. Нефть и газ у нас не просто так, они не с неба свалились, а обошлись нам в десятки миллионов жизней. Когда новгородцы шли на Север и воевали там с финно-уграми, когда казаки шли в свои сибирские экспедиции, когда православные миссионеры шли к диким народам, уже тогда это была борьба за землю, за природные богатства.

Мы отстаивали эту землю и ее богатства во всех войнах и нашествиях. И когда бились с поляками, со шведами, и с Наполеоном, и с Гитлером. Сколько мы «положили» людей, чтобы наш суверенитет был над всеми этими землями и над этой природой? За все заплачено кровью наших прадедов и дедов, и мы не имеем права относиться к этим богатствам как к дармовщине.

А вспомним еще и сотни тысяч узников ГУЛАГа, чьим трудом осваивался север! Но мы не только сумели захватить эти богатства и отстоять их, но смогли их добыть, построить фантастическую сеть трубопроводов, опутавших всю Евразию. Поглядели бы вы на карты этих маршру-

тов! Мы контролируем кровеносную систему континентов! Всякий, кто говорит о сырьевом придатке и газовой игле и противопоставляет этому хай-тек в виде японских транзисторов и видеомагнитофонов, просто болван! Да такого хай-тека как в нефте- и газодобыче и строительстве трубопроводов, контрольно-измерительной системы иногда нет даже в космической отрасли. В сравнении со сложностью этой техники японские чудеса в виде самопротирающихся унитадов и роботов-домохозяек просто смешны!

Япония! Нашли кого ставить в пример! Страну, которая уже 65 лет как потеряла свой суверенитет и не восстановила его, находится под игом США. И дело не только в военных базах, полностью несамостоятельной внешней политике, отсутствию армии, но и в том, что японские капиталы утекают в США. То есть Япония находится у Америки и в экономическом рабстве. Страна с великой имперской историей деградировала до такой степени, что даже не чувствует своего исторического позора. Впрочем, в XXI веке американское иго, скорее всего, будет свергнуто, что, правда, не принесет ничего хорошего. Будущее Японии весьма печально, ее демографические показатели ужасны, экономика в застое уже 25 лет, а дальше будет только путь вниз.

Оппонент. *Китайская экономика растет по 10 % в год уже 15 лет подряд, китайские товары заполнили мир, это будет самая мощная держава XXI века. Почему бы нам не дружить с Китаем? Почему у нас все время взгляд только в сторону Европы или Америки?*

О.М. У России три опасности: с одной стороны блок НАТО, с другой — исламский экстремизм, с третьей — китайская угроза. Все эти три давящие на нас силы имеют и свою «пятую колонну» внутри нашей страны. Больше всех, конечно, западников, которые мечтают, чтобы Россия слушалась НАТО и США. Есть всевозможные исламисты типа Джемалия, пропагандисты левого ислама, мечтающие, чтобы все мы тут стали мусульманами и

возглавили мировой джихад. Есть, совсем немногочисленные, но сторонники того, чтобы мы ушли под Китай.

Во всех этих вариантах, особенно в предпоследнем и последнем, поскольку китайская сила и ислам доминируют явно, проглядывается нечто откровенно бабье. Это стремление скорее лечь под того, кто сейчас силен, кто поднимается, демонстрирует бицепсы, богатство, власть, рост. Вместо того, чтобы поставить себе цель, чтобы все эти силы шли в нашем фарватере, мы позорно лавируем между ними.

Да, нас с Европой связывают язык, религия и культура, нас с исламом связывают годы мирного сосуществования, и с китайцами «русские братья навек»... Но всегда между всеми соседями будут неразрешимые противоречия и повод для вражды, всегда наше доверие может быть использовано против нас. Тем более китайцами, которые показывают чудеса хитрости и прагматизма. Не буду перечислять причины, почему мы не можем идти с китайцами, а тем более что-то копировать у них, переживающих сейчас индустриальную фазу, как мы 70—50 лет назад. Они еще встретятся с проблемами имущественного расслоения. Они еще хлебнут горя со своими внутринациональными перегородками, на всем этом еще сыграют мировые манипуляторы, когда захотят, чтобы Китай рухнул так же как СССР.

Это древняя цивилизация и целая планета, которая в принципе может обеспечить себе средний в мире уровень жизни самостоятельно. В XII веке Китай был вообще самой развитой во всех отношениях страной мира, и только чудо спасло мир от китайской экспансии, от его великих географических завоеваний. Китайцы могли бы, пользуясь своим преимуществом, раньше европейцев открыть и Африку, и Америку, и Европу, и не без пользы для себя. Монголы, взявшие у китайцев только часть умений и практик, и то сумели покорить пол-Европы и Азии... Но это было позже, а тогда, на развилке китайской истории, центростремительные силы победили: Китай отстал, Ев-

ропа вырвалась вперед и потом уже не упустила шанс колонизировать и эксплуатировать мир.

Сейчас Китай возвращает себе свое. Он становится центром тяжести мира, но пока только подражает. 50 лет он слепо копировал СССР, и делает успешно это сейчас. С не меньшим усердием подражает он и США. А нам предлагают идти у него в фарватере? Чтобы учиться тому, чему они сами научились у наших предков или тому, чему они только-только научились у американцев? Пить седьмую воду на киселе? Даже если Китай получит мировое экономическое и политическое лидерство, он еще будет далек от лидерства культурного и гуманитарного. У него нет пока своей фантастики, новых наук, философии, а великие старая философия, поэзия и социальная наука утрачены.

Китай поражен вирусом экономизма, политического прагматизма, материализма. Это большой амбициозный бездуховный голем, огромный потный глупый тролль. Века нужны, чтобы полтора миллиарда человек смогли бы вдруг начать стремиться к духу, встать вровень с творениями собственных же мастеров древности Лао Цзы, Ду Фу, Ли Бо, Су Ши, Джуан Цзы... Настоящий диалог с Китаем будет возможен разве что через пару веков.

Оппонент. *Не стоит надеяться, что мировой экономический кризис уничтожит США. Американцы — это нация, которая создана переселенцами, самыми смелыми, упорными, сильными людьми. У них в генах заложен огромный ресурс выживания, поэтому они обязательно выйдут из кризиса и даже станут сильнее.*

О.М. Никогда не повторяйте бездумно формул, даже если они кажутся правдоподобными, всегда старайтесь верифицировать подразумеваемое содержание, исполнить интенцию мысли, довести ее до созерцания. Например, революция 1917 года в России, кровавая мясорубка, в которой погибло 10 миллионов человек. Спросите себя: кто убежал на Запад или Восток и кто остался здесь? Убежали самые смелые, упорные, авантюристичные, в чьих генах

ресурс выживания? Нет! Самые отморозки остались здесь и именно они, те, кто остались, потом провели индустриализацию, превратив страну во вторую в мире. В страну, победившую силы всей Европы, возглавляемой Гитлером. Именно эти оставшиеся строили БАМ, осваивали целину, сибирские месторождения, летали в космос.

А те, кто уехал? Почти все они потерялись. Нет, конечно, не все. Были сикорские и зварыкины, было много кого. Но скажем ли мы, что действительно сбежали самые лучшие? Я не буду утверждать, что это были самые трусливые, изнеженные, небрутальные, боящиеся за свою душонку, непатриотичные... Это было бы несправедливо по отношению ко всем, хотя справедливо в отношении общей массы сбежавших. Уже из этого мы видим: не так все просто с мифами американцев о самих себе, с мифами, которые некритично повторяют разные любители Америки.

Давайте опираться на собственный опыт. В моем окружении было несколько человек, которые уехали в Америку и Канаду. Я не назову их самыми лучшими, с кем я был знаком. Точно речь идет не о гениях, не о самых сильных и brutальных. Гении не думают о материальном, а эти, кто уехал, сплошь думали. Это как с наемными войсками: за деньги можно убивать, но нельзя умирать.

Эмигранты, конечно, не подонки, не лентяи, не тупицы, но и не соль земли, не герои, не элита. Думаю, если тот, кто читает эти строки, вспомнит всех, кто уехал в Америку из своих знакомых, он тут же согласится, что это не худшие, но уж точно далеко не лучшие люди во всех смыслах этого слова. И в смысле профессионализма, и в смысле моральных и человеческих качеств. А кто были бежавшие из Англии пуритане, кто были бежавшие отовсюду иудеи? Кто были ввезенные в Америку негры-рабы? Уж точно не авантюристы...

Так что, если внимательно присмотреться, то окажется, что страна создана скорее проигравшими, а не победителями, беглецами, а не наступающими. И наоборот, если уж говорить о победителях и авантюристах, то един-

ственная страна в мире, созданная такими людьми, — это Россия. Именно здесь казаки осваивали огромные снежные нежилые суровые пространства, именно здесь жили и оставались жить победители всех войн и нашествий. Именно наши предки были героями, и поэтому мы можем выдержать все.

В США, если что-то посыплется, то посыплется наверняка именно потому, что условия контракта с этой страной таковы: мы вместе пока побеждаем, если начинаем проигрывать, мы разбегаемся.

Развал СССР прошел довольно-таки бескровно, хотя это была геополитическая катастрофа. При развале США, как показали события в Новом Орлеане, страна захлебнется от мародерства и паники. Люди будут буквально есть друг друга. Я не желаю американцам зла, тем более, что они единственная нация на земле, похожая на русских тем, что ставит на включение в себя всяких мутаций, а не на исключение таковых. Мы и американцы — это те, кто в основном не озабочен самосохранением, как мелкие фольклорные нации типа поляков. Мы не боимся саморазрушения и чужого влияния, потому что возрождаемся из пепла. Сгореть и возродится Америке все же предстоит, пусть не в результате этого кризиса, так скорого грядущего. Запущены отрицательные обратные связи, и каждый следующий ход государства будет только ухудшать позицию. Произойдет все быстро или медленно, — дело случая, но через серьезное историческое испытание Америке пройти придется довольно скоро. Из него она выйдет совершенно другой и в корне непохожей на себя нынешнюю.

Оппонент. *Государственная идеология современной России — «суверенная демократия». Но разве может быть особая демократия? Разве не пытаемся мы опять следовать каким-то своим особым путем, отдельно от всего мира? Вы к этому призываете своим «Суверенитетом духа»?*

О.М. Суверенную демократию» как только ни обзывают разные остряки: и «суверенной демократией» и

«сувенирной демократией», и уж, конечно, все норвят сказать, что «никаких особых демократий не бывает, а демократия либо есть, либо нет».

Конечно, самых разных демократий было много. Полисная рабовладельческая демократия греков — это одно, демократия итальянских городов-государств — второе, демократия Великого Новгорода, где главой вообще-то был епископ — это третье. Демократия ливийской джамахерии — это четвертое, представительная демократия в США — пятое, плебисцитарная демократия в СССР — шестое. В конце концов, и Гитлер в Германии тоже пришел к власти демократическим путем. Да и в тех же США демократия XIX и XX веков, или демократия начала XX века и начала XXI века — бесконечно различны.

Концепция «суверенной демократии» призвана подчеркнуть: суверенные государства сами устанавливают те формы и процедуры, которыми народ будет осуществлять свою власть. Народ данной страны является сувереном и определяет себя сам, а не с помощью чужих стандартов, в том числе «стандартов демократии», которые, по большому счету, везде различны. Я считаю, что эта концепция безусловно лучше, чем концепция «управляемых демократий», как в восточно-европейских странах, когда народам навязываются внешние формы и стандарты, которым они должны соответствовать. Я против того, чтобы Брюссель и Вашингтон на основании их стандартов раздавали нам оценки и взвешивали на весах, находя неправильными.

Но я скептически отношусь к концепции «народного суверенитета» вообще. Не народ порождает те или иные формы власти и управления, а элиты. И элиты берут это из теорий, в частности, из различных правовых и государственных. То, что сейчас во всем мире господствует демократический стандарт со всеми его вариациями, — это господство определенной исторической концепции. Мои размышления о «суверенитете духа», не отрицаю «суверенную демократию», идут много дальше и в каком-то смысле противоположны.

Что такое суверенная демократия? В этих словах зашифровано два жеста. Первый жест: признание некоей универсальности демократии. Второй жест: признание некоей особенности, ограниченности в ряду этой универсалии нашей специфической демократии.

Я делаю два мыслительных жеста, прямо противоположные этим. Первый жест: отрицание универсальности демократии. Как сказано выше, народы не обладают суверенитетом, не будем питать иллюзии. И вообще демократический стандарт есть стандарт, устаревший в принципе. Я говорю, что именно эта универсалия из банальности и общепризнанности должна быть поставлена под вопрос, подвергнута скепсису. Мы должны породить новую универсалию вместо демократий, новый стандарт вместо общепринятого демократического. Второй мой жест так же противоположен названному выше второму жесту концепции «суверенной демократии». А именно: я выступаю не за то, что у нас особая форма, особый угол внутри определенной универсалии, а наоборот, считаю, что мы должны выйти из своего угла — не замыкаться в нем, а именно выйти из него и породить новую универсалию для всех.

Наш суверенитет означает не противопоставление своей особенности другим особенностям, а делание своей особенности всеобщностью. Мы должны породить стандарт (вместо демократического), который признают во всем мире! Я не за то, чтобы Россия шла особым путем в рамках всеобщей демократии, а за то, чтобы наш путь стал всеобщим, в рамках которого другие народы будут искать уже свою особенность.

Я не изоляционист, а империалист, но империалист духовный. Я не принуждаю всем навязать наш стандарт, я предлагаю создать вместо демократического такой стандарт, чтобы он был настолько хорош, что его сами примут, все народы сами им соблазняются. Я не считаю, что демократия — законченная абсолютная истина, а значит, новые универсалии придут на смену демократии, как отжившей исторической форме рано или позд-

но. Приведем эти новые универсалии мы в историю или будем ждать, когда это сделает кто-то другой, чтобы опять внутри них искать свою особенную форму? Вот в чем вопрос! Я считаю, это должны сделать мы. Открыть человечеству новые горизонты, а не искать свой угол внутри уже открытых горизонтов — вот наша задача! Не подражать кому-то, а сделать так, чтобы нам подражали.

Есть еще одна теоретическая проблема, которая помогает понять, что такое «суверенитет духа». Существует давний спор между сторонниками трансцендентализма, который утверждает, что всякий феномен лучше понимается извне, и феноменологии, которая утверждает, что всякий феномен должен познаваться изнутри. В области политики существует такая же неопределенность. Если почитать западные газеты, пишущие о России, то становится ясно, что они, подходящие со своими стандартами извне, ничего в нашей политике и истории не понимают. Следовательно, права феноменология, а значит, некие внешние взгляды на нас должны иметь наше внутреннее происхождение. То есть внешние взгляды — это всего лишь представление одной из наших внутренних партий. Например, оппозиционной партии.

В то же время кажется совершенно очевидным, что многие представления наших внутренних партий есть всего лишь трансляция внутрь внешнего взгляда. Эти партии выступают пятой колонной других государств внутри страны. Тогда прав трансцендентализм: внутренний взгляд — лишь интериоризованный внешний взгляд. В мире, в каждой стране полно людей, смотрящих на себя и свою страну, например, американскими глазами, чужих самим себе.

Мы никогда не разберемся с этим противоречием, если не поймем феноменологию как требование, а не как описательную теорию. Лозунг феноменологии «к самим вещам» или «из самих вещей» — это императив, требующий создать или открыть внутреннее. Не особую точку зрения в противовес другим точкам, а умение всег-

да видеть изнутри, из сущности мира. Пока страны особым образом будут смотреть друг на друга, они останутся внешними и друг другу и самим себе: такой мир как бы вывернут наизнанку.

Сущностный взгляд есть взгляд на все человечество, но не извне, как это происходит в проекте глобализации, а изнутри. В этом смысле новая универсалия не есть некая объединяющая всех абстракция, не надмировые универсальные правила, не общечеловеческие ценности, а некий исторический вызов. Слово «вызов» подразумевает тоже нечто внешнее, поэтому правильнее было бы говорить о культурно-историческом внутреннем толчке.

Мы можем сами инициировать пассионарный толчок. Это не будет похоже на Мюнхгаузена, который сам себя вытаскивал за волосы, потому что дух имеет способность взрываться. Только подносишь спичку, а потом ты уже не активист, а страдательное существо. Ты уже в пассивном залоге (ты заложник, не принадлежишь себе, принадлежишь этому духу, как и все остальные, которые уже не могут с этим не считаться). Они уже не могут смотреть на себя и других по-старому, а вовлекаются в исторический процесс. Спичка должна быть поднесена именно к пороху, то есть к чему-то существенному в человеке, тому, что еще не взрывалось. А это не национальные идентичности, не экологические вызовы, не политические, не экономические вопросы и не религиозные сущности, которые уже себя проявили.

Новая революция, если можно так выразиться, не будет революцией политической «за свободы и права», и не будет революцией экономической «за хлеб и землю», «против денег» и «против эксплуатации», не будет она и религиозной, национальной или эстетической. Эта революция должна нам открыть новое измерение, которое встало бы рядом с политическим, экономическим, национальным измерениями. А может быть, и отменила бы их вообще.

О «духе времени» и «всемирном заговоре»

Оппонент. *Смотрели ли вы документальный фильм «Дух времени» и что про него думаете?*

О.М. Фильмы «Дух времени» и «Дух времени. Добавление» посмотрели миллионы человек в мире. Это определенный культурный феномен. Я рад, что учился в свое время в СССР, и это мне позволило увидеть то, что вряд ли увидит представитель молодого поколения или человек Запада или Востока. Этот фильм — образцовая лекция... по «научному коммунизму», хотя ни разу за весь фильм слово «коммунизм» не произнесено, да и создатели фильма, наверное, об этом не догадываются. Естественно, в СССР, где курс «научного коммунизма» был обязателен на всех кафедрах философии, в лекциях читалось не совсем то. Эта лекция современная, это «научный коммунизм» апгрейд — версия. Однако, структура, пафос и основные темы остались те же.

Первая часть — «научный атеизм» — это критика религии. Наиболее слабая часть фильма. Доказывать, ссылаясь на мифологические источники и знаки зодиака, неисторичность Христа — нелепо, поскольку ясно, что зародившееся христианство использовало мифологические праздники, природные циклы, привязывалось к ним. Это не отменяет евангельские события.

Вторая часть фильма, рассказывающая о политических манипуляциях «власть предрежущих», — еще один традиционный левый ход, постоянное попечение о несбыточном народовластии. Против этой части фильма действуют все аргументы, которые за 300 лет выдвигались различными мыслителями против идеи «народного суверенитета» вообще. Народ не может быть сувереном, то есть источником закона, так как источник стоит выше того, источником чего он является. Суверен, то есть тот, кто выше закона, может быть только исключением, но не правилом, не самим законом. Народ не может быть вне закона, поэтому он не может быть сувереном. В противном случае мы имеем анархию, к анархии фильм реально

и призывает, сам не желая того. Как и всякая анархия, она страшней, чем то, что она отменяет и с чем борется, как и всякая анархия, она переходит в свою противоположность — в план.

Третья часть — критика финансовой мировой системы, неокOLONиализма, с привлечением бывшего экономического убийцы — Перкинса, так же традиционна для левой риторики. Критика банковского капитала и «мировой закулисы» извечно левая тема. Именно при коммунизме должны были быть отменены деньги. СССР еще не был коммунизмом, это был фальш-старт, но план и ставка на хай-тек в идеологии советского коммунизма присутствовали. Основной экономический закон, который формулировал Сталин, говорил о росте материальных и духовных потребностей на основе высшей техники, то есть хай-тека. Не грех вспомнить и советскую фантастику, помешанную на технических нововведениях будущего общества. Именно об этом повествует «Дух времени. Добавление».

Основной пафос критики капитализма, начиная с Маркса, состоит в том, что законы рынка и прибыли не дают развиваться производительным силам. Именно об этом второй фильм, там же призыв к новому экологическому безденежному плановому обществу, которое только по идеологическим мотивам не называется в фильме коммунизмом. Хотя является таковым по историческому происхождению.

Что здесь можно сказать? То же, что говорилось против коммунизма всегда. Все рассказы о манипуляциях с долларом уничтожаются указанием на один простой факт: банковская система не является в современном мире чем-то выдающимся по норме прибыли, да и самые богатые и влиятельные люди в мире отнюдь не банкиры, достаточно почитать «Форбс». Всякий специалист, если он расскажет секреты своей профессии любому профану, может так же удивить его, как создатели «Духа времени» удивляют народ, рассказывая секреты банковского бизнеса.

Проблема в том, что эти секреты слишком многим известны, и банкиры конкурируют друг с другом, снижая норму прибыли в целом по отрасли. Что касается плана, то он не меньше тормозит прогресс, чем пресловутый рынок, именно потому, что план не заинтересован внедрять инновации, пока не дали окончательную отдачу прежние инвестиции. То, что «Дух времени» пользуется такой популярностью в мире среди интеллигенции, молодежи всех стран, особенно в США, и то, что значительная часть зрителей этого фильма голосовала за Обаму (это и есть его скрытая идеология), говорит только о том, что мир и США, в частности, только пришли к тому, от чего СССР ушел. Да — на новом этапе, да — с новой системой коммуникации, но это старый добрый коммунизм. Это скрытый технократизм. Это не новая невиданная идеология и не разрешение противоречий Нового времени, которые существуют в современной цивилизации, это старые грабли на новый лад.

Оппонент. *Вся власть в мире принадлежит кучке людей, какому-нибудь «Бейдельбергскому клубу» или масонам... Они управляют СМИ и финансами...*

О.М. Еще в книге «Уши машут ослом» я писал о трансформации власти и общества, произошедшей в XX веке. Если раньше общество было пирамидально, то сейчас оно не напоминает даже перевернутую пирамиду, в нем вообще господствуют не вертикальные, а горизонтальные связи. Управлять таким обществом из какой-то точки очень трудно, это должна быть точка повышенной креативности прежде всего, своеобразный вирус-излучатель, а клуб банкиров никаким боком под это не подходит.

Всякий, кто говорит о мировом заговоре, должен пройти две школы — школу семьи и школу управления. Всякий, кто имеет ребенка, — знает, что такое переходный возраст и почему невероятно трудно воспитать похожим на себя даже собственного сына, заставить его что-то продолжать. Даже сионисты, создатели первого иудейского государства, положившие всю жизнь на

свою мечту, с горечью отмечали, что уже их дети, не то что внуки, относятся к родителям как к придуркам, живут в обществе потребления и чихать хотели на Сион... Как же представить себе передачу какой-то эзотерической традиции на протяжении нескольких поколений! Невозможно! В традиционном обществе это было возможно, сейчас — нет! Поэтому масоны и ордена были в средневековье и в эпоху Просвещения, но потом, уже в XIX веке, стали терять власть, а в XX веке просто превратились в экзотических клоунов.

Опыт управления так же учит нас, что даже элементарные задачи ни одно государство в мире не способно решить сегодня, не увязая в бюрократии, показухе... Что уж говорить про управление в масштабах всего мира! Проблема в том и состоит, что в сегодняшнем мире никто и ни за что не отвечает и ничем не управляет! Это страшной всяких масонов.

Что касается конкретно «Бейдельбергского клуба»... Приведу пример из своей пиар-практики. К нам обратился бизнесмен уездного города, который хотел через три года избираться депутатом областной думы. Сейчас он совершенно не вхож в политбмонд. В качестве одной из технологий раскрутки мы советуем ему учредить элитарный клуб, в который мы, пользуясь своими связями, будем приглашать за деньги звезд СМИ из Москвы, отставных политиков, депутатов Госдумы и проч., они будут выступать с открытыми лекциями, все будет дорого и круто. Естественно, в такой клуб заглянет вся областная элита, и тут-то наш коммерс познакомится с местными политиками, депутатами, губернатором, который, возможно, его поставит потом в какие-то списки. При этом клуб раскручивается как моховик: чем больше «крутых перцев» его будут посещать, тем больше других «крутых перцев» в него захотят вступить.

А теперь представим эту же идею на международном уровне. Какие-то ухари просто создали клуб, просто пригласили в него самых разнообразных випов. А випам дай только потусоваться с другими випами! А дальше в

качестве рекламы только и распускай слух о том, что этот клуб — мировое правительство! Зачем это нужно организаторам? Вход в престижную тусовку! Лоббистский потенциал! В конце концов, можно зарабатывать просто на презентациях всяких дорогих часов и ювелирных изделий, ведь у тебя под колпаком целевая группа! Вот и весь «Бейдельбергский клуб»....

СМЕРТЬ ПОЛИТОЛОГИИ

(Прологомены к новой науке о власти и обществе)

Все на борьбу с политологической безграмотностью!

Кто-то из классиков говорил, что если не решены главные вопросы, на них постоянно будешь наткаться в мелочах. Поэтому вначале я ставлю себе амбициозную цель: охватить и рассмотреть проблематику всей политологии от истоков до наших дней. Кто скажет, что на нескольких страницах это сделать невозможно, пусть прежде дочитает до конца.

Чтобы разобраться, распутать гордиев узел политической терминологии, надо начать с азов и классики. А азы и классика — это Аристотель.

До Аристотеля вместо теории были разные афоризмы и «мысли» и, конечно, сама политическая практика, а вот системной науки о политике, системной терминологии не было. Это касается и Платона — в своих политических произведениях он тоже сбивался на притчи, поэзию, философию, идеологию и может быть назван *в этом вопросе* лишь предтечей науки.

Аристотелю часто приписывают ориентацию на опытное мышление. Но это не совсем верно, а в данном случае просто абсурдно. Опыт одного человека никогда не объемлет опыт многих государств. А судить об опыте других государств по свидетельствам глупо, в силу ангажированности и партийности всех свидетелей. Поэтому рассуждения Аристотеля о формах государственного устройства исходят из железной логики:

власть может быть либо у одного, либо у некоторых, либо у всех (три философских категории: единичность, особенность, всеобщность). Следовательно, диктует нам железная логика, есть и три формы правления:

монархия,
аристократия,
республика (или, как называет ее Аристотель по-гречески, — полития).

Но так как тут еще все зависит от того, насколько каждая форма соответствует цели государства, то каждой из этих хороших форм соответствует испорченная форма:

тирания (по-латыни — диктатура),
олигархия
и демократия — соответственно¹.

Вопрос о критерии отличия, например, монархии от тирании или олигархии от аристократии — справедливость. Там, где один правит справедливо — там монархия, где несправедливо — там тирания и проч.

Вот такая теория, грубая и простая, как первый трактор. И всеохватывающая притом. И только после этой теории Аристотель идет в практику. И тут же заявляет, что, конечно же, нет форм государства в чистом виде, а главное, все это переменчиво. И поэтому нельзя сказать, что в Афинах, например, республика, а в Спарте — аристократия или наоборот. Надо всегда уточнять КОГДА.

Берем процесс с произвольной точки. Например, какой-то царь основал государство Энэнию и дал ему законы. Это монархия. Потом он умер, и стал править его избалованный сынок, в соответствии со своими капризами и глупостью. Это тирания. Потом придворные, замучившись, этого сынка придушили. И стали, поскольку тоже были уже испорчены во время правления тирана, извлекать прибыль из правления. Это олигархия. Да так увлеклись олигархи извлечением прибылей из власти, что народ восстал и стал все крушить и делить. Это демокра-

¹ Аристотель. Политика. Соч. в 4-х томах, 1994. М., Т. 4. С. 457.

тия. Потом выделился лидер, который толпу возглавил и затем усмирил. Опять тирания. Но он помер, и к власти пришло его окружение, которое извлекло уроки из бунтов и стало править бережно и социально-ответственно. А это аристократия. Постепенно, за счет хороших законов и нравов, аристократией стал весь народ. А это уже республика! А потом на эту страну Энэнию напали персы, разорили и подчинили назначенному сатрапу. Опять тирания. И так далее.

У какого-нибудь другого государства историческая цепочка превращений была бы иная. И Аристотель показывает на примерах разные цепочки, но старается все-таки выделить эмпирические, опытные и нестрогие закономерности. Типа демократия, как правило, порождает тиранию. Тирания, как правило, — олигархию и проч.

Вот МАТРИЦА, которую задал Аристотель на века.

В рамках этой матрицы и в рамках этого дискурса существуют тысячи проблем на миллионы докторских диссертаций.

Например:

1) виды монархий и тираний (конституционные, абсолютные и проч., прописывание критериев каждого вида);

2) виды аристократий (онтократии, теократии, тимократии, меритократии, медиакратии, плутократии, клептократии, нетократии, креократии и проч. и прописывание критериев каждого вида);

3) виды республик и демократий (охлократии и проч. и прописывание критериев);

4) споры по поводу всех этих критериев здоровых и испорченных форм;

5) интерпретация огромного политического опыта через призму этих критериев и этих понятий;

6) вопросы перехода одних форм правления в другие;

7) достоинства и недостатки каждой формы в принципе и применительно к разным условиям, народам и историческим обстановкам...

Работы тут на десятки поколений ученых.

Надо ли удивляться, что за время работы этих поколений ученых корни теории были утеряны, все формы правления и их критерии тысячу раз перепутались (тирания стала в римском переводе диктатурой, демократия стала, например, синонимом республики и вообще получила со временем позитивное толкование и т.д.) и в политической риторике уже со времен Рима и до сих пор (!!!) все свелось к банальному противопоставлению демократии и диктатуры!

Но то политическая риторика. Внутри же политической мысли шли процессы кристаллизации парадигм.

Три традиции

Но нужно выделить ТРИ крупных традиции, со своим лицом, которые стали конкурировать в политической науке.

Первая традиция

Она утверждает, что все представления о демократиях или олигархиях — иллюзия. Что реально власть принадлежит всегда одному и только одному. У всякого стада есть вожак или пастух, и он всегда один. У всякой армии или компании всегда один руководитель, везде принцип единоначалия. Если даже по видимости правит группа, то в ней всегда есть тот, кто ведет, тот, за кем ПОСЛЕДНЕЕ и решающее слово. Даже в Англии за не имеющей никаких прав королевой есть право подписи: то есть содержание закона готовит не она, но закон недействителен, если нет ее подписи. И королева этим пользовалась. Но это формальности. Реально же надо понимать: никогда никакая великая мысль не придет в голову десятерым, ее рождает один, так же как «народные песни» придуманы кем-то, а не народом. Так же как волю и характер проявляет лидер, герой, святой, а вокруг него что-то начинает вертеться.

Примеры такого мышления можно подбирать, начиная уже с Гомера и Гераклита, но наиболее ярко эта традиция представлена в творчестве романтиков с их учени-

ем о «гении». И конечно же, у Карлейля с его учением о «героях». У неогегельянцев, у анархиста Штирнера, а потом — Ницше с их культами личности, противостоящей толпе. У традиционалистов, в «Майн кампф» Гитлера, которые развивают доктрину «фюрерства», теории К. Шмидта, Батая и другие теории «суверенности».

В рамках этой традиции есть куст проблематических моментов еще на тысячи докторских диссертаций: определения фюрера, вождя, его критерии, его личные и сверхличностные качества, сознательные и бессознательные качества, генезис великой личности, биографии и сходные условия формирования, судьбы и трагизм существования, техники господства и влияния, непонимание гения толпой, отсроченное влияние и т.д. и т.п.

Вторая традиция

Всегда прелят НЕКОТОРЫЕ, меньшинство. Это соль земли, у них есть свободное время, деньги, власть и слава, различные по типу ресурсы, потому что один никогда все ресурсы не объединит и ему нужны держатели других ресурсов. Выходит, надо договариваться, а значит, уже возникает группа.

Все монашеские ордена, масонские ложи, заговоры и прочие исходили из теории «правлящего меньшинства». Но к этой же традиции надо отнести не только эзотерические доктрины тайной власти, но и вполне публичные теории типа теории «партий», которые нужны в демократическом обществе как выразители и представители интересов, как команды.

Сюда же относится и классовый подход К. Маркса, у которого и политика, и мораль, и законы есть лишь «выражение интересов господствующего класса». А следовательно, все марксисты в их вариациях (Лукач, Грамши, франкфуртцы и проч.), разделяющие классовый подход, но предлагающие каждый раз нового гегемона (сейчас, например, предлагают такие классы как нетократия и креакратия), тоже относятся к этой традиции. Сюда же мы отнесем все теории элит в их различных модификаци-

ях. Это и Михельс, и Моске, и Парето, и многие другие, кто вплоть до сегодняшнего дня предпочитает говорить об олигархиях, аристократиях и элитах разных видов.

Здесь тоже возможны тысячи докторских диссертаций по темам: виды правящих меньшинств, условия их формирования, критерии отнесения к элите, механизмы ротации элит, исторические смены гегемонов, приемы удержания власти и манипуляции, механизмы «спаек» и заговоров и проч.

Третья традиция

Все разговоры о том, что миром правят лидеры или некие меньшинства — ерунда, а есть только масса, или народ (в зависимости от степени пиетета). Следовательно, и монструозные категории: «народный дух» или «дух времени», «народный менталитет», «массовое сознание», «инстинкт толпы», «тренд истории», «специфика культуры» и проч.

Аргументы просты: какими бы личности и аристократы ни были великими и ужасными, они правят только пока им дает народ. Так что народ — последняя инстанция. Хотят или не хотят, они **ВЫНУЖДЕНЫ** либо вести народ за собой и служить ему, либо обманывать и заигрывать с народом. То есть в любом случае они если и не пляшут под его дудку, то считаются с ним, объясняют ему свои действия, истинно или ложно. Великие личности к тому же велики потому (как и элита), что чувствуют и отражают глубинные интенции народа иногда даже лучше, чем сам народ, выражают его исторические миссии, дух и менталитет.

В этой традиции много мыслителей эпохи Просвещения (типа Руссо), часть романтиков и марксистов. Здесь же Вундт, Тард, Лебон, Московичи и Канетти — одним словом, разные социологи и живописатели психологии масс. А также просто наивные юристы, социологи, политологи, политики и просто граждане, которые, считают: «главное — народ и демократия». В рамках этой парадигмы тысячи докторских можно написать, изучая на-

родные менталитеты, дух и культуру, историю народов, психологию массового сознания и поведения и т.п.

Соответственно можно понять и каждый раз отдавать себе отчет, как меняется анализ исторических событий и их интерпретация в зависимости от того, к какой из тех огромных традиций принадлежит ученый-аналитик.

То есть одни всегда выискивают великих личностей и показывают, что без них бы все пошло иначе. Другие видят заговор или классовые интересы и процессы смены элит. Третьи анализируют исторические тенденции и задачи, менталитет народа, роль толпы. Причем и те, и другие, и третьи разоблачают все остальное как видимость.

А теперь помножьте все это на политическую ангажированность наблюдателей, неполноту и «своеколькольность» их информации, и представьте, сколько миллионов страниц, причем совершенно разных и не стыкующихся между собой, можно написать по поводу какого-нибудь даже невинного путча, не говоря уж про революцию.

Что со всем этим прикажете делать?

Политические мыслители здесь разделились на несколько лагерей.

Одни сознательно и мужественно выражают в своем творчестве одну из представленных парадигм и даже нарочно радикализируют ее.

Другие, в духе Аристотеля, пользуются для удобства то тем подходом, то другим, то третьим, в зависимости от объекта анализа, от процесса, от известных им фактов.

Но есть, как всегда, *третьи*, «мудрые пескари», которые считают, что истина где-то посередине, и надо де учитывать и то, и это, и третье, и «одно делать и в другом преуспевать». Они создают синтетические концепции двух родов. Первый род концепций идет от личности к народу и показывает, как идеи и поступки великих постепенно, через заражение немногих, овладевают массами, становятся менталитетом и исторической тенденцией. Другой род концепций, идя от народа

к личности, показывает, как менталитет и дух народа, отвечая на требования истории, постепенно создает «некоторых» (элиту, поколение и проч.), в чьей среде появляются уже и лидеры как выразители духа и исторической задачи.

Синтез

Следующий и, наверное, завершающий всю западную политическую мысль, этап связан с диалектикой Гегеля.

В логике вообще, говорит Гегель, смысл слова «единичность» познается только в отношении к «некоторости» и «множественности». Как и смысл «множественности» — только в отношении «единичности» и «некоторости». Одним словом, это не самостоятельные сущности, а единый феномен.

И следовательно, **ВСЕ СУЩЕСТВУЕТ ОДНОВРЕМЕННО.**

Получается, каждое государство есть одновременно монархия, аристократия и республика. Если же оно испорчено, то оно одновременно тирания, олигархия и демократия.

Как так? А так!

В каждом государстве есть «власть одного», будь он царь, фараон, президент, аятолла, фюрер, английская королева или генсек.

Так же в каждом государстве всегда есть «власть некоторых»: будь то правительство бюрократов, консенсус внутри некоего класса или банда заговорщиков, где распределены роли финансиста, силовика и пропагандиста и проч.

В каждом государстве есть «власть множества», то есть власть непосредственно толпы, майдана или парламента (во всех его видах), сейма, генеральных штатов, вече, ежедневных рейтингов социологических служб и проч.

Каждый из трех моментов может по-разному быть оформлен, каждый может быть в том или ином случае гипертрофирован, но каждый элемент есть всегда.

По Гегелю, из этого и надо исходить. Раз они друг без друга не могут обойтись и являются единым феноменом, то обречены прийти к балансу и гармонии. Исходить из того, что это самостоятельные сущности, борющиеся между собой и требующие «сдержек и противовесов» — изначально неправильно. Просто все должны прекратить тянуть одеяло на себя, перестать распространять амбиции за пределы своей области и должны довольствоваться тем, что им принадлежит по праву и признавать важность других.

А именно: не надо настаивать всяким демократам на парламентаризме и гражданском обществе везде и во всем. Не надо всяким консерваторам и монархистам настаивать на единоначалии и упорядочивать все общество в пирамиду. И так далее.

Гипертрофированный демократизм так же опасен, как гипертрофированная диктатура и проч. Именно там, где принципы «единичности», «особенности» и «всеобщности» не исходят из гармонии и единства, а борются между собой, громоздя «сдержки и противовесы», там и есть максимальная форма испорченного государства.

Испорченное государство не являет собой гипертрофию одного принципа (такого и быть не может, ведь все три момента есть всегда). Нет, в испорченном государстве одновременно властвуют грубые инстинкты толпы, при этом же крутят и мутят воду олигархи, заговорщики и прочие «позадисты», и там всегда есть произвол какого-нибудь лидера, калифа на час.

И все это одновременно.

Возьмите Россию 1990-х, как типично «испорченное государство». Было ли оно чистой демократией? Чистой олигархией? Чистой диктатурой?

Оно было и тем, и другим, и третьим одновременно!

Волонтаризм и стрельба из танков по Верховному Совету от Ельцина сочетались с манипуляционными выборами, бунтами, демонстрациями народа, с коррупцией олигархии и правительства, которые пытались манипулировать и народом, и Ельциным.

Различие нынешней России с Россией 1990-х не в том, что стало меньше или больше демократии, или меньше и больше диктатуры, или меньше и больше олигархии, а в том, что стало меньше раздора и соревновательности между всеми названными, а больше консенсуса и единства. Каждый постепенно начинает осознавать свое место, свои права и обязанности, свою роль.

Принцип «единовластия» остался. Но ельцинский капризный, харизматичный волюнтаризм заменился мягким путинским авторитаризмом.

Принцип «особенности» остался, но соревновательная олигархия сменилась консенсусной. И правительство стало подумывать о народе, а не только считать, что власть — это продолжение собственности, и собственники стали понимать, что деньги и прибыли — это хорошо, но политика и народные интересы — совершенно другое дело.

Принцип народовластия тоже остался, но от уличной демократии перешел в более цивилизованные формы, создал систему опосредований через партии и проч.

Народ уже не ненавидит богатых и власть, еще не любит, но уже придерживается принципа лояльности. Все лояльны всем. Путин лоялен народу и бизнесу, бизнес лоялен Путину и народу, народ — Путину и бизнесу.

Этот консенсус хрупкий и гораздо ближе к конфликтному положению 1990-х, чем к идеальному состоянию, когда монарх, которым все гордятся, символически демонстративно подписывает все указы, подготовленные честным и компетентным правительством, а парламент, состоящий из искренних представителей разных групп населения, спорит, но приходит к консенсусу и издает законы, нужные всем.

Можно спорить о том, как сделать, чтобы все было гармонично, и никто не лез на чужую территорию. Из гегелевской теории можно почерпнуть разные мудрые советы на этот счет. Но лучше иллюстрировать систему Гегеля через теорию Вебера, она привычнее нашим политологам.

Вебер исследовал источники власти (кто и почему над кем-то властвует) и установил, что:

А) кто-либо властвует просто по традиции, и подчиняются ему по привычке;

Б) в силу компетенции и профессионализма и некой неравновесности в ресурсах, то есть то, что можно рационально увидеть (тот, кому я подчиняюсь, — опытнее, сильнее, умнее, а значит, я иду за ним);

В) либо по причине безотчетных факторов, то есть в силу того, что можно назвать харизмой (вот есть она — и все, вот слушаюсь я и все тут, я не сознаю источника, которому подчиняюсь, потому что отдаю ему свою субъектность, видимо, на том основании, что эта субъектность превосходит мою, похищает ее, она выражает и представляет меня лучше, чем я сам себя, тогда зачем я сам себе, зачем умножать сущности?).

Так вот, возвращаясь к Гегелю, тут надо сказать, что все три ветви власти и должны, не пересекаясь, формироваться по разному принципу!!!

Власть одного — монарха — через традицию, через наследование. Подобно роду, флагу и гербу, чем древнее и традиционнее — тем больше уважения.

Правительство должно формироваться благодаря рационально-постижимым понятиям: компетентность, опыт и честность. И эти рационально-постижимые критерии должны быть measurable, четко прописаны и прозрачны. Чиновник идет вверх через карьеру: чем честнее, умнее, эффективнее, энергичнее, опытнее — тем выше пост.

Парламент и представительная власть формируются через выборы. Чем харизматичнее, чем лучше умеет представлять и выражать интересы народа или отдельной частной группы некий кандидат — тем скорее он будет избран представителем этой группы.

После Гегеля попыток революционизировать политическую мысль не предпринималось. Утверждение, что синтез, предложенный Гегелем, — последнее достижение всей истории мировой политологической мысли, дано не

потому, что я очень уж симпатизирую Гегелю. Радостно было бы, если бы за 175 лет после его смерти появилось бы что-то поинтереснее в этом плане, но, к сожалению, величие Гегеля держится именно на том, что все остальные оказались малы. То есть они не стали придумывать новые синтезы, новые способы решения проблемы, а просто вернулись к догегелевским представлениям, к тем самым трем традициям. И стали доказывать, что каждая из них лучше, чем две другие. Точнее, конечно, каждый мнил себя революционером, но реально все возвращались к какой-то из трех выросших из Аристотеля традиций, которые Гегель уже синтезировал в себе. Так, Маркс реанимировал и углубил подход, согласно которому правят некоторые, то есть классы. Фашизм потом реанимировал теории героев и фюреров. Либеральная традиция упирала на ценности просвещения, «власть народа», то бишь, демократию. Конечно, масса ученых эклектично пользовалась то тем то другим, но в целом никто не придумал ничего иного, что было описано нами выше, еще до гегелевского синтеза.

Поэтому, возвращаясь к России, и отвечая на вопрос, что вся мировая традиция политической науки, коей уже более двух тысяч лет, может посоветовать России в ее ситуации, надо ответить:

1) Нам нужно восстановление монархии, причем сознательное, помпезное, замешанное на традиции, на чувстве глубокого патриотизма, знании истории и гордости за нее.

2) Нам нужна «вертикаль власти» на основе хорошего, прозрачного закона о государственной службе, который бы выстроил «великую китайскую стену» между службой и бизнесом, который бы продвигал честных и эффективных и отсекал коррупционеров и некомпетентных. Закон, который бы формировал вертикаль на основе принципа карьерности и чести, чтобы не мог школьный друг премьер-министра стать вице-премьером, не побывав предварительно главой района, губернатором, полномочным представителем и проч. и не показав на

всех этих должностях конкретных успехов и служебного рвения.

3) И, наконец, выборность представительной ветви власти везде и всюду максимально свободная. Максимальное и свободное развитие всех институтов гражданского общества, мировых судов, судов присяжных, самоуправления. Минимальное администрирование и налогообложение бизнеса, причем, чем он меньше, тем меньше и администрирование и налоги.

Не много. Но и не мало. Большинство российских представителей, как политики, так и политологии даже до понимания этого не дотягивает. Так, например, у нас демократы и монархисты считают друг друга сумасшедшими и за один стол не сядут, тогда как в правильном государстве демократы и монархисты — это одни и те же люди, которые искреннее не понимают, как одно может противоречить другому, в то время как они прекрасно друг друга дополняют.

По ком звонит колокол?

Тот, кто думает, что, когда мы говорим об идеальном государстве, мы противопоставляем некий недостижимый «пустой идеал» конкретной жизни, тот жестоко ошибается. Идеал — это не то, что «не существует в действительности» и к чему якобы нужно (или не нужно) стремиться. Нет. Если мы, например, признаем, что «идея человека» вообще в том, что он есть «разумный, двуногий и двурукий организм», то, наличие контуженных, потерявших руку и ногу на войне или под трамваем инвалидов ничуть не опровергает «идею человека». Я же никогда не скажу, глядя на большое количество инвалидов, что «практика выше теории, что надо переосмыслить определение человека в связи с тем, что практика нам доказывает, что люди бывают и одноногими, и однорукими и безумными, а практика — критерий истины...». Такое преклонение перед практикой будет сочтено сущим бредом. Наоборот, на практике мы видим, что тот, кто потерял ногу, заводит себе протез, а тот, кто был контужен,

вырабатывает компенсаторные механизмы для ясного рассудка.

В политике так же. Хотя того государства или нет, знают об этом или нет, но они уже есть единство монархического, аристократического и республиканского принципов. Там, где они этого не знают, там, где нет соответствующего закона, там вопреки закону возникают протезирующие, компенсаторные явления. Ну, например, есть государства, которые не считаются монархиями по закону, и у них закреплён не принцип наследственности для первого лица, а принцип выборности (как калька с принципа для «всеобщности») или принцип «карьерности», (как калька с принципа для «особенности»). Но реально мы видим, что все равно, будь то президент, будь то генеральный секретарь, выполняют, скорее, функции символичные, функции монархические, функции «ставящих последнюю подпись», функции «отцов народов». Или есть такой оригинал, кто считает, что президент, например, США это больше, чем символ, что в процессе выборов там реально выбирают самого умного, волевого, достойного? Тяготение к наследственной передаче власти есть не только в Южных Кореях и Азербайджанах, но и в... США, где практически через раз Буш-старшего сменил Буш-младший, а Клинтон чуть не назначил свою жену... Все государства-уроды, то есть те, кто доводит себя до идеала не через правосознание и проявление права в законах, а через незаконное протезирование, в перспективе менее жизнеспособны. Да, голем может вырасти большой (уроды часто именно гипертрофированны и нечеловечески сильны), но внутренний порок, гнилой фундамент не позволит развиваться дальше. Несмотря на успехи СССР в 1930-е годы, в войну и после войны, гегельянцам (например, Ивану Ильину) всегда было очевидно, что государство умрет в силу внутренних пороков и накапливающихся противоречий, процессов систематического разложения, производства внутри себя компенсаторных процессов, которые его убивают. Внешнее воздействие могло лишь ускорить это. Так же

очевидно, что умрут и США, несмотря на их видимые успехи в XX веке. Они всегда жили в тепличных условиях, но мир глобализуется, а внутренние противоречия, вызванные глубинными пороками системы, которые не изменить (представить, что США добровольно, например, перейдут к монархии невозможно, а это только одна из проблем...) будут наносить удары, пока Америка не рухнет еще более безобразно, чем СССР. То же ждет и Китай, кстати.

А в роли смертельных вирусов, могильных червей, жуков и саранчи выступают свободные радикалы (террористы, оффшорные бизнесмены, криминал, вольные анархисты, просто беженцы из «неудавшихся государств», ищущие лучшей доли, космополиты и вечные диссиденты). Они есть продукты распада и гниения прежде рухнувших государств. Поэтому на самом деле если государство хочет выжить, оно должно заботиться не только о своей внутренней идеальности и здоровье, но и о здоровье и идеальности соседей и вообще всех. Потому что трупный яд поверженного врага может случайно попасть в собственную рану.. Смерть государства приводит к тому, что никто не гарантирует собственность, а это делает невозможными инвестиции и капитализацию, останавливает экономический рост. Поэтому ТНК, которые сейчас борются с государствами, в конце концов роют могилу и себе. Они рубят сук, на котором сидят. Но сейчас их интересует прибыль.

Три мировые войны в XX веке привели к множеству огромных разлагающихся государств-трупов и такому же количеству раненых государств-инвалидов. Вся эта гниль и мерзость, продукты распада заражают своей «идеологией черни», идеологией антигосударственности, идеологией конфликтности все остатки здоровой государственной нравственности, идет регресс правового самосознания. Идет везде. Носители нигилизма, гангрена всеобщей коррупции, проникают всюду. Наиболее не защищены как раз те, у кого не было

прививки. Так, например, Европа, внешне более здорова, чем Россия, но с гораздо более слабым иммунитетом. Гибель СССР, бомбежки Югославии, разорение колоний, постоянная политика «разделения и властвования» по отношению к арабам и новые вторжения, все это отразится, прежде всего, на Европе. Уже отражается. Очень вероятно, лет через 20 никакой Европы уже и не будет. Но это, в свою очередь, опять ударит по нам. Ударит по всем, как и гибель США, и гибель Китая, гибель кого угодно. По ком звонит колокол? И по тебе тоже.

Распад мировой системы, превращение ее в кишасую гниющую массу, в толпы кочевников, дело ближайшего XXI столетия. Но что вырастет на этом кладбище?

Политика умерла! Да здравствует поэзия?

Совершенно очевидно, что советы строить сейчас монархию и некоррупционную вертикаль власти могут лишь отсрочить неминуемую гибель, попытки кого-то «не пускать» — безнадежны, попытки воевать с другими (как делают США) — это логика «умри ты сегодня, а я завтра», потому что погибший враг тащит в могилу и тебя.

Радикальный фронт государственников против свободных радикалов мог бы, возможно, изменить расклад сил и судьбу мира. Но это потребовало бы серьезного изменения мышления.

Во-первых, лидеры государств должны были бы перестать бороться между собой, прекратить геополитическую возню, выгнать поганой метлой из советников всех игроков на «мировой шахматной доске» и любителей устраивать кризисы.

За один стол должны сесть и Буш, и Ким Чен Ир, и Блэр, и Лукашенко, и Путин, и Ху Дзяньтао. Соответственно, всеобщему нападению этих севших за единый стол государственников, должны были бы подвергнуться не только Бен Ладен и Басаев, не только Березовский и Закаев, но и Сорос с Кеннетом Дартом. Должен быть

нанесен совместный удар по терроризму, наркомафии, преступности, оффшорному транснациональному бизнесу и тому подобное.

Это, однако, выглядит как утопия. Но никто не мешает какому-то лидеру, например, президенту Путину, выступить на весь мир с идеей «нового мышления». Хотя ничего старее и консервативнее, чем это «новое мышление», пытающееся только отчаянно тормозить по пути в пропасть, — нет.

Все, что делается в политике и что говорится о ней, базируется на том фундаменте, который изначально был заложен в греческой науке и уже более 2000 лет назад доведен до совершенной логической ясности. Слово «политика» происходит от слова «полис», город-государство, некое множество. Поэтому теории политики, родившиеся в греческом мире городов-государств, в конце концов, могут привести только к тому миру, из которого они родились. Как во «Властелине колец»: кольцо не просто инструмент, оно всегда тянется к своему хозяину, так и политология не есть независимая не от чего наука, она превращает мир в то, откуда она сама вышла, в множество мелких полисов, в то, что можно назвать «феодальной раздробленностью» с ее бесконечными войнами.

Если не желаем миру такой судьбы, если мы желаем хотя бы, чтобы после ее осуществления, если ее суждено претерпеть, на кладбище все-таки что-то выросло, а не возникла ядерная пустыня, мы должны уже сейчас думать о новом фундаменте, о новых возможностях, об абсолютно новой категориальной сетке политической мысли.

Нужно совершенно отказаться от перегной таких понятий как «власть», «диктатура», «демократия», «левые», «правые», «консерватизм», «либерализм»... Все это принадлежит прошлому и вместе с ним уйдет. Надо, однако, не просто начинать с «чистого листа». Надо покопать неиспользованные возможности, как истории, так и мышления. И иметь в виду опыт всей многотысячелетней истории и политического мышления, который заканчивается столь трагично.

В каком направлении искать? Банальность и скудность советов, которые можно вытащить из мировой политической мысли, однако, не может не настораживать. Советы, которые даны выше, можно дать всегда и везде, а значит, они неприменимы... никогда и нигде. Ну, представьте, что в 1933 году мы бы посоветовали Сталину вводить монархию или развивать гражданское общество... Дело не в том, что он бы не воспринял это по политическим и идеологическим соображениям. Не воспринял бы — и правильно бы сделал. Он занимался в тот момент другим, решал другую историческую задачу, а именно готовился к мировой войне, неизбежность которой была понятна уже в 1929 году. Отсюда и коллективизации, индустриализации и другие дела Сталина. И если бы они шли хоть чуть-чуть медленнее, то война, очевидно, была бы проиграна, это знает любой, кто действительно всерьез изучал военную историю этой войны. Сталин обладал историческим мышлением.

Политическая мысль, вышедшая из метафизики, — неисторична. Именно неисторична, а не просто неистинна или абстрактна. Констатации политологии истинны, но это мертвые истины. Какой должна была быть наука, которая не мыслила бы в понятиях (так как понятия есть концепты по определению над-эмпирические, над-временные)? Такая наука перестала бы быть наукой, как чем-то отдельным от практики. Такая политическая практика не просто приближалась бы к живой речи, которая исторична, которая есть «здесь и сейчас», которая моментальна, событийна, мгновенна, она должна была бы стать поэзией. Поэзией должны быть и поступки, сама политика (недаром среди радикалов популярен именно ислам с его пророком-поэтом-воином Магомедом).

Есть интересный пример и у нас. Мне довелось побывать в город Кобрине, бывшем поместье Александра Васильевича Суворова — нашего непобедимого полководца. Там мне попались на глаза страницы его книги «Наука побеждать». Ощущение передать очень трудно, но попробую. Может быть, кто-то знает детскую счи-

талку: «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы... ехал поезд за-
поздалый... из последнего окошка вдруг просыпался
горошек...» и так далее. Эта считалка мнемотехника, ко-
торая используется для массажа: рельсы обозначают про-
дольные движения рук по спине, шпалы — поперечные
и так далее, каждое слово приурочено к конкретному
движению или жесту... Большая книга Суворова — то на-
бор именно таких мнемотехнических стихов, поговорок,
скороговорок, составленных на народном языке, поэ-
тичном, частушечном, понятном неграмотному крестья-
нину, а именно из крестьян и состояла армия. Все скоро-
говорки работают в реальном времени. То есть различие
между теорией и практикой стерто напрочь. Солдат, во-
оруженный этой наукой побеждать, произнося про себя
легкие скороговорки, колет, рубит, режет, совершает ма-
невры, как автомат, не дожидаясь команд сверху. Именно
поэтому суворовская армия славилась маневренностью,
организованностью, быстротой. Мы не создали никаких
военных теорий, как Клаузевиц и Шлиффен, зато по-
беждали всех немецких теоретиков. Как говорил Суво-
ров: «русские прусских завсегда бивали». В то же время,
сочинение Суворова крайне исторично, оно почти не-
применимо за пределами армии того времени, разве что
несколько афоризмов и уроков.

Однако это не означает, что мы просто должны на-
слаждаться этой книгой, как историческим и поэтиче-
ским памятником, на самом деле такие же точно акту-
альные поэтические вещи должны твориться в каждое
время. Спасения надо ждать от поэтов.

И дело не в том, что «мир спасет красота», которая
вдруг заставит всех свободных радикалов, коррумпиро-
ванных чиновников, стремящихся к прибыли игроков на
биржах и правовых нигилистов замороженно смотреть на
политических вождей и понимать, что надо бросать де-
структивные действия и идти за ними, как крысы идут за
дудочкой...

Нет. Идушую «войну всех против всех» может закон-
чить только мир. А миры подготавливают поэты и мыс-

лители. Ни политика, ни экономика, ни наука и техника не способны спасти мир, катящийся в пропасть. Ницше говорил, что миром все становится только «вокруг Бога». О «Последнем Боге», который «только и может нас спасти», говорил в своих завещательных текстах и последний великий философ Запада М. Хайдеггер. Что может означать на практике для политиков необходимость готовиться к встрече с Последним Богом? Только ли принятие во внимание возможности Страшного Суда при осуществлении политических решений? Нет. Это хоть и не помешает, но вряд ли сумеет стать примером для свободных радикалов и восстановить уже расколотый мир. Новый мир явится, если Бог явит себя всем и каждому. Но возможно, для того, чтобы Он явил себя, требуется место Его явления, человечество должно быть готово его увидеть. М. Хайдеггер: *«Последний Бог это не конец, а другое начало неизмеримых возможностей нашей истории.* Ради него прежняя история может не кончаться, а должна быть приведена к своему концу. Мы должны прояснение ее сущностных основопозиций поместить в переход и готовность... Последний Бог это начало самой долгой истории в ее самом прямом пути. Длительная подготовка нужна для великого мгновения его мимо-прохождения. И для подготовки его народы и государства слишком ограничены, т.е. они уже слишком оторваны от всякого роста и слишком уж подвержены махинации...». В этом греческом слове «махинация» звучит и «манипуляция», и «мошеничество», и «машина», и «механика». Хайдеггер, как всегда, избрал многоговорящий корень. Феномен, который он имеет в виду, нуждается в пояснении. Подготовка к встрече с Последним Богом есть подготовка пространства, пространство создается неким «Между». «Между» есть как пан или пропал, как две стороны острия лезвия. Подобно тому, как героем можно стать только в случае реальной опасности (при гарантированном спасении и победе о героизме говорить не приходится), так же и поймать намек, указующий взмах Последнего Бога можно только в условиях риска его пропустить, только на фоне возможности

отказа в Боге. Тот, кто хочет гарантий, не получает ничего, кто хочет великого — должен рисковать, подвергаясь риску проиграть. Великое не было бы великим, если бы давалось просто и с гарантией. Губительно пытаться идти по проторенным путям, подражать кому-то или самому себе, боясь сделать неправильно, искать своего и мошенничать, труситься и перестраховываться, искать гарантий и выгадывать, превращать управление в «машину», в подобие «механизма».

Введение себя в риск навстречу событию, щедрое раздаривание и мужественная решимость идти в неизвестность, за «поворот»... вот что дарит надежду: «Что он нам несет, новый поворот? И не разберешь, пока не повернешь».

«НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ» ПОЗДНЕГО ХАЙДЕГГЕРА¹

Еще Гегель в предисловии к «Феноменологии духа» отмечал двусмысленное положение, в котором оказывается автор любого предисловия. Что можно сказать о книге такого, чего не скажет лучше сама книга? Что можно сказать лучше об авторе, что лучше не скажет сам автор? Начало какого-либо мыслительного предприятия всегда поверхностно и пусто, а результаты, взятые в отрыве от самого пути их достижения, часто бездоказательны. Поэтому никакие предисловия и «резюме» не заменят чтение самого текста...

Но кто сказал, что они должны его заменять?

Миссию предисловия надо видеть в том, чтобы вызвать у потенциального читателя интерес к дальнейшему чтению. Предисловие — это, если хотите, хорошая реклама, это интрига, манящая загадка, некая провокация, вызов читателю и его устоявшимся взглядам. Если так, презентация книги Мартина Хайдеггера «Что зовется мышлением?» могла бы начаться следующими словами:

¹ Предисловие к книге М. Хайдеггера «Что зовется мышлением?».

вы держите в своих руках уникальную книгу. Это последняя изданная при жизни книга последнего великого философа Запада и, возможно, первого философа «нового начала» нашей истории. Здесь все противоречит привычным представлениям: кем доказано, что Хайдеггер величайший мыслитель? Не частное ли это мнение автора предисловия и почему мы должны этому верить? Но даже если Хайдеггер и великий мыслитель, то почему последний? Были и после него, будут и еще... Сколько мы видели разных глашатаев «конца истории»? И что? Их нет, а история идет... Наконец, что это за странная фраза о «новом начале» нашей истории? Если уж что-то началось, то его нельзя начать еще раз, начало всегда одно... И так далее. Скептическим возражениям нет числа.

И тем не менее, дальнейший ход предисловия будет попыткой доказать исходный тезис. Если это хоть в какой-то мере удастся, значит, поставленная цель — заинтриговать читателя и побудить его прочитать книгу — будет достигнута.

Начнем с формальных «количественных показателей». Даже те, кто слышат имя М. Хайдеггера в первый раз и склонны со скепсисом относиться ко всем заявлениям о чьем-либо «величии», удивятся по крайней мере двум обстоятельствам.

Во-первых, Хайдеггер — автор 100 томов сочинений, причем эти тома наполнены не популярными злободневными статьями, не беллетристикой, а сложнейшими скрупулезными, на нескольких языках комментариями к текстам великих философов и поэтов.

Во-вторых, количество комментариев и материалов в мире, посвященных самому Хайдеггеру, больше, чем количество материалов, посвященных любому другому философу в истории человечества, несмотря на то, что Хайдеггер умер всего 30 лет назад, а например, о Фалесе или Лао Цзы пишут уже почти 3000 лет.

Влияние Хайдеггера на философию и культуру XX века огромно, и оно все возрастает. Сам Хайдеггер предсказал эту ситуацию и прогнозировал пик популярности и на-

чало подлинного понимания проблем, которые он ставил, не раньше, чем в ближайшие 300 лет¹. Именно тогда угаснут импульсы, которые были приданы культуре и истории мышлением Гегеля, Маркса, Ницше. Сейчас мы живем в мире, «созданном и понятом» этими тремя великими философами. И хотя влияние Хайдеггера огромно, настоящее «время Хайдеггера» еще не наступило. Сейчас его вписывают в рамки Гегеля, Маркса и Ницше, тогда как настоящее понимание будет, если трех последних будут понимать из Хайдеггера. И он сознавал и подчеркивал свою несвоевременность. Книгу же, которую вы держите в своих руках, постигла злая судьба. Ее выход в свет, в отличие от ранних хайдеггеровских работ, заметили только те, кто уже испытал влияние Хайдеггера, но не широкая публика. Конечно, «Что зовется мышлением?» — не последнее творение гениального философа, но это последняя книга, которая вышла при его жизни. Таким образом, мы имеем дело со своего рода «завещанием»². Но прежде чем переходить к содержанию «завещания», передачи «дела жизни», стоит коротко остановиться на самой жизни, на биографии.

Энциклопедии и словари подают биографию философа Мартина Хайдеггера довольно скандально. По сути ее сводят только к тем трем месяцам, когда Хайдеггер занимал пост ректора Фрайбургского университета. Это было в момент прихода к власти фашистов. Отсюда и скандал. Но если рассматривать биографию в целом, то окажется, что по большому счету она не содержит ничего примечательного, экстравагантного и эпатажного. В отличие от биографий всевозможных звезд и культурных персо-

¹ В интервью журналу «Шпигель».

² Если быть более точным, то завещанием Хайдеггера являются его философские дневники «К делу философии. Из события», написанные в 1930-х годах, которые он попросил опубликовать в последнем томе своих сочинений. Они были опубликованы душеприказчиками раньше. Их изучение позволяет видеть, что многие намеченные раньше мотивы развиваются в книге «Что зовется мышлением?».

нажей, которые то получают премии, то отказываются от них, то конфликтуют с властью, то служат ей, то сидят в тюрьме, то хулиганят на воле... Ничего сократовского, диогеновского, есенинского, сартровского, казанововского, пастернаковского или фуковского в биографии Хайдеггера нет.

В то же время тот, кто не утратил способность удивляться, найдет, что именно эта непримечательность в наше бурное время и необычна. Футуролог Брайн Ино предсказывал, что в далеком будущем журналисты будут специально выискивать неэкстравагантных людей, поскольку экстравагантность станет нормой, а значит, будет скучна. Хайдеггер как раз тот случай — случай необычной обычности. Он и в этом смысле — человек будущего.

Мартин Хайдеггер родился в 1889 году в одном из самых живописных уголков Земли, в провинциальном городке Мескирх, недалеко от Боденского озера и истоков Дуная, у отрогов Альп, окруженных величавым Шварцвальдским лесом, в семье церковного причетника. Всю жизнь Хайдеггер хранит любовь к родным местам. Лишь несколько раз, и то по настоятельной просьбе друзей, он побывает за границей. Только отсутствие в Мескирхе каких-либо образовательных учреждений и работы заставит его учиться в Констанце, Фрайбурге, преподавать в том же Фрайбурге и Марбурге, выезжать с лекциями... Но он решительно отклонит несколько предложений работать в Берлине, что было равнозначно отказу от трона «короля мировой философии».

Хайдеггер собственными руками построил в горах небольшой домик и прятался там от мира при каждом удобном случае. Обладая мировой известностью, он с большой неохотой дал всего лишь два интервью журналам, и одно из них разрешил публиковать только после смерти. Вряд ли можно найти человека, который бы столь настойчиво избегал славы и популярности. Он стал одним из первых эскапистов в XX веке и всегда

будет ассоциироваться не с нацистской кафедрой, а со старой скамейкой возле могучего дуба в своем родном городишке.

В Мескирхе Хайдеггер и умер и был похоронен в 1976 году в возрасте 87 лет... До сих пор местные жители не понимают, почему к ним периодически приезжают чудаковатые поклонники и странные профессора. Если бы не необходимость принимать их, они бы даже не сделали ни памятной доски, ни небольшого музейчика. В их памяти остался брат Мартина — Фриц, который был примечателен хотя бы тем, что заикался...

Глубочайшая провинциальность этих мест всю жизнь сквозила и из самого Хайдеггера, которого первокурсники или случайные посетители университета, где он преподавал, принимали за истопника. Он думал, писал и говорил как крестьянин, одевался чудно — как сельский «интеллигент», почтальон или учитель. И это тоже удивительно, ведь до него философия была тождественна «образованности», в ней видят даже пик, квинтэссенцию цивилизованности, культуры.

Лишь дважды Хайдеггер изменил себе, то есть пустился в авантюру. Один раз во время короткого любовного романа с тщеславной стервой — Ханной Арендт, другой раз — когда принял предложение стать ректором Фрайбургского университета от нацистов. В обоих случаях неприятности в виде молвы, интриг, непонимания, а главное, недостижение поставленных целей убедили Хайдеггера в том, в чем он был убежден и раньше: публичность есть неподлинность.

Он извлек урок из этих ошибок. В начале 1930-х годов происходит так называемый «поворот», после которого Хайдеггер в течение 40 лет, до самой смерти, ведет самый уединенный образ жизни. Внешних событий практически нет, зато есть напряженный духовный путь, результатом которого стали тома лекций, семинаров, интерпретаций, философских дневников. Именно они, а не «события биографии», составляют то, что нужно называть «жизнью».

Кто-то, романтически настроенный, скажет: что может знать о жизни, о мире, о вселенной человек, который и «не жил полной жизнью», кто видел мир из своего угла, кто чахнул над книгами? В ответ хочется привести в пример двух непохожих современников: Жан-Жака Руссо и Джакомо Казанову. Первый так же был отшельником, изучающим книги и живущим перепиской нот. Вторым был отпетым авантюристом. Он соблазнил сотни женщин, общался с королями и прочей знатью, вершил европейскую дипломатию, стрелялся на дуэлях, сбегал из тюрем, затевал аферы с лотереями, философским камнем, масонами, играл в театре, писал стихи, изобретал технические новинки... Он написал «Историю своей жизни» и фантастический роман «Икосамерон» — творения, которые могли бы попасть в книгу рекордов Гиннеса как самые «скучные и затянутые». Их давно не читают, а если и издают, то в сокращенных вариантах. Многочисленные книги Руссо заложили основы педагогики и антропологии, языкознания и культурологи, политики и этики. Руссо зачитывалась и зачитывается культурная элита человечества вот уже несколько столетий, эти книги вдохновляли вождей Великой Французской и других революций, эти книги делали историю. Руссо, кроме того, стоял у истоков романтизма — движения, обожествляющего «живую жизнь». Так в ком больше «жизни»? Есть все основания полагать, что феномен жизни и мышления Хайдеггера еще более серьезен, если уж речь идет о конце старой и начале новой истории...

О чем же хочет поведать человечеству мыслитель в своей последней книге? На первый взгляд, речь идет об обсуждении сугубо философской, далекой и вечной проблемы «Что зовется мышлением?». Люди привыкли «не грузить» себя такими вопросами, все равно их не удастся разрешить, пусть уже этим философы занимаются, а остальных это напрямую не касается. Да и срочности никакой нет, тысячелетиями над этим думали, ничего страшного не случится, если усвоение человечеством со-

держания книги с таким названием произойдет еще через век — другой.

Рассуждение такого рода верно с точностью до наоборот. На самом деле Хайдеггер писал книгу актуальную, считал, что написанное в ней прямо касается всех и каждого, и главное, ее содержание есть критически важная, срочная весть, необходимая для спасения человечества от смерти¹.

Надо вспомнить, что время написания книги (а точнее, произнесения лекций, которые стали потом основанием для книги), 1951—1952 годы. Что это было за время? Если посмотреть на академическую философию, то для нее как будто ничего не произошло. В Англии продолжали обсуждать проблемы философии языка, в Америке ставили опыты психологи-бихевиористы, мечтающие управлять человеком, во Франции возникла мода на победивший во Второй мировой войне марксизм...

Но Хайдеггер верен завету, почерпнутому у Гуссерля: «Мышление должно отталкиваться от жизненных проблем, а не от теорий». В лучшем случае только некоторые философы, для кого не чуждо историческое измерение (как Адорно и Хоркхаймер) еще осмыслили итоги войны². Хайдеггер же следит за пришедшей в мир новой реальностью. Наступила эпоха, которой никогда прежде не было на Земле. Несколько лет назад создана атомная бомба, началась гонка вооружений. Впервые за всю историю возникла ситуация, когда человечество может уничтожить само себя, погибнуть и больше не возродиться! Как можно мимо этого пройти? Как можно пропустить

¹ В интервью журналу «Шпигель», опубликованному посмертно, Хайдеггер особо разворачивает тему возможной позорной кончины человечества. Он не видит путей исхода. Интервью названо «Только Бог еще может нас спасти».

² В письме Ж. Бофре, которое потом стало известным как «Письмо о гуманизме», Хайдеггер ставит марксизм выше всех философских учений современности, в том числе выше феноменологии Гуссерля, за то, что он чувствителен к историческому измерению

такой факт? Как можно об этом не думать? Ведь это уникальная ситуация, не сравнимая ни с чем.

Действительно, раньше в течение тысячелетий было так: возникали и гибли города и царства, народы и языки, культуры и религии. Но как таковые они принципиально не могли закончиться, ибо на место погибшего и побежденного приходил победитель, ибо если гибли цивилизации от чьей-то руки, значит, жила та разящая рука. История не смогла бы закончиться даже если бы кто-то захотел нарочно ее вершить, человечество было обречено на бессмертие. Теперь же ситуация принципиально иная: история в любой момент может закончиться, то есть будет так, что на место погибшего не придет никто — в ядерной войне нет победителя!

Пустыня отличается от разорения, потому что на месте разоренного места что-то вырастет, а на месте пустыни ничего уже нет и не будет, уничтожены все предпосылки роста. Диагноз человеческой истории и современности, поставленный Ницше: «Пустыня растет», Хайдеггер повторяет на протяжении лекций десятки раз. Он — лейтмотив, нерв всей первой части книги. О росте пустыни, как было сказано, глядя в будущее, уже писал Ницше, но впервые в послевоенную эпоху это вышло на поверхность — рост ядерных арсеналов, в любую секунду возможный обмен ядерными ударами и — конец истории¹.

Власть конца, тень заката, захода, Запада простерла свои крыла над человечеством. *Человечество из бессмертного стало смертным*. До сих пор считалось, что смертен отдельный человек и бессмертен человеческий род, во имя которого живет индивид. Теперь же все человечество живет на фоне возможности смерти. Это похоже как если бы мы шли по траве и вдруг обнаружили, что под нами бездна, болото. После этого нельзя идти так

¹ Для Ницше еще не были очевидны возможности ядерной войны, но он видел измельчание человеческого типа, грядущие войны, неподконтрольность науки, неспособность мелкого современного человека совладать с роком истории.

же бодро, надо упасть и взяться за руки. Но у отдельного человека есть голова на плечах, чтобы когда-то избежать смерти, а когда-то решаться на героическую смерть. У человечества же нет органов управления, все международные организации не наднациональны, а межнациональны. Никто ничего не контролирует на высшем уровне. Так может быть, контроль возможен на уровне клетки, на уровне отдельного человека? Это вопросы без ответа. В любом случае новая историческая ситуация требует новой логики, новой этики, новой политики, нового мышления¹.

Эти вопросы до сих пор толком не разрешены, и опасность так и висит над миром. Во всех сферах мировой культуры должен был произойти кардинальный переворот, который еще до конца не произошел, который отложен. Одно дело жить в мире, где человечеству ничего не грозит, и оно может позволить себе рассуждать о религии, науке, логике, искусстве *sub specie aeterni* с точки зрения вечности, как это было раньше, другое дело — жить в мире, где каждый шаг может обернуться трагедией. Это ходьба по минному полю, это предельная осторожность, это чувствительность к нюансам мышления, ситуации и времени. Где эта чувствительность? Какие политики или ученые, художники или религиозные деятели нам ее демонстрируют? Все как всегда, как во все века — игра амбиций.

Но когда же мы вступили на путь заката? Когда причастились смерти? Когда начался Запад? Безусловно, не вчера, когда изобрели атом или химическое, бактериологическое оружие. И вообще речь не идет о политике двух сверхдержав — они сами лишь заложники, послушные

¹ Кстати, «новое мышление» М. Горбачева начиналось с такой же постановки вопроса, только на 30 с лишним лет позже, и конечно же, оно не только не дало ответов на вопросы, но и не сумело их правильно поставить. Оно питалось уже искаженными и неподлинными импульсами, пришедшими от того же Хайдеггера через постмодернизм, неомарксизм, экологизм и прочие умонастроения второй половины XX века.

исполнители свершающейся судьбы... Но когда началась эта судьба?

Из произведений искусства мы знаем: есть стартовое роковое событие, которое предопределяет дальнейший ход повествования. А ведь произведение искусства — это просто очищенная от внешнего и случайного логика судьбы, жизни. Искусство есть сама чистота, сама истина, искусство просто отсекает лишнее. Поэтому когда в какой-нибудь «Ромео и Джульетте» на первой странице двое влюбленных, которым, по заведенному порядку, нельзя было видиться, встречаются взглядами, то мы знаем — это и есть **главное событие**, пересечение границы, с-лучай, в-стреча, со-бытие, которое предопределяет дальнейший ход сюжета. Все остальное лишь приложение, развитие логики, необходимость судьбы, которая тем суровее, чем больше ей сопротивляются герои.

Начало заката, начало Запада, начало смертного человечества тождественно началу техники и науки. Именно они, и мы видим это на примере атомной бомбы, кибернетики, психотронного, химического, биологического оружия, ставят человеческую историю между жизнью и смертью, бросают ее в риск выживания.

Кто-то может возмутиться: как можно считать науку и технику символом Запада и смерти? Разве не благодаря им побеждены болезни, холод и голод, жизнь становится комфортнее? Да, говорят оптимисты, есть проблемы с имеющейся возможностью использовать технику во зло, но это случайно, мы сможем не допустить этого...

Однако для Хайдеггера принципиальна сама возможность конца. Раньше история не могла закончиться, а сейчас может. Поэтому наука и техника — не нейтральные средства, они — принципиальный фактор изменения судьбы истории, ее переломный момент, ибо с момента возникновения Запада появился и Восток, то есть «до западное». Запад стал меркой всего предшествующего в истории, все стало видиться сквозь его призму, а значит, неподлинно. Постепенно Восток сам стал соответствовать тому образу, который создал ему Запад, и это

стало так же закатом, Западом Востока¹... Собственно, никакого Востока уже нет, постепенно Запад все больше и больше устанавливал свое господство и сейчас установил его над всей планетой, потому что у всей планеты теперь общая судьба.

Где и когда случился перелом хода истории?

Считается, что наука и техника получили невиданный прогресс в так называемое Новое время, начиная с проектов Бэкона и Декарта. От Бэкона с его «знание — сила», до Ницше с его волей-к-власти лежит единый путь. Рост силы, рост знания, рост власти, бесконечный бесцельный абсолютный рост, рост ради роста, могущество ради могущества — вот максима современного человечества. Вот приказ, который слышат внутри себя художники, ученые, политики: будь выше, будь сильнее, будь совершеннее, будь завтра больше, того, чем ты был вчера и сегодня! Настоящий господин не может быть кому-то обязан своей властью и силой, иначе он не господин, поэтому вслед за Декартом и Спинозой усиление власти и знания происходит на основе самости, суверенности. Настоящая господская самость, настоящий субъект есть *causa sui*, причина самой себя, *self-made*. Все из него, все для него, все через него, то есть опосредуется им. Весь мир становится пред-ставлением, то есть чем-то, находящимся в субъекте и для субъекта, а то и полагаемым самим субъектом. Например, Кант определял бытие как «просто полагание». Да и Ницше считал, что субъект с растущей волей-к-власти творит миры как мифы, ибо ему нужны иллюзии, нужны цели для роста воли, потому что он должен к чему-то стремиться и расти.

Но Хайдеггер обнаруживает истоки науки и техники в Древней Греции, а не в Новом времени, которое скорее является закатом заката, последней и явной стадией упадка Запада. Иллюстрируя путаницу, которую вносит наука, утверждающая, будто мы воспринимаем весь мир

¹ Это хорошо показано в книге Эдварда В. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока». СПб., 2006 г.

через посредство представлений, возникающих у нас в голове из-за действий различных атомов, полей и волн на органы чувств, Хайдеггер приводит пример с цветущим на лугу деревом, на которое смотрит человек: «Физиология и психология вместе с научной философией со всей их оснащённостью примерами и доказательствами объясняют, что мы собственно не видим никакого дерева, а в действительности внимаем некоей пустоте, в которой здесь и там рассыпаны электрические заряды, которые с большой прытью снуют туда и сюда».

Хайдеггер предлагает обратиться к ненаучному опыту: «Стоит дерево “в сознании” или оно стоит на лугу? Лежит луг как переживание в душе или расстилается по земле? Находится ли земля в нашей голове? Или мы стоим на земле?». Мы должны вернуться обратно на землю, говорит Хайдеггер, и видеть дерево на лугу, а не атомы, зная, что *мы имеем дело с самими вещами, а не с представлениями в сознании.*

Кто дал науке право называть такое мышление примитивным и донаучным и тем самым саму себя выставить как меру для мышления? Кто дал такое право науке, если она не знает собственных истоков? Если может лишь рассуждать об исторических событиях, но представления не имеет, что есть история, может складывать числа, но не знает, что есть число? Все эти вопросы (что есть событие, что есть число и проч.) оставлены как необсуждаемые, отданы философии, потому что если бы наука постоянно возвращалась к ним, то в ней не было бы никакого «прогресса». Но весь прогресс науки возможен только на фундаменте основных понятий, некритично взятых у философии! На основе других понятий был бы другой фундамент, другое строение, другой прогресс, другая история. Поэтому только философия и может сама судить науку с высоты своего положения, из глубины материи, из которой вся наука вышла.

Поэтому, в отличие от мыслителей-пессимистов вроде Шпенглера, Хайдеггер не говорит о «конце Европы». Да, пустыня растёт, власть конца — Запада — над историей

велика. Но «где опасность, там и спасительное», цитирует Хайдеггер поэта Гельдерлина. Лишь там, где есть риск самого ужасного, появляется и возможность для самого великого! Как определенный вид мышления породил науку, так из почвы мышления может выйти и спасительный росток. Мы должны начать мыслить, мы должны начать мыслить сущность науки и техники, чтобы совладать с ними и быть свободными по отношению к ним, а не подчиняться их губительной судьбе. Поэтому теперь наше мышление должно само перестать быть техническим и научным, ибо оно не должно подпадать под власть научного и технического, а должно превозмочь их.

Атомная бомба разлагает мир на атомы, но именно это же случается в мышлении ученых. «Атомная бомба взорвалась в поэме Парменида», это значит, что Запад начался в Греции. Исток современной техники и науки там. Событие, которое запустило судьбу, в результате чего человечество стало смертным, сначала потенциально, а теперь и реально, произошло тогда, когда впервые было решено, что сущее дается в логосе, который означает «полагание». Возник «мост» к Декарту, Канту и Ницше. Так и оказалось, что мифос и логос не противостоят друг другу, а оказываются одним и тем же миро(мифо)творчеством.

Важнейшие слова в греческом мышлении: *λεγειν* и *λογος*. «Из этих достопримечательных слов *λεγειν* и *λογος* возникла западная логика, — говорит Хайдеггер, — без *λεγειν* этой логики нынешний человек был бы лишен своего мотоцикла. Не было бы также самолетов, турбин и комиссии по атомной энергии. Без этого *λεγειν* и его *λογος* не было бы также ни христианского учения о тричности и ни теологического истолкования понятия второй личности в божестве. Без этого *λεγειν* и его *λογος* не было бы и эпохи Просвещения. Без этого *λεγειν* не было бы диалектического материализма. Мир без *λογος* логики выглядел бы иначе».

Исток современной науки и техники — в Греции, потому что здесь впервые было решено, что сущее есть

«присутствие», некое «подлежащее», «то, о чем сказывается любое высказывание». Когда Парменидом было решено, что «нужно и сказывать и мыслить сущее имеющимся, наличествующим», а не таким, как будто возможно, что его нет: «Слово “быть” постоянно расплывается перед нами во всех возможных неопределенных значениях, напротив, слово “присутствовать” сразу говорит нечто более ясное: присутствующее, т. е. нам настоящее (Gegewart). Присутствование и присутствие (Anwesen und Anwesenheit) означает: настоящее. Это подразумевает пребывание-напротив. Если бытие сущего в смысле присутствия присутствующего уже не господствовало бы, то сущее не могло бы появиться как предметность, как объективность объектов, чтобы в качестве таковой быть предметно представимой и производимой для всякой доставки и поставки природы, которые непрерывно предпринимают утилизацию захваченного у ней. Эта предприимчивость по отношению использования потенциала природы исходит из скрытой сущности современной техники. Если бы не господствовало *εἶναι*, бытие сущего, в смысле присутствия и тем самым предметности предметных состояний, самолеты не только не летали бы, но их вообще бы не было. Если бы не было бытия сущего как присутствия присутствующего, то очевидно не была бы обнаружена электрическая энергия, возможности использования которой известным образом преобразили мир человеческого труда».

Если греческий мир дал «наличное», «присутствующее», «положенное», «субстанцию», то в Новое время все это, как было сказано выше, превратилось в наличное для субъекта, полагаемое самим субъектом, да и сам субъект слился с субстанцией (в «Феноменологии духа» Гегеля). Растущий ради роста, волящий-власть субъект, основывающий все только на себе самом, не может мириться с тем, что есть какое-то «предположенное», какая-то субстанциональность, какое-то прошлое, кроме присутствующего настоящего.

Раньше считалось, что не выбирают семью, родину, религию, пол... Все эти вещи были до субъекта и определяли его. Сейчас субъект сам хочет выбирать себе религию, родину и даже свою физиологию. Он хочет быть конструктором своего духа, так же как и тела. Отсюда пошли постоянные перевороты и революции, сотрясающие всю новоевропейскую историю, отсюда идет постоянная гонка за модой, за современностью, отсюда — каждое поколение хочет утвердиться только на себе самом, откинув все прежнее.

Ницше говорит, главная черта субъекта, стремящегося стать абсолютным, — это месть, то есть уничтожение прошлого, уничтожение всего, что мешает абсолютности субъекта, что мешает ему быть причиной самого себя. Главное, что мешает, — это прошлое, с его фактичностью, с его грубым «это было и ничего не поделаешь». «Это было» становится камнем преткновения для всего воления. Это тот самый камень, который воля больше не может сдвинуть. Таким образом, «это было» становится скорбью и зубовным скрежетом каждого воления, которое, как таковое, всегда волит вперед и как раз этого и не может против того, что осталось и установлено далеко позади как прошедшее. Поэтому «это было» есть противное для всякого воления» — интерпретирует Хайдеггер Ницше... Воля может пытаться забыть прошлое, может придумать прошлое из себя, но это все способы борьбы с прошлым. Но прошлое так же было положено когда-то волей. Значит, воля борется сама с собой. Но ее борьба сама с собой ослабляет ее. Выходит, внутри воли есть противо-воля, которая тормозит рост. Выходит, воля несовершенна, ограничена, она не причина себя, есть что-то, не от нее исходящее и не от нее зависящее.

Чего же требует дальнейший рост воли? Только одного: воля, если не хочет быть самоедской и рубить сук, на котором «сидит», должна перестать бороться с прошлым, она должна перестать мстить времени. Тот, кто на это окажется способен, тот есть сверхчеловек, «Цезарь с душою Христа», абсолютная победительная воля, но прощаю-

шая все. При этом сверхчеловек — единственное сущее, которое сможет стать вровень с техникой и наукой, то есть не будет их рабом. Сверхчеловек должен не мстить прошлому, а желать, чтобы оно повторилось и повторялось потом вечно вечное количество раз. «Вечное возвращение одного и того же» основное требование до конца продуманной воли-к-власти: «Воля будет свободной от этого отвращения, когда она будет свободной как воля, т.е. свободна для хода в прохождении, но для такого хода, который не уходит от воли, но приходит вновь с тем, что он вновь приносит пройденное. Воля будет свободной от против/во/ления против времени, против его голого прошедшего, если она будет постоянно волишь-желать всякого /у/хода и прихода, всего этого /у/хода и возвращения. Воля будет свободна от противного «это было», если она будет постоянно волишь-желать возвращения всего “это было”».

На этом требовании сверхчеловека, избавления от духа мести, Ницше останавливается и заявляет, что его философия есть «история ближайших трех столетий». Хайдеггер принимает эту эстафету. Он говорит, что его с охотой будут читать через 300 лет, потому что он начинает там, где кончил Ницше. Он хочет понять, что придет на место мести. Избавление человека от духа мести — залог его превозмогания науки и техники.

Понятно, что в противоположность «полаганию всего из самого себя» и самозаконотательству представляющего субъекта, должна быть реабилитирована память. Память как то, что внимательно относится к тому, что было, к «это было», память которая любит и собирает все бывшее, а не ненавидит его, не мстит как воля-к-власти.

Мнемозина, греческая богиня памяти — мать муз, мать всех наук и ремесел. Когда лекции Хайдеггера начинаются с подобных размышлений о Мнемозине, это выглядит бесконечно далеким от «актуальных проблем современности». Но именно реабилитация памяти есть важнейшее условие спасения человечества, условие ухода его с гибельного пути. Ведь только помня каждый

шаг на историческом пути, мы в состоянии увидеть и те точки выбора, точки бифуркации, развилки, которые были оставлены позади, которые были не выбраны. Мы можем включить скрытые возможности нашей истории.

Чтобы человек имел будущее, он должен иметь настоящее и прошлое. Настоящее есть выбор, причем выбор не продолжающегося настоящего, а иного будущего. Не выбранное же составляет вину, прошлое. Если прошлое забыто, это явный признак того, что нет выбора в настоящем, есть движение по колее, нет будущего, так как происходит только вечное продолжение ненастоящего настоящего.

Память — не реставрация прошлого, а реставрация будущего. Самая первая развилка истории, начало пути, с которого начался Запад, — забыта. «На самом деле, — пишет Хайдеггер, — история западного мышления начинается не с того, что оно мыслит о призывающем-мыслить, а тем, что оно оставляет его в забвении. Следовательно, западное мышление начинается с упущения, если вовсе не с отказа. Так кажется до тех пор, пока мы в забвении видим исключительно выпадение и тем самым нечто негативное. Более того, мы отсюда не выйдем на наш путь, если будем проходить мимо одного существенного различия. Начало (Beginn) западного мышления не то же самое, что начало (Anfang). Оно скорее сокрытие начала (Anfangs) и даже неизбежное. Если это представить таким образом, то забвение показывает себя в другом свете. Начало (Anfang) скрывается в начале (Beginn)». Это различие между двумя началами есть различие причины (изначала) и почина (зачина), различие между началом как начальствующим правлением, первым, над которым нет ничего и никого, и началом как арифметически первым, которое может и не быть главным по сути.

Как же вернуться к этому началу, в смысле Anfang? Путь к нему лежит через мышление, поскольку начало есть то, что призывает мыслить.

Собственно книга названа «Что зовется мышлением?». Как только мы пытаемся мыслить, то обнаруживаем, что все уже помыслил кто-то до нас, мы просто движемся по проторенной другими колее. Даже когда «рассуждаем сами», мы просто делаем выводы из посылов, положенных не нами по правилам вывода, установленным не нами.

Мы не можем мыслить... хотя и называемся мыслящими существами. Это название говорит только о том, что мы в принципе можем мыслить, но не мыслим. При чем дело обстоит не так, как в гегелевской диалектике, что весь путь сознания состоит в том, чтобы потенцию, мышление-в-себе развернуть в действительность, в мышление-для-себя. Нет. Дело не в приложении неких усилий. Мы можем мыслить, но это значит, что мы можем мыслить и впадать в немыслие (подобно тому, как только говорящий может не только говорить, но и молчать, только решительный может быть и героем и трусом и проч.).

Хайдеггеровская логика прямо противоположна гегелевской. Если у Гегеля «тезис — антитезис — синтез», то Хайдеггер, можно сказать, берет возможность сразу как синтез, и она у него разваливается тут же на тезис, который является высшим выражением возможности, ее действительнейшей действительностью, и на антитезис, на падение, на блокировку этой действительности, на повседневное, на неподлинное.

Человек есть мыслящее существо, это доказывается действительностью тех редчайших прорывов, подвигов мысли, которые мы имеем в лице великих мыслителей. Только они, несколько человек в истории, доказали и показали, что человек есть мыслящий. Все остальное большинство доказывало скорее обратное, ибо никогда не мыслило. Если бы мышление человека замерялось статистическими методами, то человек бы не был назван мыслящим.

У нас есть привычка брать всю совокупность чего-либо и отвлекать из нее общее. Это общее и называют «сущностью». По Хайдеггеру нет ничего более нелепого.

Сущность не ищется путем отвлечения общего из множества единичных.

Начнем с того, что когда мы выбираем в один класс некое множество, то мы уже как бы исподволь владем неким общим. То есть когда мы, например, ищем сущность дерева через отвлечения общего от всех деревьев, мы забываем, что с самого начала включили в совокупность деревьев именно деревья, а не что-то другое. То есть искомая сущность была предположена заранее и, как мы видим, отнюдь не на основе отвлечения от всей совокупности, потому что мы и не имели с ней дело, ни один человек не встречал в опыте всех деревьев и не сравнивал их. Скорее, поимев встречу с неким единичным, причем единичным, в ком явлена его сущность, человек переносит сущность этого единичного на все ему подобное, пусть даже сущность в подобном не проявлена, пусть даже это подобное максимально далеко от сущности.

Например, мы видим Платона, который, безусловно, есть мыслитель, и мы предполагаем, что это не случайная черта Платона, не некий его изгиб, украшение, вывих индивидуальный, а редкое чудесное проявление сущности, доведение того сущего, чем Платон является, до крайних его возможностей, до высшей его формы. Поэтому мы предполагаем, что и все иные подобные сущности есть потенциальные платоны, хотя они отнюдь не проявляют таких ярких черт мыслителя. Их сущность спит, но она есть. Вот у животных, например, этой сущности нет. Поэтому нельзя сказать, что они не мыслят. Если бы они могли мыслить, то они могли бы и не мыслить, но они не могут мыслить, значит, не могут и не мыслить.

Первый же симптом наличия у тебя чего-либо — скатывание в неспособность к этому. И чувство этого разрыва. Каждый из них свидетельствует о наших возможностях и действительностях. Если у вас что-то есть, то его сразу нет. По «нет» вы можете судить о «да» и о том, как трудно это «да».

Самое трудное — мышление. Оно не дается просто так. Допустим, мы хотим мыслить, но это уже основано

в некоем призыве из мыслимого, со стороны того, что требует мышление, того, что зовет мышление, призывает его. Мы не можем хотеть чего-то, если этот магнит не магнитит, если это не разрыв нашей сущности. В то же время именно этот разрыв возможности и действительности создает как напряжение, так и саму проблему.

Сила притяжения и сила отталкивания одна. Почему наша сущность не только притягивает, но и отталкивает? Почему сущность сразу же и несущность? Чтобы было постоянное стремление, борьба за сущность. Почему наша сущность убегает от нас, чтобы быть желанной? И зачем ей быть желанной? Просто ли это кокетство? Соблазнение? Или может быть, это некое предохранение? Может, наша сущность держит нас вдалеке от самих себя, потому что это опасно для нас же? Может, судьба Гельдерлина, Ван Гога и Ницше есть предохранение против снятия дистанции?

Что зовет нас мыслить? То, что мы не мыслим. То есть этот разрыв устроен не нами. Пропасть можно перемахнуть только прыжком, в противоположность мнению, что мышление есть логика, то есть последовательное строительство мостов от одних утверждений к другим через некие правила вывода. Если пропасть устраивается тем, что делает нас мыслящими, то ее не заштопать и не перешагнуть в несколько маленьких шажков или с помощью неких мостов.

В этой связи понятен скандальный тезис Хайдеггера «наука не мыслит». Наука считает, она просто автоматически выводит некие следствия из принятых предпосылок согласно правилам метода. Это может сделать и машина, искусственный интеллект. Мышление же не есть пользование методом, поскольку «мето-годос», в переводе с греческого есть «путь-за-кем-то», колея, однолинейность. Мышление, напротив, есть «годос», то есть торение пути, прокладывание его, постоянные повороты, и никогда не ясно, «что он нам несет, новый поворот». Это впрыгивание в новую область исследований, чтобы изнутри нее добыть те или иные основания, предпосылки,

основопонятия, на которых, как на фундаменте, уже будет строить свое здание следствий и выводов наука.

Мышление есть в тяге в сущность того, что оно мыслит, это старый тезис феноменологии, мышление интенционально, мышление есть «мышление о». Мышление руководимо из своего предмета (который уже в этом смысле не предмет, так как не есть нечто пред-ставленное и поставленное самим мышлением). Когда портной шьет костюм, он снимает мерку именно с этого заказчика со всеми его специфическими особенностями, в соответствии с его профессией, характером, образом жизни. Портной принимает во внимание и материал, и цвет, и фактуру, он делает дизайн, ориентируясь на внутренние свойства материалов. Так и мышление — всегда ручная работа, причем в гораздо большей степени, чем любое другое рукоделие, так как его предмет, его материал куда более тонок.

Промышленное производство, технология всегда вторичны, они уже копируют произведенное вручную, причем безвкусно, стандартно и главное, никому конкретно не подходяще. *Мир техники по определению мир копий, мир «вторяка».* Но это было бы не страшно, если бы он, распространяясь, не рубил сук на котором сидит, не убивал бы свои предпосылки, оригинальное и изначальное!

Научное исследование не может мыслить предмет, так как сами «требования науки», внешние предмету, вносят искажения. Есть чисто «научные требования», придуманные научным сообществом. Так традиция ложного истолкования проблем нудит и требует, чтобы все будущее соответствовало этой лжи и ошибкам, ведь в науке есть амбиции школ, интриги авторитетов. Есть также коммерческий интерес у науки как отрасли, которая борется за гранты или заказы предпринимателей, есть требования коммерческого успеха публикаций, а значит, в рядовые результаты исследований добавляют налет сенсационности и скандальности...

Почему Хайдеггер называет Сократа чистым мыслителем Запада? Потому что тот даже ничего не писал, ибо

писание тоже вносит своего рода внешние требования, Сократ посвятил себя чистому мышлению, чистому погружению в предмет, он стоял на открытом ветру этой тяги к сущности, полностью отдал себя ей. Сократ был и первым учителем, поскольку знал: его дело как раз не учить, а учиться, учитель отличается от ученика только большей втянутостью в сущности, большим отсутствием внешних учению целей. Учитель есть больше ученик, чем сам ученик.

Что значит учиться мышлению? Значит, все больше посвящать себя ему. Втягивание в мышление есть любовь, «филия». Лишь то, что с любовью, — глубоко. Наоборот, всякая критика всегда поверхностна. Критика коренится в мести, всегда исходит извне, значит она проводит границу между собой и предметом, как чуждым ей, стремится уничтожить его чуждость, которая для нее невыносима, как все, что не проистекает из нее.

Мести, критике прошлого Хайдеггер противопоставляет память: «„Память“ означает изначально вовсе не способность запоминать. Это слово именуется целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, что присуще всякому чувствованию. Память означает изначально то же самое, что молитва, по-миновение (Andacht): неотпускаемое, собранное пребывание при... а именно не только при прошлом, но и равным образом при настоящем и при том, что может придти. Прошлое, настоящее, будущее являют себя в единстве всегда собственного *при*-сутствия. В качестве таким образом понятой памяти Gedanc есть также и то, что именуется словом «благодарность» («Dank»). В благодарности дух вспоминает (gedenkt) то, что он имеет и то, что он есть. Вспоминая таким образом, в качестве памяти дух примысливает себя (denkt...zu) к Тому, чему он принадлежит. Он мыслит себя слушающим не в смысле простого подчинения, а слушающим, исходя из слушающей молитвы».

Ответ на вопрос, который вынесен в заглавие книги, получен: «Мышление есть благодарность». Чтобы понять парадоксальность и революционность этого утвержде-

ния, мы должны усвоить историю понятия дара в западной метафизике. А в ней предполагается, что все сущее делится на волевых субъектов, которым нечто принадлежит, и на то, что может принадлежать этим субъектам. Иногда такой субъект может быть один (абсолютный субъект, иногда именно так понимали Бога). Сущее принадлежит субъекту на правах собственности, после того как он его потребил, захватил, сформировал или просто обозначил как таковое, принадлежащее. Однако если он потребляет сущее, он не может считаться полным его господином, логика господства как всегда требует, чтобы своим господством субъект был обязан только себе, а не чему-то внешнему. Поэтому высшая власть проявляется субъектом именно тогда, когда он расстается с сущим, над которым господствует, показывая независимость от него. Это и называется даром.

Но кто приемлет этот дар? Ведь в случае с абсолютным субъектом — это дар самому себе, а в случае с другим субъектом — отравленный дар, «медвежья услуга», ведь такой дар закабальет и сам по себе и по отношению к тому, кто его дал. Из дара возникает власть (первая власть, первые господа и рабы возникли, когда господин-победитель даровал жизнь побежденному, а тот принимал дар и был уже обязан, становился рабом).

Принятие дара без благодарности, без отдаривания, означает рабство. Именно поэтому господа всегда соревновались в задаривании друг друга и всегда стремились отдариться. Простая благодарность есть способ такого отдаривания. У меня ничего нет, но я благодарю, я дарю тебе благо, вспоминая тебя, молясь за тебя. Я как бы прошу абсолютного господина вернуть тебе то, что ты дал мне. Таким образом, дарение оказывается невозможным, оно всегда вырождается в обмен. Есть вариант с потлачем, то есть безумным уничтожением сущего (тратой), которое превозносили теоретики суверенности типа Батая. Но тогда возникает зависимость от этого уничтожения, которое, к тому же, уж точно не дар.

Есть вариант с самоуничтожением, с растворением в даре, так, что отдариваться невозможно за неимением дарящего. Это ситуация своего рода завещание. Но что здесь завещается? Не то или иное сущее (тогда бы не было растворения в сущем), а сама сущность. С самого начала человек не есть свободно определяющееся существо, а тот, кому подарена свобода (если твоя сущность тебе подарена, придана, завещана, то единственным способом отдаривания, благодарности будет реализация этой сущности, тем более что эта сущность и есть способность благодарить): «В Gedanc как изначальной памяти правит уже то воспоминание (Gedenken), которое при-мысливает свое мыслимое к тому, что должно быть осмыслено, т.е. правит благодарность. Мы благодарны (danken) за это тем, что мы благодарны (bedanken) тому, что мы должны это благодарить (verdanken). То, что мы должны благодарить, исходит не от нас. Это нам дано. Многое нам дается в дар и разного рода. Высшим же и собственно охранительным даром остается для нас наша сущность, которой мы одарены таким образом, что лишь из этого дара мы есть те, кто мы есть. *Поэтому это приданое мы должны благодарить больше всего и непрерывно.* Однако то, что передается нам в смысле этого приданого, есть мышление. Таким образом, высшей благодарностью является, вероятно, мышление? А глубочайшей неблагодарностью необдуманность (Gedankenlosigkeit)? Ведь таким образом не существует собственной благодарности в том, что мы приходим к себе с неким подарком и возмещаем подарок подарком. Чистая благодарность — это, напротив, то, что мы просто мыслим, а именно о том, что собственно и единственно дано для мысли»...

И еще: «Когда мы думаем о призывающем-думать, мы вспоминаем тем самым о том, что само призывающее-думать дает нам для мысли. Это воспоминание, которое в качестве мышления является настоящей благодарностью, нуждается именно в том, чтобы благодарить, а не отдавать взамен и отрабатывать. *Такое благодарение — это не возмещение; а открытость-навстречу. Только эта*

открытость-навстречу дает нам возможность сохранить в своей сущности то, что изначально дается для мысли».

Мышление есть благодарность (а не мечь), а благодарность есть открытость-навстречу. Это, между прочим, и открытость навстречу судьбе и действительно **новому**, от которого закрыто всякое критическое мышление. Последнее занято вписыванием будущего в рамки настоящего с последующим опрокидыванием настоящего на будущее. Его «футурологии и экспертные прогнозы» всегда ошибаются, так как будущее именно и есть НЕ-продолжение настоящего, а сбой в его длении, разрыв.

Благодарное, открытое-навстречу мышление Хайдеггера, напротив, пришло к нам из будущего. Причем будущего, которое не может не наступить. Потому что благодаря этому прорыву в будущее и предоставлению ему места в настоящем это будущее у нас и появилось. Когда-то отцы Церкви сказали, что мир держится, возможно, молитвой одного праведника. Учитывая указанную выше взаимопринадлежность благодарного мышления и молитвы, мы можем утверждать: именно это и произошло. За 50 лет после выхода книги Хайдеггера «Что зовется мышлением?» мир стал другим. Только тот, кто не знает, как на самом деле импульсы, полученные от мышления Хайдеггера (прежде всего через постмодернизм (Деррида), экзистенциализм (Сартр), неомарксизм (Маркузе), экологизм и проч.), повлияли на интеллектуальную, культурную, а потом и политэкономическую атмосферу планеты, может думать, будто то, что мы до сих пор живы, «это само собой разумеется».

Но рано и расслабляться. Еще ничего не решено с наукой, а тем более с техникой. Такие феномены как прорыв будущего всегда суть отсрочка (эпоха по-гречески и есть остановка, отсрочка). Нам было дано чуть-чуть будущего, одна эпоха, но она истекает. Поставленные вопросы забыты, ответы вульгаризированы, спасительные силы должны быть вновь пробуждены в новом благодарном мышлении, в новом прорыве-навстречу. Эта книга будет еще столетия сохранять свою актуальность и помогать такому прорыву.

МИРОМ ПРАВЯТ ФИЛОСОФЫ! ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ (Интервью Алексею Нилову)

А.Н. *Вы как-то высказали мысль о том, что русская философия так и не выработала собственный аналитический язык, а контрабандой заимствовала все терминологии. Каким, на ваш взгляд, может быть этот самобытный язык? Не регионализирует ли он и без того региональную русскую философию?*

О.М. Когда СССР запустил в космос первый спутник, то хотя во всех языках мира есть соответствующий перевод, все равно весь мир стал говорить «sputnik». Пример из гуманитарной области: когда Горбачев выступил со своим «новым мышлением», несмотря на то, что во всех языках есть перевод, «perestrojka» вошла во все языки. Сейчас вместе с компьютерами, интернетом и программным обеспечением мы заимствуем из английского всякие файлы, браузеры, чаты, блоги, сканеры, принтеры, дивайсы, юзерпики, как когда-то заимствовали техническую терминологию на заводах, как заимствована политическая лексика, хотя для всего есть русские слова или можно сделать русскую кальку. Я это говорю к тому, что если русская философия сделает то, что всем понравится, то наша лексика будет входить в другие языки в неизменном виде, это нас не маргинализирует, а сделает гуманитарными лидерами в мире. Если же мы не станем делать то, что нужно всем в мире, что будет востребовано, а наоборот противопоставим себя человечеству, но в его же терминах, как это было до сих пор, мы маргинализируемся.

А.Н. *Каков ваш основной философский концепт?*

О.М. У меня нет концептов в точном смысле этого слова, то есть неких слов, которые охватывают и содержат в себе другие. Вообще я считаю, что все эти кружочки из школьного курса логики с «содержаниями и объемами понятия» — очень большая натяжка. Одни слова не со-

держат в себе другие. «Мебель» — одно слово, «шкаф» — другое. Их происхождение различно, употребление тоже и т.д. А все попытки выстроить между ними отношения, иерархию и проч. — внешняя не нужная работа. В философии выделение главного слова, на котором якобы что-то базируется, — это фундаментализм. Казалось бы, разве не поиском таких фундаментов всегда занималась философия? Нет. Даже такая «цель философствования» уже искажает подлинную философию, которая может быть только «сама из себя» без внешней цели.

А.Н. Можно ли считать современную философию служанкой экономики?

О.М. Кто-то из мудрых сказал, что не бывает плохой поэзии: если поэзия плоха, то это уже просто НЕ поэзия. Философия, если она служанка экономики, просто не является философией. Что касается экономики, то пора уже избавляться от этой чумы — мнения о ее какой-то там первичности. Если и есть в мире что-то самое последнее, так это экономика. И это, прежде всего, знают сами богатые и те, кто обладают властью. Никто из тех, кто правит миром, давно не думает о деньгах, их решения принимаются исходя цели реализовывать проекты, отражающие какие-то ценности. А они берутся из публицистики, которая понятна правящей элите, а публицистика все берет из философии. То есть в конечном счете с большим опозданием, отсрочкой, миром все же правят философы.

А.Н. Вы с особым философским трепетом относитесь к фигуре Мартина Хайдеггера. Какое влияние оказал на вас тот немецкий мыслитель?

О.М. Я много лет поддерживаю сайт www.heidegger.ru, где выложено все, что выходило на русском языке из творчества Хайдеггера. Приходилось все это сканировать, редактировать, оформлять и проч. Что касается влияния... Само это слово еще недостаточно прояснено. Разве что в «Сферах» Петера Слотердайка появился интересный

проблеск. А вообще... Понятно, что кого ни возьми, все на всех влияли. Вычислять, в какой мере кто и на кого — бесполезно. Меня, например, больше интересует проблема не-влияния.

Меня удивляет, потрясает, как это Хайдеггер, или Кант, или Гегель, или Платон с Аристотелем НЕ повлияли на пять миллиардов человек, живущих на Земле? Ну, ладно, кто-то не имел возможности их прочесть. Но элита, учившаяся в Кембриджах и Йелях, она-то имела возможность хоть пару абзацев прочесть... Вот меня и интересует, как можно прочесть даже пару страниц великих философов и продолжать жить как прежде? Как получается, что стоят тома сочинений, изданные огромными тиражами, и люди проходят мимо? Влияние оказывается невозможным, потому что, грубо говоря, не во что вливаться вливаемому в результате влияния. А как создается сфера, которая может принимать вливаемое? Как закрывается этот сосуд от влияний? А может быть, влияний нет не только у большинства, но и у всех? Ведь говорил же Лейбниц, что монада не имеет окон, а «сходные мысли» мыслителей объясняются сходным положением в универсуме?

А.Н. Кого можно назвать вашим философским учителем? А. В. Перцева? Расскажите поподробнее о его философской деятельности.

О.М. Я слушал лекции Перцева, когда учился в УрГУ, но нельзя назвать его моим учителем. Я ведь в разное время слушал и Рикера, и Деррида, и Бибикина, но откуда такое предпочтение фонетической передаче слов письменной? Гегеля, Маркса, Хайдеггера, Ницше я читал больше, чем всех отечественных философов вместе взятых, и больше всех, чем кого-либо когда-либо мне удалось послушать.

Вообще, я считаю, мне повезло со временем и местом учебы. С одной стороны, это еще был СССР, когда платились стипендии и можно было учиться, не подрабатывая, с другой стороны, система уже настолько ослабла,

что всякий дисциплинарный и идеологический контроль отсутствовал. Было время, когда я посещал университет три — пять раз за семестр, что не помешало мне получить «красный» диплом. Зато я лежал в общежитии и читал первоисточники: Платона и Канта, Шеллинга и Шелера, Маклюэна и Шопенгауэра, Шестова и Бодрийара...

В Москве трудно такое представить. В МГУ учат «светила», а значит, надо именно их посещать и читать, и контроль за первым философским факультетом страны оставался. Я общался с коллегами, и они мне завидовали. «Вот, — говорили они, — а нам приходится ходить на какие-то семинары, слушать какие-то лекции, обязательная посещаемость»...

Разительно отличались и наши научные работы. Я часто писал в форме эссе. Это вообще никто бы не допустил в МГУ к защите. В цитируемых источниках у меня никогда не было ни Нарского, ни Ойзермана, ни вообще никого из интерпретаторов, тем более советских. Только Гераклит, Парменид, Кант, Гегель, Хайдеггер и др. В худшем случае Леви-Стросс или Хабермас какие-нибудь.

Есть так называемая «пирамида обучения», согласно которой лучше усваивается материал не из лекций, а из дискуссий. Вот в этом смысле философское общежитие — лучший учитель: «Спасибо партии родной за пятилетний выходной!». Проходишь, бывало, в три часа ночи по коридору: из одной двери слышны звуки хорошего джаза-cool, из другой доносятся стихи, это собрались пять пьяных мужиков и читают друг другу Гумилева и Блока, а в третьей — какой-то яростный спор: «А куда ты денешь трансцендентальное единство апперцепции, а?» — кричит один. А другой отвечает: «А оно снимается в абсолютности субъекта!». И так день за днем, ночь за ночью, пять лет.

А выше дискуссий в «пирамиде обучения» стоит «обучение других». Когда объясняешь другому — самый лучший метод. Я репетиторствовал, преподавал, писал дипломы и рефераты. Тогда не было интернета, чтобы скачать реферат или курсовую. Все работы были автор-

ские, хенд-мэйд, точнее из головы, брейн-мэйд. Я написал штук 25 дипломов, и пять диссертаций на заказ, курсовые и рефераты не считал. Вот в работе над всем этим я и учился.

А.Н. Каково, на ваш взгляд, развитие философии в провинциальных вузах? Можно ли найти в них неоправданно забытые имена?

О.М. Только там их и надо искать. Кто-то сказал же, что гении рождаются в провинции, а умирают в столице... Шутка. Хотя сейчас, благодаря интернету, вообще уничтожается оппозиция столичности и провинциальности. На мой взгляд, следующий «ИЗМ», который придет после постмодернизма, будет требовать имперскости, столичности. Он будет отрицать провинциальность, маргинальность и всякую нетождественность, свойственные постмодерну. Никакой мутности, полутонов и полунамеков. Чистота смысла, тождества, благородство происхождения вместо постмодернистских мутаций и влияний контекста. Отвага, риск и смелость суждений, никаких самокомментариев, самооговорок, кавычек и самостираний, как в постмодерне. Так что забудьте провинцию...

С другой стороны, имперский язык центра сам мутировал в постмодерн, который сейчас есть признак столичности и интеллигентности. Тогда настоящее самовитое, наглое и имперское живое слово надо искать в деревне? Вряд ли. Что не в традиции — то плагиат, без механизмов трансляции духа деревня будет давать чудиков, не более. Стоит ли бежать в глушь, предаваться эскапизму? Хотя эскапистское существование — совсем не то что «провинциальный вуз», который просто плохая копия вуза столичного, но и оно возможно только на основе предшествующих ранних практик трансляции духа. Куда ни кинь — всюду клин. Так что не знаю, где искать имена, забытые и не забытые. Нет гарантированного привилегированного места. Дух дышит, где хочет.

А.Н. *В статье «Гуманитарный манхэттенский проект» вы высказали замечательную идею об интеллектуальном прорыве русских философов. Как вы думаете, готов ли сегодняшний российский бизнес пропагандистски поддерживать интеллектуальную сферу (в частности, русскую философию)?*

О.М. Бизнес тратит огромные деньги на искусство, культуру, религию, благотворительность, науку. Но я пока ничего не слышал о поддержке философии. Видимо, это связано с тем, что философия себя не проявила некой «гарантированной ценностью». Или же государство, интеллектуальное, культурное сообщество не поставило на философии печать — свидетельство такой ценности.

Бизнесмены, если быть честным, не очень разбираются в сфере абсолютного. Например, если перед олигархом поставить скрипача, он вряд ли, даже послушав его, сможет определить — гений он или нет, тем более, если это молодой скрипач. Олигарх будет судить по внешним приметам: по дипломам, по отзывам музыкальных корифеев. Он любит поддерживать то, что уже точно является ценностью. Например, яйца Фаберже, Эрмитаж или Большой Театр. На самом деле чести нет в том, чтобы поддержать то, что не может упасть. Честь и бессмертие олигарх может себе завоевать, если поддержит то, что нарождается, если разглядит гения на взлете, и именно благодаря ему этот гений взлетит.

То же самое можно сказать о проектах. Я считал: чтобы потрясти европейское сообщество русской современной философской мыслью, требуется два-три миллиона долларов. Смешные деньги для того, чтобы стать европейскими гуманитарными лидерами и раскрутить проект, о котором заговорит весь мир. Но предпочитают выбрасывать по 50 миллионов долларов на проституток в Куршавеле за сезон, или покупать большую яхту, содержать чужие футбольные клубы за деньги в 200 раз большие.

Наши олигархи — подонки общества, а не элита, и история им этого не простит. По крайней мере, тому, кто не покается и не раздаст все, чтобы хоть как-то оправ-

даться. Сейчас на олигархов рассчитывать нечего, я пока надеюсь на государство. Французское государство, посольства и консульства постоянно дают гранты на переводы и распространение французских мыслителей в мире. Это мелкие деньги, зато Франция уже полвека задает интеллектуальную моду в мировом пространстве. Я ответственно заявляю: мы тоже можем ее задавать, если захотим. Вопрос в решимости это делать. Будет решимость — найдутся и финансы, и великие умы.

А.Н. В СМИ вас называют «Франкенштейном политтехнологий»... Вы являетесь практикующим политтехнологом, работая с так называемыми народными логиками, манипулируя которыми, можно добиться любых результатов. Каково, на ваш взгляд, соотношение «народной философии» и «народной логики»?

О.М. То, что сейчас называется политическим консультированием и политическими технологиями, в Древней Греции называлось софистикой. Ведь софисты за деньги занимались тем, что обучали способам манипуляции общественным мнением. Поскольку я провел более двухсот кампаний различного уровня, связанных с такими манипуляциями, то я софист.

У нас сложился отрицательный образ софиста благодаря Платону. На самом деле Платон давал искаженную картину. Лишь недавно появились исследования, которые сначала реабилитировали софистов и показали, что без них вообще никакая древнегреческая философия не могла состояться, а потом пошли исследования, которые вообще подняли софистов до уровня альтернативы Пармениду и Платону.

На русский язык переведено одно из таких исследований «Эффект софистики» Барбары Кассен. Правда, лично я с ней не согласен в том, что софистика — это противостояние логоса бытию, литературы — онтологии. Я считаю, что и там и там есть онотология, только разная.

Что касается непосредственно вашего вопроса о соотношении «народной философии» и «народной ло-

гики», то стоит для начала разделить «философию народа» и «народную философию». «Философия народа» открывается в творчестве лучших поэтов и мыслителей этого народа, а «народная философия» — в пословицах. Что такое пословица? Это слово — буквальная калька с греческого — аналогия. А что такое аналогия? Это подмеченные матричные общие процессы в нескольких разных по видимости феноменах. Это «общее» выдается за «постоянное», за бытие. Аристотель называл бытием единство аналогий. Кстати, еще 200 лет назад большинство населения России говорило только пословицами и поговорками. НЕ говорить пословицами считалось признаком аристократизма и образованности. Постепенно образованность коснулась всех, хотя на место поговорок и пословиц пришли штампы, идиомы и то, что я в одной из лекций назвал «народными логиками», то есть довольно длинные, но устойчивые конструкции, дающие объяснение разным ситуациям и показывающие способ действия в них.

А.Н. Что вы можете сказать о будущем гуманитарных технологий (на память приходит проект культуроники М. Н. Эпштейна — прикладной гуманитарной науки)?

О.М. Я очень уважаю Михаила Наумовича, особенно те его работы, где он феноменолог, а не идеолог, но насчет культуроники с ним не согласен. То есть я легко признаю, что у гуманитарных технологий есть будущее и довольно светлое (то есть будет расцвет всяких консалтингов, психологий и прочих школ, сект и культурных форм), другое дело, что лично я против технологий как самоцели вообще. Истинная философия — это вступление в неведомое, риск, прыжок в будущее. А технология — то, что уже возникает потом (алгоритмы, методы), то есть проложенная колея. Все это облегчает жизнь, экономит время и проч., но есть одно «но»: это уже не философия.

А.Н. Что вы можете сказать о смерти политологии? Известно, что терминологическое противопоставление

примата политтехнологической практики над политологической теорией ни к чему не обязывает, поскольку не существует чистой практики, не замутненной какой-нибудь теорией. Каков, на ваш взгляд, статус политологической науки в рамках философских институций?

О.М. «Смерть политологии» означает, что всевозможная понятийная рухлядь типа «демократии», «диктатуры», «правых», «левых», «либерализмов», «социализмов» и «консерватизмов» должна быть выброшена на помойку. Эти понятия ничего не «ловят», с помощью них ничего нельзя понять, они используются только как ярлыки в процессе манипуляции. Но в то же время я не уверен, что нам нужны новые понятия вместо старых — время понятий вообще прошло.

Политология с момента своего зарождения, довольно позднего в сравнении с другими, была наукой, плетущейся за практикой. Одно дело — «философия права», философия государства и общества, которые устанавливали основопонятия, рисовали идеалы и проч., другое дело — политология, которая должна была изучать всю эмпирию политических режимов в их динамике.

Когда великие утопии стали умирать — исчезло целеполагание политической практики. Власть стала просто борьбой за власть, политические теории стали ресурсом, политическое сознание стало политической материей, сырьем, коробкой с инструментами для практиков и их войн.

Я написал книгу «Практика против теории», где показал, что анализ, теория, созерцание идут на поводу у созерцаемого, они ре-активны, тогда как практика (когда она нетехнологична) может быть поэтичной, то есть может творить из ничего, отрывать от фактичности, от сущего и быть источником социальных и иных инноваций.

А.Н. *Как вы относитесь к тезису современного русского философа Ф. И. Гиренока о том, что в наше время мыслит не философ, а менеджер?*

О.М.: Это похоже на то, о чем я только что сказал, отвечая на ваш вопрос о практике и теории. Однако, возможно, что Ф. И. Гиренок имел в виду нечто другое, ведь он рассуждал о соотношении «мысль — текст, публикация» и о мыслителе и «менеджере мысли». Если же под менеджментом понимать целерациональную деятельность (как менеджмент на производстве, в бизнесе), то там нет никакого мышления, ибо мышление не есть целерациональная деятельность, о чем не раз говорил тот же Гиренок.

А.Н. *Говоря о различении «народной философии» и «философии народа» вы невольно утверждаете о существовании национальной философии — одного из философских идиологов. Можете прояснить свою позицию?*

О.М. Я не за то, как твердят сейчас сплошь и рядом, чтобы «у народа была своя философия», я за то, чтобы, образно говоря, «у философии был народ». Если быть еще более точным, каждый народ должен завоевывать себе место в истории Бытия и в мыслящей и отвечающей Бытию философии. Причем он должен тратить на это силы как народ, одиночка такое место не завоеует. Как Гагарин стал возможен только как усилие огромной машины образования, науки, техники, государственной организации, экономики, так и Хайдеггер, например, — это наследие всей немецкой философии за несколько веков. В его последнем рывке сконцентрирована вся мощь народа, его усилия — все его прежние инвестиции. Поэтому философы, пророки и поэты — сыны народа, но в то же время они уже и не принадлежат народу, их народ принадлежит им, поскольку он исполняет, как подданный, тот приказ, который философ, пророк, святой, поэт сами, в свою очередь, почерпнули из над-народной, ино-родной сферы. Не философия выражает бытие народа, а народ выражает философское Бытие, если такой счастливый великий миг (по историческим масштабам — эпоха) ему удастся.

Чтобы было понятней, скажу: будь моя воля, я бы тратил на философское образование не меньше, чем на

оборону. Посадил бы всех зеков в «одиночки» и вместо ненужного труда заставлял бы их прочитывать по 50 философских первоисточников в год. Я бы весь стабилизационный фонд пустил на переводы и издания философских книг, которые бы продавались в каждом ларьке как водка. И так далее.

Что бы это дало? Не знаю, что в социальном, экономическом и политическом плане, но знаю, что благодаря этому усилию появились бы несколько великих философов через сколько-то лет. А эти философы изменили бы облик и Земли, и истории. Они создали бы мир, в котором, может, уже и не было бы места ни социальному, ни экономике, ни политике.

И такой подвиг, и такой поворот — это лучшее, что может случиться в судьбе народа. Раз уж все народы смертны, то смерть со славой лучше, чем смерть от обжорства гамбургерами, тем более, что даже это нам не грозит — скорее уж издыхание от голода, холода, трудов, военных тягот, мягкого и жесткого геноцида, ассимиляции другими пассионариями.

А.Н. Над чем вы работаете сейчас? Что у вас планируется в будущем?

О.М. У меня лежит штук 10 книг в незаконченном варианте. То есть по 50—100 страниц текстов на определенную тему. Будь у меня месяц свободного времени на каждую книгу, я бы их привел в порядок и мог выпускать в свет. К сожалению, месяц времени — непозволительная роскошь. Вынужден зарабатывать на хлеб с маслом и кормить большую семью. Занимаюсь всякой ерундой, пишу пиар-концепции, бизнес-планы, делаю политические кампании, провожу обучающие семинары. Хотя любой олигарх, дав мне содержание, обессмертил бы свое имя. Это шутка, но в ней есть только доля шутки...

Ходишь по старым кладбищам и видишь огромные могилы «купцов первой гильдии» и «надворных советников». Их имена сейчас никому ничего не говорят, а ведь когда-то эти люди вершили судьбы России. Кто через

сотню лет вспомнит имена нынешних богатеев? А если и вспомнят, то словами проклятий...

Что касается существа вопроса, то есть несколько тем, которые меня волнуют. В области философии — это выявление черт того, что будет после постмодернизма. В области политологии — новый политический дискурс, то есть выработка, если это вообще возможно, абсолютно нового политического языка взамен устаревших «диктатур» и «демократий». В области политических технологий и пиара — рисковые стратегии, искусство провокаций и событий. В области психологии — развитие идей, которые я уже высказал в книге «Антипсихология». В области экономики и менеджмента меня интересует проблема режиссируемых кризисов. У меня есть даже название для книги: «Бизнес в стиле панк». Я выделил более 20 сил и субъектов, которым в мире выгоды кризисы и нестабильность по экономическим, как правило, мотивам. И я анализирую их стратегию и тактику. Оказывается, очень многие заинтересованы в нестабильности, и всякие кризисы отнюдь не случайны.

Кроме того, я всю жизнь очень интересовался историей. И на довольно серьезном уровне могу написать новаторские исследования по некоторым периодам в жизни России. Заделы и материал есть. Но когда я до этого доберусь? Или вот проект: я побывал в 20 странах мира и практически во всех регионах России, в 60 минимум. Дневники и путевые заметки у меня сохранились. Я издал «Китайский дневник», и он пользовался популярностью. Но таких дневников я могу издать много. Это не просто путеводители и субъективные впечатления. Это и философские эссе одновременно. Лежат тома черновиков, заделов, кусков, а жизнь уходит на всякую ерунду! Я уж не говорю, сколько у меня всяких комментариев к текстам великих философов! Но кому все это нужно?

Помню, когда был студентом, часто ездил в поезде из Екатеринбурга в родной Новокузнецк, и в плацкартном вагоне попутчики спрашивали, на кого я учусь. Пару раз сказал, что на философа... Один раз пришлось подроб-

но объяснять, что это такое и оправдываться насчет того, какая от этого «польза». А другой раз меня натурально чуть не убил шахтер, который ехал к сыну на свиданку в «зону». Он даже ничего не говорил. Просто как услышал про философа, хряпнул пару стаканов и сказал, что я до дома не доеду.. Потом уж я предпочитал называть себя историком, журналистом, археологом, кем угодно...

И вот, несмотря на все это, я категорически не отношу себя к «интеллигенции», той самой, что ненавидела народ, хоть в царские времена, хоть в советские, хоть в антисоветские. Пусть это пафосно прозвучит, но я люблю наш народ, лучший народ в мире. Все о чем я думаю, — ради него, ради выявления того, что именно заставляет его любить. Ради того, чтобы он сам себя любил и чтобы другие народы его любили.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Прощай, немытая... Европа.....	7
Проект и урок Петра Великого.....	23
Страна господ.....	51
Гуманитарное лидерство Запада в истории.....	95
Кто виноват?.....	115
Суверенитет духа.....	139
Причины русофобии.....	149
Гуманитарный «манхэттенский проект».....	170
Насилие и идеология.....	184
Что делать? «Зеленая революция» как выход из кризиса.....	195
За перевоспитание олигархов!.....	219
Ре-акция и историческое творчество.....	230
Государство и коррупция.....	253
Что нам делать с Дальним Востоком?.....	262
К новой внешнеполитической доктрине!.....	279
Электронные полемике.....	293
Смерть политологии. Прологомены к новой науке о власти и обществе.....	389
«Новое мышление» позднего Хайдеггера.....	409
Миром правят философы! Вместо послесловия.....	434

Публицистическое издание

Матвейчев Олег Анатольевич

СУВЕРЕНИТЕТ ДУХА

Подписано в печать 00.00.09.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. п. л. 23,52. Тираж 4000 экз. Заказ